

ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ

(1819 – 1858)

ВОСПОМИНАНИЯ

ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ
под общей редакцией *И. Смилги*
Перевод с итальянского *Д. П. Кончаловского*
Комментарии и статья

«Покушение 14 января и смерть Орсини»

Г. Б. Сандомирского

с приложением впервые публикуемых архивных документов

Москва–Ленинград: ACADEMIA 1934

От издательства

Феличе Орсини. Воспоминания. Главы I–XVI

Г. Сандомирский. Покушение 14 января и смерть Орсини

Личность Орсини

«Патриот и кондотьер»

«Карбонарий» в золоченой карете

14 января

Третья встреча

Большая игра маленького наполеонида

Комедия суда

Карьера Фавра

Смерть Орсини и ее отголоски

Приложения:

1. ДОКУМЕНТЫ, ПРИЛОЖЕННЫЕ ОРСИНИ К ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯМ», в том числе:

Кардинал Ламбрускини папскому легату в Болонье
Монсеньор Каппачини, заместитель государственного секретаря, римскому губернатору
Переписка между кардиналом-легатом Болоньи и кардиналом Ламбрускини по делу о надзоре за неким уроженцем Рима, Пьетро Галли. Интересна как проявление хитрости и сыскного духа кардиналов.

Кардинал Ламбрускини легату Болоньи с советом бдительного и точного надзора над либералами и с сообщением доклада консула в Марсели о направлении, взятом генералом Примом

Кардинал Ламбрускини легату Болоньи
Инструкции государственного секретаря, кардинала Бернетти (1831 г.) касательно ареста Аккурси, а также других лиц

Директор полиции кавалер Курци кардиналу Спинола, легату Болоньи, с сообщением результатов надзора за неким Лукарелли, прибывшим из Болоньи

Кардинал Ваничелли, легат Болоньи, монсеньору Сиккони, во Флоренции, и губернатору Кастильоне

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи.

Кавалер Пизони, папский консул в Генуе, кардиналу-легату Болоньи

Система шпионажа

Государственный секретарь кардиналу-легату Болоньи по поводу шпиона Лукарелли

Тайный агент Лукарелли губернатору Рима

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Кардинал Г. М. Сомалуг монсеньору губернатору Рима

Государственный секретарь кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Кардинал Уголини, легат Феррары, кардиналу-легату Болоньи

Документ рисует нынешнее положение еврейской национальности, живущей в городе Ферраре

Несколько заметок, составленных болонской полицией
Каноник Бернардо Тирибасси, поверенный в делах римского двора, имеющий пребывание во Флоренции, конфиденциальным письмом за № 89, от 12 октября 1843 г., запрашивает сведений о графине Брольо, вдове Грабинской
Кардинал-легат Болоньи кардиналу Ламбрускини
Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи
Кардинал-легат Болоньи губернатору Будрио
Шпионаж в университетах

Письмо римского губернатора государственному секретарю кардиналу Джицци
Цензура. Перечень иностранных газет, допущенных к чтению в кофейнях, гостиницах и других общественных местах

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи
Циркуляр кавалера Ф. Курци, директора полиции провинции Болоньи, обещающий награду в триста римских крон тому, кто задержит одного из восьми лиц, имена которых прилагаются и которые считались главарями революционного движения на болонской территории в августе 1843 года.

Кардинал Ламбрускини, государственный секретарь, кардиналу Ваничелли, легату Болоньи

Апостолический нунций в Вене кардиналу-легату Болоньи
Кардинал-легат Болоньи кардиналу Ламбрускини и ответ последнего

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Кардинал-легат Болоньи папскому нунцию в Вене

Кардинал-легат Болоньи маркизу Док. Риччини, министру в Модене

Министр Благого Правительства Модемы, маркиз Риччини, кардиналу-легату Болоньи

Апостолический нунций в Вене кардиналу-легату Болоньи

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Кардинал Ламбрускини папскому легату в Болонье

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Адвокат Монти доктору Лудовико Арце, управителю при легатстве Болоньи

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Римская республика–Триумвират, Рим, 19 апреля 1849 г.

Римская республика–Триумвират, Рим, 23 апреля 1849 г.

2. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕЛУ О ПОКУШЕНИИ ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ НА НАПОЛЕОНА III в 1858 г., в том числе:

Доклад прокурора Шэ д'Эстанжа министру юстиции о ходе следствия по делу Орсини и других

Попытка приписать дело Орсини «Центральному европейскому комитету»

Второе донесение имперского прокурора о ходе следствия

Англо-французский полицейский альянс в деле Орсини

Французская юстиция продолжает искать связей между Орсини и «Комитетом»

Письмо Жюля Фавра Наполеону III. Ходатайство жены Орсини

Вокруг участи Феличе Орсини

Ответ прокурора Шэ д'Эстанжа министру юстиции

Ответ префекта Пьетри министру юстиции на его запрос об Орсини

ИМПЕРСКИЙ СУД В ПАРИЖЕ 11 марта 1858 г.

Как покушение Орсини было встречено трудящимися Франции

Два письма Феличе Орсини Наполеону III

После казни Орсини

(Свидетельство современницы - из переписки известной писательницы, современницы покушения 1858 г., Даниель Стерн, к Эмме Герверг)

Документы о брате Феличе Орсини—Чезаре Орсини

Второй рапорт (1867 г.)

Комментарии

Библиография

Указатель имен

Перечень иллюстраций

Феличе Орсини. Портрет, написанный заключенным Амброджио Корретти во время совместного пребывания с Орсини в Мантуйской крепости
 Орсини за изготовлением бомб. С народной литографии
 Побег Орсини из Мантуйской крепости.
 С народной литографии
 Факсимиле письма Орсини из Лондона от 17 июля 1857 г. (начало)
 Факсимиле письма Орсини из Лондона от 17 мая 1857 г. (окончание)
 Орсини незадолго до покушения. С дагерротипа, изготовленного в Лондоне
 Покушение 14 января 1858 г. Воспроизведено в журнале (Illustration) 18 января того же года
 Золоченая карета Наполеона III со следами повреждений. Воспроизведено в журнале «Illustration» 18 января 1858 г.
 Симон Бернар, французский эмигрант, считавшийся одним из главных вдохновителей покушения (Портрет хранится в Британском музее.)
 Соучастник покушения Джузеппе Пьери
 Соучастник покушения Карло Рудио
 Орсини, Пьери, Рудио и Гомец на суде. В глубине зала защитник Орсини—Жюль Фавр. С народной литографии
 Казнь Орсини и Пьери. С народной литографии
 Одна из многочисленных народных литографий, выпущенных в память Орсини в Италии

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Дореформенная орфография сохранена, исправлены только явные опечатки. Тематические ссылки даны нами.

Ссылки для скачивания приложений (документов) и иллюстрации: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm>

М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.
 текст: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/carbonari.pdf>
 иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p73551112.htm>

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.
 текст: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/risorgimento_kovalskaya.pdf
 иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто
 текст: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lit_risorgimento.pdf
 иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/berti1.pdf>

Подборки материалов о 1830-1849 гг. (от Июльской революции во Франции до европейских революций 1848-49 гг.)
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p119138462.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

См. также записи с темой «Италия» в нашем сообществе:
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=8099>

Ссылки на материалы

о Джузеппе Мадзини: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>
 о Джузеппе Гарибальди: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>

Феличе Орсини, погибший на эшафоте 13 марта 1858 г.,—один из крупнейших деятелей национально-освободительного движения Италии середины XIX века. Объективным содержанием этого движения было создание национально-объединенного буржуазного итальянского государства. Но движение это дало незабываемые образцы революционного героизма и беззаветной преданности революционеров своему делу. Одним из самых ярких представителей этого типа итальянских революционеров был Феличе Орсини. Маркс назвал его «бессмертным мучеником», а Энгельс ярко очертил могучее впечатление, произведенное на парижский пролетариат его попыткой казнить душеителя Франции и Италии, Наполеона III.

Орсини был, прежде всего, «практиком» революционного дела. Идеология и теория интересовали его мало, настолько мало, что он никогда до конца не мог разобраться даже в разногласиях между Гарибальди и Маццини. А те смутные общие идеи, которыми освещал Орсини свою революционную практику, проникнуты сплошь и рядом реакционными, религиозными и ограниченно-буржуазными элементами. Они, конечно, сейчас ни для кого не опасны и никого не могут соблазнить. Ценность записок Орсини в другом,—в его безыскусном, а иногда даже и литературно плохо отделанном рассказе о бурной жизни пламенного революционера середине XIX столетия, поставившего себе задачей освободить свою страну от тройного ига: иностранных насильников—австрийцев и французов—и деспотизма местных тиранов, возглавлявшихся римским папой. Заговоры, тюрьмы, побеги, эмигрантская конспирация наполняют страницы его записок и воссоздают интереснейшую страницу истории XIX века—такую страницу, которую буржуазная историография охотно и неизменно оставляет в тени.

Впервые Записки Орсини, под заглавием «Политические мемуары», появились на итальянском языке в нелегальном, подпольном издании 1857 года. Почти одновременно, в несколько переработанном виде, они были изданы и в английском переводе, который положен в основу нашего издания. Эти записки обрываются за год-полтора до смерти автора на эшафоте. Поэтому, помимо Записок Орсини и приложенных к ним документов, мы сочли необходимым дать рассказ о его последнем революционном акте—покушении 14 января 1858 г. на жизнь французского императора.

Это послесловие к запискам Орсини написано редактором нашего издания Г.Б.Сандомирским на основании новейшей литературы и архивных данных из парижского и венского архивов. Материалы, найденные в этих архивах, представляют новинку не только в русской исторической литературе, но и в литературе европейской.

Academia

ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ

ВОСПОМИНАНИЯ

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
моему другу N.N. в Италии,
2-же ЭММЕ ГЕРВЕГ в Берлине
и ПИТЕРУ СТЮАРТУ в Ливерпуле*

ГЛАВА I

Мое детство в Имоле.—В двенадцать лет во мне проявляется сильное чувство независимости.—Мой дядя Орсо Орсини.—Моя тетка.—Революция 1831 г.—Я покидаю дом; меня возвращают обратно в Имолу.—Живость моих умственных способностей.—Папская реакция.—Австрийцы.—«Чентуриони».—Моя ненависть к ним.—Пятнадцати лет я уже скомпрометирован в глазах властей.—Мое воспитание у дяди.—Несчастный случай.— Архиепископ Мастаи Ферретти, ныне папа Пий IX.—Его характер.—В шестнадцать лет я эмигрант.

Я родился в Мельдоле, небольшом городке Папской области в расстоянии около девяти миль от Форли [примеч. к стр.15] в конце декабря 1819 года. Мой отец, Андрео Орсини, уроженец Луго, в свое время служил офицером в армии великого Наполеона; он был взят в плен в походе в Россию, откуда затем прибыл в Мельдолу. Моя мать, Франческа Риччи Орсини, была родом из древней флорентийской семьи.

Двухлетним ребенком я вместе с моими родителями приехал во Флоренцию. Когда мне было восемь лет, я упал с балкона третьего этажа во двор и едва не скончался от ушибов. Этот случай оставил глубокий след в моей психике. Когда я очнулся от 48-часового обморока, я не мог понять, почему моя мать плакала надо мной, почему мои руки в лубках, а ноги обернуты горчичными пластырями. Мне рассказали о моем падении, но я не помнил ничего—все было, как во сне. Спустя шесть недель я выздоровел. Год спустя, когда я с матерью и сестрой был в театре, у меня на глазах арестовали моего отца и некоего Бизи из Модены; обоих заключили в оковы и через несколько дней выслали из Тосканы. Я стал спрашивать мать о причине ареста и в ответ узнал, что причины были политические. Чувство, испытанное мною при виде отца в кандалах, не изгладилось во мне никогда, ибо такие впечатления, как и вообще получаемые нами в ранней юности, остаются затем на всю жизнь. Вскоре мне сказали, что мне предстоит отправиться в Болонью, и эта мысль наполнила меня радостью; однако расставание с горячо любимой матерью было очень горестно, и одинаковое чувство, хотя не столь сильно, я испытывал, прощаясь с моей старшей сестрой, Розой, и младшим братом, Леонидом. Моими спутниками в Болонью были несколько друзей нашего дома. В этом городе я пробыл 15 дней с отцом, а затем отправился на постоянное жительство к дяде Орсо Орсини в Имоле. Первый месяц жить у него было тягостно, вокруг себя я видел новые лица, а климат был иной, нежели во Флоренции.

Эта эпитафия, написанная карандашом, была обнаружена на одном из надгробных камней кладбища г.Павии, о чем почтительно доносил австрийский жандармский полковник Даубер в своем рапорте генеральному инспектору австрийской жандармерии барону Кемпену фон-Фихтенштамму (см. Архив высшего полицейского управления в Вене за 1858 г.). В эпитафии обращает на себя внимание последняя строка. Автор не случайно написал: «палача французов», а не «французского палача», ибо он имеет здесь в виду не того случайного палача, который отрубил голову Орсини, а Наполеона III, палача не только итальянцев, но и французов.

Г. С.

ИТАЛЬЯНЦЫ!

Если вы еще чувствуете, как страдает
ваша родина под гнетом,
пролейте слезу симпатии и благодарности
над останками
ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ,
который, будучи стойким, сильным,
великодушным и неутомимым,
несмотря на неудачу своих предприятий,
погиб
от руки французского палача,
благословляя родину.
Да пребудет нетленной слава
ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ,
который,
чтобы освободить родину,
пал
в марте 1858 года
под топором
ПАЛАЧА ФРАНЦУЗОВ.

Это было зимою 1829 года, и случившаяся тогда большая снежная буря в Имоле долго останется в памяти.

При крещении мне дали имя Теобальдо, но меня называли Феличе, в память носившего это имя покойного дяди; однако я не любил его.

Семья моего дяди Орсо Орсини состояла, кроме него, из моей тетки, двух слуг и двух служанок. Немедленно ко мне приставили учителя чистописания; патер учил меня латыни, другой патер водил гулять. Латынь была мне совсем не по-нутру. Мне приходилось вставать в пять часов утра, как было в обычае у дяди, и он с теткой принимался учить меня множеству молитв; затем следовали занятия, обедня и моцион. Не считая времени на еду, у меня было только два свободных часа для гулянья. Каждую субботу мы отправлялись в подгородное имение и оставались там до утра понедельника. Я бывал счастлив, когда наступало это блаженное время; тогда я чувствовал себя на свободе, как дикий жеребенок, и мог бродить по окрестностям без сопровождения патера. Молитвам дома и в церкви посвящалось, по крайней мере, три часа в день. Я старался, по возможности, не попадаться на глаза, чтобы избежать их; я шел к патеру, который сопровождал меня на прогулках, и таким образом мне иногда удавалось избавиться от присутствия на этих обрядах. Однако это было дело нешуточное. Один вид строгого выражения лица моего дяди бросал меня в дрожь.

Дяде было около 45 лет; он был высокого роста, красив, даровит, образован, очень деятелен, честен и пользовался большим уважением своих сограждан. В исполнении обрядов он был чрезвычайно добросовестен, предан папскому правительству, усердно занимался делами благотворительности и отличался большой строгостью. Его любимыми поговорками были «De Deo parum—De Principe nihil», «я не потерплю дураков у себя за столом» и т.д. и т.д. Личность моей тетки производила странное впечатление; она была невежественна и набожна, происходила из самой богатой семьи города. Почти каждый день за обедом бывали гости. Они постоянно говорили о моей прекрасной памяти и уже видели во мне задатки, достаточные, чтобы сделаться хорошим проповедником или адвокатом. Чтобы возбудить во мне чувство соревнования, меня отдали в казенную школу. Скоро я приобрел репутацию прилежного и способного мальчика; меня очень хвалили; однако, правду сказать, я боюсь, не было ли причиной этому выдающееся социальное положение дяди.

Около этого времени (в феврале 1831 года) в Модене и Болонье вспыхнула революция. Когда весть о ней дошла до нашей школы, ученики классов философии и реторики подняли над школой национальный флаг. Имола тоже и у себя хотела устроить революцию, и по всему городу появились национальные кокарды и юные солдаты с ружьями, а улицы оглашались патриотическими песнями, между тем как отовсюду из окрестностей доносился бодрый гул восстания. На моей шляпе красовалась кокарда, которую дядя без всяких церемоний снял. Однако,

глядя на происшедшую перемену, он почел благоразумным позабыть свою обычную поговорку «De Deo parum» и т.д. Школы были закрыты. Начали прибывать австрийские солдаты, и все церкви, площади и портики были переполнены ими.

Я ушел из дома и отправился смотреть на них. С наслаждением заслушивался я игрой их великолепных военных оркестров; мое стремление ко всему военному было таково, что как-то раз я забыл про обед и остался на улице с утра до самой ночи. Я вернулся домой, чтобы рассказать о виденных мною чудесах, но внезапно получил несколько здоровенных затрещин от дяди; говоря о солдатах, он прибавил несколько неслетных эпитетов, среди которых я слышал «бродяги», «негодяи» и т.п.

В конце концов пришло известие, что либералы [примеч. к стр.19] разбиты; но и австрийцы в нескольких схватках понесли сильный урон. На носилках пронесли тяжело раненного австрийского князя Лихтенштейна. Когда пришло известие о поражении либералов, реакционная партия стала громко изъявлять свою радость; несколько патеров явились обедать к дяде; они благословляли самое имя австрийцев. Это возмутило меня, я хотел вмешаться в разговор, но дядя заставил меня замолчать. После недолгой оккупации Романы австрийцы очистили ее; тогда население снова вооружилось, была организована национальная гвардия и опять выставлено требование конституции. Однако папа остался глух к увещаниям, и обе стороны начали готовиться к новой войне.

Около этого времени произошел один случай, сильно опечаливший меня. Мой брат, бывший на три года моложе меня, прибыл в дом дяди, оставив мать и сестру с отцом в Болонье. Мать и сестра приехали в Имолу, чтобы повидать нас, с намерением посетить затем одну тетку в Мельдоле. Мне было так весело жить вместе с ними! Но вот, наконец, они уехали в карете дяди в сопровождении его слуги. На обратном пути они попали в Фаенцу, где в то время либералы сражались с приверженцами папы. Сестра была перепугана и вернулась к нам в Имолу, где пробыла несколько дней, а затем отправилась обратно домой. Отъезд сестры и матери так подействовал на меня, что несколько дней я находился в полной растерянности; я плакал и постоянно приходил в комнату, где они обычно жили. У меня было предчувствие, что я больше никогда их не увижу. Едва они, прибыли в Болонью, как моя сестра серьезно заболела. Мать, любившая ее страстно, не хотела оставлять ее ни днем, ни ночью, но сама она была слабого здоровья и в конце концов не выдержала и тоже расхворалась. На девятнадцатый день болезни сестра умерла, и во время ее похорон мою мать стали соборовать. Впрочем, ей стало лучше, ибо от нее всячески скрывали смерть сестры. Однако наступил момент, когда скрывать дольше стало уже невозможно, и в конце концов тайна была открыта. Тогда ей сделалось значительно хуже. Врачи посоветовали послать за ее братом, чтобы утешить ее. Так и сделали, ибо мать сильно любила его. Когда брат явился, она встретила его вся в слезах, с глубоким вздохом она сказала: «Увы, ты не Розина».

* «О боге (говорить) достойное, о государе—ничего».

Через месяц она скончалась. Весть о ее смерти повергла меня в отчаяние, несколько дней я плакал, ничто не могло меня утешить. Ей было только 32 года. Хрупкого телосложения, с пленительной внешностью и манерами, она была полна благородного патриотизма и любви к свободе; ей было чуждо всякое ханжество, хотя она и соблюдала обряды католической церкви, в которых была воспитана. Смерть матери оставила пустоту в моей душе, я думал, что ничто меня не утешит. Никакая любовь не может сравниться с материнской. Многих бед, постигших меня впоследствии и поразивших меня в самое сердце, быть может, не случилось бы, если бы моя мать осталась в живых и помогала мне своими советами. Через год после ее смерти мой отец женился вторично. Я и брат остались с ним, так что образовались две особых семьи с различными интересами.

Снова возвращаюсь к революции. В то время национальная милиция сражалась против папских войск. Бой произошел близ Чезены, где либералы были наголову разбиты. Они проявили свою обычную беспорядочную отвагу, но характерная для них слепая вера заставила их дорого поплатиться: несколько переодетых неприятельских офицеров проникли в их лагерь и одобрительно отозвались о выбранной ими великолепной позиции. После своей победы папские войска совершили акты неслыханной жестокости в Форли и соседних городах. Оставшиеся в живых либералы разошлись по домам. Папским областям снова пришлось лицезреть белые мундиры австрийских солдат, а затем начались поповская реакция и преследования. В герцогствах Парме и Модене движение тоже потерпело неудачу, и мечты о всеобщем голосовании, конституции и независимости погибли. Революция была вызвана обещаниями французских либералов и самого Луи Филиппа [примеч. к стр.22], для которого было желательно сохранение австрийского могущества на полуострове. В революции был замешан также герцог Модены, который мечтал о том, чтобы сделаться королем Италии. Однако повсюду была измена, и все кончилось. Хотя Франция объявила себя сторонницей принципа невмешательства, она отправила в папские области свои войска, которые сделались подлинными солдатами папы. Герцог Модены начал казни и отправил на виселицу несколько знатнейших граждан, прославившихся своим патриотизмом, талантами и всеобщим уважением. Их приверженность к свободе и вера в герцога явились причиной их гибели. Невозможно сосчитать количество патриотов, заключенных в тюрьму в трех государствах, столь недавно примкнувших к революции. Папское правительство, которому было мало произвольных мер, применяемых австрийцами и французами, произвело набор иррегулярной милиции под названием «чентуриони». Их брали из подонков общества, и их распушенность и жестокость вошли в пословицу. Их число возросло приблизительно до 50000 человек. Они жили не в казармах, а у себя по домам, и редко появлялись в форменной одежде, за исключением праздничных дней, когда они ночью часто ходили патрулями по улицам и беспощадно расправлялись со всеми заподозренными в либерализме.

Если какой-либо гражданин на свое несчастье отпускал бороду или не слишком усердно посещал обедню, его немедленно причисляли к либералам и отдавали в жертву чентуриони. Не проходило дня, чтобы эти «иррегулярные» не убивали или не избивали кого-нибудь. Однако доведенные до отчаяния либералы иногда мстили за себя, что еще более усиливало наглость и варварское поведение чентуриони. Но этого казалось еще мало: были вытребованы новые швейцарские солдаты, так что в это время папа угнетал свой народ с помощью регулярной армии и иррегулярной милиции в соединении с французскими, австрийскими и швейцарскими войсками. Как ни был я еще молод, я до последней степени негодовал на виновников этих варварских насилий, в особенности на чентуриони и швейцарцев.

В то время Романья страдала от борьбы двух партий, носивших названия «бандитов» и «либералов». Первые, сторонники правительства и австрийцев, были известны под именем партии «двух», ибо папская кокарда состоит из двух цветов: белого и желтого, между тем как кокарда либералов имеет три цвета—белый, красный и зеленый; и было весьма в обычае, что при встрече двух молодых людей на улице один обращался к другому с вопросом: «К кому принадлежишь ты: к двум или трем? Если ответ был удовлетворителен, каждый мирно шел своей дорогой; в противном случае происходила драка на ножах, пока один из них не бывал убит.

И до того было сильно в то время возбуждение партийного духа, что отдельные группы отчаянно дрались за свое дело на улицах городов Романьи. Партийное возбуждение было одинаково во всех. Его можно было наблюдать даже в школе. Мне приходилось быть свидетелем таких столкновений, и мои симпатии были на стороне либералов, ибо разве они не являлись побежденной партией? Разве они не были слабейшими? Это сочувствие к либералам значительно усиливалось еще ненавистью, которую проявляли к ним священники, посещавшие дом дяди, речи которых я слушал неохотно. Они хотели сделать из меня духовное лицо, но, видя, что ни их обещания, ни угрозы не производят действия, они обвинили меня как явного либерала. Мои товарищи любили меня за это и хвалились тем, что я нахожусь в их рядах. Часто до прихода в класс учителя мальчики вели беседы о принципах свободы, восхваляли людей, показавших себя храбрецами в борьбе, и в конце концов от аргументов нередко переходили к драке с теми, кто восхвалял бандитов. Из всех иностранцев на одних французов не распространялась общая ненависть против угнетателей. Многие из жителей Романьи сражались в армии Наполеона, память которого они боготворили. Они часто рассказывали о Французской революции, так что молодежь проникалась ее политическими идеями; и хотя французы в Анконе поступали так же, как австрийцы в папских областях, на них смотрели так, словно они были освободителями. Под влиянием этой идеи некоторые из моих товарищей энтузиастов и я сам решили бежать из дому и отправиться в Анкону, чтобы поступить во французскую армию. Мы воображали, что как мальчиков нас возьмут в барабанщики. Мы полагали также, что денег от

продажи наших часов нам хватит, чтобы добраться до Анконы, а не то мы могли бы идти и пешком.

Наконец назначенный для путешествия день наступил. На рассвете я ушел из дому и направился к Болонскому замку. Никто из моих товарищей не явился, и я оказался в некотором затруднении. Тем временем дядя послал навстречу звать меня на молитву. Узнав, что в комнате меня не нашли, он велел искать меня по всему городу. Однако обо мне ничего не удалось узнать. Он явился в школу и от моих товарищей, которые должны были уйти вместе со мною, узнал, куда я направился. Он разослал в различных направлениях верховых, один из которых прибыл к Болонскому замку с приказанием уговорить меня вернуться, а в случае сопротивления с моей стороны употребить силу. Я вернулся с ним, раздосадованный и опечаленный мыслью, что мои товарищи не сдержали данного мне слова. Дядя сделал мне выговор с своей обычной строгостью и надавал затрещин. Это сильно раздражило меня, и я никогда не мог забыть этого случая. Если бы так поступил со мною кто-либо другой, боюсь, я не удержался бы от резкой выходки.

С этого момента я ощутил в себе весь свой природный дух независимости и решил, что впредь никому не позволю себя ударить,—и с этих пор я ни разу не изменил своему решению.

После этого происшествия дядя взял меня из казенной школы и отдал в частную, где система воспитания была гораздо мягче и где директор был в такой же мере другом учеников, как и наставником. Он скоро заметил мою природную живость и независимый характер. Учителя воздавали должное моим способностям. Я учился прилежнее, чем когда-либо, получал карманные деньги и тратил их на книги по собственному вкусу вместо книг, полных ханжества и суеверия, которые до тех пор меня заставляли читать. Все мое время было занято изучением французского и латинского языков, арифметики, географии и рисованием. Так как система моего воспитания изменилась к лучшему и мне больше не внушали фанатической набожности, я в общем был доволен. Мой дядя толковал о древней славе Рима и Греции, о латинских авторах, о нашем великом поэте Данте, но он утверждал, что те славные времена минули навсегда и что наше время было эпохой изнеженности, обмана, малодушия и лжи. Всем этим мой добрый дядя раздувал в моей груди страсть к свободе, к той независимости, за которую мои соотечественники-либералы совсем недавно обрекали себя на смерть. Эта часть его воспитания послужила мне на пользу. В то же время дядя ненавидел все, что походило на изнеженность, и был очень низкого мнения о женщинах.

В этом он был решительно неправ, ибо какое могущественное влияние оказывает женщина в обществе! Какие благородные и великодушные чувства внушает она! Какое самоотвержение проявляет она в бесчисленных случаях, и как ее улыбка обезоруживает сильного человека! А когда ее мысли направлены к добродетели, к благим и святым целям, к великим и благородным жертвам во имя свободы, сколь многим бываем мы ей обязаны!

После смерти матери я не знал согревающей атмосферы женского общества, и мое воспитание было не только мужское, но и несколько суровое.

Впрочем, оно имело то преимущество, что дядя питал крайнее презрение к игре, употреблению вина, курению и прочим излишествам, и в этом отношении я испытываю к нему чувство живейшей благодарности за данный им мне прекрасный пример.

Как я уже заметил, новая система воспитания мне очень нравилась. С еще большим усердием я продолжал мои занятия, и мне льстило, когда кто-либо из гостей дяди высказывал мне свое одобрение. Я начал вступать в беседы не только с патерами, но и с другими гостями, а так как дядя был доволен моим прилежанием, я получил разрешение кататься верхом, и тут-то я начал вкушать прелесть независимости. Я катался при всяком удобном случае и начал вести компанию с некоторыми из юных либералов нашего города, причем беседы с ними усиливали мою страсть к свободе и независимости. Иногда мы ездили верхом в окрестности и там занимались всякого рода гимнастическими упражнениями; запрещено было только одно стрельба из ружей. Тем не менее у меня был пистолет, из которого я упражнялся в стрельбе в цель и сделался метким стрелком. Таков был мой образ жизни приблизительно до пятнадцатилетнего возраста; за это время я два раза едва не убится при падениях.

К 1835 году иезуиты вернулись в Романью по приглашению Мастаи Ферретти, в то время епископа Имола, а ныне папы Пия IX [примеч. к стр.28]. Партийные страсти разгорались с каждым днем, и в системе моего дяди произошла перемена. Австрийцы и чентуриони действовали по своему произволу. За моими политическими взглядами следили, и я слыл приверженцем либералов. Так называемые «бандиты» ревниво наблюдали за мною, и единственной причиной, почему они меня не трогали, была всем известная приверженность дяди к папскому режиму, а его широкая благотворительность и дружба с Мастаи Ферретти защищали его от угроз чентуриони.

Из римской истории я узнал о величии и доблести моей родины в древности и целиком проникся принципами этой древней республиканской доблести. Героизм античного Рима будил отклик в моем сердце, древняя слава моих предков заставляла трепетать восторгом все фибры моей души; но когда моя мысль возвращалась к нынешнему положению вещей, наступала реакция отрезвления и грусти. Воображение возвеличивало предметы, которые так захватывают юные сердца, и Италию я видел в ее действительном печальном положении. В моих глазах зверства гвельфов и гибеллинов [примеч. к стр.28] снова оживали в схватках между партиями «двух» и «трех», я видел ежедневно совершаемые чентуриони несправедливости, я видел, что отвратительная система порабощения царит в каждом углу Италии, и, в довершение всего, когда я смотрел на белые мундиры австрийской армии, я ощущал невыразимое чувство ненависти к угнетателям моей страны.

Однажды у меня произошло столкновение с некоторыми из этих самых чентуриони из-за ношения при себе пистолета, о чем я уже говорил. При этом я сохранил хладнокровие, и поле битвы осталось за мной. Я порядочно возомнил о себе, получив поздравление моих товарищей либералов, и со всем безрассудством юности не удержался от похвальбы. В то время дядя находился в деревне, а я узнал, что был издан приказ о моем аресте. По своем возвращении дядя услышал об этом и повел меня с собой к властям. Против меня были выставлены упомянутые мною чентуриони. и из внимания к авторитету дяди было решено, что в знак примирения я должен поцеловать их. Я отказался согласиться на это. Мне пригрозили немедленным заключением в тюрьму, но я ответил, что это для меня довольно безразлично. Тогда раздался торжественный голос дяди, который произнес слова: «я этого требую»,— слова, которые я часто слышал в том же торжественном тоне его голоса и которые всегда производили на меня действие. Однако я чувствовал в себе дух независимости, призывавший меня к сопротивлению, хотя дядя много раз доказывал мне свою любовь. Я был отпущен на свободу, чем и окончился этот случай. Однако наедине дядя сделал мне выговор. Он сказал, что мне уже пора стать мужчиной, сдерживать свои страсти и, наконец, скрывать эту ненависть, которая вскоре после этого проявилась по отношению к папским властям. Около этого времени иезуиты начали свою пропаганду. Они раздавали полное отпущение грехов, водружали кресты на площадях, возбуждали невежественных людей против либералов и говорили, что всех защитников папы ожидает рай. Естественным следствием этого было то, что либералов стали преследовать еще больше прежнего; жестокости усилились, и более чем когда-либо земля Романьи пропиталась кровью. Все это делалось под маской святости и братской любви, а между тем никогда еще бедняки и несчастные не подвергались таким преследованиям со стороны бандитов и последователей Лойолы. Все спешили на исповедь—некоторые добровольно, большинство лишь потому, что шпионы доносили на тех, кто этого не делал. Это было время обвинений, произвольных процессов и всеобщего террора. Разумеется, мой дядя пошел на общую исповедь; пошел и я вместе с моим братом, и иезуиты стали нащупывать почву, не удастся ли им склонить меня к вступлению в их орден, как они делали это и с другими. Разумеется, я отказался, причем не скрыл моего отвращения к такой возможности. Тогда дядя выказал большую строгость; его религиозный пыл привел его к самому крайнему фанатизму.

Здесь я должен рассказать об одном печальном происшествии, которое случилось со мной около этого времени и, положив конец моим занятиям, едва не заставило меня избрать духовную карьеру. В июне 1835 года дяде пришлось отправиться в деревню, чтобы осмотреть поместье, о покупке которого он подумывал. Он приказал закладывать карету. Узнав, что он уезжает за несколько миль от города, я поспешил в его кабинет и начал заряжать мои пистолеты. Пока я был занят этим делом, в комнату вошел повар дяди. Его имя было Доменико Спада, ему

было около 45 лет, и он был очень привязан к дяде. Сначала мне показалось, что дверь открыл сам дядя; я еще не очень умел обращаться с оружием—один из пистолетов выстрелил, и несчастный повар упал, смертельно раненный. Я бросился вниз по лестнице. Соседи сбежались к нашим дверям, но, охваченный ужасом, я сбивал с ног всех, кто попадался мне на пути. В этот момент появился дядя с одним из своих друзей. Я уже не в силах был сопротивляться долее; меня втащили в дом, где я увидел раненого, истекающего кровью, и уже поручавшего свою душу богу. Рыдая, я обнял его; у него еще хватило сил сделать то же самое и поцеловать меня. Брат, дядя и слуги стояли тут же, горько плача и стона. Я не был в состоянии говорить. Невозможно описать эту потрясающую сцену. Вдруг дядя сказал: «Мы должны предупредить чентуриони». Тогда мы спустились во двор, и с помощью лестницы я влез на крышу. Несчастный Спада имел брата и родственника, принадлежавших к самым яростным чентуриони; оба были раздражены до крайности. Они обыскали дом сверху донизу, все переворачивая вверх дном, в надежде найти меня, но напрасно. Я взобрался на смежное здание и через окно проник в дом друзей дяди, графов Фаелла. Я никогда не забуду, с какой добротой они отнеслись ко мне в этих столь печальных обстоятельствах.

После этого дядя с семьей уехал в деревню, оставив все на попечение кого-то из своих друзей. Архиепископ Мастаи Ферретти принял близко к сердцу несчастье дяди, и так как он очень уважал его, то приказал губернатору города в случае моего ареста под стражей отправить меня в архиепископский дворец, а не в тюрьму, ибо он хотел взять меня на поруки. Так как случай заставил меня заговорить о человеке, занявшем впоследствии столь высокое положение, я скажу несколько слов о его характере. Мастаи Ферретти был человек в высшей степени милосердный, его поведение было безукоризненно, никто не мог бы сказать ни слова, порочащего его нравственность. Но взглянем также на обратную сторону портрета. Он был фанатик, с ограниченным умом, весьма расположенный к чентуриони, находился под влиянием иезуитов и, хотя был очень опытен в церковных делах, ровно ничего не понимал в политике. По природе упрямый, когда мысль его попадала на ложный путь, он, однако, легко поддавался увещаниям окружающих в минуты спокойного настроения. При красивой наружности, с характером, склонным к умственным занятиям и уединению, он был глубоко пропитан всеми предрассудками своего класса. Таков был Мастаи Ферретти, которому было суждено несколько лет спустя возбудить надежды итальянцев, а затем обмануть их и навлечь на их головы все божеские и человеческие проклятия.

Когда власти были уведомлены о происшедшем, они немедленно допросили раненого, который показал, что все было делом только несчастного случая и что пистолет разрядился в момент, когда он входил в комнату. Спустя четыре часа он скончался. Через 48 часов меня в носилках, при дневном свете, внесли во дворец графа Эрколе Фаелла, родственника семьи, где я нашел первое убежище. Здесь меня ожидали

карета и слуги; я вошел в карету, лег вниз и покрылся ковром, после чего в нее сели маркизы Алессандретти, которые сумели спрятать меня совершенно. Одна из этих маркиз была жена графа Эрколе Фаелла, другая—жена его брата.

Таким образом мы покинули город, а в расстоянии около десяти миль мы нашли двух приготовленных заранее мулов. Тут я вышел из кареты и распростился с моими добрыми благодетельницами, которые смотрели на меня из окна, пока карета не скрылась из виду. Я сел на одного из мулов и по самым глухим дорогам, в сопровождении одного горца, перевалил через Апеннины и прибыл в Борго Сан-Лоренцо, где остановился в доме г.Алая, друга моего дяди. Он ничего не знал о происшествии, и я объяснил ему, что намерен несколько дней провести у него в деревне,

ГЛАВА II

Шесть месяцев в Борго Сан-Лоренцо.—Я не могу оставаться спокойным.—Возвращение в Папскую область.—Десять месяцев в Равенне.—Каноник Джаннотти.—Архиепископ Фальконьери.—Иезуиты и их система.—Мои занятия.—Данте и его могила.—Сосновый лес.—Равеннские древности.—Короткое путешествие в Пьемонт.—Возвращение в Имолу.

Семья моего хозяина в Борго Сан-Лоренцо была достойна всяческого уважения, однако была склонна к религиозному фанатизму. Ее посещали только священники и монахи; они любили покой, терпеть не могли каких бы то ни было волнений, так что совсем не походили на массу итальянцев Романьи, у которых храбрость соединяется иногда с некоторой грубостью в манерах, но которые всегда полны готовности оказать самый предупредительный прием и настоящее гостеприимство.

В течение первых месяцев моего пребывания здесь мне не сиделось на месте, я не боялся ничего. Мои занятия прекратились, и я чувствовал, что мне словно отпустили поводья. Все время я занимался стрельбой и верховой ездой. Однажды я решил поехать верхом на коне, на которого никто не отваживался сесть. Я не справился с конем, он понес и в конце концов упал вместе со мной на мосту. При этом он сшиб старого калеку, который сидел около двух женщин, занимавшихся прядением примитивным способом, на манер древних римлянок. При этом падении я едва не убился насмерть, чем чрезвычайно встревожил моих хозяев, которые переносили мои выходки только из дружбы к моему дяде. Целый месяц я пролежал в постели, а затем ходил хромым и опираясь на палку.

Когда я выздоровел, мне запретили ездить верхом и стрелять. Охота к учению у меня пропала, и так как мне все время приходилось быть среди монахов и священников, я снова стал наблюдать католические обычаи.

Помнится, в это время мне нравилась молодая девушка из семьи моих хозяев, но я всячески старался подавить это чувство, помня слова дяди, который всегда говорил мне, что быть влюбленным недостойно

мужчины и является признаком слабости. Однако мне было приятно находиться вблизи этой девушки, потому что она была настроена религиозно и давала мне добрые советы. Когда в угоду ей я ходил в церковь молиться или к исповеди, мне порой что-то шептало на ухо, что я должен стать священником или иезуитом. Хотя я не поддавался искушению, должен сознаться, что я начал становиться религиозным. Если бы я остался в семье год или два, я очень боюсь, что молодая девушка покорила бы меня, и что случилось бы тогда со мной? Кто однажды привык к жизни в лени, тому очень трудно перейти к деятельной жизни, и это еще труднее, когда лень вошла в привычку в ранней молодости. Привычка формирует человека, и на этом построили свою систему иезуиты, так хорошо изучившие человеческую природу.

Когда я говорю о старших, я хочу быть снисходительным, ибо их время и способ их воспитания были совершенно отличны от наших. Они сохраняют предрассудки, которыми прониклись в молодости, и неудивительно, что они все еще верят в них. Будем справедливы. Каковы были бы теперь наши идеи, если бы мы получили такое же воспитание?

Пока я продолжал вести такое пустое, бездеятельное существование, мой дядя не дремал и строил планы для моего блага. Он написал письмо в Рим государственному секретарю, кардиналу Гамберина, своему близкому другу, и рассказал ему о всем случившемся; кардинал ответил ему в таком смысле: «С большим сожалением узнал я о несчастии, приключившемся с вашей семьей; однако бодритесь. Его святейшество готов дать прощение вашему племяннику, и через несколько месяцев он спокойно может вернуться домой». Этот результат не вполне удовлетворил дядю, и он ответил, что желает, чтобы было произведено настоящее судебное расследование и чтобы таким образом могла быть вполне доказана моя невиновность. На это было дано согласие, и через шесть месяцев я снова очутился на свободе в Папской области. Я немедленно отправился в Равенну, главный город провинции, в Августинский монастырь, и тогда начался судебный процесс. Моя невиновность была вполне доказана, но я был признан виновным в некоторой неосторожности, ибо я недостаточно позаботился о том, чтобы, заряжая пистолет, направить его в другую сторону, к стене.

Августинские монахи, у которых я жил, были невежественны, завистливы друг к другу, ленивы, подобно всем монахам, и в большинстве безнравственны. Я часто ходил гулять с кем-либо из них, обычно же с каноником Джаннотти, директором коллегии классов (в которых воспитывались обычно сыновья дворян), а иногда с архиепископом Фальконьери. Каноник, бывший иезуит, представлял собой человека в высшей степени тонкого ума и находился в большой дружбе с архиепископом; все считали его советником последнего. Архиепископ был человек глубоко нравственный, но его ум был довольно невысокого порядка; он всецело находился под влиянием более высоких умственных способностей иезуитов.

Обществу Иисуса принадлежали «каза» (дом) и коллегия в Форли, так что некоторые из иезуитов каждую неделю бывали в Равенне.

Поэтому понятно, что их можно было заставить у архиепископа, и мне часто случалось видеть их и беседовать с ними. Джаннотти, думая задеть главную струну моей души, использовав мою любовь к приключениям, начал беседу хитрым указанием, что мне следовало бы вступить в Общество иезуитов, ибо тогда меня послали бы миссионером в Индию и таким образом я сделался бы воином католической веры и т.д. При этом он показал мне письма, присланные из Месопотамии. Он расхваливал добродетели древних отцов церкви, восхищался их подвигами мученичества и т.д. и кончил такими словами: «Когда человек вступает в Общество Иисуса, он становится солдатом, подобно основателю этого общества; он не должен думать ни о чем другом; у него нет более ни родителей, ни родственников; единственной его мыслью должны быть католическая вера, папа и всемогущий бог. Наш орден,—продолжал он,— непохож на другие ордена, ибо мы не являемся ни священниками, ни монахами; у нас нет монастырей, но есть дома и коллегии; мы представляем республику равноправных, живущих в общем братстве. Поэтому нам неизвестен деспотизм и мы не стремимся к власти. Но, когда мы хотим ее, мы становимся могущественнее самого папы; мы являемся его владыками, и он находится в зависимости от нас. В наше Общество мы принимаем всех, кроме невежд; самоотречение, добродетель и мужество—вот дары нашего братства». Можно себе представить, что такие вкрадчивые речи начали оказывать на меня известное действие; мой ум был возбужден, и я почувствовал в душе колебание. Тем временем из Рима пришло отпущение моего невольного греха, совершенного пролитием человеческой крови, причем было сказано, что мне необходимо вступить в какой-нибудь религиозный орден. Сеть была расставлена искусно. Дядя писал мне самые лестные письма о том призвании, которое я избрал, становясь иезуитом,—хотя я никогда не заявлял формально о таком решении. Архиепископ относился ко мне чрезвычайно милостиво. Каноник Джаннотти представил меня многим испанским и польским иезуитам.

По своем прибытии эти лица поместились во дворце очень богатой вдовы, графини Екатерины Распони. Она была очень добра ко мне и часто шептала мне на ухо ласковые, лестные слова: «Поди сюда, мой милый маленький иезуит». Графиня задавала великолепные обеды. У нее была капелла, посвященная, если не ошибаюсь, св.Ксаверию. Она выполняла все предписания, содержащиеся в книге, называемой «*Secreta Monita Societatis Jesu*»^{**}. Эта дама была маленького роста, с некрасивым лицом, грубым и неприятным голосом. Но все эти качества не внушали отвращения иезуитам, у которых на уме было только милосердие, человеческое и божественное. Их взоры были направлены на ее деньги, на которые можно было бы основать какое-либо богоугодное заведение их ордена; а пока что эти святые мужи, угощаясь ее тонкими винами и роскошными обедами, неустанно расхваливали ее благочестивую жизнь.

^{**} Секретный устав Общества иезуитов.

Чтобы получить полное отпущение невольного греха, совершенного мною, я должен был на неделю отправиться в Форли для выполнения религиозных обрядов. Я отправился, и иезуиты пустили в ход все свое искусство и все уловки, чтобы очаровать меня своей жизнью. И—надо сказать правду—я убедился в том, что они прекрасно образованы и, повидимому, обладают хорошими нравственными качествами. Все это производит впечатление на юные умы и во многих домах делает последователей Лойолы желанными гостями. Но под этой лживой внешностью скрывается яд, и горе тому, кто поддается ее очарованию! Однажды попав в их сеть, вырваться из нее уже трудно.

Все замыслы этих людей были направлены к тому, чтобы сделать из меня иезуита. Впоследствии мое настроение совершенно изменилось. Много раз в уединении моей комнаты я серьезно думал о всех опасностях, окружавших меня. Я вспоминал мою прежнюю живость и не мог понять, почему я до такой степени изменился. Я чувствовал себя связанным и видел, что я Должен следовать советам дяди и каноника Джаннотти. Я часто возвращался мысленно к несчастному случаю со Спадой и был уже близок к желанию избрать созерцательную жизнь в удалении от мира с его скорбями, ибо мое юное воображение рисовало мне такую жизнь достойной моих стремлений. В течение всего времени, пока я оставался там, я неослабно предавался учению, Ученый патер продолжал мое воспитание, и Данте, наряду с древними авторами, был главным источником моего наслаждения. Чтение спасало меня от духовного ослепления и являлось спасительным средством против яда, так искусно вливаемого иезуитами. Эти авторы учили меня любить мою родину, а зрелище австрийских и швейцарских солдат заставляло мою кровь закипать против угнетателей.

Меня часто находили в грустном раздумьи перед могилой Данте, на углу палаццо Поленты. Я снова и снова перечитывал простую и трогательную надпись: «*Dantis poetae sepulchrum*»^{***}. Часто также в глубоком раздумьи глядел я сквозь железную решетку маленькой капеллы. Иногда мне позволяли выходить из дому одному, и тогда я направлял свои шаги к знаменитой сосновой роще и в уединении этого классического леса, слушая ропот морских волн и шум могучих сосен над головой, далеко уносился мыслями к минувшей славе моей родины. Передо мной вставал образ древней, ныне занесенной песком гавани, с римскими галерами эпохи Цезаря и Помпея; я думал о величии Равенны времен экзархата [примеч. к стр.41] и о великой битве в ее окрестностях, в которой погиб юный герой, Гастон де Фуа [примеч. к стр.41]. Я сравнивал нынешнее состояние Италии с ее прежним блеском. Ныне Равенна,—да и вся Италия,—походит на обширное кладбище, в котором от древней славы не осталось почти ничего, кроме памятников, говорящих нам, что некогда эта страна была подлинной страной героев, высокий дух и доблесть которых заложили основы ее былому величию, ныне поблекшему. А вместо них пустили корни порок, раздор, малодушие и честолюбие.

^{***} Гробница поэта Данте.

Выродившееся племя итальянцев оскверняет почву, в которой покоятся священные кости наших отцов.

Велик был контраст между мыслями, возникавшими в моей душе при созерцании этой прекрасной природы и памятников славного, далекого времени, и теми мыслями, которые старались внушить мне иезуиты. Чувство, испытываемое мною к одной молодой даме, жившей по соседству, возбуждало во мне грусть, и я был недоволен всем миром и самим собой.

Однажды утром я получил письмо от дяди, в котором он уведомлял меня, что все уже улажено и что теперь я могу вступить в Общество Иисуса, что, как писал ему каноник Джаннотти, я рожден для этого призвания и что он сам, а также моя тетка горды таким счастливым результатом. Я заплакал от бешенства и отправился в Форли в сопровождении одного французского иезуита. Я проехал через Имолу, где задержался, чтобы обнять тетку и брата, и затем выехал в Турин. Я остановился в Модене, где у меня был знакомый, отец Брешиани, весьма образованный человек, который как раз в это время оправлялся от серьезной болезни. Я увидел Реджио и Пьяченцу и по прибытии в Парму был представлен одному из князей этого герцогства. Во время этого путешествия я познакомился с несколькими молодыми князьями, раньше принадлежавшими к ордену иезуитов. Все они выказывали мне особые знаки расположения.

Наконец я прибыл в Турин и повидал здесь отца Лолли, который перевез меня в Къери, где я пробыл около месяца. Мне принесли книгу, в которую каждый новообращенный должен вписать сведения о происхождении своей семьи, о принципах своих родителей, о мотивах своего желания сделаться иезуитом и о том, к чему он чувствует всего больше склонности.

Если я не ошибаюсь, я написал по-латыни, что моим призванием было обращать в католицизм неверных и ехать для этого в Индию, причем мой план заключался в том, чтобы выйти из этого Общества, как только мне удастся выбраться из Европы. Однако для меня было невыносимо в течение шести месяцев жить в бездействии. Я сказал, что я болен,—как это и было на самом деле,—что страдаю от болей в пояснице, вызванных падением, и что у меня нет сил переносить эти боли. Тогда мне было приказано ехать в Турин, где мне посоветовали возвратиться в Романью и принимать холодные ванны в Порретте.

Перед тем как покинуть Турин, я посетил все общественные, равно как и военные учреждения. Мне сказали, что отец Лолли был духовником короля, но,—правда это или нет,—я должен сказать, что никогда не видел города, до такой степени населенного монахами. Меня уверяли, что двор всецело находился под влиянием иезуитов. Наконец я уехал и прибыл в Имолу, где дядя осыпал меня упреками за то, что я не облекся в одежду иезуитов. Архиепископ Мастаи Ферретти не постеснялся выразить свое неудовольствие по поводу моего возвращения. Они говорили о потере двух лет для учения, что было лейтмотивом их песен. Я часто думал о том, что провидение помогло мне ускользнуть от искусно расставленной

мне ловушки и его я должен был благодарить за чудесное сохранение моей жизни при многих случаях. Как бы то ни было, я не облекся в одежду иезуитов: я понял их хитрости и избегнул их.

ГЛАВА III

Болонья.—Дом отца.—Год бездеятельности.—Общение с серьезными молодыми людьми.—Я изучаю историю.—Гвиччардини, Макиавелли.—Ботта.—Тьер.—Чтение военных книг и военные упражнения.—Любовь к родине.—Моя врожденная душевная бодрость сменяется меланхолией.—Самоубийство моего двоюродного брата Цезаря Сальвиньи.—Тайные общества.— Я делаюсь членом одного из них.— Планы.—Революция 1842 г. в Барселоне.—Я намереваюсь отправиться туда.—Депеша кардинала-легата тосканскому правительству с советом не допускать коего путешествия.—Мне отказано в визе.— Семья Фабрици в Модене.—Возвращение в Болонью.—Моя первая любовь.—Революционные попытки 1843 и 1844 годов.—Мой арест.

Несчастный случай, происшедший в Имоле, совершенно прервал мои занятия; в Равенне они только замедлились. Однако в связи с проектами иезуитов и тяжелыми внутренними переживаниями я сделал небольшие успехи, ибо чувствовал себя не в состоянии взяться за дело с настоящим прилежанием.

Мне было 18 лет, когда меня послали в Болонью, где я жил в доме отца, однако под непосредственной опекой дяди. Мой отец не выказывал особенной заботы обо мне; он был всецело поглощен своей второй семьей и соответственно этому не обращал на меня внимания. Поэтому я мог делать, что хотел. К счастью, я не злоупотреблял своей свободой, ибо правила нравственного поведения, внушенные мне в семье дяди, прочно укоренились в моей душе. Таким образом, наставления дяди оказали мне большую помощь, ибо Болонья, подобно всем большим городам, полна порочных и дурных людей, которые так часто ведут к гибели неопытную юность. В течение первого года моего пребывания там я выказывал известное легкомыслие и не заботился о своем будущем. Я не занимался ничем, кроме французского языка. Я учился также немного английскому, который быстро забыл, не имея случаев для практики. Мои занятия состояли в том, что я одевался по моде, приятно проводил время с моими знакомыми, посещал знаменитые места города, обладающего большой коллекцией картин прославленной школы, известной под именем болонской, предавался гимнастическим упражнениям и прежде всего фехтованию на саблях и стрельбе из пистолета. Когда же я принимался за книги, я испытывал непреодолимую сонливость. Как я уже сказал, отец не интересовался мною, а дядя, находившийся далеко, воображал, что я усердно занимаюсь. Но больше всего нравилось мне одно - изучение военных упражнений. Каждое утро я вставал на рассвете и являлся на плац-парад, чтобы смотреть на упражнения швейцарских военных частей. В сущности, это и было моим главным занятием. Однажды я познакомился с несколькими швейцарскими офицерами,

которые сказали мне, что в случае моего желания я, вероятно, мог бы быть принят в какую-либо швейцарскую школу. Я написал об этом дяде и получил от него негодующий ответ с такими заключительными словами: «Разум есть дар божий, но он принадлежит мне, пока господь не лишит меня его». Так мой проект окончился ничем.

При таком образе жизни я все же чувствовал отвращение ко всем видам порока. Иногда во мне пробуждалось желание работать. Однако кругом не было ничего, что побудило бы меня исполнить это желание. Наконец произошел поворот.

Однажды я находился в обществе нескольких друзей, среди которых был один молодой человек по имени Озимо. Речь зашла об истории и философии. Я внимательно слушал спор, но понимал, что не в состоянии принять в нем участие. У меня была своя доля самолюбия, и я чувствовал себя униженным. Я покинул моих товарищей и решил приняться за занятия. Во мне проснулось новое чувство—соревнование. Я начал с философии Галлуппи [примеч. к стр.41]. Я работал целый месяц и затем вернулся в Имолу, где частным образом целых три месяца занимался с синьором Брагальей, профессором философии. С его помощью я прошел начала алгебры, геометрии и философии и тогда снова вернулся в Болонью. В дальнейшем я хотел посвятить себя математике, но дядя высказал пожелание, чтобы я изучал право. Он хотел сделать меня адвокатом, видя, что нет надежды сделать из меня иезуита. Поэтому он написал начальнику провинции отцу Лолли, чтобы я изучал право, которое является весьма полезным для избирающих духовную карьеру. Когда моим близким стало вполне ясно, что я знать ничего не хочу об иезуитах, архиепископ Имола, Мастаи Ферретти, посоветовал дяде отдать меня в духовную академию в Риме. Студенты академии изучают законодательство и политику и оканчивают курс через три года с почетным титулом монсиньора. Этот путь позволяет достигнуть сана князя римской церкви, нунция и т.д. Но я и слышать не хотел об этом проекте. Я выдержал экзамен по философии и был принят в Болонский университет.

В первый год я занимался изучением гражданских, уголовных и канонических институций, но начал чтение по науке права лишь тогда, когда стало приближаться время экзаменов. Вместо этого я занимался историей, а также политикой и военными науками. Теперь я начал основательно изучать великих историков Италии—Тита Ливия и Тацита. Первый воспламенял меня своим красноречием, второй наводил меня на серьезные размышления. Первый внушал мне мысль напасть на папско-швейцарские порядки, второй—совершить убийство тирана. Затем я начал читать Гвиччардини и красноречивого Ботту, затем великого Макиавели [примеч. к стр.47]. Его «Рассуждения о Тите Ливии» наполняли меня восхищением. Я изумлялся его осмотрительности, дару провидения и глубокому знанию древней истории наряду с его великими идеями и тщательно обдуманной выводами. В то время, о котором я говорю, появилась «История Французской революции» Тьера [примеч. к стр.48]. Я много размышлял об этом произведении. Я рассматривал каждый портрет

и проливал слезы над некоторыми страницами. Сколько крови пролито за свободу! Сколько жертв! А в результате—рабство! Я читал записки Наполеона, затем речи Мирабо-Рикетти, затем «Эмиля» и «Новую Элоизу» Руссо наряду с Филанджиери, Пагано и Ломонако [примеч. к стр.48]. Предаваясь этим ежедневным занятиям, я иногда встречал моего молодого, друга Озимо. Я не мог сравниться с ним: он изучал французский и немецкий языки и имел кое-какие сведения в английском. Он основательно изучил всех древних и новых философов, итальянских и иностранных, а ведь он был приблизительно моего возраста. Много раз я хотел изучать их вместе с ним, однако не шел дальше руководства по философии Галлуппи, которое купил себе. Занятия этим предметом казались мне несколько сухими. Преобладающей чертой характера Озимо была меланхолия. Он часто говорил о нашей родине, и его спокойные советы неоднократно отклоняли меня от попытки привести в исполнение опрометчивые планы, которые я составлял для ее освобождения. В это время любовь к родине была преобладающей в моей душе. Она была не только прирожденным чувством, но также удивительно усиливалась древними авторами, которых я изучал за последнее время, и мне казалось, что я снова живу в древние славные дни римских орлов. Иногда я подумывал о том, чтобы уединиться с моими книгами и совсем покинуть общество. Я был неправ. В каждом юноше я видел заговорщика, в каждом человеке—героя. Со мной случилось то же, что бывает с людьми, которые, уйдя в свои книги, хотят по ним судить о внешнем мире, или с теми, кто отождествляет теорию с практикой и не видит разницы между отвлеченным и реальным. В таком расположении духа я впал в меланхолию; иногда я виделся с моим другом Озимо. Я чувствовал потребность любить кого-нибудь, но меня научили считать это слабостью.

Одно событие нарушило однообразие моей жизни. У меня был двоюродный брат, по имени Цезарь Сальвиньи. Ему было 30 лет. Хорошо воспитанный, вежливый, он был общим любимцем и к тому же очень богат. Неожиданно он застрелился, и причина его самоубийства навсегда осталась тайной. Я был чрезвычайно опечален, и меня брало сильное искушение последовать его примеру. Несколько ночей я читал и обдумывал письма Руссо о самоубийстве. К счастью, мысль о моем долге перед богом и родиной, а также то обстоятельство, что я сделался членом общества, называемого «Молодая Италия» [примеч. к стр.49], помогли мне устоять перед искушением.

Теперь я почувствовал облегчение. Я знал, что я вступил на путь, на котором могу послужить родине. Это было в 1843 году. Ходили слухи, что в Неаполе, готовится восстание, за которым последуют другие в Папской области; обсуждались планы, и я находился в общении со многими молодыми людьми, которые отличились в событиях, имевших место вскоре после этого. Я продолжал мои занятия военными науками, в надежде вскоре воспользоваться ими, и советовался с знакомыми швейцарскими офицерами о принципах военного дела.

В 1843 году поднялось движение в Барселоне. Я тайно раздобыл себе паспорт и тотчас же отправился во Флоренцию. Мой отец узнал о

моих намерениях, и так как он не хотел навлечь на себя гнев дяди, то уведомил кардинала-легата о предпринятом мною шаге. Последний отправил во Флоренцию депешу с целью предупредить «визирование» моего паспорта, без чего я не мог продолжать моего путешествия легально.

Так и было сделано. Эспартеро [примеч. к стр.50] подверг бомбардировке Барселону, и вскоре после этого движение кончилось. В это время я познакомился в Модене с семьей Фабрици, которая состояла тогда из четырех братьев. Теперь их осталось только трое. Они горячо любили Италию и принимали участие в революции 1831 года; в особенности Никколо отличался своим глубоким знанием людей.

По желанию дяди я вернулся в Имолу. После нескольких дней пребывания там я убедился, что дядя выписал меня, намереваясь узнать меня поближе. Хотя я чувствовал внутреннее волнение при мысли о восстании, которое, как я знал, должно было вскоре начаться, я оставался наружно спокоен. Дядя сказал мне, что я должен снова вернуться в Болонью, чтобы получить надлежащую ученую степень. На рассвете дня моего отъезда я пришел к постели дяди, который чувствовал себя несколько нездоровым, чтобы проститься с ним и поцеловать его руку,—обычай, который я неуклонно соблюдал с самого детства. Дядя был растроган и сказал, пристально глядя на меня: «Феличе, учись, но будь спокоен; мудрость есть первое качество после честности, которой должен обладать каждый хороший человек; люби родину, но проявляй эту любовь, как должно; люби ее так, чтобы приносить ей пользу и не причинять ей горя; где много шума, там мало толку. Мы живем в эпоху испорченности, материальных интересов и честолюбия; вожди либералов используют тебя для своих собственных целей; им достанется честь, тебе—удары. Всегда помни о страхе божием. До сих пор ты причинял мне много беспокойства. Старайся в будущем сделать мою жизнь более спокойной. Каждый твой шаг мне известен». Говоря таким образом, он держал мою руку. Я понял, что он не вполне уверен во мне, и ответил ему: «Не сомневайся во мне!» Повернув голову, он ответил: «Меня пугают твои глаза». Этим окончился наш разговор, и я отправился в Болонью.

В июне я получил ученую степень. Вскоре нам стало ясно, что римское правительство усилило свою старую систему принуждения и строгости. Перед дворцом губернатора были поставлены пушки, у ворот удвоены часовые, повсюду расхаживали патрули, населению было запрещено собираться группами и т.д.

Пришли известия о движениях в Неаполитанском королевстве, нам сообщали о группах вооруженных людей, собравшихся в соседних горах; там и сям происходили схватки, в которых либералы выступали против швейцарцев и жандармов. Возбуждение было сильное, ежедневно возникали новые планы, движения войск привлекали тревожное внимание, производились всякие приготовления для массового восстания населения. Полковник Риботти попытался захватить Имолу, однако его атака потерпела неудачу: горные банды были рассеяны, и вожди

движения искали спасения в бегстве. Ярость правительства не знала границ, и система репрессий продолжалась до зимы 1844 года. Тем временем либералы проявляли усиленную деятельность, и когда правительство арестовывало какое-либо известное лицо в их среде, на его место немедленно становилось другое, равное ему по энергии, самоотвержению и смелости. Каждый в это время являлся заговорщиком, каждый стремился к общей цели—свержению правительства. Для выполнения целей революционеров в деньгах недостатка не было; все землевладельцы, за исключением дворянства, охотно давали их по подписке.

Все это делалось без участия вождей, которые жили за границей. Бесспорно, они могут оказывать влияние на общественное мнение, своими произведениями и красноречием они могут ободрять патриотов и поддерживать энтузиазм, но мысль руководить внутренними делами страны, которую они покинули на долгие годы, является непростительным безрассудством; они могут составлять себе суждение только на основании неверных сведений; они не могут знать настоящее положение дел, они строят планы, которые при попытке привести их в исполнение по указанным выше причинам неизбежно должны потерпеть фиаско, и единственным результатом явятся новые напрасные жертвы.

Среди всех этих тревог я влюбился, причем намеревался вступить в брак с любимой мною девушкой. Но прежде всего я думал о родине, и хотя по временам я виделся с предметом моей любви, я всем сердцем отдался революционным планам. Я сообщал эти планы в Мальту, моему другу Никколо Фабрици и другим романьольским вождям. Эти планы были, быть может, чересчур неистовы, но они были вызваны юношеским пылом и господствовавшим в то время энтузиазмом.

Однажды вечером я отправился к моей возлюбленной. У меня было грустное предчувствие, ибо несколько моих писаний (без подписи) были захвачены на квартирах кое-кого из моих друзей при их аресте. Наше свидание было грустное. Ее родители просили меня объяснить, что со мною, но я отговорился нездоровьем и рано покинул их дом. В три часа утра, на следующий день, 1 мая 1844 г. меня разбудил стук в дверь. Это был полковник Фредди с пятнадцатью жандармами, которые явились арестовать меня. В течение восьми часов они производили обыск в моих бумагах и забрали моего отца, а потом и меня, заключив нас в оковы. Жена и дети отца горько рыдали и плакали. Теперь я видел и ощущал железную цепь деспотизма, однако сохранял твердость и спокойствие. Жандармы не нашли никаких бумаг, которые оправдывали бы наш арест, но в то время действовали лишь на основании закона о подозрительных, и этого было достаточно. Я был посажен в тюрьму св.Джованни, что в Горах.

ГЛАВА IV

Первые дни в тюрьме.—Аттилио Фонтана.—Допрос. Расстрел семи патриотов.—Меня в оковах перевозят в Пезаро.—Крепость Сан-Лео.—Мой протест.—Рим. Приговор к пожизненной каторге за заговор против итальянского правительства.—Отчаяние моей семьи.—Крепость Чивита Кастеллана.—Амнистия.—Эвсебио Барбетти.—Слухи о нем.—Письмо кардинала Ламбускини.

Несмотря на то, что жандармы подвергли меня тщательному обыску, Кампари, главный тюремщик, велел раздеть меня донага и снова обыскать. Я никогда еще не бывал в тюрьме, и помнится, входя в длинный коридор, я почувствовал этот непередаваемый специфический запах тюрьмы. В то время мне и в голову не пришло, что когда-нибудь я вполне свыкнусь с ним. Когда я очутился в моей камере, я нашел там еще трех заключенных, один из которых был приговорен к смерти за политическую деятельность в 1843 году. Едва я вошел, как они подали условный сигнал стуком в стену, а позже мне стало известно, что о моем появлении в тюрьме узнали все заключенные от одного ее конца до другого. Оки поздравили меня на свой манер, и я услышал слова: «Мужайся, мужайся, чур не робеть!»

В течение первого дня моего заключения я чувствовал себя очень несчастным. Камера была мала, запах—отвратителен. Для четырех человек места едва хватало; загороженное частой железной решеткой окно не давало дышать свободно, и мне казалось невозможным даже недолгое время просуществовать в таком месте. Днем и ночью через каждые два часа нас навещали. Мои товарищи сообщили мне все необходимое о допросах, о следователях и т.д. Ночью я спал и просыпался с мыслью, что я свободен. Какой печальный обман! Я был в тюрьме.

На другой день мы узнали, что мой друг Эвсебио Барботти, при котором была найдена одна из моих бумаг, находится в той же тюрьме, и мы вошли с ним в общение. В пятницу 3 мая, вечером, меня привели в комнату тюремщика где я застал двух неизвестных. Была ночь, и при свете единственной свечи с длинным фитилем комната казалась еще мрачнее. Один из присутствующих исполнял обязанности секретаря, другой, в котором я правильно угадал Аттилио Фонтана^{****}, как мне показалось, имел изможденное, бледное лицо, орлиный нос и черные глаза. Несколько мгновений он, не произнося ни слова, пристально смотрел на меня. Я почувствовал, как холодок пробежал по моим членам. Я молчал. Когда моя личность была установлена, начался допрос:

- Известна ли вам причина вашего ареста?
- Нет, синьор.
- Слышали ли вы разговоры о движении минувшим летом?
- Да, синьор.
- Принимали ли вы в нем какое-либо участие?

- Нет.
- Известны ли вам Мелара, Цамбеккари, Бьянколи, Муратори, Лователли?
- Нет, синьор.
- Знаете ли вы Эвсебио Барбетти?
- Да, синьор.
- Какого рода ваше знакомство с ним?
- Поверхностное.
- Итак, вы отрицаете все,—сказал он.—Вы хотите сами стать причиной собственной гибели. Несчастный молодой человек, мне вас жаль. Вы в цвете юности! Двадцать один из ваших товарищей приговорены к смерти; каждый день мы ждем исполнения их приговора. Вы будете двадцать вторым... Однако будем продолжать. Известно ли вам это произведение?

- Да, синьор, это мой почерк.
- Расскажите все, что вам известно об этой бумаге, да покороче.
- Однажды я нашел рукопись, лежавшую на улице; ее почти невозможно было разобрать. Мне она показалась интересной, и я списал ее, затем разорвал, положил в карман, а потом потерял.
- Все это ложь,—ответил он,—вы сами хотите себя погубить. Так окончился мой первый допрос.

Меня снова отвели в мою камеру, и я рассказал моим товарищам о том, что произошло. В эту ночь я спал мало и по временам не мог удержаться от вздохов, когда думал об ожидавшей меня судьбе.

Попавшая к ним в руки моя записка содержала часть революционного плана. Барбетти не успел ее сжечь. Надежды было мало. Я знал, что сказанное мне о приговоре к смерти 21 человека была правда. Я думал о прошлом, о дяде, брате, о девушке, которую я так любил, о свободе и о дорогой Италии. Тяжко было умирать в 24 года!

В следующее воскресенье, в 2 часа утра, меня разбудили два тюремщика. Я встал с коего соломенного ложа и при свете факелов последовал за ними вниз по каменной лестнице. «Куда вы ведете меня?» спросил я. «Мы ничего не знаем», ответил один из них. Наконец я очутился перед несколькими жандармами, которые приковали меня к неизвестному мне человеку. Нас посадили в карету с двумя жандармами, и мы отправились, причем я не имел понятия, куда мы едем. После того как дверца была закрыта, я увидел, что по обе стороны кареты ехало по одному конному жандарму; один был впереди, а сзади доносился топот коня еще одного.

Как только мы проехали Имольские ворота, лошадей переменили, и тогда я отлично понял, где мы находимся. Когда я совсем вблизи увидел частную школу, где провел мои ранние годы, тысяча мыслей возникла в моей голове. Вероятно, мой дядя, мой брат, мои старые товарищи оплакивали мою судьбу. Я был так близко от них, но не мог ни повидать их, ни обнять.

Мы продолжали путь и остановились подкрепиться у казарм, где я увидел жандармского капитана Фредди, сына известного полковника того

**** Аттилио Фонтана состоял обвинителем при военном суде. Прим. автора.

же имени. Так как мы были прочно закованы в цепи и нам было трудно есть, то нам позволили освободить одну руку. Читатель должен запомнить это обстоятельство. Затем мы снова отправились в путь. В понедельник на рассвете мы прибыли в Пезаро, так что в течение 26 часов мы проехали более 70 миль. Здесь меня разлучили с моим товарищем и поместили в секретную камеру в три ярда длины и четыре ширины. Я едва мог дышать. Однажды я стал биться головой о стену и сильно шуметь, так что в конце концов мои тюремщики позволили, чтобы ставни в моей камере были открыты—стекло же в окне не было. Окно находилось на значительной высоте от пола; камеру навешали каждые два часа. В ней помещалась постель из соломы, с одеялом, не отличавшимся чистотой и со всякого рода насекомыми, для которых такая юдоль скорби представляет настоящую отраду. В конце концов было разрешено посылать мне со стороны немного супа. На третий день моего пребывания в камере я услышал необычайный лязг цепей, крики и пение. По нескольким долетевшим до меня словам я догадался, что из числа 21 приговоренного к смерти (см. документ XXVIII) четырнадцать были отправлены на каторгу «a chiodo»^{*****} в Чивиттавеккии, а семеро были расстреляны в спину. Это были те несчастные люди, которые стучали в стену моей камеры в Болонье и с которыми я находился в сношениях. Это событие повергло меня в полное уныние. Начало моего заключения не предвещало ничего доброго. Я слышал слова, говорившие о расстреле в спину, о пожизненной каторге «a chiodo» и, не видя перед собой ничего утешительного, готовился к самому худшему.

Так шел день за днем; по утрам я немного пел, но потом весь день лежал и чувствовал ужасную слабость. Через 15 дней судья Пизелли подверг меня допросу. Допрос походил на первый, как и мои ответы, ибо всякий раз я подтверждал то, что сказал уже раньше.

Еще через 3 5 дней тюремщик Корвини вызвал меня из камеры и поместил в другую камеру вместе с Энрико Серпьеро из Римини. Затем к нам был посажен еще некто Бурцатта и, наконец, мой отец. Отец был очень бледен, ибо незадолго перед тем ему пустили кровь, и силы его еще не восстановились. Утром нас сковали общей цепью и отправили в Урбино. Через десять дней нас посадили на коней, надежно заковав в кандалы, и через два дня мы прибыли в крепость Сан-Лео. В Мачерате Фельтрие мы могли переговариваться из тюрьмы с Ренци, другом Серпьеро. Он и сорок его товарищей были готовы освободить нас из рук жандармов по дороге в Сан-Лео. Серпьеро, единственный, с кем он говорил, не хотел согласиться на это.

Наконец мы прибыли в Сан-Лео. Этот замок древних могущественных синьоров де Монтефельтро был построен ранее десятого века. Он стоит на самой вершине высокой скалистой горы Апеннин и господствует над всеми окрестными замками. Против него находится

холм, на котором расположен город и республика Сан-Марино. В ясную погоду отсюда можно разглядеть туманные очертания Цалинатских гор, а вид окрестностей со стен замка великолепен. В эпоху до изобретения пушек замок был неприступен, теперь же на его стенах стоит несколько старинных орудий и спингард, а самый замок служит тюрьмой для неисправимых политических преступников, а также для лиц, находящихся под следствием. Здесь в прошлом веке сидел в заключении знаменитый Калиостро.

Воздух здесь превосходный, но зимняя стужа ужасна, и я помню, как проводил я здесь зимние дни, завернувшись в старое одеяло, сидя в углу моей камеры и стуча зубами от холода. Губернатором или комендантом был некто Деллани, бывший офицер Наполеона, который обращался с нами, как с государственными преступниками. Он был человек образованный и проявлял к нам высшую степень мягкости, совместимую с его положением и служебным долгом. Однажды он посетил нас и сообщил нам печальную новость, что братья Бандьера с несколькими их товарищами расстреляны за попытку вызвать революцию в Калабрии. Мы окаменели от ужаса, и, когда комендант вышел, все мы одинаково были удручены. Мы испытывали чувство горести, общее всем истинным патриотам, когда они слышат об аресте или смерти своих недавних друзей, мучеников священного дела, за которое страдают сами.

Во время заключения в Сан-Лео была сделана попытка побега по уговору с некоторыми солдатами гарнизона. План был открыт; нас разделили. Некоторые солдаты были арестованы, преданы суду и приговорены к нескольким годам каторги. Однажды я потребовал к себе коменданта. Я попросил у него позволения послать письмо в заседавшую в Болонье военную комиссию, по приказанию которой я был арестован. Моя просьба была удовлетворена, и я написал приблизительно следующее: «Я хочу, чтобы мое дело было рассмотрено без дальнейшего отлагательства. Я ничего не сделал против правительства, как я уже заявлял об этом на допросах, но если бы даже я сделал что-либо, то этим я лишь выполнил бы мой долг перед родиной». Далее я говорил о том, что знаю ожидающую меня судьбу, но что смерть меня не страшит: кто невиновен, тому нечего дрожать; чистые умирают на эшафоте с тою же ясностью духа, как Пагано и Чирилло, и каждая капля невинной крови порождает тысячи последователей.

Что побудило меня к такому шагу?—Презрение, которое я чувствовал к людям, заключившим меня в оковы, любовь к родине и желание доказать нашим врагам перед лицом угрожавшей нам смерти, что мы не боимся их деспотизма и презираем их тиранию. Мои товарищи по несчастью заявили мне, что мой поступок безумен. Но когда, благодаря амнистии, я был освобожден, они поздравили меня, а в дни римской республики, когда дела оказались в наших руках, многие лица восхищались моим смелым заявлением и предложили мне свою дружбу. Я же выполнил только мой долг патриота и гражданина.

Спустя шесть или семь месяцев мы были вызваны в Рим, чтобы предстать перед судом Святой Консулты, т.е. чрезвычайного судилища

***** Это значит, что узника на всю жизнь приковывают к стене в его камере цепью длиной в один ярд. Постелью ему служит доска, а цепь не снимается с него до самой смерти. Прим. автора.

по политическим преступлениям. В Романье тоже существовали военные судебные комиссии, однако нашим родным удалось добиться того, чтобы нас судили в первом судилище, которое считалось менее кровавым. Оно целиком состоит из духовных лиц ранга монсиньоров; со стороны оно кажется самым милосердным, но в действительности оно более безжалостно, нежели военные комиссии. Я покинул Сан-Лео вместе с моим товарищем по заключению, Презепи из Римини.

Во время нашего путешествия мы прибыли в Синигалью, и нас на два дня посадили в крепость, где находилось несколько убийц; можно себе представить, какое отвращение возбудили они во мне. Убийцы были из крестьян. Однажды ночью они ворвались в дом крестьянина, где убили отца семейства и тут же рядом с его трупом изнасиловали его молодую дочь. Затем они убили и ее. О своих злодеяниях эти парни говорили с полным равнодушием. Всех убийц было семеро, но в одной камере со мной сидели только двое. У них были красные волосы, грубые, зверские лица, и, признаюсь, оставаясь с ними наедине, я не мог спать и в первый раз в жизни чувствовал нечто похожее на страх. Позже я узнал, что все они были обезглавлены. Я рассказываю об этом случае, чтобы показать, как обращаются с политическими заключенными и с какими бандитами сажают их в общую камеру.

В течение семнадцати дней подряд мы ехали в повозке, скованные одною цепью с ворами; в конце каждого дня нас сажали в тюрьму с самыми худшими субъектами, а на следующий день мы прежним порядком продолжали наше мрачное путешествие. Обращение с нами было возмутительное. Ежечасо карабинеры хватили конец цепи, связывавшей нас группами по шесть человек, и сильно дергали ее, чтобы каждого из нас заставить почувствовать ее. Это делалось для того, чтобы удостовериться, что мы скованы надежно. Невозможно описать боль, причиняемую этим постоянным дерганьем кисти рук (ибо на нас были ручные кандалы).

Действительно, обращение с нами было таково, что даже теперь воспоминание о нем вызывает во мне содрогание. Мы были скованы вместе с самыми ужасными преступниками, покрыты отвратительными паразитами; нам не позволяли очистить себя от грязи, покрывавшей нас в дороге, и не разрешали ехать на собственный счет.

Помнится мне одно происшествие. Когда нас взяли из тюрьмы в Пезаро и посадили в повозку, мы заметили несколько человек, собравшихся то ли из сочувствия к нам, то ли из любопытства. Мой товарищ Презепи поник головой. Тогда я крикнул ему: «Чего ты робеешь? Разве мы воры? Каждый должен отвечать за свои поступки!» Эти слова произвели свое действие, и Презепи более уже не краснел, но высоко держал свою голову, как невинный человек. Когда мы прибыли в Неби, нам разрешили ехать в коляске. Жандармы ехали верхом рядом и позволили нам сидеть лицом к лошадям, что до этого времени не разрешалось. Для меня это было своего рода удовольствие. Впереди я видел широкие пространства невозделанной земли, там и сям остатки гробниц, мостов и акведуков, и наконец нашим взорам представился

огромный город, расположенный на семи холмах, а над ним, венчая все, мощный купол св.Петра.

Рим! Вечный Рим! Я видел его в первый раз, и воспоминания о всей его древней славе теснились в моем воображении. Наконец-то я был на этой классической почве, близ этих священных холмов, откуда римляне двинулись на восток и на запад, чтобы явить своих орлов взорам всего мира и покорить его, понести свою цивилизацию в отдаленные страны и заставить все народы склониться перед мощным именем Рима!

Но что такое нынешний Рим?—Тень прежнего исполина! В его стенах гнездятся все пороки, и вечный город стал добычей орды попов и невежественных монахов.

Мы въехали в город через Порту Анджелика, ибо политическим преступникам было запрещено въезжать через Порту ди Пополо. Нас отвезли в новую тюрьму на улице Юлия, на берегу Тибра, а позже заключили в секретную башню св.Матфея. Там я нашел Серпьеры и моих товарищей, но как изменились, как бледны стали они! Некоторые были одеты в двухцветное форменное платье каторжников; камера была темная и сырая, ни один луч благодетельного солнца не проникал в нее. Пищей нам служили немного хлеба с теплой водой, рис, зеленые бобы и макароны, раз в сутки, что не могло насытить голодного. Вместо постели—мешок соломы с поношенным одеялом. В тюрьме св. Матфея, напротив, сидели десять римлян и среди них Монтеки. Несмотря на все строгости, мы ухитрялись сноситься друг с другом.

Через несколько дней по моем прибытии нам сообщили, что конгрегация Святого Сердца Иисуса в праздник Рождества посетит заключенных, и на следующее утро канцлер с несколькими патерами стоял в проходе, ведшем к секретным камерам. Нас вызывали поочередно. Так появлялись мы перед ними с шапкой в левой руке, протянув правую за получением «паоло» [примеч. к стр.66]. И мы благодарили их! Какое унижение! И все же его приходилось перенести. Во время моего заключения в Риме два смертных приговора были приведены в исполнение, впрочем не за политические преступления. Конфортерия, или комната, где осужденные получали последнее причащение перед казнью, находилась над моей камерой. Вечером я видел, как перед моим окном после совершения кровавого дела провезли гильотину. Пусть мои читатели сами представят себе, сколь зловеще было это зрелище для людей, ожидавших подобной же участи. Ночью, накануне казни, я слышал стенания осужденных. Один из них, самый младший, только ходил взад и вперед по камере твердыми и ровными шагами и наотрез отказался от духовника. Бедный юноша, ему было всего 19 лет; он был сначала приговорен к двум или трем годам тюрьмы за обыкновенное насилие, но уже в тюрьме, подвергнувшись грубому обращению со стороны тюремщика, он убил его, ударив по голове инструментом, за минуту перед тем служившим в его руках совсем для другой цели. За это он был обезглавлен!

Прошло несколько месяцев, и нам было сообщено, что процесс закончен и что адвокат для меня и моего отца был выбран дядей,

который уже выдал ему авансом сумму денег. Это был адвокат Дионизи. Меня привели к нему, и он тотчас же сказал мне: «Ваше дело очень, очень плохо; всего лучше, если вы сознаетесь во всем». Этот способ приступить к делу заставил меня содрогнуться, и я ответил, что я не совершил ничего и ничего за собою не знаю. Тогда он сказал: «Ладно, если вы хотите собственной гибели, идите своим путем». Я спросил его о моем отце, и он ответил, что отец не будет обвинен. Вскоре он снова пришел и стал говорить то же самое, но я попрежнему отрицал мою виновность и отказывался в чем-нибудь сознаться ему. Защитник (неправильно называемый так) был ничуть не лучше судьи, производившего следствие, а его защита—более чем бесполезна. Между тем путем секретных оповещений, которые нам от времени до времени доставляли, я узнал, что меня ожидает приговор к пожизненной каторге. Мои товарищи жалели меня. Эвсебио Барбетти, сидевший в заключении вместе с нами, пытался освободить меня, но об этом я скажу после.

Наконец день суда наступил, и нас, надежно закованных в кандалы, доставили в дом правительства, на пьядца Мадама. С меня сняли кандалы и втокнули в зал, где я очутился липом к лицу с шестью или семью судьями, облаченными в одеяния высших духовных лиц римской церкви. Председателем был монсиньор Маттеуччи. Тут же находились мой адвокат, Дионизи, и секретарь Эванджелисти, позже убитый либералами. Едва я произнес несколько слов в свою защиту, как мне было приказано молчать. Затем, когда прозвонил звонок председателя, на меня надели кандалы и отвели обратно в тюрьму. Через некоторое время вернулись мои товарищи. Со всеми были проделаны те же формальности. Говорить в свою защиту не разрешалось; все они, подобно мне, были приведены к молчанию звонком председателя. Через месяц, или около этого, нас без предупреждения повели в Канцеллерию, во дворец правительства, где против ворот я увидел роту солдат, выстроенных с ружьями на плечо. Нас поочередно вызывали к правительственному «курсор» (курьеру), который читал нам приговоры, осуждавшие нас всех, кроме одного, на пожизненную каторгу. Лишь Презепи был осужден на трехлетнюю каторгу, ибо он в некоторой степени был только свидетелем. Серпьеро находился в госпитале, и там же ему был сообщен приговор. Римляне получили приблизительно такой же приговор. Монтекки был осужден пожизненно.

Дело, по которому меня судили, значилось под названием «Устройство заговора против всех правительств Италии». Прежде чем продолжать свой рассказ, я обязан воздать должное одному великодушному другу. Я упомянул уже, что Эвсебио Барбетти пытался меня спасти. Он был уроженец Русси, близ Равенны, из хорошей семьи, и с успехом изучал математику. Он был приблизительно одних лет со мною, маленького роста; внешность его отнюдь не располагала в его пользу: с густыми темнокаштановыми волосами и черными пронзительными глазами. Это был человек исключительной храбрости, хитрости и настойчивости, способный пожертвовать собой за друга, за любимую женщину, за родину. С ранней юности он постоянно участвовал

в заговорах и тайных обществах. Я познакомился с ним в 1843 году и сговорился насчет выполнения революционного плана, о котором я упоминал на одной из предыдущих страниц. Он любил меня, как родного брата. Некто Чересте Бьянколи и другие расходились с ним во мнениях. Впоследствии это явилось причиной того, что Бьянколи, типичный интриган, стал дурно говорить о нем и распустил слух, будто он шпион. Эта попытка повредить ему удалась настолько, что незадолго до моего знакомства с Барбетти он едва не был убит. Покушение исходило от группы лиц, которая руководилась в своих действиях не истинной любовью к родине, но единственно честолюбием. Из-за частной ссоры были пущены клеветнические слухи. Правда или ложь этих слухов осталась непроверенной. Люди подхватывают их и начинают повторять враги используют их к собственной выгоде,—тень растет и становится чем-то осязательным. Трусливые друзья начинают избегать жертву клеветы, ибо, чтобы защитить ее, у них нет нравственного мужества. И, таким образом, мы часто видим, как теряет свое доброе имя прекрасный, почтенный человек, который мог бы быть полезен своей стране, если бы не низкая зависть подлецов и трусов. Такова была судьба Эвсебио Барбетти! Такова же была судьба многих других по вине тех людей, которые кичатся своей добродетелью и патриотизмом, тогда как на самом деле они низки, подлы и заслуживают только всеобщего презрения.

Избегнув кинжала, он попрежнему бесстрашно проявлял всю свою энергию на благо своей стране и повергал в трепет своих клеветников. Когда в 1843 году события, в которых он играл главную роль, заставили его бежать из Болоньи, махинации против него приняли другую форму. Но когда он был арестован и лишен возможности защищаться, его тайные враги смело выступили вперед и пустили слух, будто он нарочно дал арестовать себя. Мои попытки защищать его оказались недостаточны, равно как и тот факт, что он в окопах был брошен в одну из худших секретных камер; не считались и с тем обстоятельством, что, стоило ему пожелать, и я тоже был бы арестован. Все было напрасно! Через несколько месяцев меня арестовали, и Барбетти лишился своего защитника. Клевета превратилась тогда в положительный факт, и мой дядя, увидевшись однажды с братом Барбетти, выпроводил его вон из своего дома, как виновника постигшего меня несчастья. Тем не менее на суде он вел себя по отношению ко всем изумительно. Папское правительство было чрезвычайно раздражено им, и это является лучшим ответом тем, которые называли его шпионом. Приводимое ниже письмо кардинала Ламбускини (см. документ XXXIV) окончательно и навсегда решает этот вопрос.

Перед тем как предстать пред судьями, Барбетти сказал мне: «Из нас двоих один должен спастись. Так как ты моложе, и даровитее, ты можешь принести родине больше пользы, чем я. Ты должен спастись во что бы то ни стало. Сделанного нами обоими до сих пор достаточно, чтобы навлечь на нас обвинительный приговор». Поэтому он хотел принять всю вину на себя, если даже ему пришлось бы заплатить за это

жизнью. Я не хотел допустить этого. Однако на суде он произнес слова, которые должны были погубить его, но спасти меня. Это было бесполезно, ибо судьи, уверенные в нашем сообщничестве, приговорили нас обоих к пожизненной каторге. Я чувствую гордость, произнося самое имя Барбетти, ибо я всегда видел в нем друга и всегда считал его истинным итальянцем. Я бы не поверил, что в наше время можно было встретить столько величия духа, если бы сам не был свидетелем этого. Как трудно найти такие самоотречение и дружбу, каких мне довелось быть свидетелем, пережив столько бурь, судебных процессов, заключений и т.д.! Действительно, как редко среди людей величие духа! Эти слова могут принести нам мало утешения. Не будем же думать об этом! Не будем углубляться в испорченность общества. Мы все же можем утешиться сознанием, что доблесть существует, а потому будем, как можем, переносить тягости нашей жизни и выполнять свой долг перед людьми и всемогущим, сотворившим нас!^{*****}

Возвращаясь к моему рассказу. Когда приговор был нам объявлен, нам пришла в голову мысль о бегстве, ибо окно было невысоко от пола. Единственным препятствием была железная решетка и часовые, ходившие вокруг тюрьмы. Однако часовые были подкуплены нашими друзьями. Мы находились в сношениях с одним из наших комитетов в Риме. Нам доставили пилы, чтобы перепилить решетку. Судно отплыло из Ливорно и бросило якорь в водах Фьумичино, чтобы забрать нас с собою, но, к несчастью, мы не рассчитали время, потребное для распилики решетки, и потому не могли быть готовы к тому вечеру, который был условлен с часовыми. Их сменили другие, и все наши надежды рухнули. Через две недели был получен приказ о нашей отправке, но правительство сначала издало распоряжение, что мы должны участвовать в праздновании Пасхи, которая приходилась на это время. Иезуиты должны были наставить нас в выполнении подготовительных обрядов. В течение восьми дней нас принуждали присутствовать на скучнейших проповедях последователей Лойолы вместе со всякого рода преступниками. Затем к нам были присланы патеры для исповеди. Мы выбрали капуцинов. Прежде всего они объявили нам, что мы должны благодарить его святейшество, папу, за то что нас допустили к покаянию. Можно себе представить, как мы приняли эти слова, если вспомнить, что папа приговорил нас к пожизненной каторге, хотя все наше преступление заключалось в том, что мы любили родину. Но мы были принуждены склонить головы и смириться. Получив утешение путем этих благочестивых обрядов, мы были скованы попарно и отправлены предварительно в Чивита Кастеллану, ибо нашим окончательным местом назначения была каторга в Чивитавеккии.

Крепость Чивита Кастеллана находится близ города того же имени. Она была построена папой Александром VI, знаменитым Борджиа, и служила загородным местопребыванием [примеч. к стр.73]. Среди укреплений возвышалась большая башня, командующая над

окрестностью и отделенная от прочей крепости рвом с подъемными мостами. В ней находилась квартира коменданта. Бывшие апартаменты папы и его двора служат теперь помещением для политических преступников. Над нижнем этажом имеются еще два этажа с большим двором, окруженным колоннадой, сообщающейся с множеством маленьких келий. Первый этаж расположен таким же образом, с тем лишь отличием, что по обеим сторонам имеются входы, ведущие в две большие залы, где папы устраивали свои пиршества. Из этих зал вы попадаете в бывшую спальню папы, которая в то время, когда я увидел ее, служила лазаретом для заключенных. Она представляет небольшую комнату со сводчатым потолком и толстыми стенами; старинные обои исчезли, а вместе с ними также, вероятно, многое, напоминавшее о темных деяниях, приписываемых этой ужасной семье^{*****}. Потолок двух больших зал украшен великолепной деревянной резьбой с богатой позолотой; он находится в полной сохранности. На стенах «лоджии», выходящей во двор, сохранились остатки прекрасных фресок, большую часть изображающих непристойные сюжеты,—самое красноречивое доказательство вкусов этого папы и его двора, скандалы которого приводили в ужас Европу и обеславили его имя вплоть до наших дней.

Земли вокруг замка лежат без обработки, и стоячие воды зачумляют воздух; благодаря этому летом здесь свирепствуют периодические лихорадки, что вызывает значительную смертность среди заключенных, а также среди населения города и окрестной страны.

Число узников, заключенных в крепости, доходило до ста двадцати. Сорок из них были осуждены за участие в движении в Витербо [примеч. к стр.74] в 1837 году. Вынесенный им приговор, осуждающий их на каторгу, был смягчен и заменен заключением в крепости. Им было разрешено заниматься каждому своим ремеслом и иметь музыкальные инструменты. Другие были замешаны в движении в Романье и, подобно моим товарищам и мне, были приговорены к каторге. Хотя в Чивита Кастеллану мы были присланы лишь на время, мы избрали из своей среды комитет (переизбираемый каждые три месяца), задачей которого было поддерживать спокойствие и порядок в тюрьме, представлять нужды заключенных перед комендантом Латини, обследовать пищу и не принимать ее, если она была недоброкачественна,—наконец, обучать малограмотных заключенных. Днем велось преподавание чтения, письма, арифметики и географии. Таким образом, мы делали наилучшее употребление из нашего времени, которое благодаря этому проходило легче, ибо мы знали, что приносим некоторую пользу людям.

У нас было много оснований подозрительно относиться к нашим стражам и тюремщикам, настолько, что большинство заключенных наготовило себе оружие из различных инструментов, которыми они пользовались для своего ремесла. Комендант знал об этом; однако ему ни разу не удалось найти наше оружие. Мы представляли собою общество в миниатюре, лишь с тою разницей, что заключение и лишения многих из

***** Барбетти умер во Франции после амнистии. Прим. автора.

***** Борджиа.

нас делали раздражительными и печальными. Мы не знали высоких стремлений, энтузиазма, веселости; вместо всего этого мы постепенно чахли, нас мучили воспоминания о наших семьях и все бедствия, сопровождающие потерю свободы, этого величайшего благодеяния небес! В самом деле, во многих случаях я замечал, что тюремное заключение есть пробный камень, который выявляет хорошие или дурные качества человека, ибо тут-то человек и проявляет свою настоящую природу. Среди нас были самые разнородные элементы. Те, которые были осуждены только по подозрению в политической неблагонадежности, обычно были дурные люди, ибо на самом деле они были причастны к другим преступлениям, не связанным с политикой. Правительство посадило их в нашу среду, чтобы вызывать среди нас разобщение и смуту. Этим и объясняется создание нами комитета, который оказывал нечто вроде морального влияния. Иногда, несмотря на все наши предосторожности, возникали беспорядки. Однако комитет и наиболее уважаемые среди заключенных всегда вмешивались в дело, чтобы предупредить беду.

Один раз все наши усилия оказались тщетными. Между несколькими из худших заключенных произошла ссора. Я хотел уладить ее, и на момент мне это удалось. Я был в опасности, и Монтеки посоветовал мне не подвергать себя такому риску вторично, причем высказал афоризм, что там, где мы в силах предупредить несчастье, мы обязаны сделать это, но где этой возможности нет, лучше не вмешиваться. Пока он и другие говорили на эту тему, на меня вторично напали шесть человек, один из которых, Сципио Лунганези Вентури, уроженец Русси, нанес мне шесть ударов каким-то острым оружием. Один попал мне в поясницу и проник только на полдюйма, ибо меня защитил толстый кожаный пояс, который оказался разрезанным пополам; два удара я получил в плечо, глубиной приблизительно в два дюйма; один в голову и один в верхнюю часть плеча. Оба последние оказались незначительны. Все произошло в одно мгновение. Все нападавшие тотчас же убежали, за исключением одного, которого я схватил за горло, причем он уронил свое оружие. Наконец я бросил его почти задохнувшегося и ушел в свою камеру. Все заключенные пришли в возбуждение и хотели расправиться с убийцей судом Линча. Заслышав суматоху, явились тюремщики и заперли нас по камерам. Доктор Пальмери, из Вергато в окрестностях Болоньи, перевязал мне раны.

На следующее утро Эвсебио Барбетти позвал к себе человека, едва не ставшего моим убийцей. Между ними произошел крупный разговор, едва не кончившийся смертью одного из них. Барбетти был человек разумный, твердый и храбрый. Его собеседник был трус, способный только на вероломство. Он трусил перед моим другом. Пока все это происходило, среди заключенных поднялся громкий крик: «Вон Лунганези, вон смутьяна!» В конечном результате его и его товарищей заставили просить у коменданта, как милости, перевода в другую тюрьму внутри крепости. Просьба была удовлетворена. Я лежал в постели, и, перед тем как покинуть нас, они явились ко мне, прося прощения. Я

ответил, что прощаю им, но не могу понять, как могли они просить полного прощения и забвения у человека, которого едва не убили. Они удалились, сильно опечаленные, почти в слезах, когда я сказал, что не питаю к ним злобы. С этих пор я больше их не видел. Через несколько дней я встал с постели. Меня потребовали к коменданту. Он знал все, спросил меня о моих повреждениях, хотел устроить судебное разбирательство, но я ответил, что он, повидимому, знает о происшедшем больше, нежели я сам, что в постели я лежал по причине лихорадки, что сообщаемые им факты для меня новость и что я не понимаю, почему люди дают себе труд придумывать такие небылицы. Я считал для себя вопросом чести действовать таким образом, ибо уже простил моим насильникам. Спустя месяц или два после этого дела комендант получил приказание начать приготовления для нашего отъезда в Чивитавеккию, однако не решался сообщить нам об этом приказании, думая, что мы окажем сопротивление. Тогда он придумал такую военную хитрость. Летом по крайней мере сотня наших товарищей болела обычной в этих местах лихорадкой, и доктор посещал нас дважды в день. Об его приходе оповещали звоном колокола на дворе, и несколько человек больных получали приказание явиться к доктору в маленькую комнату вне тюрьмы. Однажды двое из наших товарищей подвергались осмотру доктора; за ними друг за другом последовали еще двое заключенных. Время шло, а они не возвращались. Позже мы услышали, что их в цепях отправили в Чивитавеккию. Этот обман раздражил нас всех, и комитет апеллировал к коменданту, который ответил, что он прибег к этой военной хитрости, чтобы исполнить полученное им из Рима приказание. Комитет выразил удивление и в то же время заявил, что если бы ему сказали, какие лица были выбраны для отправки, он не стал бы противиться. Комитет вернулся, сообщил о результатах своих переговоров и советовал всем оставаться спокойными и примириться с положением. Вечер прошел печально, не было слышно наших обычных песен. Но мы даже и не представляли себе всего, что нас ожидало. К вечеру главные тюремщики вошли во двор, чтобы запереть нас по нашим камерам. Внезапно несколько заключенных бросились на них с палками, и мы услышали крики, ружейные выстрелы и голоса, кричавшие: «Стреляйте из пушки!»

Это удивило нас. Затем мы увидели, что солдаты, услышав крики тюремщиков, вошли в ворота и стали стрелять в заключенных как попало, в то же время приказывая артиллеристам стрелять из пушки, дуло которой всегда было наведено на тюремный двор. Мы поспешно бросились в камеры, но один из наших товарищей был ранен. Всю ночь четыре часовых охраняли ворота. Башня, командовавшая над двором, была полна солдат и жандармов, и мы слышали, как комендант дал приказ стрелять при малейшей тревоге. Никто из нас не пошел спать. На следующее утро было уже 12 часов, а пищи нам не приносили. Тогда я и Серпьеро от лица заключенных вышли вперед к железным воротам. Часовые приказали нам остановиться, но я шел вперед с заявлением, прося передать его коменданту. Заявление было принято. Вскоре затем

комендант, окруженный солдатами и жандармами, появился у ворот и, произнеся угрожающую речь, в заключение ее сказал, что если мы не вышлем тех заключенных, которых он назовет, то он решил не давать нам больше пищи, а если тюремщики снова подвергнутся насилию, то он прикажет стрелять в заключенных без разбора. Ему было сказано, что никто не противодействует его приказаниям. Тогда около шестидесяти наших товарищей были вызваны и отправлены в Чивитавеккию на каторгу «a chiodo». Через двадцать дней мы осведомились о наших товарищах и узнали, что десять из них умерли от страданий, которым они подверглись там. Такова была уготованная нам судьба!

После рассказанных только что беспорядков некоторые из нас начали строить планы побега, и я с Барбетти тайно обсуждали, каким образом его можно было бы осуществить. Мы уже были готовы привести его в исполнение, когда пришло известие, что папа Григорий XVI [примеч. к стр.80] очень болен. Это прервало наши приготовления, ибо мы надеялись, что перемена правительства принесет нам то или иное облегчение. Однажды мы тайным путем услышали о его смерти. Невозможно описать радость, светившуюся на лицах каждого заключенного; никто не думал о работе; вместо этого видно было только движение взад и вперед, радостные встречи, рукопожатия, обмен взглядами и планами. Мы знали, что гарнизону было приказано не отлучаться, караулы были удвоены. Это показывало, что опасались движения среди заключенных,—явное подтверждение известия о смерти старого папы.

Радость заключенных невозможно было сдерживать долее; она проявилась странным способом—с одного конца тюрьмы до другого раздалось похоронное пение. Это пели благодарные узники, чтобы проводить душу Григория XVI на ее пути в вечность.

Вошли тюремщики и потребовали отчета в этой необычайной демонстрации. Разумеется, они не получили никакого объяснения; мы ответили им только скрытыми улыбками и низкими поклонами. Наша радость продолжалась, и мы стали замечать, что кардиналы проезжали мимо крепости по пути в конклав, ибо каждого встречали положенным числом пушечных салютов с бастиионов. Комендант, считая бесполезным скрывать правду долее, объявил нам новость, что кардинал Мастаи Ферретти, о котором я уже имел случай упоминать, как об архиепископе Имоля, был избран на папский престол. Вскоре после этого мы услышали, что амнистия была уже напечатана и объявления ее ожидали на следующий день. Так как освобождение стало, наконец, достоверным фактом, комендант разрешил нам устроить большое пиршество на наш собственный счет. Тюрьма была иллюминирована, наши камеры оставались открытыми всю ночь. Радость достигла высшего предела. В четырех углах двора горели большие праздничные костры. Посреди двора мы соорудили еще один костер из столов, стульев, скамей и рабочих инструментов, которые столько лет служили заключенным. Все пылало великолепно, а кругом раздавались громкие клики: «Да здравствует Италия!»

В эту ночь мы не спали. А утром сцена переменилась. Мы ждали и ждали, но амнистии не было. За внезапной радостью последовало внезапное уныние, конечно не у всех, но у многих, ибо многие не верили в возможность милосердия со стороны папы. Прошла неделя, и наше положение было одновременно бессмысленно и горестно.

Однажды после обеда комендант появился на зубцах башенной стены и сбросил в толпу узников листы печатной бумаги, громко сказав: «Кричите ура!» Кое-кто отозвался, но в общем известие было, повидимому, принято равнодушно. Листки оказались экземплярами амнистии, и некоторые из товарищей прочитали ее вслух. Затем комендант приказал открыть ворота, и нам было разрешено посетить всю внутренность крепости. Момент был памятный! Солдаты и узники обнимались. Обе стороны забыли взаимные обиды, радость была всеобщей. Все мы чувствовали себя итальянцами и, забывая все былые несчастья, праздновали наше возвращение на свободу. Такие мгновения заставляют нас забывать страдания прошлого и все, что есть дурного в человеческом сердце.

Вечером нас снова заперли во дворе. Утром мы захотели бродить опять по крепости, но нам не позволили,— новое огорчение для нас: мы стали думать, что амнистия была обманом! Впоследствии мы узнали, что запрещение было вызвано нелепым разделением узников на заключенных за «delitti puri politici» и на заключенных за «delitti misti». Первые были виновны только в принадлежности к политическим обществам и т.д., последние же пытались выполнить чужие планы силою оружия. Нелепое различие, достойное только римского правительства!

Наконец мы были на свободе, но наша радость была омрачена мыслью, что тридцать или сорок наших лучших товарищей еще оставались в заключении. После письменного заявления, в котором мы ругались честью, что никогда более не нарушим общественного порядка и ничего не предпримем против нашего законного государя, мы были отпущены на свободу. Это заявление навлекло на нас гнев синьора Фарини. Могли ли мы сознательно дать такое обещание? Конечно! Мы стали рассматривать это правительство как единственно законное, ибо оно начало с обещания реформ, личной свободы и удовлетворения народных желаний, оно признало достойными уважения лиц, принявших участие в предыдущих революциях, дало амнистию, своими делами доказало, что прежнее правительство было не чем иным, как деспотией. Нарушили ли мы наше честное слово в 1848 и 49 годах? Пытались ли мы разрушить общественный порядок? Действовали ли мы против законного государя? Нет! Мы взяли за оружие против Пия IX, ибо он круто повернул против нас, потому что он пошел по стопам своих предшественников, потому что он бежал и предал своих подданных и страну, потому что он соединился с иностранными деспотами, потому что под конец он перестал быть законным государем.

Прежде чем продолжать мой рассказ, я должен вернуться несколько назад, чтобы дать моим читателям правильное представление о папском

правительстве с помощью некоторых находящихся в моем распоряжении документов.

ГЛАВА V

Жестокости папского правительства.—Военные суды.—Закон о подозрительных.—Произвольные аресты.—Итальянцы и другие иностранцы под надзором.—Полицейские отметки на паспортах.—Домашние обыски под вымышленными предлогами.—Система шпионажа на исповеди.—Школы и университеты.—Порка в женских семинариях.—Полиция составляет себе мнение о каждом по его дарованиям, мужеству и семейным связям.—Цензура.—Газеты.—Запрещение их продажи.—Политика иностранных держав в отношении итальянских властей.—Франция.—Англия.—Сэр Джемс Грэм.—Лорд Эбердйн.—Ложные утверждения в Палате лордов.

После падения Наполеона папское правительство было восстановлено со всеми его исконными злоупотреблениями, и разложение во всех частях государства, в гражданских и политических делах, в соединении с крайностями понтификальной системы, сделало его гнусность пресловутой в глазах всех цивилизованных народов.

Народному образованию ставились препятствия, промышленность была в забросе, не заботились даже об изящных искусствах; торговля была связана ограничениями, земледелие, несмотря на плодородную почву, находилось в упадке; безнравственность царила во всех политических, гражданских и религиозных организациях, уголовная и гражданская юстиция отличалась низкой продажностью, а гражданская администрация государства находилась в руках попов, монахов или гражданских чиновников, так как было совершенно безразлично, были ли они невежды или образованы, лишь бы они фанатически поддерживали духовенство! Результатом этой негодной системы управления были тяжкие налоги, безнаказанность преступлений, терпимость к воровству, неистребимый бандитизм, армия из наемников и полное доверие к швейцарским войскам. Несколько лет тому назад был организован корпус особой милиции, называемой «чентуриони» и «папалини», набранный из худших преступников в государстве, под начальством папских племянников, кардиналов или патеров.

Военные суды и смертные приговоры снова сделались обычным явлением, с арестами, шпионажем, инквизиционной системой, в соединении с преследованием и жестокой цензурой вместо свободы мысли и действия.

Начиная с высшего политического управления, т.е. государственных министерств, и кончая низшими его учреждениями все находилось в полном беспорядке. В военном, гражданском и церковном ведомствах обычными рычагами для поддержания движения расшатанной машины папского правительства служили золото, подкуп и интрига.

При столь явных причинах для недовольства революции являлись естественным следствием, а результатом всякой тщетной попытки со сто-

роны народа были изгнание или эшафот. Оставшиеся в живых становились жертвами скрытой сектантской ярости или политической мести, что заставило патриотов взять в свои собственные руки закон против приспешников деспотизма.

Бедствия, от которых страдал римский народ, были хорошо известны европейским дворам, которые неоднократно делали дипломатические представления римскому правительству, советуя ему оставить систему, столь явно противоречившую хорошей политике^{*****}, и в то же время указывая на материальные нужды населения.

Римский двор обычно давал обещания, тянул дело, но не выполнял ничего, и заявлявшие протест державы—Австрия, Англия, Пруссия и Россия—оказывались обманутыми, что им было вполне известно. И все же, несмотря на это, когда самому существованию папского двора серьезно угрожала революция, державы посылали свои армии, чтобы держать в подчинении римлян, восстававших с целью добиться от своего правительства государственных и административных реформ, которые сами же эти державы признали справедливыми и необходимыми. Таким образом, они поддерживали правительство, которое они согласно признали продажным, фанатичным и совершенно непригодным для нынешнего века.

Замечательное противоречие! Впрочем, вполне в духе дипломатии! Можно сказать о ней, что она покрыта мантией вероломства и лицемерия.

Для доказательства того, что эти утверждения высказываются не легкомысленно, что они имеют основания, мы публикуем ниже некоторые подлинные документы^{*****} римского двора, попавшие в наши руки во время римской революции 1848 — 1849 годов.

Время и революция часто предают гласности самые секретные акты правительства. Истина, наконец, разрывает туман, так долго окутывавший ее, и тогда мы видим всю глубину падения тех людей, которые в такой степени пользовались всеобщим уважением и репутацией, которые так часто выказывали свой патриотизм всего лишь страстными

***** Меморандум, который мы имеем в виду, был представлен папскому правительству иностранными державами с пометкой 10 мая 1831 г. Прим. автора.

***** Многие из этих документов были найдены в полицейском управлении в Риме; другие—в частных архивах синьора Фредди, полковника папских жандармов, имя которого было опозорено его ролью в военных судах, распространявших ужас по всей Романье в 1843, 1844 и 1845 годах. С 1831 г. полковник Фредди был весьма близок с главными кардиналами, герцогом Моденским и его министрами, а также с главным агентами австрийской полиции и правительства. Во время политических движений в Болонье в 1843 г. он был душою папского правительства, и ему были вверены рычаги всей полицейской системы, которая впоследствии сделалась неременным условием. Вместе с его бумагами мы имеем несколько драгоценных документов, разоблачающих интриги папского двора. Среди них есть много писем иностранных представителей, кардиналов, легатов и монсиньоров, а также приговоры военных судов 1843 года, вплоть до момента амнистии, наряду с другими чрезвычайно важными документам д. Мы публикуем теперь некоторые из этих документов. Прим. автора.

декламациями против некоторых систем, противоположных их собственной.

Как часто видим мы, что в течение долгого времени провидение не проявляет себя ничем, но в конце концов начинает проявляться его благотворное действие, которое возвышает справедливых и благородных людей и низвергает несправедливых и деспотов. Таким образом, только честный человек в святилище своей совести свободен от страха; он не заставляет страдать сироту, плакать вдову; ему незнакомы угрызения совести за измену своему долгу человека, отца или гражданина; он осуждает низость, и в то же время его рука всегда готова притти на помощь честной бедности или страждущей добродетели.

Возвращаясь к теме настоящей главы, мы видим, что все политическое управление Папской области сосредоточено в учреждении римской «Segreteria», в которой председательствует кардинал. Из этого учреждения исходят все распоряжения, касающиеся дипломатических сношений с иностранными державами, церковных дел римского двора, циркуляры к кардиналам-легатам по политическим делам (см. документ I), приказы следить за подозрительными личностями (см. документы II, III, IV), разрешения изгнанникам возвратиться (см. документ V) и самые произвольные приказания об аресте (см. документ VI).

Существуют министр внутренних дел, министр финансов и военный министр, который всегда имеет ранг монсиньора и который закончил свое образование в лоне церкви, среди фимиамов и священных песнопений. Хотя министр внутренних дел зависит от государственного секретаря, все его обязанности, однако, заключаются в том, что он распоряжается назначениями на различные вакансии в правительстве, какой бы характер они ни носили. Эта привилегия дает ему возможность получать значительные суммы продаж назначений лицам, предлагающим наибольшую цену и дающим наилучшую гарантию тайны. Эта грубая система подкупа представляет одно из величайших зол римского государства. Как я сказал, в этом заключается единственная обязанность министра внутренних дел. Прочие ведомства, всецело зависящие от государственного секретаря, редко занимаются чем-либо иным, кроме разбирательства известных дел, хотя их постановления обычно бывают в пользу правительства. Легко представить себе хаос, получающийся в результате такого положения дел. Так как такие решения почти никогда не удовлетворяют заинтересованных лиц и, как часто бывает в подобных случаях, несправедливые решения забываются редко, то неизбежным следствием является постоянное взаимное неудовольствие между правительством и народом. Народ все время составляет заговоры с целью сбросить ненавистное иго, которое поддерживается, главным образом, швейцарскими, австрийскими и французскими штыками, а правительство, следуя слепому деспотизму, прибегает к системе шпионажа в таких ужасающих размерах, что римское население приходит в отчаяние и мечтает даже о возвращении эпохи императора Тиберия.

Затруднения, делаемые путешественнику, будь он иностранец или местный уроженец, столь же неисчислимы, как и формальности с паспортами. Это указано в любом путеводителе, и потому распространяться на эту тему бесполезно. Замечу только, что ни один итальянец или иностранец не может переезжать из одного города в другой, не находясь под бдительным надзором римской и местной полиции (см. документы VII и VIII), включая сюда и австрийскую полицию, а также полицию мелких итальянских государств, агенты которой ведут это наблюдение, прибегая к бесчисленным переодеваниям. Кроме того, полиция применяет целую систему тайных знаков (см. документы IX и X), которыми она отмечает паспорта, знаков, неизвестных доверчивому путешественнику и понятных только ее агентам, причем эти знаки указывают степень слежки, которую нужно применить к путешественнику сообразно его значению. Когда подозрительная личность появляется в каком-либо городе, начинается самая деятельная переписка между канцелярией государственного секретаря и его консулами и нунциями, как заграничными, так и находящимися в Италии.

Эта система шпионажа выполняется прежде всего консулами (см. документ XI), среди которых в особенности выделяется синьор Марцукко в Онелье, кавалер Пизони в Генуе, маркиз Романьоли в Ливорно, синьор Феррари в Марсели. Во-вторых, она выполняется (см. документ XI) теми путешествующими тайными агентами правительства, которые увеличивают армию шпионов, проникают во все учреждения, университеты, научные итальянские съезды и даже в среду лиц, служащих на дорогах, и т.д. В-третьих, она практикуется епископами через посредство духовников, низшего духовенства и т.д.; в-четвертых— тайными доверенными агентами, которых посылают за границу, в города, помещаемые итальянскими эмигрантами, с целью втереться в дружбу и доверие к наиболее значительным из патриотов и т.д. Должность тайного шпиона принимают только самые низкие и подлые люди, и мы видим, что даже кардиналы, по их признанию, редко считают возможным полагаться на этих лиц (см. документ XIII). Тем не менее они постоянно употребляют и оплачивают их, и главным образом на них и основана римская правительственная система. В прилагаемом к этой книге собрании документов имеется один, который показывает, что папа Лев XII находился в непосредственных сношениях с неким Мильяри из Феррары, главным инженером, который посылал ему политические доклады и даже представлял проекты новой системы полиции (см. документ XVII).

Таковыми способами и через посредство этих агентов римская полиция имеет возможность арестовать лицо, указанное в тайном сообщении. Донос какого-нибудь патера (см. документ XIV) считается достаточным основанием для ареста. Но если существующие подозрения не дают оснований для ареста, что, впрочем, случается редко, то бывает необходимо найти или выдумать правдоподобный мотив для возбуждения судебного дела. Для этого производится ночной обыск с целью найти тот

или другой предлог, чтобы оправдать уже предрешенный арест (см. документы XV и XVI).

Полиция ведет список, в котором значатся имена всех подозрительных лиц. Он содержит, во-первых, заметки об их прежней жизни, иногда за двадцать или тридцать лет. Во-вторых (см. документы XVII, XVIII, XIX, XX и XXI), он содержит сведения, относящиеся к ним, полученные от шпионов. В-третьих, заметки об их родственных связях или близких отношениях со всякими подозрительными личностями. В-четвертых, сведения об их храбрости и твердости характера. В-пятых, предположения касательно их влияния на итальянскую молодежь. В-шестых, сведения о мнении, которое существует о них в обществе, и о том, являются ли они людьми с характером, вдумчивым и склонным к размышлениям. В-седьмых, предположения о том, обладают ли они умственными способностями высшего порядка.

Всего сказанного достаточно, чтобы имя любого человека было внесено в полицейский список, как подозрительного в политическом отношении, что во всякий момент подвергает его возможности заключения в темном и гибельном для здоровья каземате, предания его в руки фанатических и свирепых чиновников, во власть чрезвычайного трибунала, а то и военного суда.

При этом гнусность полиции такова, что она не колеблется сажать в ту же тюрьму вместе с заключенными одного из своих агентов, который под видом товарища по несчастью часто выведывает их тайны и затем сообщает их полиции на погибель обманутого и несчастного узника.

Прилагаемые ниже документы покажут, до какого совершенства доведена система шпионажа. Но если даже они покажутся недостаточными, пусть читатель внимательно рассмотрит документ XXII, и он увидит, какие хитрые приемы пускаются в ход папским правительством, чтобы заставить человека сделаться шпионом. Эту тему можно было бы значительно расширить, однако я ограничусь доказательством моих утверждений. Я намереваюсь вскоре издать другой том, в котором опубликую другие документы, сообщающие много постыдных фактов, до сих пор остававшихся скрытыми в архивах римской тайной полиции.

Теперь я скажу несколько слов о системе государственного и частного обучения. Что касается первого, то здесь существуют университеты и низшие казенные училища, тоже не свободные от тайных шпионов, следящих за учениками и профессорами (см. документ XXIII).

Получаемые знания, однако, весьма ограничены. Заявляя, что профессура политической экономии и естественного права не разрешена, я говорю только на основании собственного опыта.

О поощрении, которым пользуются науки, можно составить себе представление, если я скажу, что профессорам не разрешается участвовать в научных съездах, происходящих в различных городах Италии, хотя последние не избавлены от присутствия тайных агентов полиции (см. документ XXIV). Все частные учебные заведения для молодежи обоих полов находятся обязательно под непосредственным руководством иезуитов, отцов-барнабитов и монахинь, которые

применяют даже пытку, чтобы добиться повиновения их воле (см. документ XXV).

Система политической цензуры является другим значительным препятствием к распространению народного образования. Способ, каким она применяется к заграничным и итальянским печатным произведениям, отличается чрезвычайной нелепостью. Папские представители за границей внимательно следят за книгами, публикуемыми в стране, где они находятся, и посылают их списки государственному секретарю и прочим политическим канцеляриям правительства. Даже журналы, не имеющие никакого политического значения, запрещены, а комментарии, составляемые на их счет департаментом государственного секретаря, в высшей степени смехотворны (см. документ XXVI).

Существует еще другой вид цензуры, театральной, выполняемой, во-первых, уполномоченным на это правительственным цензором (обычно доминиканским монахом), во-вторых— полицейским или частным цензором, который присутствует на представлении пьесы и дает о нем отчет полицейскому ведомству.

Нетрудно представить себе результаты этой системы тирании и нелепости. Либеральные идеи втайне лелеются по всей Папской области, в особенности же в Романье, где либеральная партия подавляется лишь с трудом и где свирепствуют чентурионы.

Этот жестокий гнет, тяжкое налоговое обложение, необеспеченность личной свободы и ненависть к клерикальному управлению неоднократно приносили свои плоды в виде постоянных восстаний и революций. С 1831 по 1843 год происходили различные частичные восстания, служившие лишь к удовлетворению свирепой жажды мести со стороны Ватикана. С этого времени и до того дня, когда папой Пием IX была провозглашена амнистия, Папская область походила на вулкан, по временам обнаруживавший признаки предстоящего страшного извержения, которое уже невозможно было задержать и которое грозило смести как духовную, так и светскую власть папы.

Болонья первая подала сигнал к восстанию, и папское правительство поспешило учредить военные суды, за которыми последовали варварские казни ускоренным порядком (см. документы XXVII, XXVIII, XXIX, XXX). Был возобновлен закон о подозрительных. Защитники заключенных действовали в интересах правительства, превращая этим правосудие в комедию. Осужденных убивали выстрелом в спину, усугубляя этим их бесчестие. Других приговаривали к пожизненной каторге или к заключению «a chiodo» и, действительно, применяли все виды жестокости, которые могло изобрести богатое воображение кардиналов Ламбрускини, Спинолы, Ваничелли, Делла Дженга, Амата, Уголини и Массини. Однако попы-правители самой жестокостью своих приговоров обнаруживали свою слабость. И все же во многих случаях кардиналы не осмеливались выполнять смертные приговоры, боясь угрожающего настроения народа (см. документ XXXI) и понимая, что швейцарцы,—единственные солдаты, на которых они могли полагаться,—не были вездесущими.

Так как, таким образом, швейцарские войска пользовались особым расположением, то между ними и папскими солдатами существовала взаимная неприязнь. Последние неохотно действовали против своих соотечественников. Это обстоятельство, в соединении с частыми столкновениями между ними и наемниками, делало авторитет правительства более чем сомнительным.

Иностранная пресса проявляла большой интерес к борьбе и самыми мрачными красками изображала гнусность и бессилие папского правительства. Что она говорила правду, свободную от преувеличений, в этом можно убедиться из приложенных к этой книге писем различных кардиналов, которые признают правильность сообщений, даваемых иностранными газетами.

Варварства, совершенные по приказанию папского правительства, привлекали внимание и возбуждали отвращение даже у европейских правительств, которые с жадностью читали протесты патриотов Римини, негодующие статьи в журналах и книгу Массимо д'Ацельо [примеч. к стр.96]. Тем не менее короли спешили с предложениями помощи своих штыков святому отцу, который желал бы ввести свою насильственную систему полицейского принуждения также и в прочих странах Европы. С глубочайшей горечью и сокрушением итальянцы услышали в 1844 году, что британские министры помогали папской полиции вскрытием писем итальянских эмигрантов с целью осведомить папское правительство об их содержании, что явилось причиной смерти многих благородных итальянских патриотов (см. документ XXXII). Я имею в виду лорда Эбердина и сэра Джемса Грэма [примеч. к стр.97], о которых, как читатель убедится из публикуемого здесь впервые документа, римский кардинал и государственный министр говорит в выражениях полного доверия, ибо лорд Эбердин обещал установить надзор над итальянскими и польскими эмигрантами. Римское правительство добилось опубликования как у себя дома, так и за границей статей (см. документ XXXIII), которые должны были до некоторой степени явиться компенсацией статей, печатавшихся на берегах Темзы, Дуная^{*****} и Рейна, а равно и на берегах Сены и По. Затем оно пыталось оправдаться и выставляло патриотов Римини, в своем знаменитом манифесте выдвинувших против него столь страшные обвинения, как шайку нечестивых мерзавцев, хотя оно знало, что эти патриоты только высказали желание пользоваться политическими гарантиями в соединении с теми гражданскими и естественными правами, которые, как хлеб насущный, необходимы для благосостояния нации.

Таково было положение дел, и общая революция представлялась неминуемой, когда умер старый папа Григорий XVI и на папский престол был избран Пий IX. Ему был открыт только один путь; общественное

***** «Аугсбургская Газета» поместила статьи, благоприятные папскому управлению, хотя до тех пор она постоянно выступала против него. Однако эта перемена тона неудивительна, если мы примем во внимание, что газета является орудием австрийских интересов и, естественно, повинуется приказам своего хозяина. Прим. автора.

мнение принуждало его дать реформы и уступки своему народу. Он провозгласил амнистию, которая в это время являлась простой политической необходимостью и которая впоследствии сделалась обычаем у других итальянских государей, подобно частичным «прощениям» австрийского императора или недавно дарованной им амнистии политическим заключенным Ломбардо-Венецианских провинций. Хотя папа в его положении не совершил ничего нового дарованием амнистии, тем не менее его превозносили до небес, а люди легкомысленные воображали, что перед ними князь мира и надежда Италии. Тем не менее этому человеку были присущи врожденные сильные человеческие страсти в соединении со всеми предрассудками и слабостями его класса. Но такова уж человеческая природа. Если бы Калигула избежал кинжала Хереи и простил его, все его злодеяния, быть может, были бы забыты; если бы неаполитанского короля уговорили дать амнистию, его признали бы полубогом.

Амнистия возбудила в народе стремления к свободе. Итальянцы заслуживали лучшей доли. Они видели, что их лучшие и храбрейшие люди пали жертвой на чужбине или на родине и, к несчастью, убедились, что все жертвы, принесенные ими ради свободы, были напрасны. Время действовать приближалось, и они были полны решимости добиться цели или погибнуть. Наконец наступила долгожданная эпоха, быть может самая важная, какую Италия знала с 1835 года, когда были погашены последние искры итальянской свободы; эпоха, когда необычайные политические осложнения в Европе, казалось, приближали дело нашего избавления; эпоха, которая в действительности только укрепила наши оковы и наложила на нас новые цепи. Совершившиеся тогда события должны были явиться предупреждением для итальянцев на будущие времена и убедить их, что там, где вожди национального движения, будь они монархисты или республиканцы, лишены единства, мудрости и высокого общественного духа, там все патриотические усилия народа окажутся тщетными и весь его героизм напрасным, а патриотам останется только смерть на поле битвы, уцелевшим же—рабство, худшее, чем смерть. Но что было истинной и основной причиной всех последующих бед? Римский двор! Он напоминал итальянцам об их минувшей славе, об их древних героических традициях. Он обещал им дать реформы и свободу, но в конце концов призвал солдат различных наций наводнить нашу землю, разрушить наши города, расстрелять нашу лучшую и благороднейшую молодежь и совершить такие зверства, каких Италия не видела со времени вторжения Карла VIII [примеч. к стр.100].

Невозможно отрицать, что папство было всегда главной причиной порабощения Италии. Эту истину всегда признавали наши величайшие государственные люди и философы, начиная с Макиавелли, и, пока итальянцы не освободятся от кошмара светской власти пап, они никогда не смогут надеяться увидеть торжество истинной свободы и независимости.

ГЛАВА VI

Всеобщая радость.—Возвращение в Имолу.—Трогательное свидание с дядей.—Я не нахожу некоторых друзей и родных.—Я еду во Флоренцию.—Новый заговор.—Я подвергнут изгнанию.—Мое тайное возвращение во Флоренцию.—Меня арестуют и отправляют в цепях на границу.—Никколо Фабрици.—Полковник Риботти.—Я отправляюсь вместе с ним в экспедицию в Аbruццы.—Рим.—Приказ о моем аресте.—Бегство.—Полиция Пия IX такова же, как и полиция Григория XVI.

Когда мы покидали тюрьму, нас повсюду принимали с распростертыми объятиями, нас встречали обедами и иллюминациями в городах и в деревнях, через которые мы проезжали. В Анконе были устроены необычайные демонстрации. Вместо того чтобы ехать в Имолу, я отправился в Мельдолу, где у меня было несколько друзей. Там я заболел жестокой лихорадкой—рецидивом болезни, от которой я страдал в крепости. Оправившись, я поехал в Имолу, прямо в дом дяди. Его не было дома в момент моего приезда, но он вскоре вернулся. Он облобызал меня, но не мог говорить. Мы оба были сильно взволнованы, оба плакали. Взяв меня за руку, он повел меня в свою спальню, приподнял покрывало со статуи, и я увидел бюст моей тетки, умершей во время моего заключения. Потом он рассказал мне о смерти графа Эрколе Фаеллы (о котором читатель помнит). Затем явился мой брат и горячо обнял меня. Он был нездоров и тяжело страдал из-за моих злоключений. Мы с любовью говорили о прежнем времени и о печальных днях, выпавших на долю нашей семьи.

Находясь под влиянием попов во время моего заключения, мой дядя стал проявлять меньше участия ко мне. Теперь все сразу было забыто. Что это были за минуты! Может ли кто-либо представить их себе, кроме тех, кто сам испытал их действие? Злые чувства умирают, лишь любовь и привязанность сохраняют свое место в человеческом сердце.

Некоторые из моих друзей рассказывали мне о моем дяде следующее: «Иногда старик плакал, произнося такие слова: «Все письма из Болоньи сообщали, что мой племянник учится, ведет себя подобающим образом, благоразумен и знает только с разумными молодыми людьми; и вдруг я узнаю, что он арестован и приговорен к пожизненной каторге!» Тут он обычно прерывал свою речь, ибо слезы мешали ему говорить. Что касается моей тетки (крайне религиозной), она горячо любила меня, но незадолго до смерти ее окружали священники, которые расписали меня как еретика. Поэтому она лишила меня наследства и все завещала моему брату.

Когда я появился на улицах Имола, женщины выходили смотреть на меня, ибо они считали меня погибшим. По истечении нескольких месяцев мое здоровье восстановилось, и дядя позволил мне ехать во Флоренцию, где я мог продолжать учение. Но я хотел отправиться туда главным образом для того, чтобы не оставаться среди людей, настроенных в

пользу папы, ибо в это время лица, ему враждебные, подвергались значительному риску.

Когда я прибыл во Флоренцию, я познакомился со многими молодыми людьми, которые хотели заставить тосканское правительство произвести реформы. Я оказывал содействие подпольной печати и написал памфлет о братьях Бандьера, в котором я хорошо помню следующие слова: «Я благодарен Пию IX за дарованную мне свободу, но моя свобода—это не свобода Италии. Если он не будет идти по пути, на который он, повидимому, вступил, то я выступлю против него с оружием, как я сделал бы против австрийцев».

Тосканское правительство признало меня автором памфлета и приказало мне выехать. Кавалер Бартолини, воспитатель сына великого герцога, ходатайствовал обо мне, и тогда главный директор полиции приказал мне ехать в Болонью с тем, что, пробыв там около месяца, я смогу просить разрешения вернуться во Флоренцию, которое будет мне дано. Я знал, что это было только отговоркой, и тайно поселился вне города. Я отправил свой паспорт в Болонью с необходимыми визами и оттуда прислал тосканскому правительству два прошения о разрешении мне вернуться. Как я и ожидал, никакого ответа не последовало. Тогда я вышел из моего убежища и, взяв карету, явился в главное полицейское управление. Его президентом был синьор Болонья. Я велел доложить о себе под чужим именем, но в его присутствии я назвал себя. Краска бросилась ему в лицо, и он гневно сказал: «Это—вызов властям, я велю вас арестовать». В ответ на это я принял весьма скромный вид и сказал: «Так как я не получал ответа на мои прошения, я решил, что мне лучше всего явиться лично. Если я поступил дурно, я в ваших руках; арестуйте меня. Я только что вышел из дорожной кареты и немедленно явился к вам». Этот способ объяснения обезоружил его, и после многих угроз он разрешил мне остаться на две недели с обязательством возобновить разрешение по истечении этого срока. Не помню хорошенько, возобновили ли я его, но верно то, что вскоре за тем меня принудили покинуть Тоскану. Тогда я заявил, что если я виновен, то пусть отдадут меня под суд, но что добровольно я не уеду. Мы находились в состоянии открытой войны. Я принял некоторые предосторожности. Однако сыщики правительства были искуснее меня, я был арестован и отправлен в оковах в «Terra del Sole», где меня выпустили на свободу. Тогда я отправился в Мельдолу. Мне надо было уладить мои дела с дядей. Я написал ему, что тосканское правительство уже выслало многих граждан Романьи и что я, по причине моего хорошего поведения, был принужден выехать последним. Он, само собою разумеется, не поверил этому. Он ответил письмом, в котором говорил, что пора, наконец, «перебеситься». Тогда я снова вернулся во Флоренцию, через двенадцать дней после моей высылки, той же самой дорогой, по которой я выехал из этого государства в сопровождении жандармов. Я пробыл там три дня и вернулся в Мельдолу. В скором времени я опять вернулся во Флоренцию по политическим делам с г.Ливерани и г.Ф.; все мы были переодеты, ибо всех нас выслали уже раньше.

Здесь произошло забавное приключение: у нас был род кабриолета, подобный тем, какие употребляют в Романье, и великолепная лошадь. Мы были хорошо вооружены. К счастью, я достал письмо от жандармского капитана для капрала пограничного поста Сан-Бенедетто, на случай если будет обнаружено, что у нас нет паспортов. Здесь жандармы нас действительно остановили. Не отвечая, я подошел к ним и сказал, что у меня есть для сержанта письмо от капитана. Этого оказалось достаточно, чтобы успокоить их насчет паспортов. Позвали капрала. Он спустился с лестницы, распечатал поданное ему мной письмо и сказал, глядя мне в лицо: «Жандармы, приготовьтесь сопровождать этих синьоров». Я был в высшей степени удивлен, но не потерял присутствия духа и спросил: «Разве дороги небезопасны?»—«Безопасны,—отвечал капрал,—но капитан пишет мне, чтобы, если надо, я дал вам конвой». Тогда уверенность вернулась ко мне, и я ответил: «Капрал, я объясню вам, в чем дело. Мы должны произвести платеж во Флоренции и имеем при себе деньги. Поэтому мы просили капитана дать нам письмо. Но вы уверили нас, что никакой опасности нет, мы вам очень благодарны. Я предпочел бы получить от вас несколько строк к капралу в Дикомано». Он охотно исполнил мою просьбу. Затем я позвал моих друзей, и мы распили бутылку доброго вина, чокнувшись за здоровье друг друга. На этот раз обманутым оказалось правительство, и мы смеялись над его предосторожностями, паспортами и жандармами. Покончив дела во Флоренции, мы вернулись той же дорогой и снова увидели наших старых друзей-жандармов. К вечеру, приблизившись к гребню Апеннин, мы были захвачены сильнейшей бурей. Невозможно было ехать ни вперед, ни назад, и почти чудом нам удалось добраться до маленькой хижины. Великий герцог Тосканы после долгого сопротивления согласился дать реформы, и тогда мне было разрешено легально вернуться во Флоренцию. Тем не менее правительство, казалось, все время колебалось и выказывало намерение пойти назад. Никколо Фабрици и полковник Риботти прибыли во Флоренцию. Тайный национальный конгресс, под председательством профессора Монтанелли, на котором присутствовал и я, собрался в Ливорно. Кое-где началось движение, и этим случаем воспользовались, чтобы устроить во Флоренции большую демонстрацию против Австрии. Произносили публичные речи к народу, но, как обычно, дела не делали. Во время этих событий тосканское правительство следило за мной, Фабрици и Риботти, считая нас иностранцами и нарушителями общественного порядка и спокойствия. Однако цвет флорентийской молодежи был с нами. Ла Маза отправился в Сицилию содействовать революции, вспыхнувшей в Палермо 12 января 1848 г. Риботти получил приказание от римского инсургентского комитета прибыть в Рим и подготовиться к экспедиции в Аbruццы с целью произвести диверсию. Он поехал, и я отправился вместе с ним; Никколо Фабрици тоже отправился с той же целью другой дорогой, и мы условились встретиться в Риме. Когда мы прибыли в Анкону согласно полученным нами приказаниям, то узнали, что неаполитанский король дал конституцию, что расстроило наши планы. Движение в Аbruццах

стало теперь несвоевременным. Мы продолжали наш путь в Рим, где вошли в сношения с существовавшим там комитетом, который уже приготовил для вышеупомянутой экспедиции 600 ружей с необходимыми боевыми припасами. Пока мы ожидали, какой оборот примут дела, произошла большая народная демонстрация, во главе которой стоял Чичерваккио [примеч. к стр.107]. Демонстрация вышла импозантная, угрожающая, однако общественный порядок не был нарушен. Демонстранты требовали, чтобы во главе папских войск были поставлены пьемонтские офицеры, требовали войны против Австрии и секуляризации клерикального управления. Князь Корезци, в то время мэром Рима, говорил к римскому народу речь на пьяцца дель Пополо. Действие демонстрации оказалось таково, что монсеньор Савелли подал в отставку; за ней последовала отставка многих других правительственных чиновников, бывших самыми страстными противниками реформ. Правительство приписывало эту демонстрацию планам Риботти, моим, Фабрици и еще нескольких лиц и издало приказ о нашем аресте. Зная о том, что вскоре должно было произойти, я не стал терять времени и покинул столицу, причем Маттео Монтеки, один из членов римского революционного комитета дал мне необходимые инструкции для оповещения жителей провинции о происшествии в Риме. Все это я выполнил, но, прибыв в Имолу, я узнал, что некто Корсини был по ошибке арестован вместо меня, однако вскоре за тем отпущен на свободу, и что власти всячески старались захватить меня в свои руки. Я признал неблагоприятным ехать к дяде и снова отправился в Тоскану. Я остался во Флоренции, чтобы наблюдать за развитием событий. Во всех этих заговорах и проектах имя Джузеппе Маццини [примеч. к стр.108] не упоминалось ни разу, и я не думаю, чтобы он знал о том, что делал комитет в Папской области. Говорю это в оправдание Маццини, ибо я слышал, что его весьма несправедливо обвиняли, как виновника этих движений, тогда как он был совершенно к ним непричастен.

ГЛАВА VII

Революция в Милане 18 марта.—Война.—Национальный энтузиазм.—Несколько молодых людей моей родной провинции выбирают меня вождем.—Я веду их в Ломбардию.—Сражение при Виченце и Треviso.—Один из моих самых близких друзей убит рядом со мною.—Капитуляция.—Измена папского и неаполитанского правительств.—Я возвращаюсь в Болонью и оттуда во Флоренцию.—Моя женитьба.—Я еду в Венецию.—Крепость Мальгера.—В люнете № 12.—Штурм и занятие Местры итальянскими войсками 27 октября 1848 года.—Я команду авангардом правого фланга.—Победа.—Венеция.—Бегство Пия IX из Рима.—Я возвращаюсь в Болонью.—Я избран депутатом римского парламента.

Пий IX не торопился с проведением реформ. В этот период подавленный гул, подобный тому, который предвещает близящееся извержение Везувия, доносился со всех концов полуострова. Всеобщим

желанием была национальная независимость—великая идея, которая, как одним умом, владела умами двадцати восьми миллионов населения. Факт необычайный, если подумать о том, что итальянцы были в течение многих лет разделены взаимным соперничеством, завистью городов и деспотизмом правительств! В одно мгновение они превратились в братьев и дружески, любовно обнимались. Молодежь различных государств толпами являлась в соседние провинции, и, снова возвращаясь домой, юноши говорили на прощание такие слова: «Мы снова встретимся в поле для помощи нашим братьям ломбардцам». Таковы были настроения и чувства итальянцев, в то время как события огромной важности с необычайной быстротой развивались в Европе. Революция разразилась во Франции и в Вене. Милан последовал их примеру, и в течение пяти дней там происходил бой. Другой новый и необычайный факт заключается в следующем: итальянцы, которых обвиняли в неумении владеть оружием, народ, над которым так часто издевались, указывая на его подкупность и изнеженность, на глазах изумленной Европы взялся за оружие против врага, а где не было оружия—пускал в ход палки и даже камни мостовой и прогнал 16 или 17 тысяч наилучше дисциплинированных австрийских войск, располагавших пятьюдесятью пушками.

При известии о революции в Милане Италию охватило пламя. «На войну! В лагерь!»—такие крики слышались со всех сторон. Молодые девушки опоясывали мечом своих возлюбленных и провожали их пожеланием божьей помощи, предсказывая им победу над чужеземцем. Молодые люди покидали свою службу и домашний уют, чтобы идти на помощь соотечественникам для изгнания ненавистных австрийцев за Альпы. Благо страны было первой мыслью всех и каждого. Надеждой сняли лица богача, аристократа, ремесленника, бедняка и даже патера. Что это было за зрелище! Страна, которую веками держали в рабстве, не знавшая военной науки, разъединенная, презираемая иностранцами, одним ударом разбила свои цепи и бросила их в лицо чужеземца-врага, забыв внутренние раздоры, поправ традиционные предрассудки и устремившись на войну с кличем: «Свобода, независимость и единство!» Вспоминая те минуты национального опьянения, те великие и возвышающие события, коих я был свидетелем, я не могу не испытать острого чувства и удержаться от слез при мысли о печальном конце, который постиг все начинания и стремления итальянцев.

Папа не мог остаться спокойным при этом всеобщем движении. Дурандо был назначен главнокомандующим римских войск, и папа благословил его знамена. Со всех концов государства регулярные отряды и волонтеры шли навстречу австрийцам, и я сам с отрядом молодых романьольцев покинул Болонью и перешел через По. Я присоединился к добровольцам Замбеккари у Бевилаквы близ Леньяго, и мы вступили в его отряд. У нас произошло несколько аванпостных стычек. Оказалось необходимым пройти к Падуе, оттуда к Тревизо и к реке Пьяве. Здесь у нас тоже были стычки с австрийцами. Так как отряды Феррари не смогли держаться у Корнуды, мы были принуждены отступить на Тревизо.

Прибыв сюда, мы были свидетелями расформирования части войск, находившихся под начальством упомянутого генерала.

Мы отправились в Местру, оттуда в Виченцу, а 20 марта австрийцы атаковали город у ворот Санта Лючия. Наш батальон находился здесь и до вечера выдерживал жаркий бой. Мой друг Ливерани, о котором я уже упоминал, был ранен рядом со мною: пуля раздробила ему бедро, и вскоре после этого он умер. В его лице я потерял любящего и высоко ценимого мною друга. Несколько студентов тоже было убито в схватке с австрийцами вне ворот, где мы находились в нескольких ярдах от неприятеля и где отличился храбрый Мазина, который, достигнув чина полковника, был впоследствии убит, храбро сражаясь против французов под стенами Рима. После храброй обороны генерал Дурандо с регулярными отрядами сменил нас на следующий день. Австрийцы снова атаковали Виченцу 23 марта. Сражение было очень упорно и длилось до 12 часов следующего дня. Австрийцы завладели частью города, но затем были прогнаны штыковыми ударами. Позиция, на которой находился я, не подверглась атаке, и лишь несколько ядер ударило в землю подле нас. Через несколько дней колонна под командой Замбеккари получила приказ наступать на Тревизо. Приказ был выполнен, и Замбеккари был назначен комендантом города. Едва мы прибыли в Тревизо, как австрийцы снова атаковали Виченцу (13 июня 1848 г.).

С стратегической точки зрения австрийцы совершили одно из своих лучших движений. Они находились между двух огней. Отряды генерала Дурандо стояли в Виченце, а пьемонтцы—между Мантуей и Вероной. Австрийцы сделали вид, что отступают перед пьемонтской армией, в то же время с сорока тысячами человек и более чем ста пушками стали наступать на Виченцу. Они осадили ее, атаковали со всех сторон и менее чем через 24 часа заставили десять тысяч защитников капитулировать при условии оказания им всех военных почестей. Затем быстрым движением они повернули фронт и пошли на пьемонтцев, генералы которых были захвачены врасплох. Это было одно из самых искусных их движений. Все венецианские провинции были открыты для австрийцев, ибо ввиду потери Виченцы Тревизо поневоле пришлось сдать, а вследствие этого мы были принуждены капитулировать после сорокавосемичасовой бомбардировки. В Виченце швейцарские солдаты, раньше находившиеся на службе у папы, а также итальянцы Папской области вели себя в этом памятном сражении прекрасно.

Около этого времени папа Пий IX начал строить козни против свободы Италии. Он обнародовал энциклику, в которой заявил, что не может долее помогать пролитию человеческой крови и потому отозвал римские войска. То же самое уже раньше сделал неаполитанский король. С этих пор пьемонтская армия начала терпеть поражения, и все обстоятельства соединились для того, чтобы погасить энтузиазм, внести расстройство в среду солдат и в конце концов привести к потере кампании.

Продолжаю мой рассказ. После капитуляции Тревизо я возвратился в Болонью с моим отрядом, капитаном которого я был. По причине

проявленной нами храбрости на войне болонцы приняли нас хорошо. В июне я отправился во Флоренцию, где выполнил обещание, данное перед войной одной молодой девушке, Дочери почтенных родителей, и вступил с нею в брак. Я оставался в Флоренции десять дней и затем вернулся в Болонью по нашим итальянским делам. Тем временем положение дел в Ломбардии ухудшилось, и катастрофа казалась близкой. Карл-Альберт отступал к Милану с остатками своей сильно деморализованной армии, а маршал Вельден приближался к Болонье. Услышав об этом, римские войска покинули Болонью и отступили к Ла Каттолика. На этой сильной позиции они могли удачно действовать против дальнейшего наступления австрийцев. В результате Болонья осталась почти без солдат, за исключением нескольких жандармов и *soldati di finanza* [примеч. к стр.114].

Маршал Вельден вступил в город. Его офицеры вели себя нагло, входили в кофейни и требовали белого, зеленого и красного мороженого, намекая на национальный флаг. Народ не хотел снести это оскорбление. Произошли столкновения. Движение стало разрастаться, австрийцы были начеку, и вскоре началось сражение между народом, вооруженным палками и ножами, и австрийцами, которые действовали ружьями и пушками. Героизм жителей Болоньи заставил австрийцев отступить к Монтаньюоле или общественным садам, где они построили укрепленную позицию. Оттуда они начали бомбардировать город. Ярость народа усилилась, и австрийцы, оставив несколько сот убитыми, ранеными и пленными, были принуждены с трудом отступить через Порта Гальера. Это произошло 4 августа. Когда австрийцы были изгнаны, прочно построенные баррикады выросли во всех кварталах города. Я находился вместе с полковником Замбеккари у Чезены, и, услышав о происходившем, мы форсированным маршем направились к Болонье. Мы вступили в город и были встречены приветственными кликами. Хозяином в городе был народ. Это не нравилось папскому правительству, уже ставшему на путь реакции. В сентябре произошло несколько политических убийств. Между либералами и сторонниками папы шла открытая война. На стороне реакции были кардинал Абат, Фарини и жандармы, которые однажды внезапным ударом овладели всеми воротами города. Народ на мгновение растерялся, но с такою же смелостью Мазина и я с горстью людей в следующую ночь атаковали и захватили все ворота города. Власти были захвачены врасплох и оказались неспособны к действию. Через несколько дней они попытались арестовать Мазину, однако безуспешно. Вид нашего батальона, братавшегося с народом, внушал им страх перед этим рискованным предприятием. Из Рима пришел приказ распустить отряды добровольцев. Мы отказались сдать оружие, и правительственные власти были принуждены вести с нами переговоры. С секретарем кардинала, Фарини, я пришел к соглашению, что я отправлюсь с батальоном в Венецию. Мы отправились в Равенну и в тринадцати рыбацких лодках при попутном ветре отплыли в Венецию. Ночью поднялся сильный ветер, рассеявший наши лодки. Одна из них попала в руки преследовавшего нас

австрийского военного парохода «Вулкан». Несколько лодок на несколько дней исчезли, а лодка, в которой находился я с ста двадцатью людьми, счастливо добралась до Кьоджи. Мы продержались в виду Кьоджи один день, не будучи в состоянии пристать к берегу. Венецианский пароход «Пий IX» на буксире привел нас в Венецию. Мы пристали к берегу на Рива дельи Скьявони. Это было в конце сентября, и солнце стояло во всем блеске, когда я в первый раз увидел Венецию. Какой странный, волшебный город! Дворец дождей, церковь св.Марка и площадь вызвали в моем воображении величие былого гения. В одно мгновение вся история и воинственные предания царицы Адриатики как молния промелькнули у меня в голове.

По высадке на берег нам был сделан смотр, и вскоре затем нас отправили в крепость Мальгеру. Люнет № 12, расположенный отдельно от крепости, был отдан под мое начальство. До 26 октября не произошло ничего нового. Читатель может себе представить монотонность существования в крепости, окруженной водой. В крепости много солдат гарнизона болело от зачумленных испарений. Перед самой крепостью в молчании стоял противник.

В десять часов вечера я услышал, как упал подъемный мост, отделявший нас от крепости. Вошел штабной офицер с приказанием, чтобы я с моими солдатами был наготове, сдал люнет имеющему прибыть офицеру, а сам в двенадцать часов ночи с моими солдатами шел в крепость. Я выполнил приказание и нашел там много других отрядов в строю. Джузеппе Фонтана из Модены, капитан и адъютант нашего батальона, сказал мне, что готовилась вылазка с целью, если возможно, захватить Местру, что я должен командовать авангардом, что он будет находиться рядом со мною, что нам предстоит трудное дело и что мы должны покрыть себя славой!

Мы составили голову колонны правого фланга под командой полковника Замбеккари, которому было поручено атаковать Местру с дороги, идущей вдоль канала. Мы вышли из крепости в девять часов утра. Погода была чрезвычайно туманна, так что мы могли молча приблизиться на ружейный выстрел к австрийским аванпостам.

Я так и не узнал никогда, какая была тому причина, однако, за неимением приказаний, нам пришлось оставаться скрытыми во рву близ дороги от часа утра до шести вечера. Половина солдат уснула, и так как водки у нас не было, мы были едва живы от холода. Таким образом, если бы австрийские солдаты нас обнаружили, мы были бы легко разбиты. Но счастье, недостаток бдительности со стороны австрийских аванпостов, а главное, чрезвычайно густой туман исправили ошибку наших командиров. Наконец, приблизительно в упомянутый выше час мы услышали на нашем левом фланге ружейную и пушечную пальбу. Позже мы узнали, что наши солдаты атаковали австрийцев, расположившихся на железной дороге. Немедленно же мы получили приказ наступать. Мы зашли вправо с целью взять род редана на фланге, но вопреки полученному нами сообщению обнаружили, что местность была залита водой и труднопроходима. Тем не менее мы двигались вперед в воде,

когда на близком расстоянии нас встретили яростным ружейным и пушечным огнем. Несколько наших было убито, и наши солдаты заметно дрогнули, что было верным признаком поражения. В этот момент прибыл штабной офицер и закричал, указывая на люнет: «Стрелять туда!» Возразив, что ружья из-за сильной сырости не могут стрелять, я с внезапным энтузиазмом устремился выдававшемуся вперед углу с криком: «Да здравствует Италия!» и бросился в сырой ров с целью атаковать врага. Офицер, принесший приказание, по имени Козенц, отличный офицер неаполитанской армии, сделал то же по собственной инициативе. Адъютант Фонтана и мои солдаты последовали за мной, но на краю рва нас остановил залп картечи, и четырнадцать человек, в том числе Фонтана, пали справа от меня, убитые или раненые. Это был последний залп австрийцев. Они бежали, бросив люнет вместе с пушками. Я выбрался из рва, как мог, оказал помощь Фонтана и взял его шпагу, которую он держал в руке до последнего момента и которую хранит до сего дня. Некоторые из моих солдат получили до шести ран. Они кричали мне: «Прощайте, капитан, мы больше никогда не увидимся!» Затем в некотором беспорядке мы двинулись к Местре. Генерал Пепе прибыл с артиллерией, которая выбила австрийцев из нескольких домов, откуда они наносили нам большой урон. С пятнадцатью солдатами я подступил к одному дому, взял и обезоружил здесь сорок семь пленных. Затем я участвовал во взятии дома Бьянкини. Его гарнизон состоял из двухсот кроатов, которые сопротивлялись до трех часов. Они перебили много наших солдат, между прочим нескольких лучших артиллеристов. Дом был со всех сторон окружен садом со стеной по крайней мере в шесть ярдов вышины и с железными воротами с засовами. Первым в него вошел ломбардский офицер, принадлежавший к колонне полковника Ноаро. Я с моим поручиком следовал за ним. Под убийственным огнем, по лестницам мы влезли на стену. Наши солдаты сделали то же с криками: «Viva l'Italia!» Сад наполнился солдатами, которые вскоре проломили переднюю дверь. Мы ворвались со штыками наперевес и сначала никому не давали пощады. Раздавались ужасные крики, повсюду падали австрийцы. Наши солдаты входили через другие двери. Смятение было невероятное, минута—страшная; несколько наших солдат было ранено своими же. Наконец нам удалось заставить наших солдат давать пощаду австрийцам, как военнопленным. Вскоре за тем мы начали отступление. Мы вернулись к Мальгере, ибо пришло известие о приближении большого корпуса австрийцев в направлении от Падуи. Мы взяли шестьсот пленных, шесть или восемь пушек, военную казну и все бумаги австрийского генерала. Благодаря им мы узнали, что он был осведомлен о нашей предполагаемой атаке и сделал необходимые приготовления для ее отражения, что доказывает два факта: во-первых, в штабе генерала Пепе был какой-то шпион; во-вторых, заслуга наших солдат была тем больше, что они атаквали уже подготовившиеся к их встрече войска.

В приказе этого дня я среди других был упомянут с отличием.

Наш батальон жестоко пострадал от лихорадки и утомления: около шестисот солдат лежало в госпитале, так что мы добились перевода в другое место.

В течение этого времени в Риме был убит Росси [примеч. к стр.120] и стало известно о бегстве папы. Мы имели возможность вернуться в Папскую область, и военный министр приготовил другие отряды, чтобы сменить нас в Венеции. После сражения при Местре полковник Замбеккари выдал некоторым офицерам аттестации за отличное поведение и пр. Вот копия моей аттестации:

<i>Служба со время кампании.</i>	<i>Замечания.</i>
Завоевал линии Бьянчаккы на Пьязе. Дорог при Падерно. 20 мар. Защита Венеции. 27 октября. Взятие Местры.	Питает высокое патриотическое чувство, за что был приговорен к пожизненной каторге; обладает развитым умом и образованием; очень храбр; чистотой действий; прихорошего поведения; отличным здоровьем. Командовал авангардом правого крыла; содействовал взятию укрепления; в сражении с двумя пушками; взял сорок семь пленных в поле, называемом Почта в Местре.
<div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 10px auto;"> Командир легкой пелоты Альте Рено </div>	<div style="text-align: center; margin: 10px auto;"> Мальгера, 5 ноября 1848 г. Полковник (подпись) Замбеккари. </div>

В начале декабря мы отправились морем в Равенну. Мы заехали в Имолу. Я очутился в объятиях моего дядя, который в свое время с чувством удовольствия прочел мое имя в газетах и обычно говорил своим друзьям: «В конце концов, этот неугомонный малый делает мне честь». Пробыв два дня в Имоле, мы отправились в Болонью, где пополнили наш батальон. Временное правительство в Риме обнародовало эдикт о выборах депутатов в римское учредительное собрание. Меня выставили кандидатом двух провинций—Болоньи и Форли. Я был избран представителем последней и принял эту честь. В январе 1849 года я отправился в Имолу обнять дядю. Его радость дошла до высшей степени, он пригласил друзей к обеду и все время повторял: «Депутат! А ведь дело-то государственное, как вам кажется? В самом деле, у моего племянника голова сидит на своем месте! Ого-го! Я вижу, что в конце концов кормил не осла! Но при Местре он едва не получил в лоб пулю! Его спасло провидение! Теперь посмотрим, что хорошего сделает он для себя. Он не думает о собственной жизни. Он уверен, что так или иначе будет убит!» (Здесь он склонил голову.) Довольно! Боже, прости твою святую руку над ним и храни его». Я пробыл в Имоле одним днем дольше. Дядя проводил меня до кареты. Мы обнялись со словами

«Addio». Это было наше последнее свидание. Я поехал в Форли, а оттуда во Флоренцию, где пробыл два дня с женой, оттуда уехал в Ливорно и Чивитавеккию и затем занял мое место в Римском собрании.

ГЛАВА VIII

Рим.—Моя миссия в Террачину.—Маццини и исполнительный комитет.—Осада Рима. —Чрезвычайные миссии в Анкону и Асколи.—Инструкции триумvirата.— Официальные документы.—Анкона.—Террор.—Аресты.—Британский консул Мур.—Я получаю поздравления со всех концов государства.—Асколи.—Разбойники.—Монсиньор Савелли.—Я спасаю трех человек, приговоренных к смерти.—Форче.—Боевые стычки.—Я попадаю в руки австрийцев.—Выпутываюсь.—С большими трудностями приезжаю в Рим.—Падение Рима.

В Риме я встретил других депутатов. Состоялось несколько подготовительных заседаний; мы собрались и проверили полномочия членов, и после различных жарких прений ночью 9 февраля среди радостных кликов была провозглашена римская республика. Исполнительная власть была вручена комитету, состоявшему из Армеллини, Саличети и Монтеки, моего старого товарища по тюрьме. В марте я в качестве комиссара был послан комитетом в Террачину, чтобы прекратить беспорядки, вызванные некоторыми отрядами. Я отправился туда и нашел, что командиры, которые должны были выполнять мои приказания, не проявили достаточной силы. Я вернулся в Рим, не достигнув желанного результата, однако правительство, отлично знавшее корень зла, вполне оправдало меня. В некоторых провинциях произошли сильные беспорядки. Причины были отдаленные. Они объясняются сказанным мною выше о папской системе. Но чтобы показать их яснее, я должен несколько вернуться назад.

В последние годы понтификата Григория XVI и в первые годы Пия IX политические убийства ужасающе участились. Но, как бывает всегда, когда преступление входит в привычку, а страсти разнуздываются, много невинных было погублено в угоду личной ненависти или выгоде. Жертвами были лица, совершенно не участвовавшие в политических делах.

В январе, феврале и марте 1848 года общество молодых людей в Имоле и Форли повергло много семейств в траур убийством то отца, то сына, то брата. Оправданием им служило желание искоренить все следы папских чентуриони и уничтожить всех, кто не выказывал расположения к реформам Пия IX и других итальянских государей. Но в действительности это были жестокие и свирепые люди, обуреваемые той же жадной кровью, которую они так ненавидели в столь же преступных чентуриони, находившихся под покровительством папы. Среди этих молодых людей было несколько таких, которые, руководясь ложным принципом или дурным примером, вообразили, что они лишь применяют *lex talionis* (закон возмездия) по отношению к чентуриони, ввергнувшим в беду и отчаяние столько семейств. В глазах этих убийц ничто не было

святым—ни либерализм, ни добродетель, ни невинность, ни младенческий и старческий возраст. Наконец порядочные люди начали приходить к решению положить конец этим зверствам, ибо они видели, что папское правительство не обращает внимания на их протесты. Бездна преступлений поощряет дурных людей. Пезаро, Синигалья и Анкона последовали дурному примеру, и в конце августа в этих городах были совершены убийства, а в начале сентября была подлым образом пролита кровь в благородном городе Болонье.

Правительство не обращало внимания на эти действия, иначе было бы нетрудно схватить злодеев, так как, хотя его авторитет значительно упал, все честные люди пришли бы ему на помощь, ибо мы видим, что во всех странах хорошие люди помогают закону, когда злые и бесчестные люди нарушают его.

Но римский двор был занят другими делами. Он строил планы, как бы наиболее удобным для себя образом отступить от того, что сам же он вызвал в Италии, и как погубить национальное дело.

Когда генерал Цукки сделался военным министром, он обезоружил болонцев, и некоторые из них были посажены в тюрьму. Однако этой меры было недостаточно для устранения зла, ибо она не помешала совершению убийств. В это время Росси был убит, папа покинул свою столицу и свой народ, а так как он отказался возвратиться, то был созван парламент и провозглашена республика. Тогда свирепая шайка снова принялась за свои действия, воображая, что республика санкционирует ее правонарушения. Однако она была вскоре выведена из заблуждения, ибо все убийцы, которых смогли найти в Имоле, были арестованы и посажены в тюрьму в Равенне. Министр юстиции Лаццарини постановил, что по этим преступлениям не допускается апелляция на судебные приговоры и последние должны приводиться в исполнение ускоренным порядком. Так как оказалось, что это постановление не подействовало, то было решено подавить зло террором и военным положением. Начало было положено в Анконе.

19 апреля 1849 г., в пять часов пополудни, ко мне явился некто Пиструччи и заявил, что я должен идти во дворец Консульта, где римский триумvirат [примеч. к стр.125] желал иметь со мной разговор. Я прибыл во дворец, и триумvir Маццини обратился ко мне со следующими словами: «Общество убийц не дает житья Анконе и Синигалье, распространяя в этих провинциях отчаяние и бедствия. Поэтому неперенным долгом всякого мудрого правительства является оказывать всем неумолимое и беспристрастно правосудие. Сколь же более подобает это правительству, избравшему своим девизом слова: «Свобода, добродетель и гражданское равенство»! Я отправил двух комиссаров, Барнабеи и дель Онгаро, которые должны доставить нам свежие известия и выяснить, является ли зло больше или меньше того, чем его представляют. Дело требует чрезвычайной энергии и незамедлительного правосудия. Я думаю, что вы являетесь подходящим для этого человеком; даю вам немного времени на размышление, прежде чем вы возьмете на себя эту обязанность, ибо у нас мало людей, столь

подходящих для нее».—«Я не отказываюсь от предложенного вами поручения,— ответил я,—при условии, что получу письменные инструкции и что мои полномочия не будут изменены и ни с чьей стороны не встретят препятствий». Маццини тотчас же стал писать необходимые инструкции (см. документы XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX), которые, по утверждению их двумя другими триумвирами, были одобрены мною. Получив еще другие необходимые документы, я в ту же ночь отправился на почтовых и прибыл в Анкону 21 апреля около четырех часов утра.

Но раньше чем продолжать мой рассказ, я задамся вопросом, почему я был избран для такого поручения. Причина мне неизвестна, и я никогда не мог ее узнать. Я ни разу не давал доказательств знания политики или практического опыта в ней; я был известен только некоторой долей мужества и смелости.

В период триумvirата, равно как при исполнительном комитете, во главе римского республиканского правительства стояли умные и честные люди. Однако им недоставало практического смысла, политического опыта и решительности в действиях,—качеств, столь необходимых в революциях. Старый адвокат Армеллини был пассивен; Саличети, хороший юрист, представлял воплощение беспечности; более энергичный Монтеки, как он сам сознавался, был не на высоте требований момента. Затем был создан триумvirат. Армеллини остался у власти, Маццини и Саффи стали его товарищами. Армеллини был ничтожеством, Саффи — воплощением мягкости и философского склада ума. Самым деятельным был Маццини, и фактически он сосредоточивал в себе всю власть республики. Однако это был теоретик, способный только диктовать протоколы и прокламации из глубины своего кабинета, а также, как доказали позже события, вести тонкую дипломатическую игру. Такими причинами объяснялась общая вялость всех ведомств государственного управления. Чувствовалось отсутствие одного чрезвычайно важного момента, а именно—единства действия, столь необходимого для любой системы хорошего правительства, особенно во время революции. Каждый губернатор поступал по своему усмотрению, многие из прежних папских чиновников оставались на своих постах, и ничего не предпринималось против врагов свободы. Это было причиной того, почему некоторые либералы взяли в свои руки дело свободы, как они сами понимали ее, и совершали убийства, о чем можно только пожалеть. Еще значительно был беспорядок среди военных. Высшие назначения давались людям только потому, что они сами настаивали на этом. Я думаю, что это достаточно показывает слабость правительства. Я видел все это и писал ему об этом, ясно указывая его недостатки и слабости; я хорошо помню, что мое письмо заканчивалось следующим образом: «Если вы знаете меня, вы должны понимать, что я никогда не боялся правительств или отдельных лиц. То, что я говорю вам, подсказано мне патриотизмом и интересом дела. Я ничего не желаю от вас лично для себя и не чувствую страха». Это письмо было написано в тоне презрения и равнодушия, который был свойствен мне в те дни, когда я чувствовал раздражение, видя, что торжествует лишь интрига.

Когда Пиструччи вызвал меня к триумвирам, я невольно подумал о моем письме. Он был близким другом Маццини. Я пристально посмотрел ему в лицо, но ничего не мог прочесть в нем. Так же я взглянул потом на Маццини. Он показался мне необычно торжественным. По его вопросам о некоторых лицах я понял, что эти вопросы вызваны моим письмом и что, быть может, задетый моими обвинениями в недостатке энергии, он хотел испытать мою храбрость, давая мне самое опасное поручение. Я думаю, что это и было настоящей причиной моей миссии в Анкону. Испытание было суровое!

По дороге туда я много думал о том, что я должен был делать и чем окончится все это дело. Много планов роилось у меня в голове, но до прибытия на место было трудно установить способ действия. Иногда я сомневался в счастливом исходе и думал о своей молодости, о недостаточном знании людей. Не имея политического опыта, не имея практических навыков в правительственной деятельности, я тем не менее был облечен трудным поручением, в котором должен был встретить препятствия в мелкой зависти посредственных характеров, в тайных покушениях на мою жизнь со стороны партии, уничтожить которые я был послан, в ненависти ко мне со стороны многих лиц. Но данное мною честное слово, мое самолюбие побуждали меня добиваться успеха, ибо в противном случае я рисковал оказаться ничтожеством в глазах того самого триумvirата, которому я позволил себе давать советы. Словом, то, что я получил приказания от Маццини, вождя «Молокой Италии», заставляло меня не останавливаться на тех или иных благоразумных мыслях, быть может и мелькавших у меня в мозгу. Со свойственным мне от природы пылом и смелостью я приступил к делу, решившись выполнить его или погибнуть. В словах «я хочу» заключается тайна моего полного успеха в деле, о котором я намерен рассказать. По прибытии в Анкону я посвятил комиссаров Барнабеи и дель Онгаро в предположения и пожелания триумvirата, но они, быть может, считали предприятие слишком трудным и неисполнимым. По их словам, они пытались внушить людям принципы умеренности. Они заставили народный комитет поклясться в том, что он подавит всякое движение, могущее иметь в виду нарушение общественного спокойствия и возобновление прежних ужасных преступлений. Они обещали послать триумvirату представления в том смысле, чтобы виновники убийств были соединены в роту таможенных чиновников с поручением следить за контрабандистами и с жалованием в пять паоли в день, а также чтобы им была присвоена особая форменная одежда. Условием принятия в роту должна была быть перемена поведения.

Такое направление мыслей казалось мне способным скорее усилить пламя, нежели погасить его. Действительно, если бы преступники стали получать пятнадцать скуди в месяц (около 3 фунтов стерлингов 12 шиллингов), то для других это явилось бы поощрением к совершению таких же преступлений, ибо этим путем они могли бы получить ту же службу. Правда, все это были пока лишь обещания. Однако сказанного достаточно, чтобы показать мое затруднительное положение.

Положение в Анконе было самое плачевное. В ней, можно сказать, не было правительства. Власти были лишены всякого нравственного авторитета, губернатора признавали лишь номинально, посылаемые ему из столицы депеши нередко вскрывались и прочитывались до представления ему, множество правительственных чиновников не находилось на своих постах, не было налицо также многих карабинеров и национальных гвардейцев. По заходе солнца каждый спешил домой; лавки запирались; на улицах показывались только члены общества бесчеловечных убийц, а также кое-кто из полиции—их соучастники. Террор господствовал безраздельно. Таково было положение в городе.

Я сообщил губернатору о полученных мною полномочиях, и он обещал мне помочь всем, чем только может. Так как было необходимо соединить командование в одних руках, то я заявил комиссарам Барнабеи и дель Онгаро, что они могут вернуться в Рим. Тем временем я постарался распусть по городу слух, что я прибыл по делу, касающемуся министра финансов.

Я сделал это с целью избежать внимания убийц и не позволить им положить конец моей карьере. Но хотя я и казался тем, за кого себя выдавал, однажды вечером, к великому моему изумлению, в Локанда Бурини, где я остановился, меня посетили несколько из этих самых лиц и обратились ко мне с просьбой платить им пять паоли в день, причем они утверждали, что уехавшие комиссары сказали им, что я имел все необходимые на то полномочия.

Это обстоятельство вызвало во мне некоторое беспокойство. Однако я знал, что для выполнения приказаний правительства мне следовало прибегать ко всякого рода предосторожностям, и потому обещал, что они получат деньги на следующий день.

В это время я получил две депеши от правительства, одну от 21 апреля, другую от 23-го (четвертая и пятая). Обе побуждали меня действовать решительно и незамедлительно. Я повел себя так, словно не получил ничего особенного, но граждане прослышали о депешах и пожелали узнать их содержание. Я под сурдинку распустил слух, будто правительство приказало мне выполнить декрет о принудительном займе. Я сделал так потому, что хотел скрыть свои намерения возможно дольше. Зная, что эти депеши были отправлены весьма спешно и что усыпить подозрения будет нелегко, я написал членам триумvirата, чтобы они оставались спокойными и не торопились с новыми депешами причем давал им честное слово, что их приказание будет исполнено, но указывал, что чрезмерная поспешность может испортить все дело. Теперь я опишу, как я выполнил мой «*coup de main*»).

Обещанные мне триумvirатом солдаты не прибыли. Пятьдесят конных карабинеров, стоявших в провинции Асколи, за которыми я послал, были задержаны президентом Калиндри, так что мое положение стало совершенно невозможным. Находившийся в городе небольшой и плохо организованный отряд насчитывал не более двухсот человек, включая артиллеристов, карабинеров и береговую охрану (против контрабандистов). Я знал, что национальная гвардия при самом

упоминании о предстоящих арестах придет в трепет, а каким образом можно будет сохранить тайну? Командирам, за исключением двух, доверять было невозможно, а из артиллеристов и береговой стражи многие были сообщниками убийц. У меня было мало надежды на удачный исход дела, и я находился в большом затруднении. У меня не было ничего, кроме решимости и упорства. Я дал слово и решил, что, если останусь жив, сдержу его. Я послал за командирами карабинеров, затем за комендантом крепости и в присутствии губернатора объяснил им суть дела. Я сказал, что имею самое точное предписание правительства наказать убийц и смутьянов, терроризировавших всех добрых граждан, что я рассчитываю на их помощь, но в случае, если не получу ее, я приму против них самые строгие меры. Они ответили, что я должен приказывать, они же готовы повиноваться.

Производство арестов было назначено на два часа утра 27 апреля, но утром 26-го я был поспешно вызван во дворец губернатора. Когда я вошел, то увидел толпу людей и британского морского офицера, который разговаривал с губернатором. Я ожидал услышать новости. На мой вопрос Маттиоли сказал мне, что этот офицер - командир военного корвета, что от имени британского правительства он протестует против убийства ирландского священника. Он требовал удовлетворения и хотел уже взять консула с его семьей на корабль и снять его флаг, если бы не получил уверения, что триумvirат прислал лицо с поручением прекратить подобные безобразия и наказать виновных и что это должно произойти в следующую же ночь. Все это держалось в строгой тайне и не было разглашено.

Чтобы предупредить возможность каких-либо ошибок, я вечером 27 апреля, в половине двенадцатого, послал приказание коменданту крепости в двух экземплярах, один из которых был прислан мне обратно с его распиской в получении.

Приказ гласил: «Комендант крепости в час утра пошлет двадцать артиллеристов в полном вооружении, с двадцатью патронами при каждом, в казармы карабинеров; туда же явится береговая стража со своими офицерами; карабинеры останутся под начальством коменданта». Они явились согласно данным им инструкциям. Их разделили на несколько пикетов, смешав береговую стражу, артиллеристов и карабинеров, под начальством вахмистра карабинеров. В половине третьего дома лиц, подлежащих аресту, были окружены пикетами, другие солдаты были расположены там и сям на перекрестке трех улиц.

Карабинерам была дана широкая свобода действия, ибо им приходилось иметь дело с людьми, привыкшими к употреблению оружия: им было приказано стрелять во всякого, кто выходил из дома и не повиновался приказу вернуться обратно. Пропускать было разрешено только национальных гвардейцев в мундире. Эта строгость была необходима ввиду малочисленности моего отряда. Я послал приказание офицерам национальной гвардии, чтобы в половине третьего они собрались к губернатору. Когда они явились, я объяснил им мою задачу и потребовал их помощи в выполнении арестов. Когда же с этим будет

покончено, я просил их содействия в других мероприятиях, которые я признаю необходимыми.

В пять часов утра загремели барабаны, через минуту национальные гвардейцы были выстроены под ружьем на городской площади, и губернатор обратился к ним с речью. Тогда они стали добровольно действовать совместно с солдатами. В восемь часов утра двадцать преступников были уже в руках правосудия. Ни один не решился оказать сопротивление силе—лучшее доказательство того, что привыкшие к ночным убийствам не смеют прямо взглянуть в глаза смерти, как честные люди. Днем были арестованы остальные.

Тогда английский корвет произвел обычный салют и отплыл в Венецию, откуда он прибыл, а г.Мур, уважаемый британский консул в Анконе, явился в дом правительства, чтобы поздравить меня. В то же время была обнародована прокламация и введено осадное положение.

Прокламация гласила:

Анкона, 27 апреля 1849 г.

Римская республика.—К гражданам провинции Анконы.

Когда народные представители Папской области подняли республиканский флаг над сгнившими и ветхими развалинами поповского деспотизма, их вдохновляла идея установить режим справедливости, правосудия и свободы.

Римская республика, в твердом намерении искоренить самые зародыши тиранических партий, не могла оставаться равнодушной к варварским жестокостям, продолжавшимся в течение известного времени и повергшим в траур самые цветущие провинции государства.

Республика означает человечность, а не варварство, свободу, а не тиранию, порядок, а не анархию. Тот, кто думает иначе,—не республиканец, а враг республики.

У правительства Римской республики были внутренние враги двух родов: к первым принадлежали те, кому было бы приятно уничтожение либерализма, кому безразлично благо их страны, а также те, которые хотят немецкого или папского владычества и создают заговоры с целью низвергнуть нынешний порядок; ко вторым—те, которые не признают закона, не хотят обуздать своих страстей—и под покровом республики—совершают самые ужасные преступления. Республиканский орел, сильный нравственной и материальной поддержкой всех честных граждан, поражает всех и каждого своим неумолимым законом, с самым суровым правосудием поражает и рассеивает в Асколи разбой, учиняемый первыми, и, налагая свою тяжелую руку на вторых, твердо и решительно требует их немедленного наказания.

Граждане! Триумвират назначил меня чрезвычайным комиссаром провинции с тою целью, чтобы в это трудное время точное выполнение законов не встречало препятствий со стороны злодеев. Имея такие полномочия, я твердо решил добиться уважения и выполнения этих законов. Я не вхожу ни в какие соглашения с ка-

кими-либо партиями и мнениями. Я буду карать преступления, с какой бы стороны они ни проявились. Безумие предполагать, что произведенные аресты являются победой реакции или «доктринерства»,— нет, само правосудие распорядится жизнью виновных.

Граждане! У кого в груди бьется итальянское сердце, пусть впредь выполняет свой долг. Национальная гвардия, гражданские и военные власти будут выполнять свой долг с рвением и преданностью.

Граждане! Многие с надеждой устремляют свои взоры к римскому государству. Нам угрожают, быть может, близкие опасности, интервенция со стороны той республики, которая должна была бы быть для нас другом и сестрой, а на самом деле угрожает нашему политическому существованию и национальной независимости. А потому от всех классов граждан требуются жертвы, великие жертвы! Мы должны быть сплочены, объединены и сильны, и кто в настоящий момент сеет беспорядок и подозрение, кто вызывает преступления, тот подлежит уничтожению. Братья итальянцы! Будьте спокойны и невозмутимы! Сохраняйте ваше достоинство, предоставьте беспечность и чрезмерную радость тем развращенным и безумным людям, которые сегодня лицемерно склоняются перед символом свободы, а завтра самым низким и трусливым образом умоляют, чтобы железо рабства снова сковало их души.

Многие лета Италии! Многие лета Римской республике!

Чрезвычайный комиссар Римской республики
капитан Феличе Орсини

Анкона, 27 апреля 1849 г.

Римская республика. — Ввиду того, что во множестве убийств, совершенных в последнее время в Анконе, замешано много лиц здесь и в окрестных городах,

Ввиду того, что закон правосудия должен оказывать полное свое действие и что республиканское правительство решило скорее погибнуть, чем допустить безнаказанность преступления и варварства,

Ввиду того, что множество должностных лиц, извлекая выгоду из неизбежного беспорядка в первое время политической революции в государстве, не исполняет своего долга, предает республику и нацию, расхищает государственную казну и сводит на-нет великодушные усилия народа,—

Чрезвычайный комиссар Римской республики
капитан Феличе Орсини,

в силу предоставленных ему триумвиратом полномочий (свидетельство за № 2790 от 19 сего апреля) приказывает:

1. Город Анкона объявляется на военном положении.

2. Никто не может выйти из города или войти в него в какое-либо время без особого разрешения губернатора или уполномоченного им на то лица.
 3. По заходе солнца все граждане должны иметь свет в окнах своих домов, каковой должен гореть до рассвета, причем муниципалитет обязан доставлять свечи гражданам, слишком бедным, чтобы завести их на собственные средства.
 4. Каждое убийство будет подлежать ускоренному суду военного совета.
 5. Всякое покушение на личность или собственность граждан будет подлежать суду и наказанию, предусмотренному в предшествующей статье.
 6. Каждое лицо, военное или гражданское, уличенное на основании показания одного свидетеля в том, что не оказало препятствий убийству или другому преступлению, в том, что при невозможности воспрепятствовать им, не осведомило власти или не арестовало виновных, будет подлежать суду и считаться сообщником согласно ст.4.
 7. Каждый гражданский чиновник, уличенный в умышленном неисполнении своего долга, будет уволен и наказан согласно ст.4.
 8. Всем лицам, не принадлежащим к национальной гвардии, воспрещается ношение огнестрельного оружия в черте города.
 9. Все, кто на основании их прошлого будут признаны находящимися в связи с убийцами, если при них будет найдено какое-либо оружие, подлежат аресту и преданию суду военного совета.
- До новых приказаний настоящее распоряжение считается имеющим силу закона.

Чрезвычайный комиссар Римской республики
капитан Феличе Орсини
Г.Ч.Маттиола, губернатор

Когда вести о моих действиях достигли соседних городов, там, в особенности в Синигалье, стали собираться группы народа, угрожая с помощью жителей Порта Пиа напасть на Анкону и таким образом, подействовав на меня утрашением или насилием, освободить заключенных. Об этих планах власти получили сведения почти одновременно с их возникновением. Не теряя времени, я послал за артиллерийским капитаном Гаэтано Коста и сказал ему, что если на дороге от Синигальи к Порту Пиа появятся люди с намерением напасть на нее, он должен сделать по ним несколько выстрелов картечью и, если это окажет хорошее действие, должен стрелять затем холостыми зарядами. Капитан полагал, что лучше было бы стрелять сначала холостыми зарядами, но я высказался против и потребовал исполнения данного ему приказа. На дороге никто не появился. Но около четырех часов пополудни мобилизованная рота национальных гвардейцев, которых умышленно сильно напоили, начала шуметь и отправила ко мне выбранную из своей среды депутацию. Явившись ко мне в момент, когда я был занят

разговором с губернатором и некоторыми офицерами, депутаты начали довольно возбужденно заявлять, что арестованные были невиновны, что все они друзья и братья, что карабинеры обращались с ними, как с убийцами, что ходили слухи о намерении выслатить их из города, что было бы лучше поразмыслить, раньше чем выполнять эту меру, ибо они, гвардейцы, а также другие добрые граждане после некоторого обсуждения решили выпустить их на свободу. Я сказал депутатам, что я либерал, что я доказал это не на словах, а на деле, что я намерен вести свою собственную линию, а не следовать прямым путем к спасению моей собственной жизни, что я не позволю ставить препятствия воле правительства, представителем которого я являюсь, или попираю его авторитет. Что касается невинности арестованных, то это обнаружится на суде; вопрос же о том, будут ли они отправлены в следующую ночь, не относится к делу. Я сказал далее, что я не обязан давать какие-либо объяснения, что я не знаю, что такое страх, как доказал это, когда приспешники Григория XVI посадили меня в тюрьму и смерть казалась близка; что они могут действовать, как им угодно, но и я буду действовать таким же образом. В течение всего этого дня многие граждане просили меня подумать, говорили, что жизнь моя в опасности, что арестованные преступники имеют множество друзей, желающих освободить их, так что в результате город будет охвачен смутой.

Во всем этом было много верного, но было также много бесполезных опасений. Вечером комендант крепости, полковник Эспеко, спешно прислал мне записку, в которой сообщал, что солдаты мобилизованной национальной гвардии захватили его семью в качестве заложников и что шестнадцать карабинеров недостаточно, чтобы напасть на них. Он прибавил, что сам он подвергся издевательствам и оскорблениям и более уже не хозяин замка. Одновременно была получена другая записка, от командира небольшого парохода под названием «Тибр» или «Рим», еще более тревожного содержания. Когда командир шел на судно, толпа людей (человек сто) внезапно набросилась на него, угрожая ему смертью, если он исполнит волю комиссара, который (по их словам) собирается перевезти арестованных убийц на борт его судна.

В этом критическом положении я послал за командиром карабинеров и другим офицером и сказал им: «Мы попробовали первый решительный «удар, теперь мы должны предпринять второй». Таковы были мои подлинные слова. Затем я приказал, чтобы двадцать четыре карабинера под предлогом конвоирования одного арестованного (что на деле так и оказалось) вошли в крепость, причем я буду их сопровождать, а впереди шел отряд национальных гвардейцев с ужином для заключенных.

Было необходимо принять эту предосторожность, ибо иначе подъемный мост не был бы опущен.

Мы приблизились к замку, и когда был дан ответ на военный оклик, карабинеры и национальные гвардейцы вошли туда. При виде их все смолкло. Пробыло двенадцать часов ночи (на 28 апреля). Прошло еще два часа, и двадцать два заключенных были проведены между двумя рядами карабинеров (мимо нескольких рот национальной гвардии, которые я

нарочно здесь поставил) на борт судна, буксируемого пароходом, который отплыл к Фермо. Местом назначения заключенных была крепость Сполето. Стояла темная ночь, но город, освещенный по моему приказанию, представлял внушительное зрелище. Не было слышно ни одного звука, ни одного голоса, лишь глухо раздавался мерный шаг пехоты. Среди граждан недовольные дрожали в страхе перед возможным арестом, благомыслящие—от неизвестности, понесут ли убийцы заслуженную кару. На рассвете все стало известно, и те, которые до сих пор строили злодейские планы, теперь сомневались в возможности их выполнить.

Я приказал уволить нескольких гвардейцев мобилизованной роты и расформировать всю роту при первом признаке неповиновения. Теперь каждый видел, что моя прокламация оказалась не пустыми словами. На следующий день много лиц подверглось обыску карабинеров с целью обнаружения оружия, было арестовано еще десять человек, и только двум удалось избежать ареста. Так как было объявлено осадное положение, был назначен военный совет, среди членов которого находились полковники Кокки и Гарибальди [примеч. к стр.142].

Сначала я думал назначить обвинителей из числа граждан города, но потом отказался от этого, так как среди них могли оказаться друзья и родственники арестованных. Я написал в Мачерату, но получил отказ в присылке обвинителей. Тогда я снова написал в Мачерату следующее: «Римское правительство настаивает на точности, неподкупности к твердости своих слуг и на их повиновении приказам своего представителя). По получении этой депеши шесть должностных лиц Мачераты должны были явиться в Анкону, и один из них быть избран для общего ведения процесса. В случае отказа их должны были лишить жалованья. Губернаторы Джанини в Мачерате и Каттабени в Пезаро должны были дать денежные средства на путешествие, если они принимали поручение, и назначить на их места других чиновников—в случае их отказа. Распоряжение оказало желаемое действие.

Они быстро явились в Анкону, за исключением одного, находившегося в отсутствии, и одного, который в свое оправдание сообщил, что он живет с сестрой, и, если будет принужден оставить ее, она не сможет существовать, так как он получает только шесть крон в месяц. На основании этого можно судить, могло ли папское правительство обеспечить настоящее правосудие, коль скоро его чиновники едва могли существовать на свое жалованье. Я распорядился назначить ему двадцать крон в месяц на время его отсутствия сверх его обычных шести крон.

Многие гражданские чиновники, оставившие свои места, были призваны обратно под угрозой увольнения. Давно нужно было прекратить эти беспорядки. Директор почты Леонарди из Реканати, получив мое приказание, лично объяснил мне, что монсиньор—делегат папского правительства—разрешил ему, по состоянию здоровья большую часть года оставаться в родной провинции. Я ответил, что я не собираюсь итти

«по стопам монсиньора» и что он должен оставаться на своем посту или отказаться от должности.

Так как большинство виновных находилось в руках правосудия и продолжение осадного положения было весьма стеснительно для торговли, я приказал прекратить его, оставив в полной силе 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 пункты прокламации 27 апреля.

Я упоминаю об этом, ибо иностранные журналы утверждали, что осадное положение было объявлено только для видимости. Однако «Римский указатель» возражал на это утверждение весьма неточно, что показывает его неосведомленность о том, что делалось в провинциях.

В государстве были лица, замышлявшие поднять движение с целью помочь иностранному вторжению. Попы и санфедисты [примеч. к стр.144] втайне действовали в этом направлении, однако без успеха, ибо римское население предпочитало правительству республики правительству попов. Была еще другая партия, склонявшаяся к конституционной системе папы.

Эта партия не строила заговоров против Рима, подобно остальным. Хотя она состояла из людей, неспособных подвергать себя опасности и предпочитавших слова делам, все же они сеяли уныние и ослабляли моральную силу правительства. Эта партия состояла главным образом из адвокатов, докторов и литераторов. Среди них многие были богаты, многие—небогаты, многие—честолюбивы, многие искали должностей; некоторые спокойно жили в Риме, другие в провинциях и даже в Тоскане, где они были знакомы с Каппони, Бальдассерони, Риказоли, Корсини и другими, стоявшими на стороне правительства великого герцога.

Я знал об этих мелких интригах, ибо они велись во всех небольших городах. Услышав, что адвокат Немти произносил речи в Анконе, лишавшие население бодрости, я вызвал его к себе и сказал, что, как мне известно, он вел секретную переписку с другими частями государства с целью вызвать презрение к правительству, действуя совместно с Фарини, Панталеони, Пиццоли и многими членами болонской аристократии. Я советовал ему остерегаться, ибо я уже положил конец убийствам, и мне не будет трудно заставить замолчать злые языки или прекратить слухи, направленные к тому, чтобы вселить уныние в народ и отвратить его от защиты национальной чести; Немти ответил, что впредь он будет избегать подобных разговоров, хотя не считает их предосудительными, что он не переписывается ни с кем, кто стремится к ниспровержению правительства, и в конце концов предложил на будущее время свои услуги государству. Тем не менее мои обвинения против него были обоснованы.

Общественные обвинители получили от губернатора приказание приступить к процессу. Я готовился покинуть Анкону, ибо мне удалось восстановить порядок, совершенно расстроженный в этой провинции.

Австрийцы стояли под стенами Болоньи, и в их лагере находился папский комиссар, монсиньор Бедини. Граф Альдрованди, житель этого города, явился в австрийский лагерь для ведения переговоров с

неприятелем, но по приказанию Бедина был арестован, противно всем законам международного права.

Это позорное дело, когда я услышал о нем, вызвало во мне отвращение. В правительственном дворце в Анконе племянница Пия IX, ее муж, граф Арсильи, их маленькая дочь и два брата монсиньора Бедина нашли себе убежище от ярости народа. Я не стал церемониться и решил задержать их в качестве заложников. Гражданские власти были другого мнения и воспротивились этому; Комитет общественной безопасности стал обсуждать этот вопрос. Мнения разошлись, но я настаивал, заявив, что беру на себя ответственность. В десять часов Бедина было написано письмо, уведомляющее его, что семья Мастаи Арсильи и братья Бедина задержаны в качестве заложников, что, если что-либо случится с графом Альдрованди, против них будут применены репрессии и что они будут задержаны, пока граф останется под арестом. Это письмо было немедленно отправлено с курьером. Я подписался в качестве губернатора и коменданта города и крепости. Затем содержание письма было сообщено заложникам, которые горько плакали и спрашивали, что предполагают сделать с ними. Я ответил, что они будут содержаться в замке и что их судьба будет зависеть от поведения монсиньора Бедина. Чтобы защитить семью от возможных оскорблений, я сопровождал ее в крепость вместе с синьором Боккали и поручиком линейной пехоты Альто Рено. Во время содержания семьи в заключении с ней обращались хорошо, что члены ее все должны признать.

Я еще не окончил своей миссии в Анконе, как римское правительство отозвало меня, чтобы отправить в Асколи, где было необходимо действовать с величайшей энергией.

Я выехал из Анконы в Рим 9 мая.

В Риме я был назначен комиссаром в Асколи, куда и направился.

Процесс в Анконе подвигался вперед медленно, так как общественные обвинители исполняли свое дело неохотно. Один из арестованных оказался по происхождению англичанином, вследствие чего консул Мур делал для него все от него зависящее.

Так как шли слухи о том, что австрийцы, приближаются с целью осадить город, он был обильно снабжен продовольствием, укрепления его были исправлены, кроме того воздвигнуты полевые укрепления и начеканена медная монета.

После этого я больше ничего не слышал о политических убийствах в каком-либо городе государства; строгость не замедлила произвести Соответствующее впечатление.

Монсиньор Савелли и другие духовные лица всячески поддерживали беспорядки в провинции Асколи. Бандиты часто пользовались этим, чтобы переходить границу Неаполитанского королевства, которая была неподалеку, чтобы грабить и убивать крестьян, а затем удалиться в Абруццы. Бандитов подстрекали и поддерживали дон Доменико Таллани, Фра Джованни, Джованни Пиччионе и кавалер де Анджелис, брат кардинала. Их приверженцы бандиты грабили и убивали во имя девы Марии и святых. Действительно, банды сделались так страшны, что

могли угрожать даже городу Асколи, ибо в это время республиканские войска были стянуты преимущественно к Риму, где предстояло решение судьбы республики.

Осмелев благодаря безнаказанности, бандиты явились в Асколи и угрожали городу разграблением и убийствами, если их не снабдят съестными припасами и амуницией; так как их требование не было удовлетворено, они напали на город, причем сражение длилось несколько часов, однако без больших потерь.

Тем временем французы, взбешенные своим поражением 30 апреля, повели осаду Рима с удвоенной энергией. Австрийцы спешили к Анконе. Неаполь и папа покровительствовали бандитам, и король вел армию в пятнадцать тысяч человек, чтобы (если удастся) взять священный город. Даже жалкая Испания отправила солдат, чтобы помочь другим «героям» уничтожить республику.

Я прибыл в Асколи, где нашел несколько национальных гвардейцев и две старые чугунные пушки, весьма мало пригодные для употребления. Я издал несколько очень строгих приказов и велел арестовать несколько человек, подстрекавших к мятежу против республики. Судопроизводство было весьма просто и оказывало действие; виновных тут же наказывали, а невиновных выпускали на свободу. Хунте было поручено судить бывшего губернатора Аркваты, его сына и двух братьев священника, жившего с бандитами. Первый подстрекал население к бунту и руководил движением, а второй доставлял бандитам оружие и огнестрельные припасы. Они были арестованы во время командования полковника Розелли. Трое были приговорены к расстрелу, а сын, как малолетний, — к пожизненному заключению. Много лиц вступалось за них, но я отказывался выслушивать их. Наконец ко мне явился майор Сгарилья и снова начал просить о помиловании. На это я сказал ему, что сначала он должен освободить полковника Риботти из рук неаполитанского правительства, которое держало его в плену. Он вошел в сношения с этим правительством, но оно ответило отказом. Тем не менее осужденным была дарована жизнь.

Так как французские полчища продолжали вторгаться в Римскую область, триумвиры разослали в различные провинции комиссаров, чтобы уверить население в том, что правительство будет до конца защищать неприкосновенность республики. Энрико Серпьеры и Винченце Кальдизи, комиссары в Фолиньо, написали мне, что мне было бы лучше удалиться, ибо австрийцы наступают с этой стороны, так что, если им удастся занять проходы Фолиньо, Толентино и Мачераты, я окажусь в опасном положении. З то же время Коваини писал из Ферме, что австрийцы были уже под самой Анконой и получали подкрепления. Я отказался удалиться.

В то время как я готовился к экспедиции против неприятеля, под мое начальство был прислан Фредди, бывший капитан папских жандармов. Уже раньше у меня была с ним встреча, когда меня везли в цепях в Форли, по дороге в Сан-Лео (что читатель, вероятно, помнит). Его отец арестовал меня в Болонье, он же был председателем военного трибунала. Фредди взглянул на меня со слезами на глазах и сказал:

«Комиссар, прошу вас набросить покрывало на прошедшее; приказывайте мне, испытайте меня, и вы увидите, как будут выполнены ваши приказания». Это самоунижение покорило меня. Я никогда не позволял давать ему важных поручений. Я держал его поблизости от себя, чтобы не итти наперекор советам римского правительства. Почему они послали мне одного из самых верных капитанов папы, который всегда отличался своим усердием против патриотов, отец которого сидел в римской тюрьме, куда был заключен либералами? Будем верны логике, и мы не нарушим законов природы. Капитан Фредди тайно строил козни против республиканского правительства, а когда оно пало, он снова был принят папой на службу и сделался одним из злейших врагов республиканцев. Так-то римское правительство держало у себя на службе нескольких самых выдающихся разбойников и некоторых злейших своих врагов!

Австрийцы проявляли намерение напасть на провинцию Асколи, соединившись с бандитами. Я принял командование над немногочисленными, весьма дезорганизованными отрядами, но, насколько мне позволило время, постарался привести их в сносное состояние.

Несколько провинций уже подчинились австрийцам, бандиты захватили горные проходы. Мои солдаты имели с ними несколько перестрелок. В три часа пополудни на 3 июня я выступил во главе пятисот пятидесяти человек пехоты и пятидесяти конных карабинеров. После многих трудностей и опасностей мы прибыли в Форче, где в течение трех дней должны были выдерживать бои с бандитами, которых удалось отогнать от города только стремительными штыковыми атаками. Признав дальнейшее сопротивление совершенно невозможным,—ибо наш состав сильно пошел благодаря раненым и дезертирам, а солдаты проявляли неудовольствие,—я передал командование офицерам, и в конце концов была подписана капитуляция, в силу которой подчиненным мне солдатам разрешалось поступить на службу к папе или же с оружием и багажом удалиться в Рим. Австрийцы, как обычно, оказались не склонны соблюдать условия капитуляции, но предложили паспорта на Рим. Тогда я достал себе паспорт на чужое имя, надел форму подпоручика, назвал себя неким Франческо Пинелли из Фермо и отправился один, хотя многие из офицеров хотели сопровождать меня. Позже я переоделся приказчиком имения и оставил письмо к австрийскому командиру, протестуя против злоупотребления силой, совершенно не оправдываемого хотя бы малейшим правом, и объясняя, что при таких условиях считаю капитуляцию недействительной.

Командир австрийского батальона, явившийся из Фолиньо, пытался каким бы то ни было способом захватить меня. За день перед тем я, хорошо переодетый, проследовал мимо него и его отряда по пути в Фолиньо.

Прибыв туда, я с гордостью услышал, что Рим отразил все атаки неприятеля и не намеревался отказаться от своих прав или склониться перед оружием галлов, которые, прикрываясь идеей возрождения народов, часто угнетали их и ковали цепи рабства.

С тех пор Франция дорого заплатила за пролитие итальянской крови, за бесцельное и подлое уничтожение римской республики.

ГЛАВА IX

Я нахожу убежище в Генуе.—Мать Маццини.—Мое знакомство с N.N. из...—Приезд в Ниццу.—Эмигранты.—Научные занятия.—Деятельность.—Переписка с Маццини.—Республиканская партия.—Soup d'etat в Париже.—Французская граница по р.Вар.—Герцен.—Мое знакомство с Эммой Гервег из Берлина.—Странные предсказания.—Движение 6 февраля в Милане.—Я еду с политической целью в Болонью.—В Сассуоло меня арестуют жандармы.—Мое бегство.—Реджио.—Апеннины.—Вместе с моим другом Риччи я едва не погибаю в снегу.—Новые опасности.—Возвращение в Пьемонт.—Проекты экспедиции в Сарцану.—Я заключен в оковы в Генуе в начале сентября 1853 года. Сардинские тюрьмы.—Изгнание.

В конце концов мне удалось попасть в Рим, хотя я и встретил некоторые препятствия на пути, так как город был осажден французами. Осада продолжалась весьма деятельно; произошло несколько жарких схваток, однако все мы знали, что развязка близка. Я получил приветствия правительства и депутатов в связи с выполнением моей миссии, которую я довел до конца, и 28 июня военный министр прислал мне патент на чин майора генерального штаба. Так как учредительное собрание объявило, что оборону города необходимо прекратить, то триумvirат сложил с себя власть. Одно время выдвигался проект создать другой триумvirат, и некоторые депутаты предложили мне принять назначение на должность одного из триумвиров. Я отказался, ибо делать было больше нечего.

Рим пал! Французы вступили в него и начали разоружение граждан. Время от времени возникали беспорядки, за которыми неизбежно следовали случаи политической «вендетты». Лица, которых по моему распоряжению арестовали в Анконе, были выпущены на свободу. Моя жизнь была в опасности, ибо они строили против меня планы и собирались меня убить, что в общем замешательстве было бы сделать нетрудно.

Меня, однако, предупредили.

Однажды вечером я встретил моих врагов в числе шести или семи человек. Я остановился первый и сказал, что мне известны их враждебные замыслы. Они старались оправдаться, но я твердо ответил, что «я только выполнял мой долг, в свое время принимая против них выполненные мною меры, и им было бы лучше подумать о своем будущем поведении, ибо угрозами меня не испугаешь. Если же они покусятся на мою жизнь, то, весьма вероятно, один или два из них погибнут вместе со мною». С моей стороны было бы неблагоразумно оставаться дольше в Риме, не только потому, что эти люди злоумышляли против моей жизни, но и потому, что не было известно, какова будет моя участь, если я буду арестован восстановленным папским правительством.

Я достал себе английский паспорт и 10 июля покинул Рим.

Я переехал во Флоренцию и просил разрешения остаться в Тоскане в какой-нибудь вилле. Мне было приказано в течение пяти дней покинуть великое герцогство. Тем временем я написал дяде и узнал, что он отправил мне деньги прямо в Рим с советом уехать и спастись как можно более верным способом. Я покинул Флоренцию и 20 июля прибыл в Геную.

Вскоре вслед за мною сюда явились Замбьянки и еще одна личность, по прозвищу «Красный человек», из числа арестованных мною в Анконе. Я знал, что они намеревались меня убить. Однажды я остановил Замбьянки на улице. Сначала он повел себя довольно грубо, но потом умерил свой пыл. Мы условились встретиться с «Красным человеком» вечером, что и сделали, вместе с Низи и одним римлянином, по имени Коллетти, людьми известными своей порядочностью. «Красный» хотел поставить мне в упрек то, что, как он говорил, я смешал его и его друзей с настоящими убийцами, что я сурово обращался с ними и действовал не так, как подобает либералу. Он прибавил, что в Анконе, в Коммерческой кофейне, на меня уже был наведен пистолет, но пистон дал осечку. Я ответил ему следующее: я действовал на основании совершенно ясных инструкций; приняв поручение правительства, я лишь выполнял мой долг; для успеха были необходимы энергия и быстрота, а мое избавление от их заговоров было доказательством моей удачи. Наш разговор окончился обещанием с их стороны более не поносить меня.

Вскоре после этого мы услышали, что несколько из арестованных мною были расстреляны в Анконе австрийцами.

Наконец пришел известие, что Венеция пала. Италия была в трауре. К чему привел весь этот пыл, весь энтузиазм, проявленный так недавно? В несколько месяцев все исчезло, и из двадцати восьми миллионов итальянцев всего лишь четырнадцать тысяч сражались в Риме и шестнадцать тысяч защищали Венецию. А теперь там, где всего лишь семь лет назад раздавались клики свободы и обильно проливалась итальянская кровь, мы видим лишь торжество нищеты, отчаяния и деспотизма! Кто же причиной этого? Молодежь? Народ? О нет! Молодежь и народ выполнили свой долг, отдали все, что имели: оружие, деньги, жизнь, кровь. Нация пала, но с честью, и 1848 год останется славной эпохой в истории Италии, ибо ее народ доказал Европе свою способность к борьбе. Но та же беспристрастная история, которая запишет этот славный факт, сохранит также страницу печали и позора, которая повествует, что итальянцы проиграли свое дело из-за неспособности и взаимной вражды своих вождей. История запишет измену папы, неаполитанского короля и великого герцога Тосканы; она расскажет о колебаниях и беспомощности Карла-Альберта, который в 1848 году, думая выиграть дело с своей в то время неподготовленной и дезорганизованной армией, выказывал свою неохоту принимать волонтеров. А между тем они собирались толпами под его знамена со всех концов полуострова. Наконец, история беспристрастно запишет, как во время войны за независимость несколько политиков неудачно

выдвинули свои собственные политические теории, которые только ослабили наши силы и усилили австрийцев.

Вот факты, которые погасили энтузиазм, рассеяли всеобщую жажду веры, породили взаимные обвинения, вызвали к жизни прежние раздоры, в конце концов превратили нас в горсть бойцов, и мы пали в борьбе. Таким-то образом, к вечному позору тех, кто правил нами, а не по какой-либо вине нации, мы были свидетелями, как надменный завоеватель осквернял и подвергал бомбардировке знаменитейшие исторические города Италии.

1848 год доказал еще другую истину, и, как ни печальна она, в ней необходимо признаться. Когда национальный энтузиазм погас, не оказалось человека, который силой военного или политического гения сумел бы зажечь его вновь и вдохнуть новую жизнь в охваченный унынием и отчаянием народ. Этот факт остается неопровержимым!

Пришедшие к власти итальянские эмигранты носились с идеями, заимствованными в чужих странах во время долгого изгнания, и лишь плелись в хвосте революций других наций, а между тем в самой Италии было достаточно древних и новых примеров великих дел, чтобы ей нужно было подражать примерам современной Европы. Сверх того, многими руководило личное честолюбие. Любовь к родине далеко не была их первой мыслью. Некоторые провинции были по своему духу вольнолюбивы и свободны, как это доказывают Рим, Венеция и Флоренция, но только один Рим выказал истинное понимание национального единства. Вожди Венеции питали нелепую идею восстановить старинное правительство и таким образом санкционировать новое разделение Италии, между тем как правители Флоренции были неспособны, честолюбивы, а один из них (Герацци) все время состоял в переписке с последним властителем Тосканы. Так случилось, что, пока велась проповедь единства, приходилось быть свидетелями позора трех итальянских провинций, управляемых тремя отдельными революционными правительствами.

Таким образом, героизм, проявленный в Риме и Венеции,—заслуга лишь одной итальянской молодежи!

Я хорошо знаю, что эти слова не найдут отклика ни у одного итальянца, который принадлежал к этим трем правительствам, и предвижу, какая буря подымется против этих мнений со стороны тщеславных честолюбцев. Но я не смущаюсь этим. Я сказал, что хочу говорить правду, и намерен делать это,— будь, что будет. Всякий, кто чувствует любовь к родине, не должен обманывать своих соотечественников ни неискренними действиями, ни хвастовством.

Если Италия воистину восстанет, она должна победить; но чтобы достигнуть этой цели, во главе революции должны стоять люди таланта и решимости; люди-практики, а не мечтатели; не интриганы, не честолюбцы, не боящиеся смерти; люди, которые чувствуют, что они живут, чтобы делать Италии добро, которые ради этой идеи жертвуют личными привязанностями и всем, чем дорога жизнь большинству смертных. Без этого нет надежды на избавление.

Возобновляю прерванную нить моего рассказа.

В течение нескольких месяцев, проведенных мною в Генуе, я снова усердно принялся за математику вместе с Энрико Чернуски из Милана, а также не забывал моих занятий военной наукой. Однажды я в первый раз встретился с N.N. ^{*****}, и мы почувствовали друг к другу искреннюю дружбу. Я познакомился с матерью Маццини и часто бывал у нее в доме. Хотя уже в преклонном возрасте, она была умна и проявляла необычайную живость. Она всегда с большой любовью говорила о своем сыне и любила всех, кто любил его. Через нее я переписывался с Маццини.

В марте 1850 года я приехал в Ниццу и там получил письмо от Монтекки, который просил меня помочь одному подготавливавшемуся тогда политическому делу. Вскоре за тем был учрежден Национальный комитет, имевший целью вызвать в Италии новую революцию и подготовить средства для ее выполнения. Я получил инструкцию отправиться в некоторые пьемонтские провинции, чтобы учредить в них республиканские клубы. Я поехал туда. Через Маццини я познакомился с одним русским, Александром Герценом. Однажды он пришел ко мне с г-жей В., англичанкой, которая принесла с собой несколько облигаций национального займа. Я не задумался принять их, и мне удалось продать их приблизительно за восемьсот франков, каковая сумма, согласно приказу, была уплачена г-же Маццини.

В Париже произошел *coup d'etat*, и великая тревога появилась на лицах членов собравшейся на улицах Ниццы группы. Много находившихся здесь итальянцев уговорилось с французами перейти реку Вар и начать восстание в горах во имя республики, следовательно против правительства Наполеона. Комитеты Драгиньяна, Динь, Антиба и др. выказывали нам большое расположение. Мы перенесли много трудностей вместе с несколькими храбрыми французами. Мы были на месте назначения на границе и провели несколько ночей, созерцая горы и звездное небо, стуча зубами, полузамерзшие от холода, но из всех французов, которые должны были присоединиться к нам, явился только один—сторож береговой охраны, дезертировавший со службы. Во Франции произошли движения, которые были быстро подавлены. Несколькими месяцами позже другие революционные планы были составлены в Лондоне, и, как часто случалось прежде, эти планы, превосходные на бумаге, оказывались совершенно невыполнимыми на деле, ибо их авторы, к несчастью для себя, находились слишком далеко от сцены действия. Экс-капитан французской армии Белле, долго служивший в Африке, был прислан ко мне из Лондона с инструкциями от Маццини и Ледрю Роллэна [примеч. к стр.161]. Он спешно вызвал меня к себе и во время переговоров с жаром воскликнул: «Вы будете командовать итальянской колонной, я—французской; через три дня мы атакуем Вар. Есть ли у вас ружья и патроны?» Я ответил отрицательно, ибо на этот счет не получил никаких инструкций. «В таком случае

торопитесь,— сказал он,— заготовьте то и другое, устройте это! Нам понадобится немного патронов; сделав один или два залпа, мы атакуем штыками мост через Вар. *Храбрые падут, трусы уцелеют*. Я едва мог удержаться от смеха, тем не менее уговорился с моими итальянскими товарищами, среди которых был Джузеппе Фонтана ^{*****}, человек большого практического смысла. Через несколько дней тысяча патронов была готова, и я знал, где можно было достать оружие. Три дня прошли, а капитан так и не получил приказа атаковать мост на Варе. Ледрю Роллэн, который должен был быть на юге Франции, не явился, все окончилось ничем, а бедняга-капитан, бросивший свои дела в Лондоне, чтобы начальствовать экспедицией, без гроша в кармане оставался несколько месяцев в Ницце, не имея средств вернуться обратно. Повидимому, его начальники в Лондоне забыли о нем, и было бы неудивительно, если бы пылкий француз атаковал мост на Варе, чтобы захватить обед тамошней караульни—до того дошла его нужда!

В доме Герцена я встречал поэта Георга Гервега [примеч. к стр.162] и многих немцев и поляков. Около этого времени скончалась мать Гарибальди. Все население проводило ее до могилы. Горе не миновало и семьи Герцена, потерявшего свою мать и восьмилетнего сына вместе с его воспитателем, которые погибли на борту парохода, пошедшего ко дну моря вблизи Ниццы. В течение нескольких дней Герцен не мог притти в себя. Это—высококультурный и образованный русский эмигрант с чрезвычайно либеральными взглядами, с глубокими познаниями в социальных науках, прекрасный писатель и чрезвычайно щедрый человек.

Но что за жизнь вел я в Ницце! За исключением первых месяцев, прошедших спокойно, я затем знал только тревоги, имевшие одну причину в прошлом, о которой было бы бесполезно рассказывать здесь. В результате у меня не было охоты особенно усердно предаваться каким-либо занятиям. Однако я не забывал военного дела и написал несколько статей о последней войне римской республики, опубликовал также военную географию Италии. Я жил в небольшом деревенском домике близ города. Мой дядя в последнее время потерял значительные суммы денег в связи с залогами, внесенными по совету нынешнего папы, в то время бывшего архиепископом. Дядя отправился в Рим, явился к папе, но с трудом мог добиться кое-какого удовлетворения. Папа принял его весьма холодно и упрекнул его за такого племянника, как я. В Ницце я познакомился с несколькими семьями англичан, среди которых был г.Джозеф Катораль из Престона, мой добрый и верный друг. Я привык к очень деятельной жизни. Я вставал с рассветом, в шесть часов фехтовал на рапирах, затем делал прогулку в горы, после обеда ездил верхом, причем брал барьеры; в пять часов снова фехтовал и упражнялся в стрельбе из пистолета. Так проходило время. Я присутствовал на нескольких дуэлях. Между тем я не забывал моей страны и держался

***** Это тот самый Фонтана, который был ранен при Местре и потерял там правую руку. Прим. автора.

***** Я не называю его имени, ибо он еще служит делу Италии. Прим. автора.

наготове. Считая в это время Маццини главою итальянской революции, я часто писал ему, выражая желание, чтобы он воспользовался мною для какого-нибудь отчаянного предприятия.

В декабре 1852 года мне был представлен синьор Фонтана, учитель музыки, который учился ей вместе с Россини под руководством знаменитого отца Маттеи. Как-то беседуя о нем с г-жей Эммой Гервег [примеч. к стр.163] и другими друзьями, я сказал, что хотел бы учиться искусству музыкальной композиции. Мои слова возбудили общий смех, мои собеседники сочли, что я не в своем уме. Это вызвало во мне решимость овладеть этим искусством. В течение почти двух месяцев я не выходил из дому, с утра до вечера сидел и занимался с моим учителем. Вначале я даже не знал значения ноты do. Мы начали с немого сольфеджио, затем перешли к голосовому, затем к пиано-форте, затем к последним объяснениям аккордов восходящей и нисходящей гаммы; установив связь между dissonanze, progressioni, imitazioni и fughe, я проработал аккомпанементы Фенароли и подготовился к аккомпанементам Маттеи. Теория преподавалась мне с удивительной ясностью, и сам учитель был удивлен моими успехами и стал находить удовольствие в этих уроках.

Однако в последний момент заговорщическая деятельность отвлекла меня от моих занятий ***** . В первые дни февраля 1853 года я получил письмо от Маццини. «Я выполняю данное мною слово и поручаю вам в высшей степени опасное предприятие; вы получите инструкции в Генуе». Моя жена каждый день ожидала разрешения от бремени. Тем не менее я немедленно отправился в Геную. Маурицио Квадрио сообщил мне инструкции. Мне было указано ехать в Болонью, чтобы участвовать в военном руководстве революцией. Там был сформирован верховный комитет, в который вошли А.Саффи, Пигоцци и я вместе с майором Джузеппе Фонтана ***** , в качестве секретаря. Саффи и Пигоцци уже отправились. Я получил приказание с запозданием, а Фонтана, не получив никакого, остался в Ницце. Опять та же беспечность! В Генуе о миланской революции говорили совершенно открыто. Губернатор Генуи, синьор Буффа, давал указания некоторым из самых влиятельных эмигрантов и советовал им сидеть смирно. Я находился в сношениях с эмигрантами и могу поручиться честью, что они были настроены весьма скептически. Очень немногие верили в то, что замышлял Маццини. Факт необъяснимый, ибо они участвовали во всей деятельности Национального комитета, и операция, которую предстояло предпринять теперь, была организована этим же комитетом. Они должны были бы знать, что от успеха или неудачи подготовляемого ими «удара» зависела судьба

***** Я следовал методу профессора Азиоли. Через два месяца я сочинил первый аккомпанемент и написал пять частей; через пять месяцев я прошел всего Крещентини и в июне начал набрасывать некоторые из моих собственных музыкальных идей. Прим. автора.

***** Он был произведен в майоры после сражения при Местре. Все эти факты хорошо известны в Италии, я раз навсегда я повторяю, что сообщаю только то, что не может повредить ни делу, ни лицам. Прим. автора.

республиканской идеи. Если они не имели веры в Маццини, они должны были сказать это с самого начала, а не проявлять нерешительность накануне революции. Человек, проникнутый любовью к свободе и патриотизмом, всегда должен высказываться откровенно, даже если этим он наживает себе врагов, иначе он лицемер и рискует погубить дело, которому якобы служит!

Маццини был в Лугано и не двигался с места. Тем временем горсть миланцев геройски штурмовала замок и проникла в него. Однако повстанцы, несведущие в военном деле, вместо того чтобы захватить составленные в козлы ружья, занялись пушкой, совершенно им ненужной. Тут их захватили врасплох. Положение сразу изменилось, и многие были повешены. Вечером после этого дела Милан был в сильном возбуждении, и самое ничтожное обстоятельство могло бы вызвать общую революцию. Но австрийцы проявили чрезвычайную осторожность, и армия действовала в высшей степени умеренно. В самой попытке участвовало немного лиц.

Б. был послан Маццини в Милан, чтобы организовать дело за несколько месяцев раньше. Был еще другой романьолец, Ф., и венгр, о котором я скажу ниже. Б., не подходящий для такого дела, подкупом сумел привлечь многих лиц из народа, которых в течение нескольких месяцев ежедневно оплачивал. Таким образом, заговор остался ограниченным небольшим кругом, но если бы он был организован как следует, он мог бы вызвать общую революцию, и причин этому две: во-первых, одна вещь вытекала из другой; во-вторых, моральная революция уже совершилась в сердцах итальянцев, и они всегда готовы помогать движению, подающему хотя бы малейшую надежду на успех. Все эти факты были рассказаны мне в Милане и Мантуе вождями восстания.

По получении рокового известия из Милана республиканская партия впала в полное уныние. Затем начались взаимные обвинения. Республиканская партия, которая после разгрома при Новаре спасла национальную честь, была побеждена в Риме, но не уничтожена. Она сохранила свою организованность, сплоченность, была окружена почетом, страхом и уважением даже в глазах сардинского правительства, когда ее члены находились в эмиграции. Но после миланского дела она стала уже другой, она внутренне деморализовалась. Подобно тому, как гордый корабль, гонимый бурей на скалу, разбивается в щепы от мощного удара, так и партия с этого момента превратилась в печальные обломки. Конституционная партия восторжествовала. Маццини был теперь человек конченный. После обороны Рима итальянцы видели в нем главу заговора свободы. Он был на вершине морального авторитета и едва ли когда-либо снова поднимется на нее в силу рокового и необъяснимого, но тем не менее очевидного закона, согласно которому люди, упустив надлежащий момент и упав с высоты, уже более не в состоянии подняться.

Со времени миланского дела большинство патриотов покинуло Маццини, и я со многими из его друзей перестал составлять так называемую национальную партию, уже по той причине, что мы были в

значительном меньшинстве. Поэтому мы оставались «сектой», ибо наша республиканская идея, сама по себе священная и справедливая, не являлась общей идеей нации. Я не хотел верить, что Маццини мог подвергнуться такой перемене судьбы. Я всегда смотрел на него, как на вождя. В обратном меня убедил лишь печальный опыт, общение с главенствующими итальянскими патриотами, а также личное наблюдение настроений в провинциях.

Я собирался покинуть Геную, когда туда пришло известие о неудаче миланского восстания, так что мне советовали не ехать в Болонью. Тем не менее я отправился и проник в герцогство Модену. Полиция находилась в чрезвычайной тревоге. В Сассуоло я был арестован жандармами вместе с моим спутником Риччи. Так как у меня был болонский паспорт, мне было приказано следовать туда, а Риччи получил приказ вернуться домой. Телеграфные депеши были заранее отправлены в места, через которые я должен был проезжать, а за мной в некотором расстоянии следовали жандармы. Однако я прибыл в Модену и, покинув этот город, ухитрился обмануть бдительность жандармов и полиции. Я снова соединился с Риччи и при содействии нескольких студентов прибыл в Рецжио. Там мы узнали, что Саффи и Пигиоцци возвратились. Тогда мы решили последовать их примеру. Полиция открыла мое местопребывание, и жандармы вошли в одну дверь дома в тот самый момент, когда я выбрался из него через другую. Мне посчастливилось снова отыскать Риччи, и мы отправились к Апеннинам. Здесь я очутился среди опасностей, еще не испытанных мною. Снег был очень глубок. Нам пришлось держаться на хребте гор у Сассальбо, где дорога ведет на Фивиццано, Сарцано и т.д. Была ночь, дороги не было и следа. Нам пришлось ориентироваться по телеграфным столбам, хотя при нас был один из самых опытных проводников. На несколько минут мы потеряли тропинку, проводник воскликнул: «Дева Мария! мы погибли!» Я не потерял мужества, но, будучи неопытен в такого рода приключениях, повернул было назад. Проводник закричал: «Ради бога, не назад!» Тогда я изменил решение и последовал за ним. Если бы я пошел в избранном мною направлении, я погиб бы, ибо ветер со страшной силой гнал с этой стороны снег, как клубы дыма; достаточно было на минуту или две обернуться к нему лицом, чтобы задохнуться. В Англии никто и представить себе не может силы ветра и снега в Апеннинах зимою. К счастью, проводнику место было знакомо, и через два часа опасностей и риска мы нашли убежище в хижине. Хотя в течение четырнадцати часов мы не имели крошки во рту, мы были до такой степени утомлены, что не были в состоянии подкрепиться чем-нибудь. Через день мы прибыли в Сарцану. Поблизости от нее в деревенском доме скрывались Саффи и Пигиоцци, с которыми мы там и встретились. Полиция сардинского правительства развивала чрезвычайную деятельность с целью арестовать нас, но с помощью нескольких тамошних патриотов мы добрались до Специи, сели там на пароход и в одно прекрасное утро прибыли в Геную, имея на головах кепи сардинских национальных гвардейцев. «Эмиграция» в Генуе полагала меня арестованным австрийцами и,

следовательно, погибшим. Через несколько дней я снова отправился в пределы Молены, чтобы разузнать, не было ли там какой-либо возможности поднять восстание в Луниджане и в горах. Это оказалось бесполезным, я не нашел подходящего материала для такого предприятия. Я вернулся в Геную, а оттуда в Ниццу. Тем временем моя жена родила девочку. Я возобновил мои занятия музыкой и фехтованием. На ломбардской границе Пьемонта произошли другие незначительные движения одновременно с попыткой в Милане. Они были подавлены сардинскими войсками. В Болонье полиция узнала о присутствии Саффи и Пигиоцци, и они оба были осуждены на двадцать лет тюремного заключения за противодействие закону. Результатом всех этих движений были казни, наказания палками и каторга в Ломбардии. То же самое в Папской области, массовые ссылки в Сардинском королевстве, повсюду отчаяние, бедствие и взаимные обвинения.

Маццини выпустил памфлет в оправдание миланского восстания, в котором выражал неудовольствие по поводу его результатов. Некоторым своим друзьям, между прочим Монтекки, он написал, что намерен уклониться от участия в политике. Позже он писал, что некоторые итальянцы просили его остаться главой революционной партии, на что он согласился. Маццини снова начал действовать и дал своему комитету название «Центр Действия». Однако он сознавал необходимость реабилитировать себя в глазах своей партии и поэтому старался организовать движение, успех которого заставил бы забыть прежние ошибки. Он воображал, что революцию можно было произвести в Луниджане, и написал мне, имею ли я что-либо против принятия на себя руководства. В ответ я охотно согласился. Я имел разговор по этому делу в Ницце с майором Фонтана, но в то же время проявлял некоторое колебание. Мы написали Маццини о нужных средствах. Кроме того, Фонтана просил разъяснений насчет одновременного движения, которое должно было сопровождать движение в Сарцане, без чего изолированное предприятие оказалось бы бесполезным. Маццини ответил не ему, а мне, причем писал, что я должен решиться и сказать за или нет! Так как мое самолюбие было задето, я ответил, что принимаю предложение, и Маццини с обратной почтой прислал нужные деньги для патронов и прочего.

Привычка к опасностям внушает нам чрезмерную самоуверенность, и мы начинаем пренебрегать нужными предосторожностями. Иногда эта самонадеянность не влечет за собой вредных последствий, вообще же она бывает причиной неудачи великих замыслов. Так обстояло дело с нашими заговорами! Должен сознаться, что я действовал несколько неосторожно в выборе некоторых лиц в Ницце, предназначенных мне в спутники. В результате эмигранты в Ницце проведали о предполагаемой экспедиции. Однако ввиду отдаленности сцены действия их нескромность не привела к дурным последствиям. Я отправился в Сарцану с графом Гуго Пеполи, другие последовали за мною и остановились в Специи. Патроны и прочее были заготовлены. Ружья надо было достать у

национальной гвардии в Сарцане. На границе герцогства мы ожидали значительное число молодых людей, которые должны были отдать себя в наше распоряжение. 3 сентября, в четыре часа утра, мы должны были атаковать Массу. Я послал приказания нашим товарищам в Специю, Сарцану и в герцогство, согласно которым одни должны были находиться близ Сарцаны, другие—на границе. За час до встречи я был на своем посту вместе с Риччи, Мериги, Низи и другими. Мы ожидали три часа, и двадцать молодых людей из Сарцаны присоединились к нам, причем, вместо того чтобы явиться со ста пятьюдесятью ружьями, они принесли с собою всего две дюжины. Я решил, невзирая на это, произвести попытку, но товарищи из Специи не явились с огнестрельными припасами, и отсрочка на три часа совершенно расстроила всякую надежду на удачный исход, если бы даже мы предприняли нападение. Это обстоятельство, а также известие о приближении роты сардинских стрелков, заставило меня отказаться от предполагаемой атаки. Я отправил молодым людям на границе совет не двигаться вперед, сам же с четырьмя товарищами удалился в соседние горы. Главной и настоящей причиной неудачи было запоздание людей, которых я ожидал из Специи. Черетти получил от меня приказание явиться на место заблаговременно, но он так и не объяснил мне причину своего промедления. О его поведении ходили дурные слухи, но, уже привыкнув к подобным разговорам, я не обратил на них внимания и приписал его запоздание неспособности и недостатку энергии.

Неудача предприятия стала известна сардинскому правительству. Полиция, жандармы и национальная гвардия были настороже по приказу правительства, которое опубликовало сообщение, что банды злоумышленников распространились по стране. Таким образом, правительство, которое собиралось в случае удачной попытки стать во главе революции, награждало нас самыми грубыми эпитетами. Даже австрийцы не могли бы поступить с нами хуже.

Тогда мы решили укрыться в надежном месте, но какой-то шпион сообщил полиции, где мы скрывались. Семь жандармов захватили нас врасплох, наведя на нас заряженные карабины, с возгласом: «Кто двинется с места, будет убит!» Нас было пятеро безоружных, ибо мы явились сюда не для того, чтобы сражаться против сардинских войск. Нас арестовали и заковали в цепи. У меня были кое-какие бумаги в охалке соломы. Ее обшарили и бумаги нашли. Жандармы спросили, кто хозяин соломы, и я назвал себя. В бумагах были кое-какие инструкции Кошута, Маццини и мои собственные. Некоторые пьемонтские газеты дали им самое неверное и недобросовестное освещение, до чего не унизились бы даже австрийские газеты. Ночью 4-го числа нас подверг очень грубому допросу полицейский комиссар, по имени Чекки, в сарцанской тюрьме. Я ответил, что с тех пор как я стал понимать различие между добром и злом, я всегда устраивал заговоры против австрийцев, державших мою родину в рабстве; что пока в моих жилах останется хоть капля крови, а в Италии хоть один солдат, Я не перестану это делать; что по моим принципиальным убеждениям я республиканец и что сардинскому

правительству было это известно с момента, когда я ступил на его землю; что до поры до времени я держался смирно, потому что первой нашей целью была независимость, которую надлежало поддерживать всеми силами. Я сказал, что я не предпринимал ничего против сардинского правительства и, наконец, что я не знаю захваченных мною товарищей, ибо мы встретились по дороге. Меня в цепях отправили в Геную, разлучив с моими товарищами, которых ожидала та же участь в следующие дни. Мне пришлось носить цепи два дня, их же держали в цепях в течение восьмидневного путешествия, от чего они сильно страдали. В Генуе меня посадили в секретную камеру в тюрьме св. Андрея, где обычно держали приговоренных к смерти. Меня снова подвергли допросу, и я подтвердил то, что показал раньше. С самого начала ко мне применяли строжайший режим. Синьор Буффа, губернатор Генуи, посетил меня и, выражая восхищение твердостью моего характера, был очень добр со мною. Строгости прекратились, но я все еще оставался заключенным в той же камере. Мне разрешили иметь книги и читать журнал под названием «Торговый курьер», из которого я узнал, что Кальви [примеч. к стр.174] был арестован австрийцами в Кадорских горах во время такой же экспедиции. Тогда я и не думал о том, что впоследствии окажусь в смежной с ним камере за несколько дней до его казни.

Через несколько времени я узнал о своей участи: сардинское правительство решило меня выслать. Я попросил разрешения поехать в Ниццу, чтобы повидать моих детей, и отправился под конвоем двух полицейских. В Ницце я пробыл один день в тюрьме, где я увидел и обнял членов моей семьи, жену и ребенка. Затем я вернулся в Геную, а оттуда был посажен на неаполитанский пароход, плывший в Марсель.

Я нашел, что жандармы и тюрьмы в Пьемонте имеют удивительное сходство с жандармами и тюрьмами других итальянских государств: там и тут система одинаковая. Различие состоит в том, что в Пьемонте суды обычные, так что здесь можно иметь защитника и т.д. Что касается меня и моих товарищей, то против нас нельзя было возбудить настоящего обвинения. К нам были применены только полицейские меры. Мое одиночное заключение длилось два месяца.

ГЛАВА X

Прибытие в Англию.—Лондон. — Я теряю жену. —Вестминстерское аббатство.—Обед у г.Сандерса, американского консула.—Кошут.—Маццини.—Гарibaldi.—Ледрю-Роллэн.—Герцен.—Ворцель.—Пульский.—Новые планы движения в Италии.—Мисс Луиза.—Я инкогнито еду в Италию.

Пять дней я пробыл во Франции и затем отправился в Англию. Я прибыл в Лондон в ноябре, в одну из суббот. Англию я видел первый раз в жизни. Я нашел в ней туман, тишину, одиночество и уныние,—таковы были мои первые впечатления. Я остановился у синьора Джебзириниса, моего земляка, на Гольден-сквере. По своему обычаю, я проснулся рано,

а накануне я не опустил штор. Я смотрел в окно и всюду видел только мрак. Я зажег свечу и взглянул на часы; было восемь. «Что бы это означало,—думал я:—так поздно и все же так темно?» Я погасил свечу и стал ждать и ждать; пробило 9 часов, потом 10; я встал и подошел к окну. Я увидел желтоватый свет, смесь тумана и дыма, чувствовал запах газа и слышал, как на улице повторялся звук «о-гоо!»,—звук негармоничный, который я не мог понять. Я оделся, спустился вниз, и убедился, что часы мои были верны, но атмосфера, очевидно, ошиблась. Тогда я понял, что зимою в Лондоне день начинается очень поздно и что мне придется изменить мои обычаи. Впоследствии климат сделал меня несколько склонным к меланхолии, так что я не мог сидеть дома, а бродил с утра до ночи. Я повидался с Маццини, мы говорили о сарцанском деле, и он сказал мне, что замышляет другое и что мне следует быть готовым.

Однажды я получил письмо от дяди; сарцанское дело причинило ему некоторое беспокойство. От него не укрылись опасности, которым я подвергался на моденской границе, и первый раз со времени моего детства он говорил со мною в строгом тоне. Я просил у него некоторую сумму денег. Он ответил отказом и сказал, что я должен думать о своей семье и больше не вмешиваться в политику. Это поставило меня в несколько затруднительное положение, ибо денег у меня в это время не было. Тем временем я получил печальное известие—у меня не было больше жены.

В Лондоне я осмотрел все памятники, между прочим великолепное Вестминстерское аббатство, вместе с моим другом, Джозефом Каторалем из Престона. Я снова посетил его по другому поводу и часто часами оставался в нем, созерцая памятники некоторых величайших людей нового времени. Собор напоминал мне церковь Санта Кроче во Флоренции, в которой покоится прах наших собственных великих людей—Микель-Анджело, Макиавелли, Галилея, Альфиери [примеч. к стр.178]. Какие мысли пробуждает созерцание памятников ушедших от нас великих людей? Время стирает имена завоевателей, превращает в прах троны, разрушает царства, сметает даже следы самых древних династий, все вещи превращает в ничто,—но оно бессильно уничтожить великие идеи творческого ума! Мощь разума побеждает время; гений ввергает свою славу вечности; сами физические законы этого мира останутся непреходящими памятниками Галилея и Ньютона!

Не было дня, чтобы я не видался с Маццини, который постоянно говорил о попытке восстания в Средней Италии. Я предоставил себя в его распоряжение. Он обдумал план, согласно которому предполагалось начать одно движение в Луниджане, другое—в Сицилии и одновременно третье—в Вальтеллине. Он сказал, что запросил Медичи, не примет ли он руководство в центральной области предполагаемого восстания, и вскоре затем сообщил мне, что Медичи ответил ему, что не предвидит там успеха. Маццини советовался с Гарибальди насчет Сицилии, но последний и слышать ничего не хотел о ней. Тогда он сказал мне, что собирается сам взять на себя руководство восстанием в Вальтеллине, я же брал на себя центральную часть Италии, другими словами—

начальство в Луниджане. Приготовления с большой энергией производились нашими друзьями.

Около этого времени я получил приглашение на обед к г.Сандерсу, генеральному консулу Американских соединенных штатов в Лондоне, по случаю годовщины дня рождения Вашингтона. На этом обеде я, среди прочих, встретил его превосходительство, посла Соединенных штатов, жену и детей г.Сандерса, генерала Гарибальди, Герцена, Ледрю Роллэна, Маццини, Кошута, Пульского и Ворцеля [примеч. к стр.178]. Обед был великолепный. Политических речей не было. Мы беседовали о путешествиях и об Америке. Все европейские газеты сообщили об этом обеде, и каждая, соответственно своей партийной тенденции, исходя из этого события, строила самые странные и нелепые предположения и догадки.

Когда нас уведомили, что все готово для нового дела в Луниджане, я собрался ехать. Моим друзьям я сказал, что отправляюсь в Бирмингем. Прежде всего я пошел проститься с одной высококультурной и порядочной английской семьей, с которой у меня завязалось знакомство. В этой семье была молодая двадцатилетняя девушка, соединявшая красоту и невыразимую прелесть с чистотой, высотой души, скромностью, совершенным воспитанием, редким умом, глубоким чувством прекрасного, доброго и благородного. Словом, в ней были все природные качества, создающие совершенный тип женщины. Ее звали Луизой. Она не поверила мне, что я еду в Бирмингем, и сказала: «Вы едете в Италию».—«Нет,—ответил я,—там пока нечего делать». Она же, все еще не разубежденная, прибавила по-французски: «Послушайте зовета искреннего друга: любите вашу страну, приносите жертвы для ее освобождения, но не растрачивайте свою жизнь на пустыки как глупец!». Через несколько минут мы расстались, и с тех пор я ее уже никогда больше не видел. Как часто в моей тюрьме в Мантуе перед грозившей мне смертью я думал об ее словах! Как часто эти мудрые предостережения сверлили мой мозг!

Ночью 18 марта 1854 г. я, переодетый, сел на пароход, отплывавший в Остенде. У меня был старый, испещренный визами, потрепанный паспорт на имя Тито Чельси.

ГЛАВА XI

Брюссель.—Апостолический нунций и мой паспорт.—Париж.—Женева.—Цюрих.—Я прибываю в Пьемонт.—Движение в Моденском герцогстве.—Его неудача и ее причины.—Новые опасности.—Странные обстоятельства.—Я спасен.—Тревоги.—Женева.—Маццини и Маурицио Квадрио.

Из Остенде я поехал в Брюссель и на следующий день по прибытии отправился к нунцию апостолического престола. Я был одет в черное, сбрил бороду, носил бакенбарды по английской моде и выдавал себя за итальянского купца. Представившись секретарю посольства (священнику), я принял весьма степенный вид и назвался жителем

Равенны. Я завязал с ним беседу о кардиналах этой части Папской области—Амате, Фальконьери и Мастаи Ферретти, которых я знал много лет. Беседа длилась около получаса. Это расположило в мою пользу секретаря, который разговаривал со мною стоя и держа свою маленькую шапочку в руке. Я выразил желание засвидетельствовать свое почтение нунцию, но не мог увидеть его, так как он был болен. Наконец, продолжая разговаривать о торговых делах, я вынул паспорт и сказал: «Могу ли я попросить возобновить мой паспорт? Один из моих приказчиков затерял его среди бумаг в моей конторе, и, как видите, он до того испачкан, что австрийский посол, представляющий римское правительство в Лондоне, не сразу поставил на нем визу, а так как я собираюсь ехать по делам в Италию, я не хотел бы встретить помехи или волокиту, особенно теперь, когда маццинисты затевают новые беспорядки». Секретарь немедленно согласился выдать мне другой паспорт, что и было сделано. Поблагодарив его, я ушел.

Я прибыл в Париж, пробыл в нем несколько часов и затем выехал в Женеву. Там я остановился на два дня, повидался с Маурицио Квадрио и был представлен им одному венгру, жившему в Женеве, если не ошибаюсь, под именем Фассенди. Я передал ему деньги и инструкции и послал его в Ломбардию. Из Женевы я прибыл в Цюрих. У меня было такое же поручение к одному итальянскому эмигранту, так что, если бы один был арестован, приказания были бы переданы через другого. Я вернулся в Женеву и поехал через Мон-Сенис в Турин, а оттуда в Геную. Здесь я оставался в вилле, вне городских стен. Никколо Феррари, прекрасный молодой человек, вскоре затем умерший, и Э.П. получили поручение заготовить для экспедиции оружие. Когда оно будет готово, они, согласно инструкции, должны были лично отвезти его вместе с небольшим количеством огнестрельных припасов на небольшом судне, а затем забрать меня. При мне находился молодой Фонтана из Массы Каррары, бывший моим товарищем в Сарцане. Если не ошибаюсь, это было вечером, в субботу, 6 мая 1854 года. Точные инструкции Маццини были таковы:

1. Я, Фонтана и один венгерский офицер должны, как было указано, сесть в бот.
2. Мы должны были отвезти оружие и прочее в боте к известному пункту берега близ Массы.
3. Оружие надлежало передать молодым людям, которые должны были взять его у нас.
4. После того, как эти молодые люди вооружатся, я должен был принять командование и выполнить то движение, которое признаю наиболее подходящим.
5. Риччи должен был точно указать мне место, где надо было выгрузить оружие, а также место, где мне предстояло встретить молодых людей.

Чтобы устроить все это надлежащим образом, Риччи уже несколько раз переодетый побывал в герцогстве Модене.

В этот день (в субботу) Риччи с десятью итальянскими эмигрантами сел на пароход «Ферруччио», отплывавший в Специю, взяв на себя

ответственность везти вышеупомянутых десять эмигрантов, так как я имел определенное приказание не брать с собой никого, кроме Фонтана и венгра.

Как я уже сказал, он отправился в субботу вечером и утром был в горах близ Специи. Венгр остался на берегу, хотя он получил от Риччи деньги и приказание сопровождать меня, так что при мне были только Фонтана и другой итальянский солдат, которого я взял с собою взамен венгра. Мы отплыли ночью, но морс было так бурно, а наш бот так ненадежен, что мы были принуждены вернуться в порт. Так как на борту было оружие, наше положение было очень опасно, и нам надо было во что бы то ни стало покинуть это место. Мы ждали до рассвета, когда ветер несколько ослабел, и поплыли под парусами без особенной опасности, но вечером и на следующий день погода была очень бурная. Нам пришлось держаться в виду Порто Руффино, и мы едва не погибли от шквала. В пятницу вечером мы прибыли в Порто Венере, так что путешествие, которое при хорошей погоде могло быть сделано в десять часов, потребовало пять дней. Это привело к очень печальным последствиям. Присутствие Риччи с десятью молодыми людьми без настоящих Документов, к тому же иностранцами, встревожило сардинскую полицию. В Массе Карраре и соседних деревнях распространились слухи о движении. Более того: говорили, что прибыли два американских судна, нагруженных оружием, и что готовится нападение на Массу Каррару. Герцогские войска были под ружьем и в некоторой тревоге. Вместе с тем они зорко следили за всем происходящим.

Мы прибыли в воды Порто Венере около одиннадцати часов вечера и взяли курс к устью реки Магры и к Вальтонскому мосту. Было условлено, что, как бы ни замедлилось наше путешествие, Риччи каждую ночь будет высылать одного из своих людей для наблюдения за судном и что капитан, выполняя условленный сигнал, будет плавать взад и вперед между Порто Венере и Вальтонским мостом. Этот сигнал был дан при плавании к Порто Венере и возвращении оттуда. Согласно условию, должен был появиться подобный же сигнал с берега, но его не последовало. Фонтана, и мой друг из герцогства Модены должны были выйти на берег, но капитан отказался высаживать их, опасаясь сардинской береговой стражи. Тогда они решились броситься вплавь, но тут, наконец, удалось уговорить капитана высаживать их на маленькой лодке. Я остался на судне близ Порто Венере. На следующее утро капитан высадившись и отправившись к Риччи, а затем вернулся ко мне с сообщением, что вечером того же дня Риччи явится, чтобы забрать оружие и доставить его в назначенное место, что Фонтана с остальными находится в Массе и занимается приготовлениями и что в окрестностях открыто говорят о движении. Вечером мы снова вышли в море и увидели приближавшиеся к нам две лодки, которые обменивались с нами условленными сигналами. В одну минуту ящики с оружием были переброшены в них. Третья лодка, которая должна была приплыть к нам, не явилась. В двух лодках было несколько молодых людей из окрестностей Специи. Капитан и матросы

так боялись попасть в руки береговой стражи, что перебрасывали ящики с большой поспешностью. Море было довольно бурное, лодки малы, а сидевшие в них люди непривычны к морю. Риччи упал в воду, но спасся, ухватившись за канат, при помощи которого судно тащило лодку на буксире. В одну минуту ящики были открыты и ружья извлечены из них. Всего было около двухсот ружей и карабинов. Они были заряжены теми немногими патронами, которые имелись у нас, и молодые люди, несмотря на мой совет сохранять хладнокровие, пришли в большее возбуждение, чем если бы они оказались в виду неприятеля. Увидев Вальтонский мост, один человек в лодке внезапно спросил: «Куда мы плывем?» Я ответил: «Вы это отлично знаете—сдать оружие молодым людям для известной вам цели». Тот же голос, принадлежавший доктору Петричولي из Сан-Теренце, возразил: «Но ведь там нет ни людей, ни огнестрельных припасов, которые должны были прибыть из Сарцаны». — «Как так?» спросил я.

Тогда выяснилось, что Риччи, не дожидаясь известий от Фонтана, решил забрать оружие и на возражения Петричولي и других, что оружие не следовало увозить в условленное место, ответил: «Я знаю, что делаю». Все это сильно раздражило меня, но времени терять было невозможно, и я сказал: «Ничего! Следуйте за мной, и мы атакуем первую бригаду карабинеров, которую встретим». Тогда тот же Петричولي ответил: «Мы не хотим умирать подобно Бандьера!» Все остальные хором присоединились к нему: «Нет, мы не хотим умереть смертью Бандьера!» Что было делать? Я уже не мог справиться с ними, я был в их власти. Море становилось все более бурным, волнение людей дошло до высшей степени. Тени, отбрасываемые скалами, они приняли за пьемонтскую береговую стражу и хотели стрелять. Я с трудом удержал их и крикнул: «Не стреляйте в пьемонтцев, их не может быть много, мы сильнее их, и они обратятся в бегство!» На берегу не было видно никого. Тогда мы поплыли назад и с большим трудом приблизились к скалам близ устья реки Магры, пункта, хорошо известного как убежище контрабандистов. Мы выгрузили оружие и высадили людей, которым я велел ждать моих приказаний, и я снова отправился на лодке. Море было настолько бурно, что мне понадобилось три часа, чтобы продвинуться на милю вперед. У меня было четыре гребца, и, кроме меня, в лодке не было никого. Я благополучно выбрался на берег и достиг гор, откуда отправил сообщение Фонтана. Я поручил приготовить съестные припасы для Риччи и его товарищей, затем нанял небольшое судно для их доставки, взял на борт молодых людей с оружием и отплыл на семь миль в открытое море. Я намеревался предпринять попытку вечером. Я заранее уплатил капитану Калафатти двести франков за его услуги, и он отправился с съестными припасами около восьми часов утра. Спустя полчаса он прибыл на место, где было сложено оружие, и был свидетелем бегства молодых людей через горы, что произошло таким образом. Сардинская береговая стража услышала от одного шпиона, что среди скал спрятана контрабанда. Капрал с двумя солдатами прибыли туда в лодке. Бывшие там молодые люди, увидя береговую стражу,

пришли в движение, и капрал, не зная, как быть, прибег к военной хитрости и закричал: «Стрелки, в середину!» При этих словах молодые люди бежали, и береговая стража причалила к берегу. Немедленно были посланы сообщения в Специю и Сарцану, повсюду появились войска, и оружие было захвачено.

Капитан уехал с двумястами франков, в которых он впоследствии уже не представил отчета. Мне сообщили, что молодые люди снова готовы получить оружие, но теперь было уже поздно.

В тот же день большинство этих молодых людей было арестовано. Что касается меня, то я скитался в горах. Несколько ночей я провел, неподвижно растянувшись на земле. В подзорную трубу я видел, что окружен жандармами и карабинерами, которые иногда стреляли с целью заставить меня выдать себя каким-либо движением, но я не двигался. Из Генуи были посланы отряды и стрелки, чтобы арестовать нас, и, как обычно, насчет наших планов распространялась самая гнусная клевета.

В течение приблизительно недели жандармы всячески пытались захватить меня, однако я был одинаково настойчив и осмотрителен в моих стараниях разрушить их планы. Каждую ночь и каждый день я менял местопребывание. Сорок карабинеров и стрелков явились в дом Сан-Теренце, где я находился, но не могли найти меня. Семья Р., вышеупомянутый Петричولي и другие являются свидетелями этих фактов.

Мое платье изорвалось в клочья в горах, а башмаки износились почти совершенно. После множества трудностей мне удалось добраться морем до Генуи. Я передохнул здесь в течение нескольких часов и повидал нескольких друзей, которые ссудили мне денег на мои личные расходы. Я отправился в Марсель и затем через Лион в Женеву. Остановлюсь несколько подробнее на том, о чем я только что рассказал.

Почему Петричولي привез Риччи и других на наше судно, если он знал, что ничего не было готово? Его долгом было отговорить Риччи брать оружие в лодки. В противном случае он должен был оставаться на берегу и не вносить беспорядок и деморализацию на суде. Его заявление, что «он не намерен умирать, подобно Бандьера», было причиной неудачи. По окончании этого дела я был так раздражен, что отправил статью в «Italia e Popolo» и в «Parlamento». В ней я называл итальянцев трусами и резко отзывался о республиканцах. Однако, правду говоря, я судил под впечатлением момента. Статьи не были напечатаны. Никто не может себе представить, что вынес я во время этой экспедиции, разве только военный или человек, испытывавший подобные же передраги. Уже второй раз предприятие оканчивалось неудачей.

Когда я прибыл в Женеву, я чувствовал сильное утомление. У меня были сильные боли в сердце, каких я никогда не испытывал ни прежде, ни после, даже перед трибуналом в Мантуе.

В революционных движениях от разнородного сборища людей невозможно требовать того повиновения, которого можно ожидать от обученных солдат, ибо последние всецело преданы своим военным обязанностям. В этих импровизированных экспедициях пробуждаются все человеческие страсти. Некоторые действуют из честолюбия, некоторые

ради улучшения своего материального положения, иные с целью удовлетворить жажду личной мести, а некоторые из чистого патриотизма. Последних, однако, бывает меньше всего. Каждый должен зрело обдумать вопрос, составить планы и т.д., и руководители экспедиции должны обладать редкой преданностью делу или большим запасом отваги. Без этого обойтись невозможно. Такие экспедиции всегда несут в себе семена разложения, и как бы хорошо они ни были подготовлены, малейшей непредвиденной случайности, голоса человека, могущего встревожить рядом стоящего товарища в момент опасности, бывает достаточно, чтобы погубить все дело. В этих случаях у вождя нет иного авторитета, кроме морального, и бывает очень трудно найти группу людей, которые подчиняются охотно. Человеком руководит более страх, чем любовь, и потому, не увлекаясь иллюзиями, людей надо брать такими, каковы они в действительности, а не такими, какими они должны были бы быть. Очень редко такие экспедиции бывают удачны. Не обращаясь к древним примерам, я могу засвидетельствовать, что с 1843 года ни одна не достигла успеха. Революции надлежит производить внутри городов, где заинтересованы все и где молодежь знает действительное положение вещей, а не вызывать их извне, с помощью горсти эмигрантов, которые составляют себе ложные представления на основании преувеличенных сообщений нескольких горячих голов. Революционеры в городах должны организоваться, изучить общественное мнение, средства нападения и защиты и затем начинать восстание. В то же время находящиеся за границей эмигранты должны поддерживать в иностранцах благоприятное отношение к революции, назначать способных офицеров для городов и держать наготове оружие, которое можно доставить в случае необходимости. Вначале я не поверил бы этим истинам, но меня убедил печальный опыт. Что может сделать экспедиция, в которой участвует тридцать, сорок или сто эмигрантов? Правда, мы имеем пример экспедиции с Эльбы, но мир знает только одного Наполеона. У него был гений и сила воли, он владел тайной возбуждать энтузиазм, где бы ни появлялся. Этот секрет он приобрел славой, завоеванной на полях сражений.

Наш гений проявлялся в словах, — делами же мы были небогаты.

Маццини и Маурицио Квадрио.—Я еду для организации экспедиции в Вальтеллину.—Приготовление.—Гризоны.—Виды Швейцарии.—Мои дети.—Ложное известие о смерти дяди.—Знакомство с швейцарскими офицерами.—Они принимают меня за папского вербовщика.—Инженер Иони.—Сен-Морис и Маццини.—Мой арест.—Ла Мартина, молодая девушка-швейцарка.—Ее изумительное поведение.—Русская дама.—Я спасаюсь от жандармов.—La valle Cavaglia и la valle dell Albula.—Сорокачасовой поход в горах.—Я прибываю в Цюрих.—Г-жа Эмма Гервег.—Новые планы.—Мои мрачные предчувствия.—Советы о воспитании моих детей, отправленные моему брату Леониду.—Я отправляюсь с политической целью в Италию.

В Женеве мне сообщили, что два эмиссара Маццини, итальянец и венгр ^{*****}, о которых я уже упоминал, были арестованы, а сведения эти мне передал синьор Квадрио, который был чрезвычайно огорчен плачевным исходом экспедиции в Специи. Он говорил, что мне следовало идти в горы даже с двадцатью людьми, и т.д. и т.д. Я возражал, что между теорией и практикой огромная разница. Кабинетные теории—это одно, люди же и поле сражения—это совсем другое. Мы рассуждали о различных вещах, и он сказал, что Маццини будет мне писать. Маццини был в Женеве и действительно написал мне. Он спрашивал, желаю ли я принять участие в блестящем деле в Вальтеллине. Я ответил утвердительно. Тогда он написал мне, чтобы я отправлялся в Койру. Я достал несколько карт Гризонов и Северной Ломбардии и взял с собой книгу «Кампании герцога Рогана», который некогда весьма отличился в этой части страны. Я проехал Цюрих и держал мою миссию в такой тайне, что даже не навестил ни г-жу Гервег, ни кого-либо другого. Я прибыл в Койру 11 июня. Экспедиция в Вальтеллину была предположена непосредственно за восстанием в герцогстве Модене, в качестве диверсии. Предположим, что экспедиция в герцогстве оказалась бы успешной. Месяц спустя после нее, 11 июня, в Вальтеллине и в Гризонах ничего не было готово. Таким образом, предполагаемая диверсия являлась попросту химерой, и если бы я имел успех в герцогстве, я оказался бы изолированным. Первой моей заботой было отправиться в горы Бернины, что привело меня в Поскьяво. Обследовав позиции, я вернулся. Такое же обследование я произвел до холма Малойи, где находятся истоки реки Инна и водораздел бассейнов Рейна, Дуная и По. Я произвел необходимые разведки различных горных перевалов, через которые можно было атаковать австрийцев во фланг в Вальтеллине, и принял меры, чтобы часть экспедиционного отряда могла проникнуть через перевал Моретто. Хотя этот перевал самый легкий, он очень высок и неровен, и в течение по крайней мере двух часов мы шли по ледникам.

***** В Мантуе, в замке св. Георгия, я узнал из одного источника, что один из них был арестован по доносу д-ра Аричи из Брешии; вообще же говоря, их соотечественники не пожелали принять во внимание привезенные ими в Италию инструкции. Прим. автора.

О прочих вещах я не говорю, ибо ни швейцарское, ни австрийское правительства никогда не узнали ничего о моих дальнейших предприятиях там. Я написал Маццини о всех подробностях, говоря ему, что в тех местах присутствие иностранца без дела всегда привлекает внимание и что если уж что-либо предпринимать, то откладывать нельзя. Я послал в разные пункты в большом количестве оружие, патроны, амуницию и т.д. Когда это было выполнено со всей возможной быстротой и другого дела мне не представлялось, я стал любоваться щедростью даров природы в Швейцарии, в Гризонах. Ботаник и геолог найдут здесь достаточно работы на целые месяцы. Я был очарован красотой природы. Эти леса, водопады, простота нравов, добродушие жителей возбуждали во мне чувство счастья, к которому примешивалась грусть. Я думал о моей собственной, еще более прекрасной стране. Я помнил, что этот кантон некогда принадлежал Италии, а теперь он разделен на части. Романский язык напоминал мне о древних римских завоевателях, которые бросили семена цивилизации в эти долины и принесли сюда латинский язык. Юлиева гора, где еще стоят две разрушенные колонны, напоминала мне о Цезаре. Я находился близко от моей родины и все же не мог войти в нее. С вершины Альп я видел плодородную долину По, но не мог спуститься туда; я думал о моих детях, но не мог их обнять; я видел, как подо мною клубились облака, и не раз был близок к тому, чтобы броситься в пропасть и умереть.

Я получил от Маццини письмо, которое извещало меня о смерти моего дяди. Целую неделю я был в большом горе. Его смерть печалила меня больше, чем если бы я потерял отца. Позже я узнал, что известие это было неверным, и я даже неоднократно переписывался с дядей. Он все еще сердился на меня, зная, что я «замешан» в политику. Так как я жил в Койре больше месяца, на мой счет строились всякие предположения, но мой паспорт был в порядке, и меня называли гражданином Равенны. Меня принимали за папского агента, явившегося в Швейцарию для тайной вербовки швейцарских солдат для его святейшества. В гостинице Фебера было несколько депутатов кантона, которые собрались для выборов кантонального совета. Было прекраснейшее время года, жители собирались большими компаниями, к которым часто присоединялись старые отставные офицеры папы, а также и другие, еще состоявшие на неаполитанской службе и находившиеся в отпуску. Так как швейцарская полиция весьма деятельна, я и несколько швейцарских либералов никогда не вступали открыто в разговор друг с другом. Я жил от них особняком и за общим столом в гостинице делал вид, что не знаю их. За тем же столом я встречался с графом Грилленцони, настоящим либералом, и был принужден и от него держаться в стороне. Это была комедия! Я проводил время с отставными офицерами, которые хвалились своей верностью папскому правительству и рассказывали, что их друзья и сыновья служат в армии его святейшества, а также в неаполитанской армии. Мы пили за здоровье папы, и, сказав правду, мы часто расставались слегка навеселе. Даже

теперь воспоминание об этом вызывает у меня улыбку. Все, за исключением графа Грилленцони, принимали меня за Тито Чельси.

Однажды мне представился случай беседовать с Иони, политическим эмигрантом из Папской области. Я хочу рассказать касающийся его факт, который даст читателю представление, каким бедствиям порой приходится подвергаться заговорщику. Иони был прекрасный, милый юноша. Зная, что я прибыл из Пьемонта, он заговорил о попытке восстания в герцогстве и сказал, что уже второй раз Орсини испортил все дело. «Вы уверены?»—спросил я. «Вполне уверен»,—ответил он. «Однакоже,—продолжал я,—один близкий друг Орсини объяснил мне все дело, и на основании его сообщения я думаю, что в его положении никто не мог бы Действовать лучше».—«Нет!»—сказал он,—я знаю лучше; я знаю также, что он не позволил своим людям стрелять в пьемонтских солдат, так что, по словам одного участника экспедиции, ныне находящегося в Париже, ружья оказались совершенно излишни». Я сразу прервал разговор, задав ему вопрос: «Где теперь Орсини?»—«Говорят, в Марсели»,—ответил он,—живет замкнуто и не принимает участия в политике».—«Хорошо делает»,—сказал я, и мы расстались. Мне пришлось проглотить горькую пилюлю. Однако я скоро перестал о ней думать.

Возвращаясь к моей экспедиции. На основании всех полученных в Швейцарии сведений о внутреннем положении в Вальтеллине я был уверен, что там никто не имел ни малейшего желания поддержать экспедицию Маццини. Я могу назвать одного из моих осведомителей, ибо он теперь вне опасности; это — г.Капрез, у которого много корреспондентов в Сондрио и других городах Вальтеллины. То же самое я слышал в Поскьяво и, повинувшись чувству долга, написал об этом Маццини.

Сигнал к революции должен был быть подан из Комо, где патриоты должны были захватить австрийский пароход^{*****}. Для движения в Комо было назначено 20 августа. Мы должны были получить сообщение о нем по телеграфу и начать движение в Вальтеллине. Маццини был главнокомандующим экспедиции.

Я заведывал военной частью экспедиции. Маурицио Квадрио прибыл в Сен-Морис раньше назначенного времени, затем явился Маццини. Мы вместе отправились посетить Малойю. Несколько вальтеллинцев прибыли туда и говорили с нами. Сначала они казались полными энтузиазма, но день спустя двое из посетивших нас написали мне письмо, которое я немедленно показал Маццини. Оно содержало мало ободряющего для нас и объясняло причины, в силу которых они не окажут поддержки движению. Маццини ответил, что он все же вступит в Вальтеллину и что во всяком случае господ вальтеллинцы будут иметь честь допустить наш арест. Правду сказать, эти слова были сказаны во-время и рассчитаны на

***** Австрийское правительство узнало об этих фактах. Когда я сидел в крепости Мантуе, там было около сорока лиц из провинции Комо, заключенных за участие в этом деле. Прим. автора.

то, чтобы вдохнуть несколько мужества в население Вальтеллины. Тем временем мы с тревогой ожидали прибытия ста пятидесяти итальянских эмигрантов, которые, по приказанию Маццини, должны были явиться для участия в экспедиции. Было уже 19 августа, но никто не явился, кроме Рудио, Фумагалли и Пассеги, которые впоследствии были арестованы, — Кампанелли, Никколо Феррари и Д.Б. Кроме них были еще Квадрио и храбрый молодой человек по имени Ц., который помогал мне в приготовлениях. Из Комо мы получили сообщение о том, что движение должно было начаться там 24-го. Утром 24-го я был арестован швейцарскими жандармами, так как приготовления тянулись столь долго, что полиции трудно было бы не заметить, что затевается нечто необычайное. Я находился с двумя жандармами в гостинице и через одну молодую девушку-швейцарку по имени Мартина смог уведомить Маццини, чтобы он действовал и что я найду способ бежать от жандармов. Тем временем полиция обнаружила сотню ружей и некоторое количество боевых припасов. Меня объявили собственником оружия, и 25-го мне предстояла отправка в тюрьму в Коюре, где меня должны были судить. Это не входило в мои расчеты. Я устал от жизни в тюрьме. Одна русская дама, находившаяся в Сен-Морисе на водах и жившая в той же самой гостинице, приняла большое участие в моей судьбе, получила от чиновников сведения о моем деле и т.д. и очень ловко говорила со мною в присутствии жандармов. Я понял, что мне не избежать последствий открытия моих планов. В Сен-Морисе нет тюрьмы, и потому два жандарма постоянно спали в моей комнате ночью и не покидали меня днем. Однако я мог говорить с русской дамой, а также с Мартиной, о которой я уже упоминал^{*****}, двадцатилетней девушкой, которая тоже принимала во мне участие. Я сказал этой девушке: «Я убегу». — «Нет! воскликнула она, ради бога, нет! Они снова схватят вас и закуют в оковы». — «Быть снова пойманым», — ответил я, — меня не пугает; что же касается цепей, я уже раньше испытал их и смеюсь над ними». Я попросил ее, чтобы она заняла одного жандарма болтовней, и затем пожал ей руку. Она исполнила мою просьбу. Я тотчас же воспользовался случаем и бросился в дверь, разумеется, не простившись с другим жандармом! Я перепрыгнул через два или три водных потока на своем пути и устремился чрез леса и поля. Спустя три часа форсированного марша я достиг горы Бернины.

Я отправился отдохнуть в маленькую гостиницу по соседству; войдя, я заказал себе два яйца. Немного времени спустя в гостиницу явилось несколько молодых людей. То были охотники, которые на следующее утро, 25 августа, отправлялись на охоту на серн. Они казались веселы и счастливы, здоровы и сильны, в цветущем возрасте. При них были ружья и рога, сумки через плечо и подзорные трубы, чтобы высматривать серн. Все это они положили на стол и с веселым и беспечным видом заказали

***** Мартина живет теперь в гостинице Delia Posta в Сильваплане, близ купанья Сен-Морис; если кто-либо из моих читателей когда-либо будет там, он может расспросить ее о Тито Чельси. Прим. автора.

себе чего-нибудь подкрепиться. Я внимательно смотрел на них и позавидовал их судьбе^{*****}. Я слишком любил приключения, чтобы остаться равнодушным к этой сцене.

Один из этих молодых людей сел против меня; ему казалось лет восемнадцать. Он обратился ко мне со словами «guten Abend» (добрый вечер, — это единственные слова, которые я знал по-немецки, и ими я приветствовал всех встречавшихся мне в пути). Он хотел продолжать разговор по-немецки, но я сказал ему, что не понимаю этого языка. Тогда он спросил, говорю ли я по-французски, и на мой утвердительный ответ задал мне такой вопрос: «Идете ли вы сегодня на охоту?» — «Нет», — ответил я, — я не швейцарец*. Я только что посетил Бернинские горы, столь богатые ботаническими сокровищами». — «Да, Гризонский кантон на этот счет славится», — сказал он. Затем с любопытством, встревожившим меня, он воскликнул: «Вы пришли из Поскьяво?» — «Нет», — сказал я, — из Сен-Мориса». «О! расскажите мне что-нибудь о людях, которых арестовали там вчера». — «Я о них ничего не знаю», — ответил я. «Как! вы ничего не знаете о них? Один господин, по имени Чельси, был арестован там три дня тому назад за участие в каком-то политическом движении. Говорят, что взяты также Маццини и Кошут со многими другими итальянскими патриотами». — «А, да, — сказал я, — я что-то слышал об этом, но так как я не имею никакого отношения к таким делам, то и не могу сообщить вам об этом ничего положительного». При этих словах он с грустным видом вздохнул и сказал: «Бедные итальянцы! Как много попыток они делают и так безуспешно!» Он помолчал минуту и затем сказал: «Я хотел бы знать Маццини, Чельси и Кошута». — «В самом деле?» — спросил я. «Да, очень хотел бы!» — воскликнул он с большой решимостью. В этот момент мне пришло в голову, что он мог бы быть мне очень полезен в качестве проводника, и с той смелой уверенностью, которую я всегда чувствовал в моменты опасности, я сказал: «Вы хотели бы знать этих людей из тщеславного любопытства или из любви к делу, которому они служат?» — «Из любви к делу», — ответил он. «В таком случае, — сказал я, — перед вами Чельси! Лишь сегодня я вырвался из рук жандармов. Если вы хотите арестовать меня, вы можете это сделать; но вы не сделаете этого, — у вас честное лицо, вы молоды и вы швейцарец; у молодежи редко бывают злые мысли, а на швейцарцев вообще можно положиться. Мне нужен проводник; вы можете мне его доставить или выдать меня жандармам».

Молодой швейцарец с изумлением смотрел на меня, и когда я произнес последние слова, он с жаром схватил мою руку. Теперь я понял, что передо мною друг. Он заставил меня лечь в постель и покинул меня со словами: «Спите спокойно, я буду охранять вас, во мне вы имеете брата. Вы должны встать в три часа утра. Я позову вас и достану для вас проводника, который будет сопровождать вас». Он пошел со мною в мою комнату и поцеловал меня. Несмотря на его уверения в том, что он будет охранять меня, я спал мало. В назначенный час он был в

***** Я должен сказать, что в Швейцарии иностранцу очень трудно получить разрешение охотиться на серн. Прим. автора.

моей комнате, и в сопровождении его и проводника я вскоре был уже на дороге в Поскьяво. Пройдя со мною около трех миль, он поцеловал меня и оставил итти дальше с проводником

Долину Кавальи может пройти только пешеход. Она очень неровна и обрывиста. Дело было ночью, и я по временам чувствовал, что меня охватывает дрожь, когда я шел по самой опасной, неизвестной мне дороге. В восемь часов утра я был в Поскьяво, и один мой друг сказал мне, что жандармы искали меня повсюду. Тогда я вернулся той же самой долиной. Около двух часов пополудни мы остановились в хижине пастуха недалеко от ледника, ибо погода была угрожающая. Началась ужасная буря с сильным градом, дождем и снегом. На мне было летнее платье. В хижине было лишь немного соломы, ибо весь комфорт пастуха ограничивался ложем из досок. Я думал, что умру от холода. Наступило довольно хорошее утро, и мы отправились. Затем я узнал, что один из жандармов, до последней степени раздраженный тем, что я убежал от него, провел ночь в единственной гостинице недалеко от моей хижины. Он явился в Поскьяво, чтобы снова собственноручно схватить меня, но, к счастью для меня, с каждым новым шагом в поисках за мною он все более удалялся от меня, ибо направлялся на юг, а я на север, так что всякая вероятность успеха его плана исчезала. В двенадцать часов я был близ Самадена. Проводник достал там маленький хлеб, и мы направились к долине Альбуле, не столь суровой, как долина Кавальи. Однако она была доступна только путешественникам на мулах; мы же, разумеется, шли пешком. Вечером 27-го мы были в лесах Койры. Проводник, двадцативосьмилетний горец, не мог итти дальше от усталости: я тоже был очень утомлен и хотел спать. Мы шли ночь и день, и один взгляд на карту покажет моим читателям, что наше путешествие было выполнено в очень короткий срок. Там, где почва была очень неровна, проводник шел в двухстах ярдах впереди, чтобы произвести нечто вроде разведки, и если опасности не было, он махал белым носовым платком, и я бегом присоединялся к нему. Этот способ предосторожности очень утомлял нас.

В Койре, в лесу, я увиделся и говорил с инженером Иони, о котором читатель должен помнить. Он пожал мне руку и принял во мне большое участие. Что касается меня, то мне уже не было надобности скрывать мое имя, и я сказал ему: «Знаете ли вы, кто я?»—«Разумеется,—ответил он:— вы Тито Чельси».—«Нет,—возразил я,—я Орсини». Тогда, не говоря ни слова, он закрыл лицо руками. «Не думайте о том,—сказал я, что вы говорили мне в тот день; я знаю жизнь и имею в ней некоторый опыт; клевета не смущает меня». Он взял мою руку и с этих пор стал одним из моих лучших друзей. Молодые люди, которые прочтут эти строки, будут помнить, как легко обвинять лиц, которым не повезло или не везет. Невежда, завистник, хвастун первый пользуется случаем, чтобы принизить командуемого армией, вождя какого-либо восстания или главу экспедиции; и при таких обстоятельствах часто случается, что

репутация человека зависит от притаившегося труса, который пользуется всяким низким средством против человека, которому завидует. Но буря проходит, рассудок снова, вступает в свои права, годы идут, и, страсти утихают; слепые прозревают, нехолодный, беспристрастный историк выносит истину на свет и с должной простотой и величавостью открывает ее взорам всего мира.

Пусть же юный патриот при подобных обстоятельствах не боится ничего, но сильный верю, с чистой совестью, пусть смело идет вперед, жалея слабого и презирая клеветника. «Ибо время в конце концов выравняет все».

Отдохнув два дня в Койре, я отправился пешком с теми же предосторожностями к Цюриху с другим проводником. Швейцарское правительство было весьма задето в своем самолюбии моим побегом, так как швейцарцы гордятся тем, что они лучшие солдаты в Европе. Власти разослали по телеграфу во всех направлениях описание моей наружности, а также поместили его во всех газетах. Таким образом обо мне знали в каждом доме. Однако мне приходилось бояться только жандармов, которых можно было встретить на всех больших дорогах. За этим исключением, у благородных швейцарцев я не встречал ничего, кроме сочувственного и доброго отношения.

Наконец я благополучно добрался до Цюриха, где от одного друга, исполнявшего для меня роль разведчика, узнал, что на время: для меня предназначался дом г-жи Эммы Гервег. Раньше чем продолжать мое повествование, я должен сказать несколько слов об этой даме. Впервые я познакомился с нею в Ницце. Виднейшие итальянские эмигранты бывали у нее на вечерах, и я часто виделся с нею. Она выказывала ко мне большую дружбу, даже в начале нашего знакомства. Ее разговор и ее предсказания на мой счет были весьма странны. Некоторые называли ее романтической женщиной, иногда я тоже думал о ней так, но должен признаться, что в некоторых отношениях я был несправедлив к ней, хотя—странно сказать—она не обращала на это внимания. Она говорила, что между нею и мной существует нечто вроде магнетического притяжения и когда она видит меня, я оказываю на нее известное влияние. Она говорила мне следующее: «Вы избежали многих опасностей, но еще больше опасностей ожидает вас впереди; круг вашей жизни еще не закончен; у вас еще будут отрадные дни, но также и печальные. Через несколько лет вы будете узником в одной из самых крепких тюрем Италии в руках ваших злейших врагов; вы будете близки к смерти, но помните, что Эмма явится для вашего спасения; вам еще рано умирать, вы должны снова, стать полезным для вашей родины». Обыкновенно я улыбался при этих предсказаниях. Однажды, говоря о моем друге N.N., она высказала желание увидеть его. Я написал ему, и он приехал в Пьемонт. Они встретились, и она сказала мне, что он хотел бы стать моим лучшим другом. И вот произошло в точности, как она предсказывала. Г-же Гервег около сорока лет, она среднего роста, хорошо сложена, блондинка, с германским типом лица, которое нельзя назвать красивым, с высоким и широким лбом, остроумная и смелая, с

***** Я очень сожалею, что забыл имя моего благодетеля. Прим. автора.

большим умом, очень хорошо воспитана и обладает необыкновенным знанием языков. У нее прекрасное сердце, и она питает исключительную любовь к своему мужу; в то же время она глубоко чувствует дружбу.

Но вернемся к экспедиции. В Комо все стало известно австрийскому правительству. Многие были арестованы, и попытка произвести восстание была оставлена. Это обстоятельство, в соединении с тем, что люди, которых ожидали в Сен-Морисе, не явились, было причиной полного провала задуманного плана. День спустя после моего ареста Маццини уехал из Сен-Мориса в Цюрих и остановился в одной деревне вблизи города. Я знаю наверно, что он был совершенно безутешен; он не мог не видеть с полной ясностью, что представляли собой такие экспедиции и как мало было людей, на которых можно было положиться. Я знал, что он хвалил меня за приложенные мною в этом деле старания, и я всегда буду чувствовать живейшую благодарность за выказанную им по отношению ко мне справедливость в этих и в других обстоятельствах.

Эта попытка открыла мне глаза на беспомощность подобных проектов. Я находился в затруднении, куда мне теперь отправляться. Не было места, куда я мог бы ступить ногою, за исключением Англии или Америки. Я предполагал ехать в Лондон, но раздоры среди итальянских эмигрантов мне опротивели, и я не поехал туда. Мой дядя опять тревожился за меня; он относился ко мне как друг, но я не хотел слушаться его. Разговаривая однажды в доме г-жи Гервег, г.П.Ц. сказал мне, что партии нужен сильный человек и что человек, истинно преданный делу, должен был бы отправиться в Милан и узнать мнение различных членов Национального комитета, каждого в отдельности. Таким образом, сравнивая различные сообщения, он мог бы составить себе суждение о чувствах населения. Он сказал, что было довольно трудно найти такого человека, и я ответил, что непрочь отправиться туда, ибо таким образом я мог бы добраться до русской границы через Вену. Мой друг написал об этом деле Маццини. Я получил ответ, с сообщением, что миссию можно расширить и что он пришлет мне инструкции, если я согласен принять предложение. Принимая это в соображение, я видел, что еще есть надежда быть полезным родине. Я не стал рассуждать далее, но сразу принял предложение. Тогда он прислал мне следующее письмо и инструкции для комитета:

Братья, если при нынешних обстоятельствах, когда идет война, ограничивающая военные силы, которыми может располагать Австрия и которые находятся на нашей территории, итальянцы не будут действовать, то мы окажемся нацией трусов, и этим именем нас будут называть во всей Европе.

Если вы в глубине ваших сердец чувствуете истину моих слов, как чувствую ее я, вы будете действовать.

Итальянцы свершат все, если великий, блестящий акт, внушенный смелостью и увенчанный успехом, разобьет царящую ныне нерешительность и снова внушит народу сознание его мощи.

Чувствуете ли вы себя способными на такое дело? Если—да, вы можете свершить его.

Как следует испытайте себя; если вы не считаете себя способными на великие дела,—Я не говорю о смелости действий, но о благоразумии, умении хранить тайну, осторожности и постоянстве,—то не начинайте этого предприятия. Не становитесь бесполезными жертвами, подумайте о ваших семьях, выжидайте время, чтобы отдать свою жизнь нации, и не создавайте для меня еще одну ложную иллюзию в добавление к столь многим, бывшим у меня в жизни.

Если же, напротив, вы чувствуете, что любите родину больше всего, если вы, как итальянцы, ощущаете чувство стыда и негодования, читая в австрийских журналах, что «итальянцы много говорят и мало делают», и другие оскорбления, если вы можете на три месяца превратиться в змиев, чтобы затем стать львами, то вот что вы должны делать:

В настоящее время заметно слишком много возбуждения, слишком много подозрений; вы должны усыпить врага.

Разойдитесь, не вызывайте волнений, не переписывайтесь слишком несдержанно, не сноситесь ни с Пьемонтом, ни с «эмиграцией». Действуйте так, чтобы на вас не падало подозрение. Если в промежутке между нынешним днем и моментом действия вы навлечете на себя арест по собственной неосторожности, это будет изменой собственной стране.

«Трое лучших из вас, до сих пор не подвергавшихся подозрению, посвящают три месяца труда, чтобы вплоть до малейших подробностей выработать план и приготовить материалы.

Организируйте «отряд смерти», подобно вашим предкам Ломбардской лиги. Пусть восемьдесят молодых людей, сильных и полных решимости, выбранных из вашей среды и самых благоразумных в народе, дадут страшную клятву.

Пусть эти восемьдесят разделятся и организуются в группы из трех, самое большее из пяти человек, под начальством шестнадцати известных вам вождей групп; пусть они дадут обет молчания, благоразумия, притворства; пусть избегают всякого повода собираться вместе, спорить; пусть заслужат в Италии репутацию благоразумных людей. Позаботьтесь о том, чтобы вооружить их кинжалами не ранее дня действия; те, у кого есть оружие, должны отложить его до этого дня; какой-нибудь непредвиденный несчастный случай может приключиться с ними и обнаружить у них оружие, а этого будет достаточно, чтобы возбудить подозрение.

Какой-либо надежный человек из вашей среды должен посвятить себя изучению и наблюдению квартир генерала и высших офицеров, начальников штаба, командующего артиллерией и т.д., а также изучению их привычек, в особенности в часы, когда большая часть офицеров беззаботно находится вне дома и дело можно выполнить одновременно. Двух или трех решительных людей достаточно на каждого из этих высших офицеров; двадцати достаточно на всех; тридцати на... и для других мест, посещаемых

офицерами; тридцати для... или любого другого пункта, который надо будет выбрать в зависимости от условий данного места.

Когда австрийская армия лишится своих офицеров, она погибнет. О людях надо заботиться, хорошо содержать их, поддерживать в них веселость и организовать, насколько возможно; но проект «сицилийской вечерни» офицеров надо держать в полной тайне; в противном случае это опрокинет весь план и исказит его. Было бы достаточно оповестить значительную часть простого народа о том, что при ударе в колокол или при любом другом условленном сигнале люди должны идти на площадь с орудиями своего ремесла, в качестве оружия, или с другим оружием, которое им удастся достать. Им, а также восьмидесяти отборным, должен быть указан сборный пункт в самой неудобной для движения части узких улиц и переулков города. Там они должны построить баррикады, которые послужат пунктами сопротивления в случае их поражения.

Когда «вечерня» офицеров будет выполнена, восемьдесят превратятся в штаб восстания и поведут народ, согласно условленным заранее инструкциям, насчет которых у нас будет время столкнуться друг с другом.

Существенно важной является возможность найти нужное число упомянутых мною людей с соответствующими качествами. Можете ли вы это сделать? В таком случае, если в Европе до этого не произойдет ничего иного, это даст им основание, в силу которого они должны быть способны действовать. Все должно поспеть к началу декабря.

Нет нужды часто сноситься со мною, ибо это тоже опасно. Достаточно двух слов—«мы можем принять» и других—«дело кончено, мы готовы». Вот и все. В начале декабря я должен получить от вас список гарнизона, который вы должны иметь, с обозначением каждой части.

Когда эта подготовительная работа будет закончена, прекратите всякую другую работу в провинциях, так как я думаю поддержать в них готовность следовать, если бы народ оказался вялым или даже, как вы думаете, обескураженным,—это неважно; десяти дней будет достаточно, чтобы вновь пробудить народ.

Как только вы будете готовы, я дам вам несколько офицеров для руководства восстанием, которое последует за «вечерней», я дам вам некоторую сумму денег на первые дни и сам буду в Милане в этот первый день.

Я могу также обещать вам сотню ружей, которые вам нужны, но я думаю, что ввезти их невозможно. Они предназначены для вас при всяких обстоятельствах. Сообщите мне, каким образом и где они должны быть приготовлены для вас, и если вы мне скажете, хорошо приняв в расчет вероятность и опасности, что вы можете ввезти их, и обещаете применить для этой операции людей, сверх тех 80, для которых дело уже назначено (ибо нежелательно мешать

работе столь важного отряда),— они будут у вас в назначенное вами время.

Обдумайте и ответьте мне одним словом. Имейте в виду, что много людей способно пойти на площадь, когда будут строиться баррикады.

Если дело удастся, вы снова закалите дух всей Италии и сделаетесь инициаторами ее свободы. Имена восьмидесяти явятся предметом благодарности и любви грядущих поколений.

Прощайте и любите вашего Джузеппе. 15 сентября 1854 г.

Уничтожьте это письмо не ради меня, но ради самих себя».

Дорогой Чельси, прочел ли ты и понял ли значение? Если смелый удар можно нанести сейчас же, мне не надо говорить, что я нанесу его; а для тебя и для самого дела это будет стоить всех возможных планов.

Если это нельзя выполнить, то из моих взглядов и идей ты можешь взять то, что окажется полезным для более позднего времени вместе с несколькими мыслями, которые могут вызвать в тебе некоторое размышление.

С первым же другом, которого ты увидишь, пришли мне подробный доклад на тонкой бумаге, но до этого пришли мне одно слово, непосредственно содержащее положительный или отрицательный ответ на мое письмо. Я должен ехать, и если я узнаю, что ничего нельзя сделать теперь, я отправлюсь ждать ответа в Лондон.

С несогласными говори о единении и т.д., но добейся от них, чтобы они прямо высказали, какие обстоятельства они считают дающими удобный случай и в каком случае они согласились бы принять участие. Говори о внутренних делах и о том, как стала бы действовать остальная Италия. Поговори немного о войне и о том, насколько победа зависит от хорошего руководства. Говори об иностранных делах; помни, что начатое движение может получить поддержку из Америки. Не забудь говорить и всячески улучшать положение вещей.

Прощай! Твой Джузеппе.

Заметь, что я дал инструкции, что дело нельзя отсрочивать далее субботы.

(Письмо не имеет даты, но написано в конце сентября 1854 г.)

Я не даю никаких комментариев к этим инструкциям, но замечу, что против австрийских угнетателей, которые без колебаний нарушают всякую клятву, всякий закон справедливости и которые являются жестокими насильниками в нашей стране, мы по всей справедливости можем применять все доступные нам средства, чтобы освободить нашу страну от тирании, так долго угнетавшей ее, тем более, что у нас нет надежды на то, что какая-либо европейская держава поможет нам дипломатическим или иным путем.

Но я должен сказать, что в наш по преимуществу материалистический век очень трудно найти непреклонную решимость,

которая одна может выполнить заговор, подобный упомянутому выше, а привлеченные к нему люди, несомненно, были неспособны выполнить его. Таким образом, если бы предприятие потерпело неудачу, оно вызвало бы большое кровопролитие без всякого положительного результата.

Несколько дней спустя я посетил Маццини близ Цюриха, и мы условились обо всем. Я говорил также с Квадрио, который рассказал следующий смешной инцидент: после полудня, 24 августа, он ехал из Самадена с директором кантональной полиции, г. Жане, который настаивал на тщательной проверке его паспорта. Это был тот самый директор, по приказанию которого я был арестован. Когда они приблизились к Сен-Морису, они встретили жандарма, который спешил отыскать директора, остановил экипаж и, думая, что Квадрио не понимает по-немецки, начал с директором следующий разговор:

— Что нового?—спросил директор.

— Чельси бежал!

— Бежал!—воскликнул директор.—Этакий глупец! Мы должны снова изловить его.

— О!—ответил жандарм.— Это почти невозможно; он слишком шустер.

Квадрио улыбнулся, так как понял каждое слово.

Перед отъездом в Италию мною снова овладело мрачное настроение. Все мне опостылело. Грустное предчувствие говорило мне, что я не увижу более моих детей, дядю, брата. Им обоим я написал, что еду в Азию, чтобы они не заподозрили, что я ввязался в новый заговор. Я отправил письма открытыми г. Коломбо, в Ниццу, который должен был переслать их по назначению. Письма были помечены Женовой, так что если бы полиция вскрыла их, она не узнала бы, где я нахожусь. Чтобы дать читателю представление о том, что я чувствовал в то время, я сообщаю здесь буквальный текст моих писем, которые я впоследствии получил от брата, когда находился в Лондоне:

Г. Орсо и Леониду Орсини в Имоле.
Женева, 28 сентября 1851 г.

Дорогие дядя и брат Леонид. Я получил ваши письма. Когда вы получите это письмо, у вас в руках уже будет другое, или же вы получите оба письма одновременно. Я просил вас взять моих детей. Завтра я уезжаю в Марсель, откуда отправлюсь в Константинополь и затем в Азию. На случай моей смерти я прилагаю два наставления для моих малюток с честными советами. Сохраните их и прочтите им, когда они достаточно подрастут, чтобы понять их. Из того, что я пишу, вы увидите, как занимает меня вопрос об их воспитании. Как только вы получите это письмо, поручите Коломбо увезти детей. Я отказываюсь от всего. Дорогой дядя, я ничего не хочу для себя. Что бы ты ни сделал для моих малюток, я буду считать, что это сделано для меня; а если я останусь в живых, я буду всегда вспоминать об этом с благодарностью. Эти двое детей—твои; в них твоя кровь, они не сделали никакого зла, они невинны. С тех пор как мне исполнилось девять лет, ты обращался со мною, как с своим собственным сыном,—

сохрани эту любовь, эту привязанность, эту нежность, будь так же добр к ним, как ты был добр ко мне. Я уезжаю далеко. Я хотел бы еще раз обнять тебя, поцеловать твои руки, лично выразить тебе мое живейшее чувство благодарности за все, что ты сделал для меня, за то, что ты, я знаю, сделаешь для моих дорогих малюток,—но я не могу этого. Тысячу раз прошу у тебя прощения за совершенные мною проступки и за огорчения, которые я, быть может, так или иначе причинил тебе. Я еду один, но моя совесть спокойна, ибо я никогда не изменял своему долгу отца, родственника и гражданина. Я приносил жертвы, я приносил их, чтобы увидеть мое отечество свободным, не ради того, чтобы самому пожать плоды этой свободы, но чтобы их пожали другие, мои дети и мои соотечественники. Я уезжаю с грустью, я уезжаю, оставляя все, но увожу с собой две мысли в голове, два предмета в сердце: один—это мои дети, дядя и брат; другой— моя родина, для которой я шел на опасности, труды, жертвы, хотя все это оказалось пока бесполезным. В этих строках, обращенных специально к тебе, дорогой дядя, я, еще раз прося тебя за моих детей и принося благодарность за все сделанное тобою для меня, прошу твоего благословения и от всего сердца желаю тебе долгой, спокойной и счастливой жизни. Прими почтительный и полный любви поцелуй от твоего

Феличе

Тебе, дорогой Леонид, я особенно поручаю попечение о моих детях. Ты молод, ты был отцом и знаешь, что такое сыновняя привязанность. Ты снова можешь стать отцом. В твоём последнем письме ты говорил, что хотел бы отдать за меня жизнь и кровь, но я не требую этого, я снова прошу тебя отечески заботиться о моих детях, любить их, как детей, которых мог бы иметь ты сам. Я и мои друзья будем тебе благодарны, а ты никогда не пожалеешь о том, что исполнил мое желание. Я обращаюсь с этими словами также к твоей жене, моей невестке, хотя и не имею удовольствия знать ее лично. Два слова о воспитании. Позаботься о том, чтобы оно не было религиозно-фанатичным. Религия, правильно понятая, может сделать женщину только добродетельной; фанатизм ведет к крайности, а всякая крайность есть отрицание истинного, отрицание истины.

Обо всем этом я предупреждаю тебя на случай, если я умру через несколько лет, ибо если жизнь моя устроится, я, конечно, через четыре или пять лет предпochту сам занятия их воспитанием. В настоящее время, все что им нужно—это свобода, возможность бегать, играть и развивать свои физические силы. Эрнестине, которую зовут также Люси, только три года, а Иде всего год. Не забывай твоего Феличе, который всегда будет помнить о тебе с отеческой любовью.

Твой Феличе

Эрнестине и Иде Орсини.
Швейцария, 28 сентября 1854 г.

Дорогие мои дочки, эти несколько строк вместе с двумя маленькими медальонами, содержащими две пряди моих волос, будут переданы вам, когда меня уже не будет в живых. Вы получите также портрет,

имеющий большое сходство со мною. Я оставил для вас также наставления моему брату Леониду, так что вы можете получить их и следовать им в память вашего бедного отца.

Я оставляю вас в нежном возрасте. Вы были очень малы, и последний раз я видел вас в тюрьме в Ницце. Я был изгнан из Пьемонта за участие в заговоре против иностранцев, которые захватили мою родину.

Превратности, переживаемые Италией, не позволяют мне лично заботиться о вашем воспитании, и у меня не было сладкой отрады ласкать вас в самую прекрасную пору вашего детства.

В письме, написанном мною моему брату Леониду и дяде, я сообщил, что Я все оставляю вам. Я просил их перевести на вас все, что они вздумали бы сделать в мою пользу. Я поручил вас их попечению более, чем самого себя, ибо я хочу, чтобы они любили вас и с величайшей заботливостью отнеслись к вашему воспитанию. Я еду в далекие страны, недовольный всем на свете. С собою я уношу две мысли—о вас двоих, моих милых детях, и о дорогой моей родине, и я надеюсь, что мои старания и жертвы могут быть полезны для вас. Если я вскоре умру, то не я, а моя смерть будет виною тому, что я не достиг этих двух целей.

Прежде чем кончить это письмо, я Должен дать вам несколько советов, которые вы, мои милые дети, сохраните, как память об отце, и которые могут оказаться для вас ценным руководством в вашей жизни; так, по крайней мере, я надеюсь, так хочу. Во-первых, веруйте в бога Я твердо убежден, что он существует. Во-вторых, храните в себе неизменные принципы чести. Заметьте! Я разумею не гибкие и материальные принципы, нет, но те принципы, которые всюду признаны, как таковые, всеми людьми и нациями, которые не меняются с переменой времени, стран и правительств; я разумею те принципы, которые являются вечными истинами, абсолютными, неизменными, не зависящими от чьего-либо каприза. Обратите на это внимание. Каждый считает себя честным; однако это не всегда проявляется в его поступках,—наоборот, мы находим обман, лицемерие, двусмысленность, хитрые слова, направленные ко вреду других, это то, что делает большинство людей, которые смотрят на принципы чести, как на нечто весьма растяжимое. Когда истинные принципы чести пустят корни в вашей душе, как я уже объяснил это, и когда вы будете смотреть на них, как на основу общественной и частной морали, то вы неизбежно должны будете любить вашу родину, быть честными, любящими ваших родных, чистыми в юности, чистыми и верными в отношении тех, за которых, быть может, выйдете замуж; наконец, вы будете любить ваших детей, будете украшены всеми прекраснейшими качествами, которых можно желать в женщине, богом и природой предназначенной для украшения жизни мужчины и для смягчения бедствий его существования.

Приобретайте как можно больше знаний, основательно знакомьтесь со всем, что относится к жизни дома и семьи, и помните, что большая, часть преступлений происходит от невежества, этого врага цивилизации, прогресса, чести и свободы наций. Помните, что как только вы сможете пользоваться вашими умственными способностями, мир покажется вам раем; все будет вам улыбаться, вы словно увидите

перед собой весну, полную благоуханий и ярких цветов, весну, обещающую все утехи и радости, какие только может представить себе воображение; все прекрасное будет улыбаться вам, а ваши сердца будут биться сладкой надеждой и любовью ко всему, что будет влечь вас к себе, к тому идеалу красоты, добра и любви, которого, увы не существует в действительности. Дорогие мои дети, не верьте внешности, которую прежде всего явит вам мир, не ободряйтесь ею. Будьте осторожны. Это—всего лишь внешность, наружная оболочка, которая влечет к себе, и если вы будете оболочены ее волшебной силой, вас ждет разочарование, а затем.., затем перед вами откроется огромная пустота,—пустота, которую вы никогда не ощутите, если будете видеть мир таким, каков он есть в действительности, пустота, которая слишком ясно покажет вам, что мир полон порчи, обмана и неблагодарности, что мы не должны искать здесь высшего блаженства, но лишь умеренного удовлетворения. Вашим уделом будет отчаяние, слезы, вы захотите вернуться назад, но будет поздно. Внемлите этим словам, которые ваш отец говорит вам со слезами на глазах; я надеюсь, что вы никогда не испытаете малейшего из несчастий, выпавших на мою долю, малейшего разочарования в дружбе. Выходя замуж, осмотрительно делайте ваш выбор; пусть ваш избранник будет честен, благороден, пусть любит свою родину; пусть сердце его будет широко открыто, пусть он будет способен к истинной дружбе, а вы, с своей стороны, старайтесь ответить ему поведением столь же благородным, чувством столь же чистым. Будьте верны супругу, которого вы выберете товарищем жизни; пусть даже самая мысль об измене поражает вас ужасом; лучше уничтожить себя, чем впасть в такой проступок; никогда ничто не может его исправить; прощение, которое может быть дано, не излечивает зла; на вас останется вечное пятно, в сердце мужа—вечное озлобление, вечное сознание вашей вины, вашего бесчестия; помните, что такое деяние со стороны жены отравляет существование мужа, если у него есть сердце или чувство чести, что оно навеки разрушает домашний мир, что оно разрушает домашнее спокойствие, что оно изгоняет сладость любви, которая должна существовать между мужем и женой, что оно охлаждает и ослабляет любовь родителя к своему ребенку, что оно, действительно, покрывает бесчестием мужа, вас, всю семью. Оберегайте самих себя и считайте общим правилом, что большинство людей дурны и злы.....; и наконец, в часы досуга, воспитывайте свой ум нравственным чтением, которое рано направит его на все доброе и будет питать вас плодами мудрости. Но не наскучил ли я вам этим длинным письмом? Простите меня! Я должен был написать вам, если бы даже не хотел. Эти строки были первыми и, может быть, окажутся последними, которые я когда-либо напишу вам, а вы знаете, что они написаны рукою вашего несчастного отца.

Да будет жизнь ваша безмятежна и долга. Тысячу раз целует вас ваш отец, уносящий с собою скорбь о том, что низость людская мешает ему

***** Читатель заметит, что это письмо написано в минуту сильной душевной депрессии. Прим. автора.

увидеть и обнять вас. Шлю вам мое отцовское благословение и мои тысячекратные пожелания от всего сердца.

Ваш Феличе Орсини

После этого я достал себе паспорт на имя Георга Гернага, и вечером 1 октября 1854 г. г-жа Гервег проводила меня на почтовую станцию, откуда я отбыл в Италию. Я проехал Люцерн, Сан-Готард и Новару и направился в Турин.

ГЛАВА XIII

Турин.—Эмигранты.—Надежды итальянцев, возбужденные союзниками.—Встреча с маркизом Тротти.—Прибытие в Милан.—Соглашение с Национальным комитетом.—Венеция.—Мой паспорт не в порядке.—Я представляюсь высшей полиции и получаю разрешение остаться.—Триест.—Вена.—Общественные памятники. Театры.—Император и императрица.—Мрачное настроение духа.—Я еду в Венгрию.—Пешт-Арад.—Германштадт.—Мой арест.

В Турине я встретил нескольких друзей. Они пришли в ужас, увидев меня, и сказали, что все эмигранты, за некоторыми исключениями, были против меня, как сторонника Маццини

Они сообщили мне, что сардинское правительство прикажет арестовать всякого, кто окажется в общении со мною; что общественное мнение требует независимости Италии и стоит на стороне сардинского правительства, которое, как они думают, относится к этому благосклонно; что партия Маццини превратилась в ничто, и т.д. Хотя эти утверждения в значительной степени соответствовали действительности, я не придавал им большого значения. Я сказал, что намерен ехать в Азию, на турецкую войну, и что мое путешествие не имеет никакого политического значения. Затем я отправился в Милан. На станции Мортара, если не ошибаюсь, я встретил маркиза Тротти из Комо. Он минуту пристально глядел на меня, и я, боясь, что, будучи одним из моих друзей, он узнал меня, без колебаний открылся ему. Подойдя к нему, я взял его за руку. Он тотчас же узнал меня, выразил свое удивление видеть меня здесь и спросил, не собираюсь ли я снова принять участие в какой-нибудь политической затее. Я ответил отрицательно, но взял с него честное слово, что он ничего не скажет о нашей встрече. Мы заговорили об итальянских делах, и он сказал, что все эмигранты возлагают надежды на сардинское правительство; что союзники, как хорошо известно, обещали, если понадобится, помочь Сардинии; что

***** Я не знаю, что значит сторонник Маццини. Я был заодно с Маццини, когда думал, что большинство итальянцев считает его своим главой и что он обладает физическими и моральными средствами для выполнения революции в Италии. Теперь, когда я уверен в противном, я более не участвую в заговорах и, во избежание недоразумений, считаю своим долгом заявить, что стою на стороне каждого, за исключением папы и иностранцев, кто хочет добиться освобождения моей родины. Я никогда не служил людям, партиям или правительству, но моим принципам и делу Италии. Прим. автора.

теперь нужно держаться смирно; что если Маццини совершит какую-либо очередную неразумную попытку, за ним не пойдет никто, и т.д. После этого я снова отправился в путь.

Прибыв в Милан, я принялся расспрашивать членов Национального комитета и дал им устные инструкции, повторив их несколько раз. Это были в точности те инструкции, которые я на предшествующих страницах сообщил читателю, хотя их подлинник я, на случай моего ареста, оставил у одного друга в Швейцарии. Комитет просил меня дать инструкции письменно. Сначала я колебался. Однако, думая, что Маццини послал меня не к простакам, я в конце концов согласился, сказав им, чтобы они, основательно познакомившись с содержанием бумаги, уничтожили ее, в чем они дали мне честное слово. Я не сообщил ни моего настоящего имени, ни имени Гернага. Я не сказал им также, где остановился в Милане. Они приняли меня за Тито Чельси—имя, которым я более не пользовался. У меня были также встречи с некоторыми лицами из народа. Они были обескуражены делом 6 февраля прошлого года, не очень сочувственно говорили о Маццини, жаловались, что их обманули, что Маццини никогда не показывался лично, что хотя он обещал 20 августа (1854 г.) прислать в Милан комиссара, однако никто не приехал, что они совершенно зря уничтожили телеграфное сообщение, потратили деньги и т.д. и т.д. Я старался поднять их дух, неоднократно пожимал им руки, уверял, что при новой попытке Маццини явится сюда лично, что я еду в Польшу, и если буду призван в Милан для дела, то они узнают, каков я не на словах, а на деле, ибо я выполню свой долг. Эти уверения подействовали и, казалось, настроили их надлежащим образом. В этом смысле я написал Маццини, отправив письмо г-же Матильде Герден, в Цюрих,—имя, принятое г-жей Гервег. В письме я сообщал, что молодые люди, с которыми я беседовал, преданы делу и, повидимому, хорошо настроены. Я довел до его сведения их пожелания и серьезно просил его выполнить данное обещание. Они написали Маццини с тою же целью. В Милане я должен был поговорить с лицами более значительного общественного положения. Я просил членов комитета свести меня с таковыми, но они ничего о них не знали. Это доказало мне, что, несмотря на свои намерения, члены комитета не имели связей с влиятельным классом городского населения.

После этого я отправился в Венецию. Я не мог немедленно продолжать путешествие, потому что мой паспорт имел визу только в Ломбардию. Мне пришлось вернуться в Милан, где полиция объявила мне, что я должен ехать обратно в Турин. Эти поездки взад и вперед были очень опасны. Я лично отправился к начальнику высшей полиции Милана и действовал с таким невозмутимым спокойствием, что мне было разрешено отправить мой паспорт в швейцарское представительство в Турине и шесть дней пробыть в городе.

В течение этого времени я снова повидел некоторых членов комитета, с которыми условился насчет перевозки ружей и т.д. Я воспользовался случаем осмотреть все военные позиции австрийцев внутри и вне городских стен и т.д., а также присутствовал на утренних и

послеобеденных упражнениях войск на Замковой площади. Меня поразили точность и быстрота их движений. Как видно, в австрийской армии с 1848 года было введено много улучшений. Наконец, получив паспорт с надлежащими визами, я снова отправился в Венецию.

Из Венеции я отплыл в Триест и попал в сильный шторм. Я лежал в моей каюте, когда ко мне подошел человек, наружность которого не предвещала ничего доброго. Это был некий еврей из Модены, которого, как мне казалось, я встречал раньше. Держа в руках книгу, он поручал свою душу богу. Чтобы сэкономить флорин за каюту, он сидел в салоне, где качка судна бросала его из стороны в сторону. Вид этого человека наполнил меня мрачными предчувствиями и возбудил ощущение ужаса. Он был мал ростом, безобразен, с вытаращенными, полными страха глазами, волосы его стояли дыбом, а одна скула выдавалась больше другой. Вглядевшись в него пристально, я узнал Моисея Формиджини. В 1848 году я видел его в Болонье. Мы с трудом пристали к берегу в Триесте. Сходя на берег, я снова встретился с евреем, который сказал мне: «Ваше лицо мне знакомо». — «В самом деле?» — ответил я. — «Мне кажется, я видел вас в Болонье», — продолжал он. «Возможно», — ответил я, — «ибо я служил в одном из полков папы». — «О!» — сказал он с неприятной улыбкой, выказывая ряд безобразных желтых зубов. Не говоря более ни слова, я повернулся к нему спиной.

В конце октября я был в Вене. Я приобрел несколько добрых знакомств и стал осматривать многочисленные достопримечательности города, памятники и т.д., среди них некоторые работы знаменитого Кановы. Мне было разрешено осмотреть императорский дворец. В нем я не нашел ничего особенно замечательного, ибо уже раньше видел внутреннее убранство некоторых дворцов итальянской и римской знати. Меня поразило только присутствие множества часовых внутри дворца. Действительно, их было столько, что император мог считать себя почти пленником. Я посетил Шенбрунн и был изумлен его красотой и величием.

В Шенбрунне и в императорском театре я совсем вблизи видел императора и его жену. И тот и другая некрасивы, у обоих германский, лишенный всякого выражения тип. Френолог открыл бы в них только материю, способную производить лишь материю. Император всегда носит военный мундир. Это не нравится гражданам и министрам, и, зная это, император сделал каждого гражданского чиновника одновременно военным, причем каждый обязан, в особенности в торжественных случаях, носить мундир. Я посетил гробницы императорской фамилии, смотрел гробы в склепе и остановился перед гробом императора Франца, который стоит выше остальных. Это тот император, который причинил столько страданий Сильвио Пеллико [примеч. к стр. 227] и многим другим итальянцам. Я остановился также перед гробом Иосифа II, очень простым и, согласно его желанию, стоящим низко на полу. То и другое весьма показательно: первый был тираном, второй — для государя — был мудрым человеком. Вид гроба Франца вызвал у меня такие слова, которые я мысленно повторил про себя;

«Ты больше не будешь мучить итальянцев, император! Теперь ты сравнялся с самыми незначительными людьми. Ни твой венец, ни сокровища, ни солдаты не спасли тебя от косы смерти. Время превратило тебя в прах, и, может быть, в этот самый момент ты несешь кару за горе, причиненное тобою стольким семьям, за пролитую тобою кровь».

Жители Вены добродушны и гостеприимны, молодежь настроена либерально и предана занятиям науками, но полицейская система такова, что каждый боится своего соседа. О политике говорят редко: повсюду снуют шпионы. Если не считать этих отрицательных сторон, ни один город не представляет столько соблазнов. Правительство сознательно поощряет удовольствия и испорченность. Я посетил также несколько фабрик, но после английских и французских они кажутся ничтожными.

Я не раз побывал в императорской опере, где слушал несколько немецких опер, которые выполнялись с редкой тщательностью и были обставлены роскошными декорациями.

Во время моего пребывания здесь я неоднократно писал Маццини. Я советовал ему быть осторожнее в своих поступках, говорил, что австрийцы обладают мощной организацией, что революцию в Италии выполнить возможно, но все дело в том, как ее отстоять, когда она будет выполнена. Я говорил, что без армии бороться невыносимо, что Австрия со своей капральской палкой может иметь сколько угодно солдат из своих провинций (некоторые из них населены полуварварами), что Маццини не должен быть слишком доверчив, ибо многие дают обещания, но немногие держат слово; что я высказываю ему мое мнение прямо, ибо говорю согласно совести и благу родины; что если новое движение окончится так же, как движение 6 февраля прошлого года, то мы погибли! Но если он настаивает на необходимости попытки, то я в удобный момент вернусь в Милан и позабочусь о том, чтобы дело было выполнено наилучшим образом. Я поддерживал переписку с Маццини через посредство г-жи Казати в Цюрихе, ныне покойной, и через г-жу Гервег, пересылавшую мои письма одному другу, который направлял их Маццини. В том же духе я написал моему другу Карлу Л. в Геную, бывшему также близким другом Маццини; Находясь в Вене, я сделал попытку поступить на австрийскую службу с целью вести пропаганду в итальянских полках, чтобы, таким образом, предпринять диверсию, когда начнется революция в Италии. Уже раньше Кошут и Маццини одобряли этот мой проект. Так как я имел швейцарский паспорт, то у меня не могло быть лучшего предложения, чтобы поговорить с маршалом Салисом, швейцарцем, находившимся на австрийской службе. Я знал его покойного отца, офицера папской армии. Я нашел одного швейцарца, его друга, который дал мне рекомендательное письмо к маршалу. Это письмо я отправил в Галицию, где он командовал дивизией. Вступив с ним, таким образом, в переписку, я узнал, что могу быть принят кадетом, предварительно выдержав экзамен. Я хотел поступить на службу с более высоким офицерским чином, который, как я ему сообщил, я получил у швейцарцев во время войны с Римом. В конце концов маршал предоставлял мне возможность подвергнуться экзамену для штабной

службы. Мне пришлось бы экзаменоваться по немецкому языку, которым я все время занимался, но так как, согласно закону 1848 года, никто не мог быть принят на службу офицером, я отказался начинать карьеру кадетом, ибо, не получив более высокого чина, я не имел бы влиятельного положения для пропаганды среди итальянских солдат, что было моей целью. Поэтому-то я и отказался от своего плана.

Зная, что итальянские полки стоят в Трансильвании и в дунайских провинциях, я намеревался отправиться туда, чтобы обследовать положение, думая, если мне не удастся быть полезным родине, поступить в турецкую армию. Моим всегдашним намерением было действовать в союзе с Маццини и Кошутом. Я готовился к отъезду.

Одно слово о еврее Формиджини. Я часто встречал этого человека в Cafe Français против собора св.Стефана. Он часто говорил, что помнит меня, и наконец заявил, что я—Орсини. Считая бесполезным отрицать это дольше, я сказал ему, что я действительно Орсини, путешествую по своим личным делам и, будучи лишен возможности путешествовать под моим собственным именем в Австрии, принял чужое имя. Он, правда, не поверил мне, однако обещал молчать. Опасность быть узнанным весьма велика для заговорщика, который, подобно мне, видит так много новых лиц. Впрочем, об этом говорить не стоит. В данном случае положение совершенно то же, как тогда, когда солдат идет на войну, рискуя жизнью.

Я так привык к моему положению и моему вымышленному имени, что чувствовал себя как дома и совершенно не думал об опасностях, которым подвергался.

В начале декабря я отправился в Венгрию и посетил Пешт и историческую крепость Буду. Я проехал через Арад, где провел ночь. Крепость навсегда останется в истории как место гнусного убийства многих венгерских генералов, совершенного по приказанию Гайнау в начале царствования нынешнего императора. В самую крепость меня не допустили.

Венгрия—очень плодородная страна, населенная красивым и физически крепким народом, в среде которого я всюду замечал ненависть к австрийцам. Я доехал до Германштадта, где был арестован. Здесь мне пришлось испытать голод, болезнь и одиночество; здесь же я был подвергнут первому допросу

В январе меня отправили обратно в Вену. Я был закован в цепи, и мой переезд длился четырнадцать или пятнадцать дней. Стояли такие холода, что Дунай замерз. Мои страдания были ужасны; иногда я был почти без чувств от холода и голода и думал, что не доберусь до Вены живым. Здесь я был передан верховной полиции, а затем провинциальной уголовной палате. Что касается тюрем, то их ужасы не поддаются описанию; но на допросы я пожаловаться не могу. Против

***** Здесь не имеет смысла повторять то, что я говорил в моей книге «Австрийские тюрьмы»: читатель найдет в ней все сведения, которые я опускаю в этих мемуарах. Прим. автора.

меня не было никаких улик, касающихся моей миссии, при мне не было найдено ничего компрометирующего. Однако, по причине моего прошлого, когда стало известно, что я—Орсини, было не исключено, что меня посадят в крепость. Впрочем, мое поведение на суде возбудило симпатию, и судьи помогли бы мне, если бы это было в их власти. Я заметил, что между полицией и уголовным трибуналом существует сильный антагонизм, который, продолжаясь и в будущем, мог бы оказаться для меня выгодным. Однажды утром, в конце марта, меня разбудили, передали двум жандармам и полицейскому комиссару более значительного ранга, в чине подполковника, и сказали мне, что мне предстоит высылка. Я распрощался с ворами, в обществе которых сидел в заключении. Бедняги были огорчены. Я был так слаб, что не мог держаться на ногах, и жандармы поддерживали меня под руки. Меня увезли из Вены под конвоем, однако в дороге со мною обращались мягко и сняли с меня оковы. Впрочем, это ничего не означало. Причиной такого обращения было расстроенное состояние моего здоровья,—я был лишен возможности сделать попытку к бегству. Через шестьдесят часов я был в стенах Мантуи. Она представляет сильнейшую крепость Италии, в которой деспотическая власть содержит патриотов, осужденных на смерть. Виновные в политических преступлениях вступают в ее темные камеры лишь для того, чтобы выйти из них на эшафот или на каторгу, в случае замены смертного приговора.

ГЛАВА XIV

Мантуя.—Новые факты, которых нельзя было рассказать в моей книге «Австрийские тюрьмы в Италии».—Г-жа Гервег и мой друг N.N.—Их заслуживающее восхищения поведение.—Г-жа Гервег посылает мне пилы и опиум.—Тюремщик Тирелли.—Австрийские часовые и опиум.— Смешная сцена.— Мои пилы сломаны.— Я получаю новые.—Мисс Луиза из Лондона.—Мысли о родине и детях поднимают мой дух и развивают энергию.—30 марта 1856 г. в половине второго я совершаю побег из камеры № 4 замка св.Георгия.

При виде остроконечных крыш замка, глубокой ночью, под дождем, среди мертвого молчания, чувствуя на себе строгие взгляды конвойных и комиссара, я невольно обратился мыслью к тем патриотам, которые за несколько месяцев перед тем покинули мрачную тюрьму, чтобы взойти на эшафот, и спросил себя: «Как выйду со временем отсюда?»

Я поднялся по лестнице, и, когда обычные формальности были выполнены, меня поместили в камеру № 3. Я был совсем болен. Через стену я поддерживал сообщение с несколькими заключенными и, между прочим, с Кальви. В первые два дня я страдал от голода, но это были пустяки сравнительно с тем, что я испытал в Германштадте и Вене. Как ужасно страдал я в этих двух городах! Эти мучения заставляют меня думать о бедняках! Как много семейств, не имеющих хлеба для своих детей! Я томился в тюрьме, но я, по крайней мере, знал, из-за чего, а сколько людей находится на свободе и без всякой своей вины ниоткуда

не находят помощи! Когда я вижу на улицах бедных, я вспоминаю мои собственные страдания от голода и холода, и если у меня есть хоть один грош, я считаю своим долгом помочь им!

Первый сделанный мне допрос, которым руководил Санчес, был ужасен! Моя судьба была решена. Мне представили инструкции Маццини, написанные мною в Милане. Это было для меня большим ударом, так как у меня и в мыслях не было, что они попали в руки австрийцев. Мои физические силы были парализованы болезнью и голодом, я едва был в состоянии говорить. Все же внутренняя реакция во мне была такова, что я проявил необычайную силу характера, которая даже моим судьям внушила уважение и сочувствие ко мне. Когда я думаю об этом теперь, я сам себе удивляюсь. Каждый раз, когда у меня требовали каких-либо подробностей, я повторял: «Я не шпион». Когда они настаивали на своих вопросах, я говорил: «Возьмите мою жизнь, но моя честь должна остаться в наследство моим детям». Когда они спрашивали, почему я с таким упорством действовал против итальянских правительств, я отвечал: «Потому что я всегда любил мою страну, за свободу которой я всегда принес бы какую угодно жертву, и в любой момент я готов отдать за нее жизнь; но я готов отдать ее в будущем в предприятиях, более важных, а не ради таких планов, которые до сих пор предали в руки уголовной юстиции столько жертв».

Во время моего заключения меня допрашивали около двадцати раз. Все было открыто, вплоть до моих ободряющих рукопожатий с отдельными лицами и т.д. На процессе фигурировало письмо Маццини, в котором я был упомянут. Оно содержало также слова: «Передайте 1000 франков Феличе Орсини; он знает, что с ними делать». Письмо было адресовано члену комитета в Милане и было найдено там. Фигурировало также много других бумаг, относящихся к другим процессам, и т.д. После этого мне в ответах пришлось обходить много вещей. В течение всего допроса я признал все, что было бы нелепо отрицать, и осторожными опровержениями насколько возможно избегал подтверждать остальное. Венгр, которому я дал инструкции в Женеве, сознался во всем.

Главный тюремщик, Казати, обращался со мною почтительно, как в свое время с поэтом Кальви. В конце концов мне разрешили написать г-же Гервег, и, чтобы добиться этого, я заявил, что, так как она была крестной матерью одной из моих дочерей, я считаю ее своей родственницей. Я не хотел писать моим родным в Имолу, ибо весть о моем заключении в Мантуе явилась бы для них верным признаком моего близкого перехода в иной мир и, вероятно, стала бы причиной смерти дяди. Впоследствии я получил возможность чрез г-жу Гервег организовать мой побег, но я никогда не смогу открыть способ, каким я это устроил. Однако она имеет все оригиналы моих писем к ней. Их частью можно расшифровать, и в них поневоле много повторений, ибо я писал их почти в потемках и с перерывами. Их содержания достаточно, чтобы дать читателю представление о моем душевном состоянии в различные моменты моего заключения и событий в моей камере. Я

сообщаю их в их подлинном виде и делаю к ним одно или два примечания. Г-жа Гервег переписывалась с моим другом N.N., который с редким самоотвержением всегда помогал мне деньгами. Г-жа Гервег и он делали для меня все возможное. По воле providения им я обязан жизнью.

В прочих приготовлениях для моего побега г-жа Гервег получала помощь Ц., другого моего друга, который выказал необычайную преданность. Чтобы не скомпрометировать г-жу Гервег, в случае если бы мои письма были перехвачены и открыты, я обращался в них к ней, как бы к мужчине, моему другу.

Вот эти письма. Приведенное ниже письмо было написано после двух первых, которые не были поняты как следует, ибо я написал их очень поспешно:

Мантуя, 6 августа 1855 г.

Мой процесс все более запутывается. 20 июля я был подвергнут допросу. Из Модены пришли сообщения о том, что в свое время я бежал от тамошних жандармов. Я сказал, что мне об этом ничего неизвестно. Венгр из Женевы сознался во всем. Он сообщил все подробности о том, как к нему явился Тито Чельси. Я ответил, что я был в Англии и не мог находиться в двух местах одновременно. Тогда через пять или шесть дней меня привели на очную ставку с ним... Я не знаю результата. Дело (или процесс) будет длиться очень долго. Я спросил судью, он ответил: «Ради самого неба, не говорите о времени»... .

Они проявляют ко мне много внимания и обращаются со мной не как с человеком, пытающимся увернуться, но как с известным и испытанным врагом. Я говорю откровенно, я знаю мою участь и приготовился к ней. С заговорщиками бывает то же, что с солдатами, которые идут на войну и безрассудно воображают, что могут при этом избежать ранения. Что касается прочего, то, так как я объявил, что никого не хочу подводить, что я не буду доносчиком, что я всегда любил мою родину, они знают, что им делать,— и я смотрю на себя, как на человека на склоне лет, который может прожить один или два года . . .

Когда приблизится момент произнесения приговора, мне сообщат о нем за три дня. Тогда я с величайшей откровенностью выскажу мои принципы по отношению к моей стране и, не унижая себя, попрошу, чтобы меня расстреляли, ибо я не хочу почувствовать ноги палача-вешателя на моих плечах. В следующем письме я дам вам знать, как вы можете доставить мне опиум,—так что вместо того, чтобы повести меня и товарищей моих страданий на виселицу, они найдут нас уже мертвыми. Я совершенно спокоен. Я испытываю печаль лишь в моменты, когда думаю о моих детях, но это и все. Мужчина должен быть готов ко всему, а смерть это ничто, когда он отдает жизнь за родину. Единственная беда в том, что я считаю такие жертвы бесполезными и не вижу в народе никакой склонности к восстанию. Когда все приносится в жертву,—

людей, которые умирают, называют глупцами, а если они остаются в живых, на них клеветают. Однако поговорим о другом. Я все время один, но в бумаге и книгах мне не отказывают. Мне дает их инспектор в небольшом количестве, но хорошего качества. Я пишу книгу.— Теперь надзор чрезвычайно строг, однако побег возможен.— Бедный Кальви все время сидит близко от меня. Мы ничего не знаем. Я того мнения, что они не приведут приговор в исполнение, пока не наберется большее количество лиц, которые пострадают вместе с ним. Он льстит себя надеждой и говорит, что, если все останется спокойным, они не будут казнить людей за простые политические проступления. Что же касается меня, то я не верю в чудеса и не обманываю себя. Сердечный привет Пьетро и другим. Мы встретимся в раю Данте. Если случится так, что они не приведут приговор в исполнение, они говорят, что он будет заменен двадцатью годами тюрьмы. Во всяком случае, в этом веселого мало; . . .

Сегодня я дал обычный сигнал Кальви, который не ответил. Я надеюсь, они не посадили его в другую камеру»^{*****}.

Мантуя, 4 сентября 1855 г.

Прощайте, книги! Инспектора, который давал их, сменили. Он не был... но человечен. Камеры не сыры, но жара и комары просто убивают. Прощай, Кальви! 4 июля он был повешен и держал себя при этом превосходно. Вторая очередь моя, обманывать себя бесполезно. Они говорят, что отягчающим обстоятельством было то, что он офицер. . .

Я был. . . ибо его товарищи не хотели сообщить мне печальную новость, так как мое положение было одинаково. Я наполовину. . . иначе доктора говорят мне, что я не мог бы жить, так что расходы растут, но я надеюсь, что это не будет продолжаться много месяцев. Никто так легко не примиряется со смертью, как люди, находящиеся в несчастном положении и в одиночестве. . . и я повторяю, что лучше умереть в тюрьме, чем итти на эшафот. В течение трех дней у меня были очные ставки. Имеется собственноручное письмо Маццини из Пьемонта. Оно говорит о. . . Франки и содержит фразу: «Передайте тысячу франков Феличе Орсини, который знает, что с ними делать». Этот факт, который я не. . . привел меня к падению. Я уведомил, что не. . . более с. . . с тех пор как. . . но они сделали попытки, и отсюда ясно, что я не сказал правду. В таком случае ясно, что в моем деле все должно заключаться в передаче инструкций. Однако, как они говорят, они хотят показать пример, и от примера к примеру они каждый год продолжают вешать людей... «Кажется, что письмо с шестью тысячами франков было адресовано лицам в Милане.

***** Когда я писал вышеприведенные строки, Кальви был уже повешен. Прим. автора.

Я ничего не сказал о паспорте; в Вене меня спрашивали, каким образом я получил его. Я ответил, что получил от семьи Гернаг; они поверили и больше не спрашивали. . .

Возможно, что мне потребуется убежище, но я попытаюсь обойтись без него, ибо мне известны трудности в городе, подобном Мантуе. Во всяком случае, это можно сделать зимою, когда ночи длинные, например в декабре. Судья уверял меня, что процесс не кончится ранее конца января, так что времени достаточно и нет надобности спешить. . .

Я весьма обязан нашим друзьям, но моя жизнь не должна подвергаться опасности их собственную и к тому же это всегда походит на лотерею. Повторяю, трудность наступает потом. . . Что же касается способа достать там денег. . . то я сообщу вам позже. . . однако полиция. . . Установлено невероятное наблюдение. . .

Не продолжая чтения, читатель увидит, что письмо говорит о приготовлениях к моему побегу. Дальше письмо гласит:

В письме с шестью тысячами франков, предназначенными для меня, упоминаются различные имена, между прочим некоего Пини из Пьемонта, Понтины, тосканца Риччи, Паренти и других. Упомянуты две кофейни, одна во Флоренции, другая в Пистойе, есть также имя Никколо Фабрици, агента Маццини в Мальте. . .

Я мог открыть. . . Я имел сообщение с. . . посредством сигналов легкими ударами в стену. Правительство все заполучило в свои руки, и письмо с шестью тысячами франков было, по-видимому, адресовано Де Джиорджи.

Полиция сняла копии с писем, написанных Пиольти. Ключи к ним были расшифрованы, имена открыты и т.д. Де Джиорджи проявил твердость и сделал только необходимое... Мои пункты защиты заключались в том, что я ехал на войну на Востоке. . . что из-за важных семейных причин и беспокойств и желая показать, что они действуют без мотивов, я совершенно отошел от политики... Однако остаются попытки в Вальтеллине, Сарцане и т.д., равно как мое заявление, что я всегда готов пожертвовать жизнью за родину, каковы бы ни были шансы успеха; и опять, что я не был шпионом и не хочу никого компрометировать. . .

Они смотрят на меня, как на человека, одержимого мономанией патриотизма, но, помимо этого оправдания, нет никакой надежды спасти свою шею. Бедный Кальви дал приблизительно такие же показания. Он вышел на казнь, одетый во все черное, в перчатках такого же цвета, с сигарой в зубах, в сопровождении двух конвойных, ибо он хотел итти из тюрьмы без ручных кандалов. Было много лиц, ожидавших его выхода, но ни одного гражданина не было видно на месте казни. Его оставили висеть до захода солнца и похоронили у подножия виселицы. Перед казнью он

исповедался и обнаружил величайшее равнодушие. Это—факт. Я знаю о нем от одного из сопровождавших его. Если бы он хотел жить, он мог бы добиться этого, сделав униженное заявление. Он же сказал: «Нет! Я хочу умереть; я никогда не унижу себя и не хочу служить угнетателям моей родины, которых ненавижу». Приблизительно таковы его собственные слова. Подлинный герой! Если это случится со мной и на мне не будет оков, то вероятно, я что-нибудь сделаю. Во всяком случае я буду одет в черное. При мне белые перчатки, которые дала мне мадам, еще не надеванные мною. Кто мог бы подумать об этом?

Тысячу раз жму руку мадам и целую Пьетро и А.; come un colpo di cannone.

Чтобы читатель мог понять эти последние слова, я должен сказать, что г-жа Гервег перед моим отъездом из Цюриха дала мне пару белых перчаток и что я сохранил их ненадеванными, когда вступал в Мантую, и намеревался надеть их впервые, идя на эшафот. Один молодой итальянец посещал г-жу Гервег и обычно пел у нее. Одной из его любимых арий была «Клевета» Россини. Он принимал во мне участие, и, не желая скомпрометировать его упоминанием его имени, я дал г-же Гервег понять, кого я разумею, повторив несколько слов из его арии.

5 октября 1855 г.

Я понял только несколько слов. Что касается опиума, то предупреждаю вас, чтобы вы отложили небольшую часть. Я предупреждаю вас, что действовать надо именно таким образом. Наше дело свидетельствует о гнусности полиции. Бидескини, находящийся на свободе и оплаченный правительством, по приказанию полиции втерся в среду миланских заговорщиков. Он всячески старался расширить заговор и поймать в свою сеть как можно больше жертв, чтобы привести к неудаче весь план.

Они хотели заставить Кальви просить помилования, но тот не пожелал этого. Это является способом унижить человека и показать милосердие правительства, ибо храбрый человек не просит пощады у врага. Мне предстояло оказаться в том же положении. Я не хотел даже просить о расстреле,—будь что будет. Когда это будет сделано, все кончится, но это случится, если я не смогу выполнить план, который я изучал и над которым думал так долго.

. . .Пока я жив, я никогда не унижу себя перед теми, кого ненавижу. . . Прекрасный молодой человек, по имени Гриоли, был осужден на 18 лет. Товарищи Кальви—на каторге. Я уверен, что Кальви до известной степени скомпрометировал себя своим отношением к судьям. Поцелуй. . . сердечно жму руку г-же Г., отношение которой показывает незаурядную дружбу. Поцелуйте. . . и если есть. . . и всем. . . А что мои малютки? Что с ними? Бедные малютки!

Мантуя

«Пользуюсь этим случаем снова написать вам. Все остается попрежнему и едва ли переменится. Смотрите же, во что бы то ни стало доставьте мне много опиума. . . Всего страшнее будет, когда я выберусь отсюда, ибо страна ровная. . . Что касается остального, то я предвидел все возможности. Я точно знаю план замка; во рвах вода иногда есть, иногда нет. Они всегда хорошо охраняются, но это ничего не значит. На этот счет будьте покойны. Доставьте хорошие и хорошо закаленные пилы. . . Я могу затянуть дело до зимы, но у меня нет уверенности. Из Вены пришел приказ закончить процесс возможно скорее, и я не хотел бы запаздывать. Если бы вы знали, как действуют по отношению к нам, вы были бы удивлены. Я узнал все.

Здесь следует отчет о судах, который имеется в моей книге «Австрийские тюрьмы». Затем письмо гласит:

Двенадцать венгров были арестованы в Мантуе и отправлены в Милан. Прощайте! Позаботьтесь, чтобы все было точно выполнено, чтобы пилы были хороши и хорошо закалены... У меня в течение месяца была лихорадка, но я поправляюсь, и моя физическая сила не утрачена. Еще раз прощайте.

Мантуя

Я все время настороже. Многое улажено, но у кого есть время, тот не ждет. Процесс подвигается вперед невероятно быстрыми шагами, и это заставляет меня не терять времени. Сердечно жму руку мадам и целую друзей. Прощайте! Прощайте! Прощайте!

Мантуя

Скорее, скорее, скорее, иначе все будет бесполезно. Я пишу и даю в последний раз мое честное слово в деле, о котором мы ведем речь. Мы говорим только о необходимости возможности сокращаются, но лучше умереть с оружием в руках, чем в тюрьме. . . Пишите немедленно: через шесть месяцев все приготовления будут излишни. . . Я не пишу никаких подробностей о плане, ибо. . . этот способ писать рискован. . . Всякий раз, как я пишу, я окружен опасностями. Пишите непосредственно мне; если же нет, я прибегну к каким-нибудь насильственным мерам *coute que coute* (чего бы это ни стоило). . . я решился. . .

Если бы я верил в невозможность всего со стороны тех, которые находятся наружи, я бы послал мое письмо к моему брату, и я был уверен. . . Теперь слишком поздно. В последнюю ночь шел снег, и он доходил до колен. Но я не колеблюсь. . .

Сердечное «прости» людям и друзьям. . .

Весьма плачевно то, что нет агента в Мантуе.

Какая слабость в партии!

Я более доверяю г-же Эмме, чем многим другим, которые только обещают и болтают. Я говорю это от всего сердца. Какое разочарование!!!

Мантуя

Все было очень хорошо устроено. . . В десять часов вечера тюремщик едва мог стоять на ногах. . . Все остается по-старому. Если в течение трех дней вы сможете прислать немного больше опиума, пришлите, а об остальном не беспокойтесь. . . 16-го числа из Вены прибудет другой тюремщик, ибо нынешний находится здесь только временно. Если он уедет, я погиб. Тогда у меня не будет обычных возможностей. . .
Посылаю вам мое «прости» от всего сердца. Помогите мне тоже и в этом.

1 февраля 1856 г.

Я дал «bianco» (белый,—т.е. «белый порошок», морфий) 20-го числа, в указанных дозах, однако безрезультатно: опиум 6-го числа имел больше действия. . . Bianco, вероятно, был уже старый. То, что я писал, оправдалось. Новый тюремщик прибыл. Все злоупотребления, допущенные в течение трех последних месяцев, устранены. Прежний тюремщик выслан и сейчас находится без дела. . . Человек и т.д. . . его нет более здесь. . .

Все здесь на том же положении, как было при Казати. Связь с солдатами порвана, а тюремщики трепещут. . . Но я открою себе путь с помощью пил. . . Если бы мои друзья сказали, что невозможно достать деньги во-время, то это было бы сделано тем же самым способом . . .

Это—признак того, что они думают больше о самих себе, нежели о моем несчастье. Не будем более говорить о них . . .

Представлявшиеся мне случаи более никогда уже не повторятся, и если мне удастся совершить побег, то это будет результатом счастья и моей личной отваги. Благодарите ваших друзей тысячу раз и еще тысячу раз от моего имени. Каков дух нации!

К счастью, не было открыто ничего из приготовлений, для которых Вчера я говорил с председателем о моем деле. Я спросил его, будет ли смертный приговор приведен в исполнение, ибо такой приговор будет вынесен—самое позднее—в мае. Он ответил, что не хочет обманывать меня, но что есть основание надеяться, что душа императора может склониться к милосердию. Я не верю этому,—будь что будет. . .

Поневоле приходится напускать на себя бодрый вид. Я умру с презрением к людям, причинившем мне зло, и к моим ложным друзьям. Я буду думать о друге, не забывшем меня в несчастье. Нерешительность моих друзей заставила меня выбросить деньги, на которые я мог бы жить в течение восьми месяцев. . . я более не могу, да и не хочу зависеть от друзей. С обратной почтой вы пошлете несколько строк, написанных к. . .

Тысячу раз говорю вам мое «прости»! О, если бы нам увидеться снова! Когда—я не решаюсь предполагать. Если у меня будет

возможность, я сделаю это; если же нет, я должен подчиниться своей судьбе. Во всяком случае, благодарю вас тысячу раз.

Для объяснения этих писем я должен сказать несколько слов.

Когда впервые мне пришла в голову мысль сделать попытку побега, я знал, что если мне удастся усыпить часовых и тюремщиков, то я смогу освободить наиболее скомпрометированных из заключенных, если не всех. Я заботился не об одном себе и с этой целью тщательно обдумывал, что надо сделать, чтобы достигнуть такого результата. С помощью времени, такта и постоянства я нашел необходимые возможности для выполнения моего плана. Действительно, однажды вечером мне удалось подсыпать опиум в напиток тюремщиков. Я был с ними в их комнате. На мгновение их глаза затуманились, они стали шататься по комнате, протягивая вперед свои фонари, как слепые, со словами: «Что случилось? Вот так здорово, мы больше ничего не видим». Один из них едва не упал и прислонился к стене. Но это действие длилось весьма недолго. Главный тюремщик, Тирелли, выпил опиума вместе с остальными. На нем действие оказалось сильнее; он скинул фуражку, его веки были красны и полуоткрыты; он напрягал все свои силы, чтобы стоять прямо, и, хватаясь за лоб, повторял: «Что со мной, что со мной?» Что же касается часовых, то на них действие опиума оказалось незначительно, хотя они приняли большую дозу. Большое количество водки, которую они обычно пьют зимою, подействовало как противоядие. Тюремщик Тирелли упал на матрац заключенного в одной из камер и погрузился в глубокий сон. Тюремщики вынесли его и дали ему большую дозу рома и кофе. Я хладнокровно наблюдал эту сцену и видел, что мой план не удался, а окончился комедией. Никто не заподозрил, что принял наркотик, и все приписали это действию вина. Меня снова заперли в мою камеру.

Утром тюремщик Тирелли чувствовал себя немного очумелым. Кто-то сказал председателю, что накануне он был страшно пьян. Через неделю он лишился места, хотя занимал его уже в течение двадцати лет. Употребленный мною опиум был прислан мне из Швейцарии. Прежде чем Тирелли уехал, я попробовал пустить в дело морфий, который получил из Лондона тоже через Цюрих. Маццини все это было известно. Я попытался дать морфий Тирелли и тюремщикам,—дать его часовым было невозможно. Но, видя, что мой умысел был, таким образом, почти открыт, я не возобновил своей попытки. Приехал новый тюремщик—немец. Меня держали под строгим надзором. Я уже не приходил в комнату тюремщика составлять его отчеты, как это обычно по очереди делали заключенные при Тирелли и Казати. Будучи помещен в камеру №4, я обязан выполнением побега всецело собственной силе воли, стойкости и смелости. Только с их помощью я вырвался из тюрьмы св.Георгия. У меня были эти необходимые элементы успеха. Я говорю так и горжусь этим признанием, я вижу в этом также могущественную руку провидения.

Мантуя, 10 февраля 1856 г.

(Все эти письма адресованы г-же Гервег.)

Было бы слишком долго рассказывать все дело, но если бы половина была выполнена к 16-му, то все было бы сделано. Что касается меня, я надеюсь быть во-время и иметь возможность рассказать вам лично. . .

Я хотел быть снова один и продолжать книгу, уже начатую мною. Я надеялся итти в камеру, которую уже обследовал. Я, насколько мог, устроил все с тюремщиками, но председатель назначил мне худшую камеру в тюрьме. Пробыв некоторое время в одиночестве, я сказал ему, что в ней становится светло лишь поздно после полудня. Он ответил, что камера, которую я хочу, ненадежна, ибо крыша находится поблизости от нее. Пришлось покориться. Кроме того, он сказал, что в случае побега все члены особого суда и он сам в первую очередь были бы строго наказаны правительством ***** . Это показывает, что австрийцы хотят удержать меня в своей власти. Однако у меня есть воля, и, повидимому, в конце концов я извлеку выгоду. . . из положения. Мое окно находится очень высоко в стене и снабжено двумя толстыми решетками, причем до одной из них нельзя добраться, не перебивив другую; затем имеется еще третья, более тонкая решетка; окно же находится на высоте тридцати ярдов от земли, я сам измерял расстояние. Во время сильных дождей ров наполняется водой приблизительно на двенадцать футов. Я только наполовину сделал свое дело, и все с помощью пил, но одна сломалась, и я боюсь, что то же может произойти со второй. Поэтому вы должны прислать мне две или три новые того же качества. Пришлите немедленно, ибо, если ров будет полон, я должен ждать до лета, а я не знаю, буду ли тогда жив. У кого есть время, тот его не ждет. Мне незачем повторять что-либо, ибо я знаю вас, так что все, что вы сделали, не напрасно. Я сделал приготовления для спуска. Верно то, что, не будь у меня мужества, я бы никогда не начал дела, которое закончил наполовину, несмотря на дневные и ночные посещения через каждые два часа. Однако воля, пренебрежение жизнью и все же наряду с этим желание жить, вопреки тем, кто хочет вашей смерти, будь то открытые или тайные враги, делают человека способным выполнить такие дела, на которые он смотрит позже скорее как на плод фантазии, чем на действительность. Я рассчитал все. Я не боюсь, что они откроют мои приготовления. Все зависит от того, окажутся ли достаточными средства для спуска (которые я рассчитал хорошо) и не сломаю ли я себе шею. Пускай! Если это случится, значит мой час пробил. Я отбрасываю все грустные мысли; я рассчитываю на то, что две или три пилы будут присланы

непосредственно, и я верю в вашу преданную и неизменную дружбу. От всего сердца говорю вам «прости». Прощайте, прощайте, прощайте! Поцелуйте. . . Скажите ему, что я нахожусь в крепостной камере № 4. Еще раз прощайте и тысячу теплых слов той, которую я уважаю и люблю, как мать. Не будучи уверен в том, что я сумею закончить работу и совершить побег, я послал 13 марта следующее письмо моему дяде и брату. Это было первое письмо со времени моего ареста. Оно могло оказаться последним. Кто мог предвидеть, что случилось потом? Я писал его в состоянии глубокой грусти. Мысль о моих детях, которых я не видел, вызывала у меня слезы на глазах .

Почтовый штампель

Мантуя 15/III
33 сантимов.

Почтовый штампель

Имола 17/III

Адрес:

Папская область,
сеньору Леониду Орсини,
Имола.

Дорогой мой брат, мое чувство не обмануло меня, когда я послал тебе записку для памяти моим детям и мои последние распоряжения, которые должны были показать, что они идут из Швейцарии. Я находился в пути на войну и на австро-турецкой границе был арестован в конце 1854 года. Не желая вторично причинять огорчение, испытанное вами при известии о моем аресте на родине в 1844 году, я, пока это было возможно, старался не сообщать о постигшем меня несчастий вам и моей семье. Но теперь, зная, что вы о нем уведомлены, я нарушаю молчание и сообщаю вам сведения о себе.

Принимая во внимания мое положение, я провожу здесь время неплохо. Мне разрешено иметь книги и письменные принадлежности, что дает мне утешение и облегчает грусть, которая ежедневно нападает на меня, когда я думаю обо всех вас и о моих милых детях, которых, бог знает, увижу ли когда-нибудь опять. . . Что мне предстоит, не знаю. Во всяком случае, полезно призвать свое мужество и приготовиться ко всему, что может случиться. Бог дал известный срок, так что вся наша семья может не терять мужества и хладнокровия. . . До сих пор у меня было все нужное от моих друзей чрез посредство г-жи Гервег, которая является крестной матерью моей второй Дочери и с которой вы в настоящее время, должно быть, находитесь в сношениях. Позже я пришлю вам довольно пространный план воспитания моих детей. Все вы будете помнить, что они заменят вам меня, что наша кровь течет в их жилах и что счастье и благополучие детей зависят от мудрого и разумного воспитания. На этот раз я об этом больше говорить не буду.

***** Оригинал письма, который я послал из Имолы после моего прибытия в Англию, находится в руках г.Дж.Д.П.Ходжа из Гладстонбери, моего друга, которому я подарил его. Прим. автора.

***** В оригинале Орсини употреблено другое слово: «acciuffati», что означает в буквальном смысле: «отодраны за чуб». Прим. перев.

От времени до времени ты должен будешь получать сведения от меня. Ты ответишь на это письмо, ограничиваясь сообщением о здоровье всех вас и присылкой мне ста цванцигеров (около 3 ф. 8 шилл.), которые мне нужны во что бы то ни стало. Ниже указан адрес. Передай мой нежный поцелуй дяде, отцу, детям и поклон твоей жене. Что касается тебя, то я повторяю—мужайся, и еще раз мужайся! Жизнь— это призрак, смерть—покой сердца, как говорит Байрон, так, по-моему, мудро в следующих строках, которые приходят мне на память:

What is death? a quiet of the heart,
The whole of that of which we are a part;
For life is but a vision!

Еще раз поручаю тебе моих детей, нежно целую тебя и остаюсь.

Твой Феличе
Мантуя, 13 марта 1856 г.

P.S. Мой адрес:

г.Феличе Орсини, при императорском и королевском суде в Мантуе.

Подпись председателя:
просмотрено Вичентини». 16 марта 1855 г.

. . . Было. . . Если крылья Икара [примеч. к стр.254] не растают, я буду свободен. Мы, наверное, снова встретимся. . . «Теперь же от всего сердца шлю вам мое «прости»! Я надеюсь, что все хорошо рассчитано, и кажется, что круг моей жизни, о котором вы напоминали мне в Ницце, не совсем замкнулся. Увидим. Прощайте. Передайте привет моим добрым и верным друзьям, которых, к несчастью, так мало. . .

Это было последнее письмо, которое я написал г-же Гервег, и я продолжал мою работу. Я не делаю никаких комментариев к письмам, ибо читатель примет в соображение, при каких обстоятельствах они были написаны.

В течение десяти месяцев, которые я провел в одиночестве, я имел много поводов для размышления о человечестве, о свободе народов и Италии. То, что я видел себя в руках людей, искавших моей смерти, видел равнодушие тех, которые находились на свободе, к моей жизни или смерти, мысль о стольких разочарованиях, которые я никогда не надеялся пережить,—все это заставляло меня приходиться в отчаяние. Временами я переставал верить в высокие качества человека; он казался мне соединением порока и себялюбия; самые ужасные люди руководят семьей и правят обществом. Мысль, что я должен умереть, не принесла блага моей стране, делала для меня близкую смерть еще более горькой; мысль, что я оставляю двух детей в жертву страданиям и слезам, делала еще более печальными и скорбными немногие дни, которые мне

предстояло прожить. Некоторое время я оставался как бы в полуоцепенении под тяжким бременем моего несчастья, и все же мысль о самоубийстве ни разу не пришла мне в голову. Она приходила мне в голову раньше, когда я был свободен, но никогда—в несчастии. Мысль, что я страдаю и умру за родину, делала меня сильнее. Я никогда не совершил бы акта малодушия. Мысль о самоубийстве носилась в моем мозгу, когда я думал о палаче, который сядет на мои плечи на виселице,—смешной предрассудок, который исчезал, едва успев появиться в моей голове. Человека позорят его дела, а не смерть или пытки, которым его могут подвергнуть деспотизм и тирания! Я вспоминал о своем долге перед семьей, родиной и богом. Я думал, что мой пример может стать полезным для моих соотечественников, и поэтому решил жить и смело переносить испытания. Если мне надлежит умереть, я умру с достоинством и с тем презрением, которое подобает нам высказывать, когда наша совесть чиста и сильна своим собственным правом, нарушенным несправедливо. Приведенные выше письма показывают, что таковы были мои подлинные чувства, и мои судьи знали это. Когда я думал о Кальви, слезы выступали у меня на глазах, и я хотел итти вслед за ним. «Вот,—говорил я,—другая жертва, закланная на алтаре деспотизма, быть может, без пользы для Италии». Возможно ли, что это будет длиться долго? Возможно ли, что Италия и впредь будет Допускать, чтобы ее лучших сынов влекли на эшафот? Возможно ли, что она не поднимется против своих тиранов, против тех, которые грабят ее и издеваются над нею? Все это казалось мне подобным сну. Но увы, то была правда! Если утрата Кальви причиняла мне страдания, пусть читатель помнит, что я страдал о моем утраченном друге, о патриоте, убитом нашими врагами; о молодом солдате, погибшем для Италии, который мог и хотел оказать ей большие услуги. Наконец, я страдал в глубочайших тайниках моего сердца, и я говорю это без стыда. Моей участью была смерть на виселице. При всем присущем мне мужестве я все же не мог останавливаться на этой мысли без содрогания при приближении рокового часа. Я не стану прикрываться одеждой лицемерия и выставлять себя смелее, чем я есть.

Я часто вспоминал совет, полученный мною в Лондоне от мисс Луизы. Увы, как часто я признавал, что ее суждение было глубоко верным! Те слова, заключавшие в себе любовь к родине, дружбу и необычайную мудрость, вносили отраду в мое сердце и напоминали мне о милой девушке, сказавшей мне их. Тогда я говорил себе, что в конце концов люди не так уж дурны; есть в этом мире и хорошие люди, такие, которые воплощают добродетель, доброту и любовь! Тогда я становился сильнее. Среди всех моих мыслей и страданий я черпал в этом сознании мужество. Немногие знаки внимания со стороны моих стражей укрепляли меня в этом мнении. Будем жить! Я думал и думал; вместе с тем во мне мощно росло благородство души. Я чувствовал себя полным одушевления и, хотя слабый от бездействия, от летнего зноя, от отсутствия аппетита, я ощущал в себе способность попытаться свершить даже невозможное. Мои враги были ничем в моих глазах. Моя страна, мои дети и Луиза, которую

***** Что такое смерть? покой сердца, то целое, частью которого мы являемся; ибо жизнь есть всего лишь призрак.

мне, казалось, было суждено увидеть снова, заставляли меня произносить слова: я хочу!—эти торжественные слова, которые в последние минуты моего заключения заставляли меня забывать опасности и труды, которые мне предстояло пережить.

Когда меня поместили в камеру № 4, грусть и меланхолия минутами стали снова овладевать мною; затем надежды, затем снова душевные муки, упадок сил и отчаяние в успехе. Такое внутреннее состояние бывает свойственно человеку, который чувствует себя во власти величайшего несчастья, который хочет избавиться от него и не может. Мало-по-малу я овладевал собою, но иногда я падал, подавленный усталостью и страданием. В течение двух месяцев работы и бодрствования я редко принимал какую-либо пищу, спал очень мало и работал, работал, работал; и все же я не страдал от головной боли. Покажется прямо невероятным, что мое слабое тело могло вынести такое бремя. После первого дня работы на моем левом локте оказалась ссадина, и я чувствовал сильную боль. Я старался пилить брусья решетки обеими руками, опираясь левым локтем на подоконник, который служил мне рычагом. Вследствие давления и движения на локте появлялась кровь. Тем не менее я довел работу до конца, и это достаточно показывает, в какой степени моральные силы действуют на физические.

Ночью с 26-го на 27-е я попытался бежать, но мой дух был недостаточно спокоен. Когда я собственными глазами увидел высоту, на которой я находился, впечатление было так сильно, что я не решился предпринять спуск. Я подождал два дня, и когда я, наконец, очутился внизу, мое хладнокровие изумило меня. Без него я не мог бы достичь успеха. Когда спокойствие покинуло меня, я упал и, случись это немного раньше, непременно бы убили. Очутившись во рву и чувствуя себя не в силах взобраться на контр-эскарп, я подчинился своей участи. «Так хочет бог»,—сказал я себе. Я оставался неподвижен, заснул и даже теперь не нахожу в этом ничего необычайного. Я был утомлен столь долгой работой и почти полной бессонницей. До зари я не мог ничего делать. Нужно было не двигаться и не производить ни малейшего шума. Поэтому я спал. Должен ли я был испытывать волнение? Моя судьба не изменилась. Сидя во рву, я чувствовал себя так же, как в моей камере, ожидая, что меня передадут в руки палачу. Пока я не был на свободе, у меня не было уверенности, но я продолжал мои приготовления со всем возможным хладнокровием, чтобы достигнуть моей цели. Спокойствие,—да, полное спокойствие! «Так хочет бог». Вот все объяснение счастливого исхода, которое я могу дать. То, что я не мог взобраться один, было, быть может, моим счастьем. В каждом случае моей жизни я видел знамение провидения, но никогда в такой степени, как в этом случае. Предположим, что я взобрался бы на контр-эскарп на краю озера, чтобы итти по мосту св.Георгия. Я мог бы пойти через мост, но кого бы я встретил? Какую бы дорогу избрал? Разве среди многих, кого я, вероятно, встретил бы, не должно было оказаться предателя? Однако случилось так, что его не оказалось. Людей, которые извлекли меня из рва, было немного, но они меня спасли. Когда они делали это, я чувствовал

связывавший нас общий интерес в момент, когда мы стояли лицом к лицу. Я сказал им: «Вы видите, что вы делаете?» Они же ответили: «Следуй за нами и не бойся ничего». Это достаточно объясняет мое счастье. Раньше чем пришли эти, двое других отказались помочь мне. Более того, после моего бегства они хвалились, что видели меня и не захотели мне помочь. Они были арестованы австрийцами и приговорены к трем годам каторги за то, что не донесли властям о том, что видели меня во рву. Божественное правосудие!

Мои спасители отвели меня озеру и спрятали среди тростника в болоте.

Мой побег привел в такое изумление офицеров гарнизона и так велика была собравшаяся у замка толпа, что губернатор разогнал народ и поставил часовых на площади «galletta», откуда можно было видеть окно моей тюрьмы. В это время я скрывался в тростниках, с достаточным хладнокровием вдыхая воздух свободы, который после пятнадцати месяцев заключения снова дал мне бог, всех людей сотворивший свободными.

Чтобы полнее сообщить подробности моего побега, считаю уместным привести следующее письмо, написанное мною из Швейцарии Маццини, которое 8 июня 1856 г. появилось в «The Daily News», а затем в других газетах с замечаниями редактора:

Побег Феличе Орсини из австрийской тюрьмы

Простой и непритязательный рассказ о побеге Феличе Орсини из замка св.Георгия в Мантуе, который он дает в печатаемом ниже письме, полон самого разнообразного интереса. Мужество, находчивость и самоуверенность самого Орсини—вот что прежде всего поражает читателя. Далее письмо показывает злобную жестокость австрийского правительства, что видно уже из устройства камер, в которые они сажают заключенных. Однако самой важной истиной, которую вскрывает это письмо, является моральная изоляция австрийцев в их итальянских владениях. Спускаясь из окна своей тюрьмы, Орсини так сильно повредил себе ногу, что стал хромать. Начался рассвет, и улицы наполнились прохожими раньше, чем он смог выбраться из рва замка. Не могло быть сомнения, что он—узник, вырвавшийся на свободу. Однако случайные прохожие, не задумываясь, помогли ему выбраться из рва и дать возможность свободно итти своей дорогой. Чтобы от Мантуи добраться до границы, ему понадобилось восемь дней пути. Чужие люди встречали его дружески и укрывали. Никто не выдал его. Он был врагом австрийцев, и это было достаточной рекомендацией, чтобы доставить ему гостеприимство и помощь. Ясно, что австрийцы окружены населением, которое их ненавидит. Среди этих врагов есть люди, подобные Орсини, которые умеют открыть себе путь из тюрьмы, где человек заурядный впал бы в отчаяние; люди, которые, едва вернув себе свободу, снова начинают упорную борьбу против тиранов. Против таких людей все ухищрения полицейских шпионов и наемных солдат долго не устоят.

25 марта я под надзором двух жандармов и высшего полицейского чиновника был отправлен в Мантую, где меня снова допрашивал барон Санчес. Тогда я узнал, что документы, относящиеся к политической миссии, которую я выполнял в Милане в 1854 году,

попали в руки австрийского правительства при аресте миланского комитета и что я был обречен умереть на эшафоте. В Мантуе меня допрашивали по крайней мере двадцать раз.

Прибыв в Мантую, мы остановились на обширном Дворе замка св.Георгия. На каждой из четырех его сторон стоит по башне, а весь замок окружен ровом в семь или восемь ярдов ширины и шесть ярдов глубины. На той стороне, где находится мост св.Георгия, имеется сводчатая дорога, проходящая под улицей и ведущая от моста в город. Посредством этой аркады окружающий замок ров, когда вода в озере поднимается, наполняется водой. Со всех сторон крепость бдительно охраняется сильным отрядом войск с артиллерией.

В то время, когда произошел мой побег, был издан приказ о запрещении кому бы то ни было входить в замок и выходить из него между восемью часами утра и пятью часами пополудни.

Когда происходит какой-нибудь политический процесс, заключенных, состоящих под особенно строгим надзором австрийцев, всегда отправляют в замок св.Георгия, а после революции 1848 года из Вены было прислано определенное приказание предоставить крепость исключительно для содержания политических заключенных. Секретные камеры помещаются в верхнем этаже, а в нижнем находятся архивы города Мантуи. Окна всех камер, за исключением №№ 12 и 7, снабжены двумя рядами толстых железных брусьев, на расстоянии около ярда один от другого (что дает предостережение о толщине стены), а за наружным рядом имеется еще толстая железная решетка. Худшими камерами являются №№ 3 и 4. Меньшая из двух, № 4,—это камера, из которой я совершил побег. Она имеет около шести шагов в длину и немного более трех в ширину. Камеры №№ 2, 3 и 4 выходят в коридор, охраняемый восемью солдатами, которые сменяются каждые сутки. Один часовой стоит у единственной двери, ведущей к остальной тюрьме, а прочие охраняют двери камер. Ночью весь этот порядок становится еще строже, вводится еще особый часовой для камер №№ 2, 3 и 4, который слышит малейший шум и докладывает о нем сторожам, спящим в маленькой комнате, выходящей в коридор, ведущий к камерам №№ 2, 3 и 4. Эта комната имеет две двери, и каждую ночь дверь, ведущая во двор, закрывается, а внутренняя дверь закрыта всегда, и перед каждой с внутренней стороны стоит часовой. Днем здесь находятся три сторожа, обязанные наблюдать за заключенными и обслуживать их. Они сменяются каждое утро в восемь часов. Один из них является ответственным за заключенных, приносит им пищу и производит дневные и ночные посещения, причем он один входит в камеру, другой же тем временем сторожит дверь, держа ее на цепочке. Последний хранит ключи от верхней и внешней двери, которая, как я уже сказал, охраняется часовыми. Никто не может войти в замок или покинуть его без его ведома и специального разрешения. Каждый из всех

этих должностных лиц обязан наблюдать за тем, чтобы остальные выполняли свои обязанности, и несет особую ответственность в случае побега кого-либо из заключенных. Кроме всех этих лиц, есть еще начальник стражи, который имеет высший надзор над всем, спит в замке, всем управляет и отдает приказания и имеет под своим начальством капрала, и всех людей стражи. Ночью он держит у себя все ключи, и сторож должен просить их у него, когда он ночью посещает камеры.

Дневные посещения бывают в 8, 10, 12, 2, 4 и 6 часов, ночные—в половине девятого и половине второго. При этом осматриваются решетки на окнах, стены и т.д. В промежутках между этими регулярными посещениями сторож приходит и уходит во все часы, так что несчастный заключенный не имеет ни минуты покоя.

Из этих подробностей вы видите, что побег невозможен даже с помощью одного часового,—по крайней мере трое из них должны быть посвящены в тайну, и даже тогда необходимо иметь поддельные ключи, ибо все они хранятся у начальника стражи. Очутившись наружу, беглец обязательно попадает в Мантую, ибо замок имеет только один вход, ведущий в город. Поэтому возможен лишь один способ побега, который применил я, спустившись в ров с высоты в тридцать ярдов. Но как выполнил я этот побег? Я выполнил его благодаря терпению и твердой решимости испытать и вынести все что угодно, лишь бы причинить ненавистным австрийцам всякий вред, насколько это было в моих силах. Воодушевленный ненавистью к Австрии, я как бы внутренне переродился, и по прошествии семи месяцев самого строгого одиночного заключения, в течение которого мне ни разу не было разрешено пользоваться светом или даже стаканом, чтобы принять лекарство, необходимое для лечения лихорадки, я своим тихим и смиренным поведением сумел так ублаготворить своих сторожей, что они перестали осматривать брусья моего окна. Я получил шесть маленьких пил из самой лучшей стали. Однако австрийское правительство никогда не узнает, каким путем я получил их. Если бы несчастный полковник Кальви, заключенный в камеру № 2, с которым я поддерживал сообщение условными стуками в стену, не был казнен так скоро, мы оба бежали бы из замка. Однажды я спросил председателя суда, по национальности немца, думает ли он, что смертный приговор, вынесенный мне, будет приведен в исполнение. Он ответил, что ему было бы очень тяжело возбуждать обманчивые надежды—может быть, да, может быть, нет,—это все, что он сказал.

Около конца января меня посадили в камеру № 4, худшую в замке, и я почти не надеялся, что смогу бежать из нее. Окно находилось на высоте более двух ярдов от пола, и, чтобы работать, мне приходилось стоять на спинке моего стула. Ряды железных брусьев были отделены друг от друга расстоянием в ярд, а внешняя решетка находилась сверх того на расстоянии одной десятой ярда

дальше наружу. Брусья были чрезвычайно толсты, в особенности внутренние, а высота окна над рвом равнялась тридцати ярдам—я сам измерял ее веревкой. «Я не мог работать ночью, ибо шум, производимый пилой, хотя и очень слабый, был бы услышан часовыми, которые после вечернего посещения в половине десятого каждые пять минут подходили к двери. Поэтому я работал днем; и мое ухо настолько привыкло к шагам часового, что, раньше чем он открывал дверь, я всегда успевал спуститься и поставить на место свой стул, а иногда делал вид, что прохаживаюсь взад и вперед по комнате, напевая себе под нос. Следы моей работы я скрывал кирпичным порошком, смешанным с черным воском и хлебом. Работая таким образом днем в промежутках между посещениями, я в двадцать четыре Дня перепилил семь внутренних брусев и один внешний в том месте, где они были укреплены в стене, а из стены вытащил восемь кирпичей, которые спрятал в соломе моего матраца. Что касается веревки, я подумал о ней заранее. 1 февраля я тайком от сторожей удержал у себя простыни, которые должен был отправить в стирку, а 1 марта я удержал полотенца, которые были такой же ширины, как простыни, но немного длиннее, и, разрезав их на полосы, я 27 марта смастерил веревку, укрепив ее посредством морских узлов. Я спустил ее в ров, чтобы проверить ее длину, и убедился, что она даже длиннее, чем требовалось. 28 и 29 марта я провел в сильном страхе, что буду накрыт, ибо часовые более обычного докучали мне своим надзором, так что я не мог приступить к делу. Поэтому в течение этих двух дней я притворялся больным и не вставал с постели, боясь, как бы они не начали случайно обыскивать мой соломенный матрац. Уже раньше они перестали осматривать оконную решетку. Вечером, 29-го числа, при обычном посещении начальника стражи в половине десятого я притворился спящим. Но в тот момент, когда посетители вышли и пока они занимались обходом других камер и, таким образом, производили некоторый шум, я быстро снял перепиленные мною железные брусья, связал два маленьких узла необходимой одежды, прикрепил веревку к одному из оставшихся брусев, спустил ее во всю длину, спрятал снятые мною брусья в солому и затем снова пролежал до второго посещения в половине второго ночи. Я опять притворился спящим, и в тот момент, когда они ушли, я поднялся и спокойно начал спускаться вниз по веревке. Опустившись на расстояние приблизительно шести ярдов от земли, я внезапно почувствовал, что больше не в силах держаться. Взглянув в пустое пространство подо мною, я бросился вниз. Со мной приключилось нечто вроде обморока. Однако я смочил себе рот соком апельсина, захваченного с собою на всякий случай, и несколько минут пролежал без движения, чтобы оправиться. Затем я оделся и несколько раз обошел вокруг замка, высматривая какой-нибудь способ выбраться из рва, но я так ушиб ногу при падении, что едва

мог идти. Я надеялся выбраться из рва к озеру, но проход к нему был загорожен решеткой. Тогда с помощью двух гвоздей я попытался вскарабкаться по стене рва, высотой около восемнадцати футов, и почти достиг верхнего края, когда ушибленная нога отказалась служить, и я упал на дно. К счастью, во рву было немного воды, и благодаря мягкой грязи часовые не услышали шума моего падения. Я оставался там, в страхе быть пойманным, до пяти часов утра, когда городские ворота открылись и мимо начали проходить люди. Я стал звать их, говоря, что прошлой ночью я был пьян и упал в ров, и просил их помочь выбраться. Некоторые отказались. Наконец несколько человек посмелее оказали мне помощь и с большим трудом вытащили меня, потому что сам я едва мог помогать себе. Мои руки были порезаны во многих местах. Я сильно хромал и выше пояса был покрыт грязью, и все же в таком виде мне пришлось перейти через мост на расстоянии ружейного выстрела от замка. Что было потом, об этом я не должен говорить. Через неделю я был в Швейцарии и только тогда получил возможность заняться лечением моей ноги. Вы можете себе представить, что сделали бы и что дали бы австрийцы, чтобы снова захватить меня в свои руки. Полицейские циркуляры и телеграфные депеши сыпались одни за другими. Все без различия письма задерживались и вскрывались на почтамте, и обыски производились во всех частях Мантуи, однако это не помешало жителям открыто выражать свою радость по случаю моего побега. Теперь мы скоро встретимся.

20 мая 1856 г.
Феличе Орсини

ГЛАВА XV

Неделя в окрестностях Мантуи.—Генуя.—Тамошние друзья.—Письмо к г.Мауронеру в Вене, донесшему на меня полиции.—Мнение сардинской прессы.—Ложные друзья.—Горестные открытия.—Многие лица, считая меня окончательно погибшим, стали моими врагами, а теперь демонстративно выказывают свою дружбу ко мне.—Меня ободряют истинные друзья: N.N. и г-жа Гервег.—Цюрих.—Я перечитываю письма, написанные друзьям из тюрьмы в Мантуе.—Впечатления.—Дружба с Пьетро Черони.—Письма Маццини.—Мой приезд в Англию.

Целый день я оставался в камышах. У меня была бритва, я обрился, а также выпил немного водки, которую мои спасители принесли мне. Я был на воле и снова испытывал чувства, вызываемые переходом от заключения к свободе,—ощущение, которое никто не может понять, кроме, тех, кто долго сидел взаперти в тесной камере. Я думал о прошлом, о только что испытанном мною и изумлялся моей удаче. Я мог наблюдать летавших надо мною птиц, и их крик нарушал окружающее однообразие. Легкий ветерок колебал тонкие верхушки камыша, яркое

солнце умеряло холод, который я ощущал, стоя на сырой и глинистой почве. Мои спасители, не обращая внимания на опасность, три раза приходили меня проведать. Глядя на меня, один из них сказал: «Вы—великий человек; какое мужество! Мантуанцы говорят, что если вас снова схватят, то император должен наградить вас медалью».—«Дорогой друг,— отвечал я, опуская голову,—знаете ли вы, какую медаль они дадут мне? Виселицу, будьте уверены». Вечером они пришли, чтобы вывести меня. Дважды я пытался встать, но снова падал на землю, как сломанная тростинка. Я не мог идти. Тогда я схватил каждого из них за воротник куртки, и они потащили меня как мертвое тело. Они брели выше колен в грязи и все время повторяли: «Сколько возни ради того, чтобы попасть на виселицу!», разумея этим, что, если бы их захватили, им пришлось бы поплатиться жизнью. Наступило девять часов вечера. Меня отнесли в небольшую ожидавшую меня двуколку. Они поцеловали меня, как братья, и, пожелав мне божьей помощи, покрыли меня соломой. Я миновал патрули и часовых, во множестве расставленных по дороге, и был спасен. В течение недели я оставался в окрестностях Мантуи на голой земле, без защиты от непогоды, без медицинской помощи. Однако бедные люди, на чьем попечении я находился, два раза делали мне припарки из льняного семени, чтобы облегчить воспаление ног, вызванное повреждениями, полученными при падении в ров замка. Припарки сильно помогли мне. Кроме того, эти люди каждый вечер приносили мне немного хлеба и вина. Каждый день один из них ходил в Мантую, и через него я знал все, что предпринимало правительство, чтобы поймать меня.

Через несколько дней мне удалось войти в сношения с некоторыми из моих друзей, и я убедился, что они готовы отдать деньги и жизнь ради моего спасения. Некоторые из них давно находились в дружбе со мной, а те, которые еще не были мне друзьями, тотчас же сделались ими. Когда я начинал благодарить их, они говорили, что им не надо благодарности, что они действовали так, как нужно для блага Италии, и что их долг требовал от них спасти человека, который служил ей и который в душе чувствовал, что снова будет для нее полезен. Мой друг N.N. приехал специально для меня из Папской области. Всякий раз, когда было нужно, он не жалел денег. Через каждые 15 миль меня ожидала барская карета с лошадьми, так что через несколько часов я находился уже вне австрийской территории. Я встречал патрули и, к великой своей забаве, встретил также человека, ошибочно арестованного ими вместо меня. Я никогда не забуду жертвы этих молодых людей, которые выказали столько преданности и мужества ради моего спасения.

Эти слова, что когда-либо я снова принесу пользу моей родине, до нынешнего дня остаются запечатленными в моей душе; чтобы показать мою благодарность этой благородной молодежи Ломбардии и доказать, что эти слова были высказаны не напрасно, я поклялся посвятить мою жизнь Италии—стране, служению которой я отдал мою юность. Я отказался от всех личных привязанностей, от всех семейных связей ради этого великого дела. Никакая человеческая сила не должна

препятствовать мне, но если я работаю для независимости и свободы Италии, это не значит, что я собираюсь стать слепым орудием партии или какого-либо человека.

Когда предпринимается какое-либо великое дело, то замышляющий его человек должен принять надлежащие меры, могущие дать ему успех, и не удовлетворяться только перспективой пасть с честью. Лишь при таком образе действий мы можем надеяться когда-либо вытеснить за Альпы чужеземных угнетателей. Молодые люди, с которыми я встретился в Ломбардии, доказали мне, что доблесть существует. Таким образом, элементы для возрождения нашей страны имеются налицо, недостает только личности с мудрым, тонким, даровитым умом, чтобы осуществить это возрождение.

Разговоры, поэтические наклонности, фанатизм никогда не принесут возрождения нашей стране; для него нужны жертвы, а не воображаемая добродетель. Для спасения Италии нужны дела, и только дела!

Подвигаясь к границе, я сначала взял направление на Швейцарию, но у озера Комо мне пришлось остановиться. Тогда я изменил свой путь, вступил в Пьемонт, прибыл в Геную и нашел убежище в доме нескольких ломбардских эмигрантов, прекрасных молодых людей. Я был принят ими с энтузиазмом. Они просили сообщить им все подробности моего побега. Рассказ о них так взволновал меня, что, когда я лег в постель, вторично за целый ряд последних дней, я был совершенно не в состоянии спать. В доме моих хозяев я отдохнул, мне было оказаны нежное попечение и забота. Некоторые из моих добрых друзей явились повидать меня. Насколько возможно, я держался в тени, ибо намерений правительства были неизвестны, а у меня не было никакой охоты снова попасть в тюрьму. В течение этого времени я читал иностранные и местные газеты, которые сообщали о моем чудесном побеге. Раньше чем покинуть Геную, я оставил письмо, пометив его более поздним числом, для отправки его г.Мауронеру, директору венского журнала «Итальянский курьер», и в то же время я хотел, чтобы мое письмо было опубликовано в газетах. Это было сделано после моего отъезда. Я привожу здесь мое письмо и ответ на него, так что читатель увидит, что еврей Моисей Формиджини, зловещую физиономию которого я увидел на пароходе в пути из Венеции в Триест, был первой причиной моего ареста, а г.Мауронер—второй. Но вечно справедливый бог не оставляет гнусные деяния без кары. Первый после того как он стал виновником моего ареста, лишился рассудка и был застрелен в сумасшедшем доме в Вене. Второго не пощадило даже собственное правительство, ибо от моих судей я узнал, что Мауронер был низкий шпион, донесший на меня, и его имя будет в презрении у всех честных людей Европы. Признаюсь, что такая развязка нисколько не печалит меня.

Г-ну Мауронеру,
директору «Corriere Italiano», издаваемому в Вене.

*Сыграл я с ними удалую;
Мой долг был красен платежом!
Чего-то время не устроит!
Мгновенье лишь подстережем,
Врага от мести не укроет
Ничто. Неутомимый труд
И неусыпное гоненье
Того, кто помнит оскорбленье,
Везде обидчика найдут.
Байрон, «Мазепа»*

Милостивый государь, я цел и невредим и нахожусь на свободе. Вы же считали меня уже мертвым или близким к смерти. Ваша правая рука и ваше перо были уже готовы возвестить в «Итальянском курьере», что Феличе Орсини повешен в Мантуе, как осужденный за государственную измену. Это преисполнило бы вас радостью и ваша душа оставалась бы спокойна; это спокойствие было уже однажды прервано на один момент, — я разумею промежуток между вашим доносом на меня венской полиции и моим арестом в Германштадте. Мое заключение в австрийских провинциях означало смерть, которая должна была постигнуть меня несколько месяцев спустя на бастионах Мантуи; а вы, твердо уверенный в этом, освободились от всякого опасения, что ваш донос на меня будет разоблачен; но не существует еще гарантии в том, что гнусная трусость всегда должна увенчаться успехом.

Когда вы услышали от Моисея Формиджини, что я нахожусь в Вене, вы поспешили вместе с ним в полицию, чтобы сделать на меня донос, с чем я вас и поздравляю. Читая ваш партийный журнал, я убедился, что вы способны осыпать клеветами и порочить людей, которые мыслят иначе, нежели те, которые содержат вас на жалованьи, однако я не думал, что вы можете унизиться до прямого доноса.

Доставит ли вам этот донос на меня какой-либо титул—барона, кавалера или графа? Или вы положите в свой карман несколько лишних сотен флоринов? Ваш друг Формиджини уже вознагражден достойным образом в сумасшедшем доме в Вене.

Но вы, может быть, думаете, что все это очень быстро канет в прошлое? Милостивый государь! Время улаживает большие дела. Если бы вы знали подробности моей жизни и мой недавний побег из замка св.Георгия в Мантуе, вы легко убедились бы в том, что я не привык забывать обиды и что страх не имеет большой власти надо мною.

Может случиться, что мы как-нибудь встретимся в стране, не находящейся под властью австрийского императора; но если даже

этого не произойдет, знайте, что, если только мне вздумается, я способен отправиться в Вену в момент, когда вы всего менее этого ожидаете, чтобы дать вам урок, какого заслуживает человек, способный стать доносчиком.

Я провел «адские» дни в моей камере, думая о вас, о вашем сообщнике-шпионе и о насмешках баронов Санченца и Корашинти. Ваше имя, ваша личность, которую я несколько раз видел в Вене, и еще другие личности все время стояли перед моими глазами и наполняли меня новым пламенным желанием преодолеть препятствия к моему побегу из замка св. Георгия. Я терпел, я прикидывался робким, как заяц, в течение двенадцати месяцев, и я получил награду: свободу, полное обладание моими силами и готовность отомстить негодьям, толкавшим меня к подножью эшафота.

Но каким же образом я узнал, что вы были главным доносчиком на меня? Милостивый государь! Конспирация, способная сделать так много, когда ее ведут хорошо, дала мне нужные для этого средства. Но если бы даже их у меня не было, вам должно быть известно, что судьи, обязанные знать все о составе политических процессов, не скрывают имен обвинителей и шпионов.

Изучая дело с целью открыть малейшие детали заговоров, охотно принимая доносы и обвинения, потакая шпионам, они в глубине души питают к ним отвращение и презрение.

Есть поступки, которые все люди считают низкими; ни время, ни перемена обстоятельств или места не могут, пока стоит мир, сделать уважаемыми людей, совершивших такие поступки, дать им репутацию честных. Система шпионажа всегда такова. Правительства, в особенности в политических делах, постоянно пользуются тайными или явными шпионами; они ухаживают за ними и привлекают их всякими способами, пока те бывают им нужны; но лишь только цель достигнута, их отвергают и прогоняют, предоставляя всеобщему проклятию и презрению. Вы, благородный кавалер, наверное не избегнете этой судьбы; а я пока что предсказываю ее вам и от всего сердца желаю вам ее, хотя она представляет лишь ничтожную долю того, что вы заслуживаете.

Италия, 17 апреля 1856 г.

Феличе Орсини

Оправдания Александра Мауронера

Г-н Мауронер, директор «Corriere Italiano», которого Феличе Орсини объявил шпионом и виновником своего ареста, заключения в Мантуанской крепости и, быть может, смерти, если бы ему не удалось спастись бегством, старается очистить себя от этого обвинения в журнале, в котором только и есть итальянского, что его название и язык, на котором он печатается. Однако оправдание оказывается еще более уличающим, чем обвинение, и является новым аргументом в пользу истинности утверждения, высказанного Орсини в письме, впервые опубликованном нашей газетой и

перепечатанном во многих пьемонтских и иностранных периодических изданиях. Мы думаем, что мы можем приложить нашу печать к страшному обвинению нашего соотечественника и друга, предложив читателям подлинный ответ директора-редактора так называемого «Corriere Italiano».

Мауронер воображает, что он оправдывает себя нижеследующей заметкой, помещенной в № 122 его газеты:

В «Italia e Popolo» появилось письмо некоего Орсини, адресованное нашему главному редактору, в котором сей индивидуум, арестованный в Трансильвании и посаженный в крепости Мантуе, откуда ему удалось бежать, с самым наглым бесстыдством пытается возложить ответственность за свой арест на нашего редактора. Мы можем объявить содержание этого письма лживым, ибо г.Мауронер никогда не знал вышеупомянутого Орсини и лишь месяца два после его ареста узнал, что агент Маццини, носящий это имя, попал в руки императорских властей. Нам известно лишь то, что какая-то личность еврейского вида дважды посещала г.Мауронера, первый раз с целью предложить ему некоторые корреспонденции из Италии, второй—чтобы таинственно спросить у него совета, так как, по его словам, он находился в пути от Триеста до Вены с одним эмиссаром Маццини, который ехал с целью склонить на свою сторону итальянские полки в Бухаресте, где они участвовали в оккупации княжеств.

Несмотря на серьезность этого сообщения, г.Мауронер ответил этому индивидууму чрезвычайно подозрительного вида, что такого рода факты подлежат ведению императорского и королевского директора полиции, а не журналиста, и что, если все это верно и он желает сделать соответствующее сообщение, ему надлежит обратиться туда. Нам кажется, что этот ответ будет найден естественным для всякого, кому известны австрийские законы.

Мы сказали, что оправдание Мауронера для него страшнее, чем обвинение со стороны Орсини. Действительно, директор «Corriere Italiano» сознается, что личность «еврейского вида», т.е. Моисей Формиджини, явилась к нему, чтобы таинственно просить совета касательно эмиссара Маццини, ехавшего с ним от Триеста до Вены, и он благоговейно направил личность еврейского вида к директору полиции, без сомнения с тем, чтобы тот пошел просить совета у директора, братски рекомендуя ему вступить в сношения с этим безобидным должностным лицом.

И с целью оправдать свою низость, честный г.Мауронер находит, что посылка им доносчиков в полицейскую канцелярию «была естественным результатом для каждого, кому известны австрийские законы».

«Естественным» для каждого, обладающего совестью г.Мауронера, который, после того как в 1848 году он выставлял напоказ свой либерализм и демократизм, с тех пор со всем своим арсеналом перешел на службу к австрийцам».

Возвращаясь к моему рассказу. Я узнал о поведении моих так называемых друзей во время моего заключения. Они считали меня фактически уже мертвым, и некоторые из них, от которых я имел право ожидать дружеской поддержки, делали вид, что не знают меня. Таков мир. Однако он не целиком населен подобными людьми; есть еще меньшинство из хороших людей, которые вознаграждают нас за то, что большинство состоит из негодяев.

Немногим людям дано пройти чрез то, что прошел я, и когда я вернулся в мир, это было как бы воскресением из мертвых. Тогда я узнал все чувства и мнения моих друзей в течение моей—считавшейся фактом—смерти. Сколь горестные открытия! Эти факты и многие другие, повторять которые было бы излишне, снова вызвали во мне склонность к скептицизму; и, правду сказать, если вообще позволительно сделаться скептиком, я почти готов считать, что для этого у меня были основания. Однако в то время на помощь мне пришли размышление и философия. Если мы впадем в скептицизм, то что станет с честностью, добродетелью и прекраснейшими дарами бога? Исчезнут обязанности, благородные чувства, заслуги в совершении добрых дел; все сведется к собственному «я» и к материальному интересу. Цениться будет только дурное; даже женщина, которая, когда красота в ней соединена с высокими душевными качествами, является прекраснейшим из живых существ, станет всего лишь предметом чувственных вожделений; любовь к родине будет признана безумием, а акты героизма станут считаться ни во что! Если бы скептицизм взял верх, то человеку не осталось бы ничего больше, как душить своего соседа. Отгоним от себя прочь такие настроения. Я хотел бы, чтобы мои юные соотечественники держались подальше от этого губительного зла, худшего, какое может поразить нацию!

Когда мое здоровье восстановилось, я отправился в Швейцарию. Я хотел снова увидеть второго человека, которому я был обязан жизнью,—г-жу Гервег. Я приехал в Цюрих. Все было для меня как сон. Она сказала мне, что мой час еще не настал. Мы говорили об ее предсказаниях, столь странно оправдавшихся на деле. Она показала мне все письма, которые я написал ей из тюрьмы незадолго до предстоявшей мне казни. Теперь я был свободен и держал их в своих руках. Странные превратности судьбы!

Из Цюриха я написал дяде и брату. Возраст первого и влияние на обоих духовных лиц и папского правительства привели к тому, что их отношение ко мне, как мне казалось, стало как будто бы уже не тем, каким было раньше. Я написал обоим письмо, не скрывая чувства обиды, и мой старый дядя в свою очередь написал мне письмо с изложением мнений, своих и моего брата, чтобы оправдать их отношение ко мне. Получив их доброе письмо, я не мог удержаться от слез. Я простил им и написал дяде, что не ему следовало оправдываться после стольких доказательств его любви ко мне. Я благодарил его за все, что он сделал для меня, говорил ему, что вечно буду хранить признательность к нему, что желаю ему долгой и счастливой жизни и буду рад еще раз обнять его, брата и моих детей. Я просил у него некоторую сумму денег на дорогу и

на первые месяцы предстоящей мне жизни в эмиграции. Так как во время моего заключения у меня были основания быть недовольным ими, то я сказал, что больше я ничего не желаю и подтверждаю это честным словом. Моя просьба была удовлетворена. Я сдержал свое слово и буду держать его впредь, пока у меня еще есть физические и умственные силы.

Человек никогда не должен оставаться праздным. К какому бы слою общества он ни принадлежал, его способности не должны пребывать в состоянии усыпления; он должен пользоваться ими для самосовершенствования и, если у него есть дети, для хорошего их воспитания. Таковы истинные принципы чести, которыми обладает каждый мудрый человек. Предрассудки—это удел слабого человека; жить в праздности на счет других свойственно характерам низкого порядка; такая жизнь влечет за собой бесчестие.

Невозможно выразить, сколько сделал для меня мой друг в денежном отношении, и, несмотря на это, он опять написал мне, еще раз предлагая свою помощь. Я ответил, что не нуждаюсь ни в чем. Этот друг был для меня более чем братом. Если я когда-либо услышу о том, что ему грозит опасность, никакое препятствие не помешает мне притти к нему на помощь, и в этом я преуспел бы!

Г-жа Гервег показала мне следующее письмо Маццини по поводу моего побега, написанное по-французски.

17 апреля

Сударыня, сердечно благодарю вас за известие и за быстроту, с которой вы сообщили мне его. Я не ответил вам, ибо ожидал еще другого письма. На свободе ли он только или также уже в безопасности? Перешел ли он границу? Я опять начинаю беспокоиться. Я рассчитываю, что вы и Пьетро при первой возможности пришлете мне два слова об этом, чтобы успокоить меня.

Еще раз благодарю вас за все, что вы сделали для нашего друга; я никогда не забуду этого. Преданный вам

Джузеппе Маццини

Г-же Эмме Гервег

Затем я получил следующее письмо от Маццини:

5 мая

Дорогой О... Ты спасен чудом смелости и счастья. Надо ли говорить, с какой радостью я принял вести об этом? Для меня еще тайна, каким образом ты был арестован в Трансильвании, но об этом и о тысяче других вещей, касающихся тебя и других, которые я хотел бы знать, у нас будет время поговорить. Я не знаю, как ты добрался до границы из Мантуи; я с нетерпением жду подробностей, которые ты, наверно, собираешься опубликовать в печати.

Дружба, оказанная г-жей Гервег, поистине заслуживает твоей и нашей общей благодарности. Прощай. Всегда люби твоего друга и брата

Джузеппе

Два эти письма достаточно доказывают связывающую нас дружбу. Я ответил Маццини сообщением всех подробностей моего побега в письме, приведенном выше.

В Швейцарии я страдал перемежающейся лихорадкой, но физическая реакция явилась мне на помощь. Моя нога все еще очень болела, и я лечил ее пиявками. Причина этой физической реакции, несомненно, заключается в возбуждении и напряжении телесных и душевных сил в течение двух месяцев моих усилий ради побега из тюрьмы. Все же, несмотря на слабость здоровья, я не забывал Италию и, получив от Маццини письмо с советом не покидать Швейцарию иначе, как в случае опасности,—ибо в Италии было возможно движение, в котором я мог бы снова быть полезен,—я почувствовал, что мое сердце радостно забилося. Прошлые опасности были ничто. Я был готов итти навстречу новым.

Из Генуи я получил также письмо от некоторых моих друзей, которых мне не удалось повидать. Привожу письмо от N.F., который делал все от него зависящее, чтобы помочь мне во время моего заключения, хотя раньше я редко имел случай говорить с ним. Я считаю это доказательством самой искренней дружбы. Несколько приводимых ниже строк достаточно, чтобы дать представление о его мудрости и доброте:

Друг, я получил вашу записку и благодарю вас от всей души. Радуюсь вместе с вами успеху вашей попытки. Мужественно выполнить такое предприятие—значит доказать такую силу воли, которая заслуживает успеха, что и случилось в действительности; но берегитесь впасть в тщеславие и не злоупотребляйте улыбкой судьбы; в другой раз она может превратить ее в насмешку. Храните вашу дружбу ко мне и не говорите о благодарности. То, что я сделал для вас,—пустяк; то была дружба, верная в своем чувстве, но выраженная лишь в ничтожном действии.

Пока прощайте, до той минуты, когда судьба позволит нам на свободе пожать друг другу руку. Любите меня и верьте любви и уважению вашего

14 мая

N

Это письмо показывает, какие благородные и великодушные сердца еще бьются в Италии.

Я должен сказать также несколько слов о другом благороднейшем итальянце, Пьетро Чирони. Он все время помогал г-же Гервег в отправке необходимых инструментов для перепиливания железных брусьев и пр. Мои письма из Мантуи ясно доказывают это. Чирони—уроженец Тосканы. Он образованный и развитый человек и питает глубокую любовь к родине,

почему и живет в изгнании; а его честность, скромность и высокие духовные качества достойны древних времен. Так как я заговорил о лицах, помогавших моему побегу, то прибавлю, что Чирони говорил мне, что Г.М., хотя и мало надеявшийся на мой успех, равно как генерал Гарибальди, неослабно старались помочь мне, как доказывает следующее письмо Гарибальди к Чирони:

Порто Веккио, Корсика
6 декабря 1855 г.

Дорогой Чирони. В момент моего отъезда в Сардинию я получил в Ницце ваше письмо от 27 ноября, но я не мог исполнить вашей просьбы. Со времени вашего отъезда из Ниццы я не видел Коломбо и считал излишним отыскивать его. Мне искренне жаль нашего бедного друга, и, по моему мнению, вы должны искать других способов помочь ему. Я тоже внесу свою лепту, когда вы скажете мне, куда ее надо направить. Тем временем, верьте в расположение

Вашего Гарибальди

Скажу кстати, что Коломбо—близкий друг моей семьи, и мои друзья старались чрез его посредство войти в сношения с моими родными.

Чувствуя себя несколько лучше, я в мае месяце достал себе другой паспорт на чужое имя и проехал через Францию. Так как во время этого путешествия я подвергался опасности ареста, я уговорился с г-жей Гервег насчет способов нового побега. При расставании она сказала мне следующее: «Куда бы вы ни отправились, не пишите, если не будет надобности; когда же вы будете в опасности, дайте мне знать, и я спасу вас». Она пошла со мною на станцию, где проводила меня в путь. Я люблю и чту ее, как собственную мать.

ГЛАВА XVI

Дувр.—Лондон.—Прием.—Маццини.—Физическая реакция.—Четырехмесячная лихорадка.—Склонность к самоубийству.—Мои дети.—Выход в свет моей книги «Австрийские тюрьмы в Италии».—Лекций в Лондоне и в провинции.—Сочувственное отношение британского общества.—Восстановление физических и духовных сил.—Джозеф Коуен, Вальтер Севедж Лендор, Дж.Д.П.Ходж и Томас Оллсоп.—Ливерпуль.—Семья Питера Стюарта, моего друга и благодетеля.—Лекции в Ливерпуле.—Эдинбург.—Сочувственное отношение его жителей.

Покинув Париж, я сел в Кале на пароход, отправлявшийся в Дувр. В Ламанше я в первый раз почувствовал себя на свободе. Когда я вышел на берег и ступил несколько шагов, я встретил полицейского, который помог мне. Я взглянул на него, ибо для меня было так ново, что полицейский дружески предлагал мне руку, а не тащил меня в тюрьму. Тут я сказал себе: «Лишь два часа тому назад на континенте не было клочка земли, куда я мог бы ступить, не подвергаясь

Опасности ареста. Напротив, здесь полицейские предлагают мне свою помощь и не трогают меня. Это был новый поворот колеса фортуны, а я пережил их много.

Погода была туманная, домов почти не было видно. Это произвело на меня унылое впечатление после климата Италии, однако я глядел вокруг себя и с гордостью говорил:

«Здесь я свободен!» Затем я отправился в Лондон. Спустя день или два я посетил Маццини. Он принял меня с радостью и выказал мне величайшее доверие. Он изложил мне уже испробованные планы, а также новые, предназначенные для выполнения в будущем. Из дружбы к нему и любви к общему делу я сказал ему, чтобы он действовал осторожнее, что необходимо достигнуть успеха, что если его планы хорошо обоснованы, он может рассчитывать на меня и что я готов итти навстречу новым опасностям. В первые дни моего пребывания в Лондоне я посетил несколько английских семейств, с которыми был знаком раньше; среди них я могу назвать Крауфордов, высококультурную семью, всегда проявлявшую величайшую симпатию к делу Италии. Маццини и я получили от этой семьи приглашение к обеду. Через несколько дней Маццини уехал в Италию. Покуда он был здесь, несколько итальянцев в Лондоне высказывали взгляд, что необходимо поддержать некоторые партии в римском государстве. В этом смысле я написал Маццини письмо, однако не знаю, получил ли он его.

Среди друзей, о которых я думал, была Луиза; но я не нашел ее в Лондоне, и признаюсь, это немало огорчило меня. К кому бы я ни являлся, всюду встречал я самые теплые знаки сочувствия, также и от итальянцев всех политических направлений. Тем не менее глупцы и шарлатаны, которых много во всякой нации, проявляли ко мне некоторую зависть. Бедные люди! им было бы приятно пользоваться известностью, не подвергаясь страданиям и опасностям, которые пришлось пережить мне.

Я посетил Кошута. Он был растроган при виде меня и обошелся со мною, как с другом и братом. Он был изумлен моим побегом и говорил, что в истории нет подобных примеров. Когда он в свое время услышал от Маццини, какое дело я замышлял, он сказал ему, что оно невыполнимо.

Вскоре я почувствовал другую физическую реакцию. То было несколько жестоких припадков лихорадки и по временам ужасные головокружения. Кроме того, я пережил несколько моментов грусти и неопишимо мрачного настроения духа. Я думал о моих детях, которых не мог увидеть, и о рабстве моей родины. Я спал мало и иногда находился в таком возбуждении, что мысль о самоубийстве часто приходила мне в голову. Я принимал наркотические средства, и некоторые из моих друзей-врачей советовали мне избегать шума и какого бы то ни было возбуждения. Они говорили мне, что если я шесть месяцев проживу спокойной жизнью, я буду совершенно здоров, что и случилось на самом деле; но в большой степени помогли мне также моя сила воли и здоровое сердце. Около этого времени я написал книгу «Австрийские тюрьмы в Италии».

Вскоре после моего приезда в Лондон я увидел полковника Тюра, который вернулся в Англию после своего ареста австрийцами в Валахии. Позже Я встретился также с полковником Риботти, и эти встречи были похожи на какой-то романтический сон, даром что были подлинной реальностью. Я услышал об аресте Тюра, когда сидел в тюрьме в Мантуе, и, помнится, сказал себе: «Вот еще один мертвец». Кто бы в то время мог подумать, что нам суждено будет встретиться в Лондоне на свободе! История Риботти полна романтических событий. Читатель, конечно, вспомнит его имя. Во Флоренции и Риме я был его другом и сподвижником революционных предприятий. После народных демонстраций, происшедших в Риме 4 февраля 1848 г., я отправился в провинции, он же—в Калабрию, где стоял во главе восстания. Он был захвачен на море, заключен в тюрьму в Неаполе, и о нем невозможно было получить никаких известки. Когда я обладал гражданской и военной властью в провинции Асколи, я отменил три смертных приговора, чтобы добиться выдачи нам моего друга, но все оказалось напрасно. Я с удовольствием слышал, что Риботти был главным организатором англо-итальянского легиона в Мальте, и несколько месяцев спустя мы встретились и пожали друг другу руку в Лондоне. Не видна ли здесь ясно рука провидения?

Когда наступила осень, я решил прочесть несколько лекций с целью вызвать в английском общественном мнении сочувствие к Италии. Первая лекция состоялась в Брайтоне. До сих пор мне не случалось еще говорить перед публикой, за исключением обращений к моим солдатам, и—что было еще хуже—мне предстояло говорить по-английски, вследствие чего я чувствовал немалую робость. Хотя я и преодолел ее, однако, должен сознаться, мое смущение было сильнее, нежели тогда, когда я спускался по веревке из окна замка св.Георгия. Аудитория была чрезвычайно снисходительна и встретила меня громкими аплодисментами, хотя, правду сказать, я боюсь, что меня не слишком хорошо поняли. Когда лекция окончилась, дамы окружили меня и пожимали мне руку. Они удивлялись, что я не превратился в полумертвого старика. Я ответил им, что, если бы природа не наградила меня крепким телом, я никогда не смог бы выдержать такого страшного испытания.

Затем я поехал на север. Для меня это была хорошая школа. Я нашел свободное и умственно в высшей степени развитое население. Когда я окончил лекцию, рабочие брали мою руку в свои мозолистые ладони и говорили: «Мы надеемся, что вы достигнете успеха в вашем правом деле». Во время этой поездки я пользовался гостеприимством Джозефа Коуена из Бледон-Берна, близ Ньюкастля; там я был сделан почетным членом Института, к которому принадлежит также Кошут.

В лице г.Коуена я нашел превосходного друга, хорошего отца семейства и подлинного приверженца свободы, глубоко сочувствующего делу Италии.

Затем я вернулся в метрополию и прочел несколько лекций в Кенте, которые вызвали такой же энтузиазм. Во время этих путешествий ко мне вернулись мои духовные и физические силы. Я чувствую себя вполне

хорошо, но мне надо постоянно иметь какое-либо занятие, иначе на меня нападает мой старый враг—меланхолия. Я чувствую странную склонность к одиночеству.

Позже я отправился в Бат, где познакомился с престарелым почтенным поэтом, Вальтером Севеджем Лендором. Я жил у него в доме, где он оказывал мне всяческое внимание.

В это время Маццини сообщил мне, что в разных местах Италии могли произойти движения, в которых я мог бы принять участие. Я ответил ему, что всегда готов на всякое дело, представляющее хоть какую-либо вероятность успеха; что если под моим руководством будут находиться элементы, подобные участникам прежних экспедиций, я не двинусь с места; что в ближайшем предприятии, в котором я приму участие, я решил либо добиться успеха, либо погибнуть, и что я не хочу попадать в смешное положение.

С тех пор он действует на благо Италии сообразно своей совести, а я же—сообразно моей.

Каковы бы ни были способы, применяемые Маццини, Италия весьма многим обязана ему. Очень жаль, что такому человеку, как он, постоянно приходилось терпеть неудачу в своих попытках и—что еще хуже — эти попытки не вызвали иного результата, кроме тайного недоброжелательства в среде самих патриотов. Поистине, такой человек заслуживал лучшей участи,—но человек предполагает, а бог располагает!

С тяжестью в сердце приходится мне высказывать такие мысли. Я чувствую величайшее дружеское расположение к Маццини и хотел бы говорить только в пользу моего старого друга и товарища по разговорам. Но что пользы обманывать взаимно неискренней лестью? Мы должны видеть друг друга такими, каковы мы в действительности, и каждый из нас должен стараться средствами, находящимися в нашей власти, как бы ни были они слабы сами по себе, внести свою малую долю в дело освобождения Италии.

В настоящее время нужен человек, который внушил бы к себе доверие всей нации; человек, который одним своим призывом мог бы пробудить ее; человек, который обладал бы военным и политическим гением, необходимым для того, чтобы принести нам избавление. Эта истина неоспорима. Если кто-либо думает иначе, пусть займет свое место на арене действия, пусть призовет итальянцев к оружию, пусть докажет ошибочность моих утверждений, и я с восторгом признаю свое заблуждение.

Но этот горячо желанный человек, этот, так сказать, итальянский Вашингтон [примеч. к стр.293] еще появится, и он выйдет из народной массы; ибо во все великие, волнующие эпохи в Италии никогда не было недостатка в великих людях.

Очень грустно признаваться в таких истинах, но собственный интерес нашей страны, польза национального дела и желание не обманывать великую нацию, подобную английской, так близко к сердцу принимающую благо моей родины, заставляют меня представлять вещи в их подлинном виде.

Одна лишь правда может освободить нас от тех иллюзий, которые до сих пор были причиной наших катастроф. Мы должны всмотреться в себя, каковы мы в действительности, должны отдать себе отчет в своих средствах, в том, что мы можем и что должны делать при нынешнем состоянии Европы. И когда мы отыщем правильный путь, станем идти по нему смело, не глядя на препятствия, могущие преградить нам дорогу.

Италия готова восстать, бороться и принести любую жертву, необходимую для обеспечения ее независимости.

Только в Неаполитанском королевстве низшие классы невежественны и суеверны и ничего не знают о положении Италии. Совсем иначе обстоит дело в среднем и высшем классах общества; что же касается первых, они составляют столь малую и незначительную часть всего населения Италии, что никогда не будут препятствием, если в Италии вспыхнет война.

Италия по традиции—страна республиканская, и как в древние, так и в новые времена своим величием она обязана своим республикам.

Но хотя, в общем, итальянцы хотят республики, необходимо признать, что они устроены не так, чтобы обеспечить торжество своим принципам или, лучше сказать, своим простым склонностям.

Повторяю еще раз: после попытки 6 февраля 1853 г. республиканская партия впала в полную дезорганизацию, лишилась влияния и средств. Чтобы бороться против армии, нам нужны солдаты, а где эти наши солдаты? Говоря яснее, где у республиканской партии армия? Ее нет! Именно поэтому все итальянцы обращают ныне свои взоры на правительство Пьемонта, единственное враждебное Австрии, единственное, дающее известную свободу своим подданным и питающее в итальянцах надежду на освободительную войну.

Однако, говоря правду, что может сделать пьемонтское правительство? Может ли оно искренне начать войну? Желает ли оно ее? Захочет ли оно с полным доверием принять в свои ряды тех республиканцев, которые будут хранить молчание о своих принципах во имя дела независимости? Что до меня, я питаю сомнение и имею для этого самые положительные основания.

В настоящий момент Италия находится в самых печальных обстоятельствах, какие только можно себе представить. Однако это положение вещей будет длиться недолго, ибо все зависит от Наполеона, а этого человека не будут терпеть долго с его правительством, основанным на деспотизме и измене ***** . Эта система походит на шаткое здание, которое для своего сохранения требует постоянно новых подпорок. Когда этих средств более не будет, оно падет, увлекая других в свою погибель.

Но почему все зависит от Наполеона? Потому, что он располагает большой армией, которая, в соединении с армией другой деспотической европейской державы, заставит чашу весов склониться на свою сторону.

Война за независимость в Италии заставила бы французов краснеть за позицию, какую они теперь занимают. Франция пробудится от ее нынешнего сна. Наполеон хорошо это знает, и потому он объединит все континентальные деспотии с целью в самом зародыше подавить усилия итальянских патриотов.

Война за независимость в Италии; революция в Париже; война за торжество принципов и республику в континентальной Европе—таковы три великих события, которые должны быстро последовать одно за другим. Все европейские деспотии хорошо это знают, и потому они сплоченно и дружно держатся вместе с целью противостоять потоку, который рано или поздно должен захлестнуть их. Если пьемонтское правительство начнет войну с искренним доверием, итальянская нация, руководясь духом благодарности, сможет избрать его главой объединенной и независимой Италии. Невероятно, однако, чтобы итальянский народ остался монархическим, если прочая Европа превратится в республиканскую.

Мы должны помнить, что Италия не находится в изолированном положении, подобно Англии, и что ей приходится испытывать влияние соседних наций. Вот почему я думаю, что Пьемонт никогда не начнет войны, способной возбудить надежды республиканцев.

Что же касается лично меня, я все же должен объявить, что меня всегда найдут там, где будет война против австрийцев или против всякого угнетателя моей страны. Мои неизменные принципы—республиканские, но первая моя мысль принадлежит независимости, ибо без независимости свобода есть химера. «Fuori lo straniero» (прочь чужеземцев!) — вот тот клич, который должен поднять на ноги всю Италию.

Когда мы добьемся независимости, мы станем сильны и окружены почетом; мы станем сами себе хозяева и будем способны направлять события в великой войне принципов, которые должны быстро возродить все нации Европы.

Я высказал мои убеждения. Я не имею тщеславия предполагать, что они вполне правильны, ибо при нынешнем настроении умов в Европе было бы глупо претендовать на установление чего-либо положительного в политических проблемах.

Вот почему я ограничиваюсь вопросом о независимости, для Достижения которой мы должны отказаться от слов и действовать на основании верного суждения.

Я верю, что священный долг каждого итальянского патриота предписывает ему идти за всяким итальянским правительством (за исключением папского), которое станет во главе великой войны за единство и независимость. Но еще раз повторяю—оставим слова и приступим к действиям.

Что касается меня, я буду держаться этого курса, и если я переживу борьбу за свободу, если форма правительства, установленная нацией, будет монархической, я удалюсь из общественной жизни, ибо, когда моя

***** Ср. статью «Покушение 14 января и смерть Орсини». Прим. ред.

страна перестанет нуждаться в моих услугах, я никогда не буду служить правительству, несовместимому с моими политическими принципами.

Я должен сказать следующее: если итальянцы не будут едины в ближайшей борьбе, они будут достойны, чтобы все прочие европейские нации считали их трусами и чтобы рабство навсегда осталось их уделом.

Возвращаясь к продолжению моего рассказа. Я отправился в Соммерсетшир и в маленьком городке Гластонбери пользовался самым сердечным гостеприимством семьи г.Бата, а также семьи г.Ходжа, его племянника. Простота их частной жизни и чистота нравов жителей этого древнего города напомнили мне виденное мною в горах Швейцарии и на смеющихся равнинах Тосканы.

Затем я посетил Ливерпуль. Там меня приняли с таким энтузиазмом, что я был положительно растроган. В его населении я встретил деятельный и великодушный народ,—народ, в высшей степени обладающий духом предприимчивости, и это достаточно объясняет, почему этот город в течение пятидесяти лет сделался одним из крупнейших в Англии.

Здесь я пользовался гостеприимством г. Питера Стюарта (которому я был представлен Томасом Оллсопом [примеч. к стр.298], самым благородным англичанином). Стюарт жил среди своей многочисленной и цветущей семьи; сам он—в высшей степени либеральный, верный и щедрый человек, а его братья, Генри и Джон, вполне достойны его. Мы питаем друг к другу самые дружеские чувства, и я всегда буду считать его не только другом, но и благодетелем. Странное дело! Множество подлинно дружеских связей, которые образовались у меня в течение моей полной волнений жизни, большею частью были неожиданны и внезапны. Так было с моим другом N.N., с Эммой Гервег и, наконец, с Питером Стюартом; этим троим друзьям я посвящаю мои мемуары с самым глубоким чувством уважения и благодарности.

Рассказывая о Ливерпуле, я должен упомянуть семью г. Джона Финча, который всячески выказывал мне свое расположение. Г-н Финч является одним из самых деятельных и либеральных людей в городе и всегда принимал самое энергичное участие в делах либеральной партии.

Вместе с ним я присутствовал на большом банкете в честь г. Вильяма Броуна, в великолепном концертном зале Сент-Джордж Голл, в котором принимали участие восемьсот человек. Это празднество дало мне представление о том, что такое подлинно великий и свободный народ. В этот день, 15 апреля 1857 г., в зале собрались лица самых разнообразных религиозных взглядов; на нем были представлены интересы всех классов; собрание было преисполнено достоинства и спокойствия, внушавших невольное уважение. Все это имело целью принести дань благодарности и почета г. Броуну, гражданину, который из ничего благодаря личной энергии, честности и упорству создал себе огромное состояние; гражданину, который добровольно дал тридцать тысяч фунтов стерлингов на постройку свободной публичной библиотеки; гражданину, который не тратит свое богатство на пустые развлечения или бесполезную роскошь, но помогает бедным, обогащает город

общественными зданиями и приносит добро человечеству. Среди либеральных и гуманных людей Ливерпуля я должен упомянуть также г. Вильяма Ратбона, который в течение своей долгой жизни не жалел ни денег, ни трудов для блага своих ближних и который пользуется среди своих сограждан всеобщим уважением и почетом.

Таких людей не найти в деспотических государствах; они бывают только в свободных странах. Честь и слава Англии! Она имеет таких людей, подобных этим, напоминающих доблести наших предков. Когда общественное мнение признает высокий гражданский дух и честность истинными качествами, образующими великого человека, завоеватели и авантюристы уже не смогут найти средства для подавления свободы наций, и деспотизм будет изгнан с лица земли.

Прежде чем закончить, я должен сказать об Эдинбурге, этих современных Афинах Британских островов. Это—древний город, который своей старинной, полной благородства архитектурой вызывает в воображении образ прежней Шотландии, этого гордого и великодушного народа, столь героически боровшегося за свою независимость.

В этом городе я встретил проявление самого глубокого сочувствия и уважения. Я побывал как в высших, так и в прочих классах тамошнего общества и повсюду встречал одинаково сердечное, могу сказать—почти братское отношение.

Семья профессора Грегори и г. Дж.Ф.Бербора были столь добры, что приняли меня к себе в дом, и через их посредство я находился в тесном общении с сэром Джорджем Синклером, генералом сэром Томасом Макдугаллом Брисбэнном (астрономом), г. Джорджем Комбом, известным френологом, профессором Симпсоном, который первый усовершенствовал применение хлороформа, г.Макдугаллом, профессором нравственной философии Эдинбургского университета, Чарльзом Коуеном, эсквайром, членом парламента от Эдинбурга, г.Полем, лордом Мэрри, лордом-адвокатом Шотландии, его преподобием д-ром Гетри, писательницей мисс Екатериной Синклер, г-жей Греме, г. Хольденом.

Среди лиц, сочувствующих освобождению Италии, я должен упомянуть г.Скотта из Эдинбурга, г.П.А.Тейлора из Сайденгема, г.Дж.Кроуши из Ньюкестля на Тайне, г.А.Ленгфорда и Сэмюеля Тимминса, из Бирмингама, а также Чарльза Огоста Хоуелля из Дарлингтона.

Где бы я ни читал лекции в Англии, всюду публика принимала меня с величайшим энтузиазмом, как бы санкционируя этим мои протесты против оккупации римского государства австрийцами и французами. Этим она давала очевидное доказательство своего понимания итальянского вопроса.

Пресса повсюду сообщала отчеты о моих лекциях, и ее заметки были столь же благоприятны для меня, как и рецензии о моей книге «Австрийские тюрьмы». Этим она содействовала распространению чувства ненависти против угнетателей Италии.

В Англии я нашел благородных людей—людей, которые, коль скоро они объявляют себя вашими друзьями, становятся ими не на словах

только, но всей душой. Они чувствуют, что такое свобода, и, как ни один народ в мире, умеют оценить всякий акт смелости и мужества, предпринятый с целью ее завоевания.

Доброе отношение, выказанное мне вышеупомянутыми семьями и британской публикой в целом, вызвало в моем сердце чувство самой глубокой благодарности. После Италии, где я родился, я считаю Англию своим вторым отечеством. Я всего лишь один из малых сих, но если когда-нибудь настанет день (да не приведет его бог!), когда Англии потребуются моя кровь для защиты ее свобод, я с гордостью пролью ее за них. Бог оставил мне только эту возможность.

Герман Борисович Сандомирский

ПОКУШЕНИЕ 14 ЯНВАРЯ 1858 г. и СМЕРТЬ ОРСИНИ

I. ЛИЧНОСТЬ ОРСИНИ

Мемуары Орсини доведены им до 1857 года, и хотя покушение на жизнь Наполеона III явилось логическим завершением всей его мятежной жизни, отданной целиком делу освобождения Италии, вряд ли автор мемуаров мог предугадать, что жизнь его так скоро оборвется на эшафоте.

Нам надлежит, таким образом, дополнить его Записки описанием как самого покушения, суда над Орсини, его героической смерти, так и тех политических последствий, которые имел совершенный им террористический акт, покрывший его имя легендарной славой.

Тот промежуток времени, который отделяет дату окончания им мемуаров от 13 марта 1858 г. (день его смерти на гильотине), не отмечен ничем особо замечательным. Это все та же подвижническая жизнь неутомимого революционера-конспиратора, окруженного постоянными полицейскими преследованиями и интригами провокаторов, затрудняющими ему добывание средств для собственного существования и обрекающими его на постоянную нужду и митарства.

Полицейские донесения того времени (см. приложения), несмотря на все заключающиеся в них неточности и сознательные искажения, дают нам представление об его жизни в Швейцарии и в других местах в этот период.

Можно отметить еще, что к этому периоду относится предельное обострение разногласий с Маццини, что могло ускорить его решение об акте 14 января.

И все же, невзирая на происки международной полиции, следовавшей за ним по пятам, Орсини сумел использовать этот отрезок времени для подготовки покушения 14 января 1858 г. Это был период окончательного крушения всех попыток поднять частичные восстания в Италии и притом руководить ими из-за границы, из эмигрантских сфер, к тактике которых, как мы это видим из его мемуаров, Орсини относился весьма скептически. В остальной Европе реакция праздновала свой триумф. Ниоткуда не видно было ни малейшего луча надежды. Франция, от которой угнетенная Италия всегда ждала для себя помощи, превратилась при Наполеоне III в цитадель самой беспощадной реакции и вновь, как это уже не раз было в истории, становилась главной помехой к ее освобождению. Орсини за последние годы находился во власти мучительных переживаний и разъедающих сомнений. Другая, более слабая и менее цельная натура, несомненно, впала бы в отчаяние. Но Орсини не сдавался. Мысль его, целеустремленная, как всегда, напряженно искала выхода. Были и у него такие моменты ослабления воли, когда Орсини казалось, что нужно на время отойти в сторону, «взять отпуск» у революции. В письмах к родным (не только в целях конспирации) и в разговорах с близкими друзьями Орсини высказывал

тогда намерение отправиться на Восток, поступить добровольцем в русскую или венгерскую армию. В русской армии он хотел сражаться против «французов Наполеона», применив для этого свои военные познания. Но с этой слабостью он быстро справился. Он вновь отдался постоянной мысли: какие наиболее эффективные шаги можно и должно предпринять для скорейшего освобождения его родины от невыносимой австрийской или—вернее—австро-французской тирании? Орсини решил, что нужен громовой удар, который разбудил бы не только Францию, уснувшую в предательских объятиях Наполеона Маленького, но и всю Европу; нужен удар, который прозвучал бы, как набат европейской революции. Выбор мог быть один: нужно поразить того, кто, начав с карбонаризма, с громких обещаний угнетенным нациям, превратился, наряду с русским царем, в величайшего душителя народов, в жандарма, ставящего своей задачей искоренить не только следы, но и всякие воспоминания об освободительной буре 1848 года. После того как мысль Орсини остановилась на этом решении, он, со свойственными ему прямолинейностью и неустрашимой энергией, принялся за организацию террористического покушения на Наполеона III. Из материалов, помещенных в приложение, мы увидим, что Орсини побывал с этой целью в Швейцарии, Бельгии и Англии. Последнюю он и избрал главной базой для подготовки покушения. На этот выбор, несомненно, повлияло то обстоятельство, что в Англии Орсини встретил к себе крайне внимательное и доброжелательное отношение. Приехав туда после побега из Мантуи, он завязал много знакомств с английскими радикалами. В их числе был и Оллсоп, по словам Маркса (см. переписку его с Энгельсом) целиком финансировавший все последнее предприятие Орсини. Оллсоп сумел привлечь к непосредственному изготовлению бомб бирмингемского инженера Тэйлора.

Само собою разумеется, помимо тех материальных возможностей, которые представлялись Орсини покровительством его английских друзей, на выбор Англии, как базы заговора на жизнь Наполеона III, повлияли еще два обстоятельства: в Европе оставалось вообще немного стран, в которых Орсини мог найти себе безопасное прибежище. И затем читатель помнит, вероятно, тот панегирик английским политическим «свободам», которым заканчиваются мемуары Орсини и который был продиктован автору наивно-политическим мировоззрением, позволявшим ему питать иллюзии насчет пресловутого английского парламентаризма. Этот последний великолепно уживался в его представлении с рядом подлых предательств в отношении многих европейских эмигрантов и в особенности в отношении беспокойных итальянских «патриотов».

Если бы человек, написавший строки: «После Италии, где я родился, я считаю Англию своим вторым отечеством... Когда Англии потребуется моя кровь для защиты ее свобод, я с гордостью пролью ее за них»,—мог ровно через полгода после своей казни узнать, сколько гнусностей, направленных против него и против его дела, совершили ревнители этих

хваленых английских «свобод», он, может быть, горько раскаялся бы в своих словах. Он узнал бы, с какой лакейской готовностью английские власти поспешили на помощь французской полиции и юстиции (они, впрочем, всегда были неотделимы и при империи, и при республике), с какой поспешностью они, по указке французских властей, произвели обыски на квартире и самого Орсини, и его сообщника Пьери (Маркс в своем письме к Энгельсу, клеймя эти факты, вместе с тем высмеивает опростоволосившихся сыщиков Пальмерстона: оба террориста, конечно, не хранили своей переписки дома), как усердно они преследовали французского эмигранта Бернара, вместе с Оллсопом помогавшего Орсини организовать покушение 14 января, и т. д. и т. д.

Прошло семьдесят пять лет с тех пор, как на весь мир прошумело покушение 14 января. Оно не было ни первым террористическим актом в Европе вообще, ни первым покушением на жизнь Наполеона III в

** Ряд историографов, работающих над этой эпохой и специально изучающих «дело Орсини», склонны приписывать Бернару не только помощь, оказанную им Оллсопу и самому Орсини, но и всю организацию акта. Мало того: они утверждают, что Бернару принадлежала и самая идея, и план покушения 14 января. Разумеется, это в первую голову относится к историкам-реакционерам. Типичным представителем таких историков является Ринальдо Каддео, автор книги «Покушение 1858». Каддео, как и все узкие итальянские националисты, отдавая должное личным качествам Орсини, все же считает его акт крупнейшей политической ошибкой даже с точки зрения интересов тогдашней Италии. Успех акта надолго задержал бы объединение и освобождение Италии. Наполеон III, по его мнению, был «единственной надеждой» Италии. При этом условии—какой итальянец мог по своей инициативе предпринять подобный акт? Ясно — аргументируют они—акт этот мог быть внушен только врагом Италии или человеком, не имеющим совести, темным авантюристом, «разрушителем» всех святых основ общества, к которым они относят французского эмигранта Симона Бернара, который, направляя руку Орсини, якобы рассчитывал свести счеты крайних французских республиканцев и социалистов или «коммунистов» с Наполеоном III. В особенности они подчеркивают «антиморальное» поведение заговорщика Бернара, который, соблазнив Орсини, Рудио и др., подготовив весь акт с материальной стороны, сам оставался в полной безнаказанности в Лондоне. Известно, что, по настоянию французских властей, Симон Бернар был предан суду в Англии. Но он был с триумфом оправдан. Оправдание объясняется тем, что суд над Бернаром происходил в момент резкого ухудшения дипломатических отношений между Францией и Англией. Как это видно из документов, приложенных к настоящей книге, англо-французские власти усердно сотрудничали в деле преследования итальянских, французских и других эмигрантов, но охлаждение произошло тогда, когда обнаглевший Наполеон III стал предъявлять требования Англии в ультимативном тоне. Английские власти, увидев в этом оскорбление своего суверенитета, резко изменили (конечно, на время) свой курс.

Отметим заодно, что историки типа Каддео, Люцио и др. являются главными распространителями легенды о том, что Наполеон и Евгения стояли за помилование Орсини. Так, Каддео объясняет, что помилование не состоялось только потому, что против «гуманных» намерений императорской четы восстали Валевский, архиепископ парижский и весь совет министров, пригрозивший Наполеону отставкой, если он помилует Орсини.

* См. последнюю страницу его «Воспоминаний».

частности. С технической стороны оно отличалось от других разве тем, что здесь впервые тираноборцами были пущены в ход не традиционный кинжал или пистолет, а бомбы. Но с точки зрения непосредственных результатов исход его далеко не был блестящим: свыше полтораста раненых и свыше десятка убитых из толпы, а тот, ради которого и была принесена эта гекатомба жертв, остался невредимым. Тем более, на первый взгляд, представляется удивительным тот огромный интерес, который вызвал к себе этот акт, и тот ни с чем не сравнимый ореол, которым современники окружили его главного вдохновителя.

Достаточно при этом сослаться на отзыв Маркса, который критически относился к взглядам Гарибальди и Маццини (несмотря на ряд разногласий, отделявших от них Орсини, эти взгляды оставались для последнего альфой и омегой политической мудрости) и вообще мало был склонен восхищаться террористическими актами, как методом политической борьбы. Рекомендую в письме к Энгельсу, написанном спустя восемь лет после покушения 1858 г., его вниманию брата Феличе Орсини—Чезаре, Маркс пишет: «Дорогой Фредерик! Предъявитель этих строк—гражданин Орсини, брат *бессмертного* (подчеркнуто нами. - Ред.) мученика и член нашего общества. Он покидает Англию, чтобы отправиться в Соединенные штаты...» (письмо от 15 марта 1866 г.).

Как расценивал террористический акт Орсини сам Фридрих Энгельс, видно из письма Энгельса к Марксу, написанного через несколько дней после казни Орсини. Энгельс пишет (письмо от 17 марта 1858 г.): «Когда получишь это письмо и посылаемый одновременно сегодняшний «Guardian», дай своей жене прочесть парижскую корреспонденцию. Переживаешь удивительное ощущение, читая рассказ бонапартиста и чиновника о том, как сто тысяч рабочих Сент-Антуанского предместья ответили на казнь Орсини криком: «Vive la republique!» Ссылка и аресты a tort et a travers помогли, стало быть, так же мало, как и cites ouvrières и национальные мастерские en gros. Отрадно слышать, что накануне великих событий сто тысяч рабочих на призывный клич отвечают: «Есть!» Жаль мне только, что Орсини не успел услышать этого крика».

Нужен был, разумеется, целый комплекс обстоятельств, чтобы акт Орсини выделился из ряда других, ему подобных, чтобы акт этот остался незабываемым для целого ряда европейских революционных поколений, чтобы сам Орсини в глазах этих поколений превратился из человека в символ, а для молодой Италии стал огромной исторической вехой, завершившей ее тернистый путь к политическому Risorgimento,—т.е. к объединению.

И комплекс этих условий, несомненно, был налицо.

На первом плане из этих условий—своевременность акта.

Мы уже говорили о том, что Европа задыхалась в тисках победоносной реакции, стремившейся искоренить все плевелы 1848 года. И если так обстояло дело с народами, обладавшими государственным суверенитетом,—чего же могли среди этого мрака ожидать для себя народы, изнывавшие под пятой чужой государственности? Акт Орсини и явился этим очистительным ударом, разрядившим царившее повсюду зловонное удушье, гнусную атмосферу ренегатства, продажности, низкопоклонничества и в всеобщей трусости.

Недаром А.И.Герцен писал после казни Орсини в «Былом и думах»: «Смерть Пизакане (см. Приложения) и смерть Орсини были два страшных громовых удара в душную ночь. Романская Европа вздрогнула,—дикий вепрь, испуганный, отступил в Казерту и спрятался в свою берлогу. Бледный от ужаса траурный кучер, мчащий Францию на кладбище, покачнулся на козлах...»

Вторым фактором, создавшим огромную славу Феличе Орсини, явились те значительные политические последствия, к которым его акт привел в самом непродолжительном времени. Эти последствия вылились в целую серию кровопролитных войн, в результате которых произошел ряд перекроек политической карты Европы.

И наконец, если не первостепенную, то все же важную роль сыграла личность самого Орсини, мужество, с которым он организовал покушение 14 января, и нравственное обаяние, которое он внушил всем,—даже смертельным врагам,—своим поведением на суде и на эшафоте. Никакая правительственная пропаганда, использовавшая в своих демагогических целях большое количество жертв, вызванных актом Орсини, не сумела умалить этого обаяния. Когда Наполеон и его клеветы поняли это, они сделали все зависевшее от них, чтобы привлечь Орсини на свою сторону.

Но здесь мы слишком забежали вперед и должны вернуться к некоторым событиям, имевшим место раньше...

II. «ПАТРИОТ И КОНДОТЬЕР»

«Такие личности, как Орсини,—писал Герцен,—развиваются только в Италии, зато в ней они развиваются во все времена, во все эпохи: заговорщики, художники, мученики и искатели приключений, патриоты и кондотьеры, Теверино и Риенци^{*****}, все, что хотите, только не пошлые, будничные мещане. Такие личности ярко вырезаются в летописях каждого итальянского города. Они дивят добром, дивят злом, поражают силой страстей, силой воли. Беспокойная закваска бродит в них с ранних лет, им надобна опасность, надобен блеск, лавры, похвалы; это—натуры чисто южные, с острой кровью в жилах, с страстями, почти непонятными для нас, готовые на всякое лишение, на всякую жертву из своего рода жажды наслаждения. Самоотвержение, преданность идут у них вместе с мстительностью и нетерпимостью; они просты во многом и лукавы во многом. Неразборчивые на средства, они

***** Борцы за угнетенные классы Италии в разные эпохи.

*** Налево и направо.

**** Рабочие города.

***** В больших размерах.

неразборчивы и на опасности—потомки римских «отцов отечества» и дети во Христе отцов-иезуитов, воспитанные на классических воспоминаниях и на преданиях средневековых смут, у них в душе бродит бездна античных добродетелей и католических пороков. Они не дорожат своей жизнью, но не дорожат также жизнью ближнего, страшная настойчивость их равняется англо-саксонскому упрямству. С одной стороны, наивная любовь к внешнему, самолюбие, доходящее до тщеславия, до сладострастного желания упиться властью, рукоплесканиями, славой; с другой—весь римский героизм лишений и смерти».

Остановимся пока здесь. Воздержимся от воспроизведения всего того неподдельного восхищения, которое вызывала в Герцене великолепная внешность Орсини, «придававшая ему вид какого-то молодого этрурийского жреца», и т.д. Но верна ли та нравственно-политическая характеристика Орсини, которая заключается в этих, как всегда блестящих строках пылкого Искандера? И да и нет. В основном Искандер прав. Да, Орсини—прежде всего и ярче всего—был патриотом Италии в лучшем значении этого слова. Он был и кондотьером своей идеи—освобождения Италии,—поскольку готов был итти на сверхчеловеческие подвиги для ее осуществления. Его социальные взгляды были и оставались до самой кончины более чем расплывчатыми. Ограниченность его политического мировоззрения, с современной точки зрения, не подлежит никакому сомнению. Для Орсини-патриота ясным и неоспоримым было все то, что может повести Италию к ее освобождению. Неясности начинались с того момента, когда речь заходила о будущем социально-политическом строе освобожденной Италии. Правда, в одном месте своих Записок он говорит об этом, хотя и недостаточно ясно. Орсини заявляет, что своим долгом он считает борьбу за освобождение Италии. Если же те, кто придет на смену австрийской тирании, не дадут народу истинной свободы, он не пойдет с ними, а отойдет в сторону. Но он не говорит о том, что станет бороться за улучшение *социального* строя в освобожденной Италии. Во время полемики с Маццини он прямо заявил, что он готов бороться рядом со всеми теми, кто борется за освобождение Италии. Это объясняется тем, что если демократизм самого Маццини был в достаточной мере подернут мистически-идеалистическим туманом, то Орсини, сверх того, никогда и не принадлежал к левому крылу маццинистов,—и потому лучше охарактеризовать его мировоззрение, чем это сделал Герцен словами «патриот и кондотьер»,—нельзя.

Но блестящее перо Герцена на этот раз повинно в том, что можно назвать «стилистическим округлением». В угоду построению великолепного, сочного периода, характеризующего итальянскую революционную вольницу сороковых годов, им допущены некоторые обобщения, которые могут невольно внести известное искажение в благородный образ Орсини—человека, несомненно, с земными страстями увлечениями,—но не того порядка, которыми Герцен, может быть,

справедливо награждает типичных итальянских «кондотьеров» того времени.

Прежде всего Орсини не был ни лукав, ни мстителен. Сам Герцен лучше других свидетельствует об этом. Достаточно вспомнить красочно описанный Герценом инцидент с обвинениями, выдвинутыми против Орсини,—обвинениями, тяжко задевавшими его честь. Чем же закончился этот инцидент?

«Орсини улыбнулся, встал, подошел ко мне, обнял Саффи и сказал: «Amici (друзья), кончим это дело, *простите меня*, забудемте все это и давайте говорить о другом» («Былое и думы»).

Какая уж тут мстительность! Вряд ли самый рьяный последователь Льва Толстого мог бы с большей кротостью реагировать на гнусную клевету, имевшую целью по крайней мере *политически* убить Орсини! То же самое о «лаврах», «похвале» и пр. И это в то время, как самыми характерными чертами Орсини были его простота и скромность—обычные спутники самопожертвования. Разве еще молодому, полному сил Орсини, в жилах которого текла та горячая римская кровь, о которой говорит Герцен, не хотелось страстно жить, когда он из своей мрачной камеры в тюрьме Ля-Рокетт обратился к Наполеону с просьбой помиловать осужденных с ним Рудио и Пьери, о себе самом с истинно классической гордостью не упомянув ни словом? Орсини даже не мог предполагать, что его величественный жест станет известен

Широким кругам общества, и в этом жесте, несомненно, простота, скромность и величие сливаются воедино.

И так прошла вся его жизнь. Он отдал ее не на показ толпе, не для рисовки, не для лавров и аплодисментов, а всю, без остатка, вдохновлявшей его идее освобождения Италии от чужеземного гнета.

Те, кто любит жесты для толпы, обычно платят за них много дешевле, чем Орсини. Вспомним те трогательные страницы его записок, где рассказано, какую острую тоску испытывал он в заключении по своим детям. Из его писем и наставлений к ним мы видим, что Орсини горячо любил их и болел за их будущее. Но когда он писал об этом, у него еще было время повернуть в сторону от итальянской революции. Однако он не сделал этого, ибо владели им всю жизнь не побрякушки славы, а идея, которая была сильнее его.

Самая скромность Орсини часто служила для врагов поводом брать под сомнение его феерические подвиги. Но из этого ничего не выходило. Еще задолго до покушения 14 января даже самые непримиримые политические враги его должны были воздать должное его неслышанному мужеству. После его необычайно смелого побега из Мантуи не одни только полицейские (см. Приложения) пытались взять под сомнение орсиниевскую версию этого побега. По стопам этих полицейских пошла часть эмиграции (ее худшая накипь), руководимая не то завистью к славе, приобретенной Орсини, не то какими-то низкими интригами. Самый подвиг Орсини эти отребья пытались использовать для очернения его имени. Это и есть инцидент, описанный Герценом. Он кончился позором для его обвинителей.

Зато трудно выбросить хотя бы одно слово из второй тирады Герцена, относящейся к характеристике Орсини:

«Людей этой энергии,—пишет он дальше,—останавливать можно только гильотиной. А то, едва спасшись от сардинских жандармов, они делают заговоры в самих когтях австрийского коршуна и, на другой день после чудесного спасения из каземата Мантуи, рукой, еще помятой от прыжка, начинают чертить проект гранат (подчеркнуто в подлиннике), потом лицом к лицу с опасностью бросают их под кареты. В самой неудаче они растут до колоссальных размеров и своей смертью наносят удар, стоящий осколка гранаты...»

Да, такова и была жизнь Орсини. Здесь в нескольких строках резюмировано все, о чем говорит Орсини в своих записках,—нет, даже больше! Эти строки включают и тот, логически завершивший спартанскую жизнь Орсини, террористический акт 14 января, «в самой неудаче своей выросший До колоссальных размеров», потрясший спокойствие не одного Наполеона III, но и всей Европы, замурованной в непроницаемую, казалось, броню реакции, открывший новую страницу в истории Италии,—истории, которая До того времени была сплошным мартирологом.

Как камень, брошенный в воду, вызывает на поверхности ее круги, отстоящие далеко от места его падения, так и террористический акт Орсини, преследовавший определенную цель, вызвал огромное сочувствие к себе в гигантских пластах угнетенных париев всех европейских стран. Недаром с таким радостным подъемом говорит Фридрих Энгельс о громком отклике, рожденном этим актом среди блузников Сент-Антуанского предместья. Уже в те времена ленинский тезис о сочувствии пролетариата всем угнетенным народам обнаружил свою разительную действенность. «Патриот и кондотьер» Феличе Орсини мечтал своей бомбой разрушить цепи национального гнета, сковывавшие Италию. Еще не оформившийся французский пролетариат приветствует в нем провозвестника новых форм жизни для всего мира и в день его казни, разгневанный и утомленный всеми луи-блановскими экспериментами и ледрю-роллэновскими либеральными спичами, грозно требует социальной республики.

III. «КАРБОНАРИЙ» В ЗОЛОЧЕНОЙ КАРЕТЕ

Ни один из историков, занимающихся биографией и эпохой Орсини,—несмотря на различие направлений, не спорит против того, что акт Орсини имел своей целью свержение наполеоновской империи, которое вызвало бы движение и в других странах, в результате чего Италия получила бы возможность освободиться от австрийского гнета. Так, Оливье в своей книге «Либеральная империя» утверждает, что, «не питая особой ненависти к Наполеону, Орсини говорил себе: «Италия может быть освобождена только европейской революцией. Препятствие к этой революции заключается в Наполеоне III, ибо нельзя надеяться ни на какую революцию, пока сигнал к ней не будет дан из Франции. Как

только император будет убит, Париж восстанет, революционное пламя возгорится повсюду, и Италия разорвет свои цепи». Этой версии придерживалась и тайная агентура, следившая за Орсини (см. приложения), в частности австрийская, уверяя, что, по плану Орсини, вслед за головой Наполеона должны были покатиться и другие коронованные головы». Ту же версию поддерживает и автор специальной работы об Орсини (книги злобной и написанной в крайне враждебном к нему духе), Марсель Буланже, «Покушение Орсини» («L'attentat d'Orsini», Paris, 1927).

Однако эту версию, в основном правильно определяющую те надежды, которые были в представлении Орсини связаны с его актом, нельзя признать исчерпывающей. Она неполна в том смысле, что ничего не говорит об отношении Орсини к личности Наполеона или, если и говорит, как, например, у Оливье, то не соответствующее действительности. Неверно, что Орсини не питал особой злобы к Наполеону. Напротив, пылкий кондотьер и патриот, каким был Орсини, не мог не ненавидеть этого изменника делу освобождения Италии^{*****}. Можно со всей категоричностью утверждать, что, помимо всяких политических соображений, Феличе Орсини хотел убить Наполеона, как убивают в революционной среде всякого изменника. По мысли Орсини, его акт должен был иметь еще и огромное моральное значение, поскольку целью его было и покарать перед лицом всего мира того, кто в молодости называл Италию своей второй родиной, а затем нагло повернулся к ней спиной и стал главной помехой к ее освобождению.

Стоит обратить внимание на то, что Ассунта Орсини, жена террориста, в прошении о помиловании мужа (см. приложения)—правда, в почтительных выражениях—напоминает Наполеону о том, что и в его жилах течет итальянская кровь. Мы не намерены воспроизводить здесь всю биографию Наполеона III; мы хотим отметить лишь главные моменты

***** Читатель не должен придавать особого значения часто встречающимся в статье эпитетам «ренегат», «изменник» и т.п. в отношении Наполеона III. Мы решили не избегать этих эпитетов, поскольку Наполеон III именно таким представлялся Орсини и другим итальянским патриотам, вражда которых к нему и определялась *главным образом* его изменой итальянскому делу. Само собою разумеется, и прежняя «преданность» делу итальянской свободы в зигзагообразной политической карьере этого мрачнейшего из коронованных авантюристов была только случайным эпизодом и служила «разменной монетой» в его позднейших политических комбинациях. Справедливость, однако, требует отметить, что своим мнимым «революционным» прошлым сам Наполеон III любил щеголять при всяком удобном случае. Так, уже после покушения и казни Орсини бывший карбонарий в одном из нашумевших его писем к сэру Френсису Геду (от 1 марта 1859 г., напечатано в «Таймсе») Наполеон III пишет: «Даже теперь, когда я пишу к вам, я вспоминаю, как о чем-то счастливом, о том времени, когда, будучи изгнанником, я виделся с вами в Англии. Ведь человек вместе с переменной судьбы меняет и радость, и горе свое. В былое время меня поглощала только скорбь изгнания; теперь передо мною заботы управления...» Таких примеров, когда Наполеон не гнушался своего псевдореволюционного прошлого, можно привести немало. *Прим. ред.*

его отношения к итальянскому освободительному движению, чтобы сделать ясным этот мотив, заставивший Орсини остановить свой выбор именно на нем, как на презренном ренегате.

На минуту задумаемся над этой «встречей» 14 января: с одной стороны, бывший карбонарий, в молодости клявшийся освобождением Италии, теперь в золоченой императорской кареете, приветствуемый всей той швалью, которая 2 декабря вознесла этого беспардонного авантюриста и прирожденного преступника на императорский трон; с другой—преследуемый всей европейской тайной полицией патриот-революционер, поджидающий его у театра с бомбой в руках... Разве эта картина не могла бы послужить сюжетом для малоправдоподобной мелодрамы? А между тем это кусок живой исторической действительности второй половины XIX века.

Биографы Наполеона III единодушно сходятся на том, что этот отпрыск бонапартовского дома, получивший свое воспитание из рук таких революционно настроенных педагогов, как Филипп Леба, сын члена Конвента и интимного друга Робеспьера, к моменту своего совершеннолетия был самым «красным» из всех принцев, когда-либо существовавших на свете. Если лавры «великого» дяди и не давали ему спать, он, во всяком случае, был уверен в том, что продолжать дело дяди—значило продолжать нести народам Европы свободу, в первую же голову покровительствовать с мечом в руках угнетенным нациям, жестоко преследуя их угнетателей. Какая же европейская страна была в то время более угнетена, раздроблена и унижена, чем Италия? Больше всех попирали право народов на самоуправление папа римский и целая коллекция итальянских князей и князьков разного масштаба. Чтобы ополчиться против них и заставить их дать свободу итальянскому народу, мысль молодого Наполеона естественно должна была обратиться к уже существовавшей в Италии и имевшей свои разветвления и во Франции революционной организации карбонарии [примеч. к стр.390]. Людовик-Наполеон,—также как и его старший брат Наполеон-Людовик,—вступает в их ряды.

Мало того: когда в 1831 году Романья восстает против папы, оба брата идут добровольцами на войну против австрийцев, поддерживавших всемерно папу. Но австрийцы энергично наступают на повстанцев,—братьям нужно спасаться. Вместе с другими товарищами по мятежу они отступают до Фаэнцы. В это время старший брат заболевает оспой. Болезнь становится смертельной, и он через несколько дней умирает на руках будущего императора Франции *****. Сентиментальные биографы

***** Помимо Буланже (см. цитированную выше книгу) непосредственное участие Наполеона III и его старшего брата в повстанческих войсках Романья подтверждает и другой автор—Габриэль Перрэ, «Заговоры Людовика-Наполеона Бонапарте: Страсбург и Булонь» (Les conspirations de Louis-Napoleon Bonaparte: Strasbourg—Boulogne), Париж, 1926. Перрэ говорит: «Он (Наполеон) находился в Италии к моменту революции 1830 года и вскоре вместе с старшим братом принял участие в вост стании в Романье. Старший брат умер в Торелли (Форли?) от раны или болезни груди. Людовик-Наполеон должен был скрыться, затем бежать со

уверяют, что в память Наполеона III на всю жизнь врезалась эта картина смерти брата за свободу Италии: на расстоянии многих километров от родины, по ту сторону Альп, в почти нищенской комнате третьестепенной гостиницы маленькой местечка Форли, рыцарской смертью погибает юноша, отдавший все своей второй родине. Они даже прибавляют при этом, что во всю жизнь его не оставлял призрак брата, нашептывавший ему: «Не забывай, брат мой... Ты должен закончить это дело, для того чтобы моя смерть не оказалась бесцельной...»

Не тот-же ли призрак явился ему, когда он окончательно утверждал смертный приговор Феличе Орсини?

После провала страсбургского путча 1836 г., когда Наполеон III, вместе с Персиньи, другими друзьями и кучкой заговорщиков, пытался свергнуть власть Людовика-Филиппа, правительство отправляет его в изгнание. Людовик-Наполеон едет в Нью-Йорк. Здесь он с прежним пылом завязывает связи со всеми итальянскими эмигрантами и сближается с итальянским патриотом Арезе, который был изгнан из Италии после ликвидации ломбардского восстания 1821 г. Арезе отбыл два года строгого заключения в знаменитой австрийской крепости Шпильберг, описанной другим итальянским патриотом, Сильвио Пеллико. Воспоминания о далекой Италии, к которой они оба так привязаны, и мысль о том, что они оба насильственно оторваны от нее, заставляют обоих эмигрантов обменяться клятвами в верности. Наполеон клянется Арезе, что, если звезда Бонапартов взойдет опять, он сделает все, что будет в его силах для освобождения Италии.

Его сентиментальный биограф Буланже, страстно ненавидящий Орсини, добавляет при этом довольно картинно: «Еще одна клятва в пользу его угнетенной второй родины, к тому же клятва, данная в изгнании, в незабываемых обстоятельствах, по ту сторону океана. После Форли—Нью-Йорк. Приходится ли удивляться тому, что Италия положительно превратилась в манию сначала у Людовика-Наполеона, затем у принца-президента, затем у императора?»

Прошло десять лет: еще одна попытка переворота в Булони, заключение в крепости, побег, новый период изгнания, наконец, 1848 год, возвращение, депутатии, триумф авантюриста, переворот, диктатура и, наконец, империя.

Что же с итальянской «манией»? Вылечился ли от нее, наконец, «карбонарий», всеми правдами и неправдами добравшийся до престола, или, напротив, он попрежнему во власти трагической драмы в Форли? Некоторые биографы утверждают последнее. Так, Буланже пишет: «...Между троном и церковью начинаются трения, но пока они весьма незначительны. Армия покрыла себя славой в Крымской войне. Франция после подписания Парижского трактата играет в Европе самую крупную роль, и, пожалуй, не только в Европе, но и во всем мире. Династия обеспечена наличием наследника. Париж забавляется. Кажется, что

своей матерью и переодетым добраться до Сиенны, Пизы, Генуи, Канн, оттуда—в Париж».

вокруг все улыбается. Все представляется прочным, как жемчуг. В 1858 году в молодой империи все обстоит благополучнее, чем когда-либо. Но есть еще душа императора; она попережнему страдает. Несбыточные надежды заполнили его мозг, прорезываемый всегда одним и тем же лучом: Италия! Очень часто, как Гамлет в Эльзенэре, Наполеон III видит перед собой бледный образ второй своей родины, все еще томящейся в плену, шепчущий ему: «Форли... Нью-Йорк...» Он видит еще много других образов. Но среди них рельефнее других—итальянская нация, которая не только прекраснее всех, но и напоминает ему его молодость. Этот образ преследует его, околдовывает, мучит. Бывают минуты, когда имя Италии против его воли срывается с его уст. Даже в тот момент, когда императрица Евгения во время мучительных родов стонала, император, страдая от этих стонов нежно любимой женщины, машинально повторял: «Я должен кое-что сделать для Италии...»

Вот как идиллически описывается отношение Наполеона к «итальянскому вопросу» некоторыми достопочтенными буржуазными историками. Но эти историки отлично знают, что они лгут, так же как лгал Наполеон, когда сентиментально мечтал об Италии,—лгал даже самому себе. Ибо к этому времени бывший кондотьер, карбонарий, а затем коронованный авантюрист больше всего на свете боялся чем-нибудь не угодить папе, злейшему врагу и притеснителю раздробленной Италии. Можно ли было чем-либо больше разозлить святейшего отца, чем любым жестом, который клонился бы к освобождению католической Италии из-под власти ультракатолической Австрии? И бывший карбонарий, а затем злостный ренегат дела освобождения Италии держался «соответственно». Вся его трансальпийская политика была сплошным предательством по отношению к Италии. Императорская корона—венец его честолюбивых замыслов—заставила его забыть «и Форли, и Нью-Йорк», и все свои клятвы, и образы товарищей, замученных в австрийских тюрьмах, и свое происхождение, и лицемерный «демократизм» династии Бонапарта, обещавшей на острие штыков принести свободу угнетенным народам. Встреча предателя и мстителя за угнетенную Италию становилась неминуемой.

IV. 14 ЯНВАРЯ

Эта встреча и состоялась 14 января 1858 г., когда, в половине восьмого вечера, бывший карбонарий в золоченой карете, сопровождаемый пышной свитой, подъезжал со своей женой к подъезду оперы в Париже.

Среди неумолкаемых приветствий бульварной черни, в которой было немало агентов разных степеней, раздалась с интервалами в несколько секунд три взрыва. Газовые фонари погасли. В неожиданно наступившем мраке раздалась страшная какофония голосов и звуков. Послышались сначала звуки разбиваемых стекол, вопли раненных животных и людей. Лошади конной стражи, плотно окружавшие карету бывшего карбонария, со страшным ревом бросились врассыпную. Они врывались в толпу, опрокидывали и топтали насмерть людей, в панике метавшихся из

стороны в сторону. Но, наконец, публика опомнилась. К этому времени подоспели экипажи, носилки, раненых начали увозить; императорская чета, поняв, наконец, что ее не коснулась опасность, пришла в себя и произнесла ряд «исторических слов», приличествующих случаю, среди которых были и слова императрицы Евгении, лучше сохранившей, кстати сказать, присутствие духа, чем ее почтенный супруг, о «риске, с которым связана профессия королей». Не обошлось и без жестов самого Наполеона III. По просьбе полицейского комиссара, он с императрицей направился сейчас же после покушения в театр, для того чтобы предотвратить всякие панические слухи, циркулировавшие в публике. Историки отмечают довольно интересную подробность. В вечер покушения на сцене шел «Вильгельм Телль»! Для наполеонида, в которого метил Орсини, это должно было прозвучать не только совпадением, но и грозным предзнаменованием. В Париже в то время префектом полиции служил «знаменитый» Пьетри, прославившийся тем, что за полгода до этого акта организовал «национальные» похороны народного поэта Беранже, во время которых тело поэта охранялось от... народа густой цепью конных жандармов. Обстановка, при которой произошло покушение 14 января, была мало благоприятной для карьеры сенатора Пьетри. Напротив, целый ряд деталей свидетельствовал скорее об известной беспечности шефа полиции, тем более что Орсини не первый покушался на жизнь Наполеона III и слухи о новых покушениях, подготовлявшихся «злоумышленниками», никогда не прекращались. Но сенатору Пьетри повезло в том отношении, что в течение того же дня все участники покушения были арестованы. Буржуазная пресса, оправившись от страха, навеянного покушением, теперь смаковала все детали арестов, издевалась над тем, что сообщники Орсини и он сам были взяты так скоро, и превозносила до небес сенатора Пьетри и его распорядительность—задним числом! Трудно передать и тысячную долю той нелепой и безудержной клеветы, которую оправившиеся от животного страха, казенные рептилии распространяли об арестованных. Нечего и говорить о том, что всех их, начиная с Орсини, клеймили бандитами, разбойниками, возводили на них обвинения в различного рода уголовщине. Приходится ли удивляться этому? Марсель Буланже, автор исследования, специально посвященного покушению 14 января и личности Феличе Орсини, в *наши дни* не скупится на подобные выражения по его адресу. И если он отступает от этого метода, то только тогда, когда перед лицом неопровержимых фактов даже он *вынужден* признать идейность мотивов, руководивших героем его книги, в общем представляющей злобный и недобросовестный, а местами и совершенно безграмотный памфлет против Орсини. Французская историческая наука вряд ли вплела новые лавры в свою «славу» при помощи этого памфлета.

Коллеги Буланже, писавшие семьдесят лет тому назад об Орсини и его сообщниках «слюною бешеной собаки», сделали все, чтобы очернить арестованных террористов и возвеличить Наполеона, его полицию, его магистратуру, его клеветов всякого рода. Но даже многие из тех, кто делал это, прекрасно понимали, что поступать так—значило «делать

хорошую мину при плохой игре». В самом деле, не послужила ли вся обстановка покушения 14 января лучшим доказательством того, что во Второй империи, как и в датском королевстве, не все обстояло благополучно? Продажная пресса жалкого наполеонида из кожи лезла, чтобы доказать, что его любят не только в самой стране, но и за рубежом все проникнуты к нему глубочайшим уважением. Между тем события последних лет показали, что Наполеон III попросту превратился в куропатку, за которой неустанно охотятся революционеры, в особенности итальянские. Неуклюжий Пьетри мог сказать в свое оправдание все что угодно, кроме одного: что покушение на Наполеона для кого бы то ни было в империи могло показаться удивительным или неожиданным событием. Не только для парижского префекта, но и для всего населения столицы слухи о готовящихся покушениях на Наполеона III давно превратились в заурядное явление. Возможно, что беспечность сенатора Пьетри и объяснялась больше всего тем, что он и его агенты так привыкли к этим слухам, что перестали ими интересоваться. Считается доказанным, что незадолго до 14 января все ожидали этого покушения днем раньше или позже. Есть большая аналогия в этом отношении между Наполеоном и другим «возлюбленным» императором—его современником Александром II. Париж так же трудно было удивить покушением итальянского патриота или другого революционера на императора, как Петербург 70—80-х годов покушениями народовольцев на жизнь «царяосвободителя». Но если этими слухами интересовались еще широкие круги парижских буржуа, то полиция почилла на лаврах. Пьетри ничего не предпринял, когда получил из Брюсселя сведения о том, что какой-то террорист направился через Бельгию в Париж. И, когда этот террорист был незадолго до покушения арестован (это был Пьери), сенатор Пьетри не счел нужным сделать из этого факта вывода об усилении охраны императора. Мало того из тех времен сохранился следующий исторический анекдот, на самом деле бывший подлинным фактом: за несколько минут до взрыва генерал Флери, бывший в опере, докладывал герцогу Саксен-Кобургскому не без некоторого самодовольства о том, что «организация тайной охраны поставлена в Париже великолепно и что она исключает возможность повторения покушений, объектом которых до сих пор был не раз император». Не успел он закончить своей хвастливой тирады, как все стекла в театре разлетелись вдребезги!

Сохранилась и следующая интересная деталь, касающаяся ареста Орсини. Когда полицейские пришли к нему на квартиру, напав на ее след по показаниям одного из его сообщников, они застали Орсини лежащим в постели с забинтованной головой. И тем не менее они не посмели его арестовать, до того спокойно держался главный организатор покушения, несмотря на то, что против него имелись такие серьезные улики, как винты на голове. Полицейские решили ограничиться установлением за ним надзора, и только показания других сообщников убедили их в его причастности к покушению. Полицейские были потрясены, узнав, что

человек с такой внешностью и такими изысканными манерами мог принадлежать к шайке террористов, бросавших бомбы в королей!

V. ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

Если считать, что впервые Орсини и Наполеон III «встретились» в рядах освободительного итальянского движения, то во второй раз они встретились у подъезда парижской оперы: один в качестве террориста, поджидавшего свою жертву, другой—в качестве авантюриста, ловко проделавшего путь от подпольного существования карбонария до золоченой кареты. Вторая встреча неизбежно повлекла за собою третью; на этот раз Орсини и наполеонид встретились в ролях: один—подсудимого, которому угрожала казнь, другой—носителя верховной власти, от которой зависело окончательное решение его участи.

Роль первого до конца оказалась выдержанной и логичной. Он знал, что рано или поздно его пламенное служение идее освобождения Италии приведет его к такому концу. В своей жизни, исполненной всяких опасностей, он не раз стоял перед лицом смерти и не мог думать, что кончит мирно свои дни. Этой уверенностью проникнуты все его письма, мемуары, завещание и пр. И после покушения 14 января ни разу мужество Орсини не дрогнуло, ни разу он не просил пощады для себя и не ждал ниоткуда спасения. С того момента, как тюремная карета доставила его в камеру Ля-Рокетт, он считал свои дни сочтенными и если мог о чем-либо жалеть, то только о том, что покушение, повлекшее за собой столько жертв, кончилось неудачно. Главная мишень уцелела. Но неудача в данном случае не была синонимом безрезультатности: события вскоре показали, что последствия 14 января скорее превзошли те, которых мог ожидать Орсини.

VI. БОЛЬШАЯ ИГРА МАЛЕНЬКОГО НАПОЛЕОНИДА

С самого момента покушения Наполеон III решил повести большую игру вокруг этого события с целью укрепить свое положение как внутри Франции, так и за рубежом. Что положение это пошатнулось—ему было ясно как из самой обстановки покушения, так и из той атмосферы растерянности, которая образовалась вокруг него, несмотря на наглое поведение полицейской прессы, писавшей о «незыблемости» основ и пытавшейся использовать счастливую случайность, сохранившую императорской чете жизнь, как доказательство крушения всех террористических замыслов. Наполеонид знал настоящую цену всем этим заверениям. Он чувствовал, как под ним ежедневно колеблется трон, приобретенный ценой стольких измен и авантур. Он был окружен безудержными авантюристами, беспринципными лакеями и политическими шулерами, поставившими 2 декабря все на карту, но готовыми покинуть Наполеона III при первом признаке угрожавшей ему опасности. Сознание этого одиночества удесятряло энергию человека, который поставил своей целью спасти хрупкое здание Второй империи.

Вспомнив историю всех покушений на его жизнь и—в особенности—обстановку последнего, сопоставив все детали их, Наполеон без помощи своей полиции пришел к убеждению, что главными поставщиками террористов, преследующих его, были страны, связанные с Францией... наиболее дружественными отношениями. Лондон был в те времена крупнейшим гнездом конспираторов и террористов. В Лондоне заседал «Главный (или Центральный) европейский комитет», руководимый Маццини, Ледрю Роллзном, Кошутом и др., которому перепуганные европейские правительства приписывали все покушения политического характера, где бы и по какому поводу они ни совершались. Несмотря на всю двойственность политики Кавура, Пьемонт был вторым поставщиком террористов, хотя бы потому, что большинство их оказывалось выходцами из Италии. Что касается 14 января,—все участники покушения оказались итальянцами. Италия их породила, Англия снабдила паспортами и средствами. Между тем еще не отзвучали пушечные громы Крымской войны, в которой союзниками Наполеона выступали и Англия, и Пьемонт. Швейцария для Наполеона III была тоже близкой страной. Он долго жил в ней, одно время даже был швейцарским гражданином, носил форму швейцарского офицера. И она тоже (какая неблагодарность!) была крупным поставщиком террористов, во всяком случае верным убежищем для них (см. приложения).

Наполеон решил воспользоваться покушением, чтобы «проучить» союзников и, дабы неповадно было меньшей братии, начать с Англии. Официальные французские сферы, желая на всякий случай застраховать себя, в эти дни тоже будировали против Англии, обвиняя ее в попустительстве террористам. И хотя до покушения Наполеон III всюду афишировал свою англоманию, сейчас же после покушения стало признаком хорошего тона при дворе ругать Англию. Два дня спустя после покушения, 16 января, в Тюильри состоялся торжественный прием высшей знати и бюрократии Второй империи, на котором Наполеону III должны были высказать радость по поводу «чудесного спасения». От имени Законодательного корпуса говорил граф Морни, который в своей речи заявил: «Мы надеялись, что вы позволите нам говорить языком, который диктуется законным негодованием и глубокой преданностью вашей династии. Народ обеспокоен последствиями вашей снисходительности, которая равняется разве доброте вашего сердца. Он задает себе вопрос, как могло случиться, что дружественные и союзные правительства оказались не в состоянии разрушить эти настоящие лаборатории убийств!»

Всем было понятно, что резкий намек Морни относился непосредственно к Англии. Наполеон III пока удовлетворился тем, что Морни так дерзко бросил перчатку Англии. Свой ответ на приветствия он использовал для другого: для заявления о том, что во внутренней политике Франции будет отныне взят другой курс, который исключит возможность повторения подобных покушений.

Наполеонид откровенно сбросил с себя теперь тогу защитника европейских свобод и столь же откровенно нарядился в мундир

французского жандарма. Его «историческая» речь, обращенная к Законодательному корпусу, содержала, между прочим, и такое заявление: «Путь каждой новой власти встречает много затруднений... Свобода без всяких ограничений невозможна... Что бы ни говорили, опасность для каждой власти заключается не столько в чрезмерности ее полномочий, сколько в отсутствии репрессивных законов. Так, последние выборы... в некоторых местностях явили удручающую картину. Враждебные правительству партии использовали это обстоятельство, чтобы возбудить волнения в стране... Так как умиротворение умов должно быть постоянной целью наших усилий, я надеюсь, что вы поможете мне заставить замолчать крайнюю и вероломную оппозицию».

Итак, покушение Орсини сначала заставило наполеонида попытаться взять курс на крайнюю реакцию. Обжегшись на молоке, дуешь и на воду. Повторные покушения, «утомившие его нервную систему», или, как выражаются менее вежливые историки, вконец запугавшие его, заставили Наполеона жаловаться на «удручающую» картину выборов, позволивших пройти в парламент... целым пяти республиканским депутатам!

Речь наполеонида была прекрасным предисловием к знаменитому «закону Морни», надевшему намордник на всю мало-мальски независимую (не говоря уже об оппозиционной!) прессу, к диктатуре генерала Эспинасса, которому отдали портфель министра внутренних дел. Этот Эспинасс имел уже достаточно мрачное имя начиная с 1851 года, но во всем блеске он показал себя теперь, когда покушение Орсини дало ему в руки такой «штатский» портфель, который до сих пор во Франции не занимался военным. Вот как этот министр перевел на свой язык речь перепуганного насмерть наполеонида: «Гнусное покушение,—писал он в своем первом циркуляре полицейским префектам,—раскрыло всем глаза. Оно обнаружило, какие дикие чувства и какие преступные замыслы зреют в умах членов революционной партии. Пришло время, когда все благонадежные элементы должны почувствовать уверенность, а все злонамеренные—проникнуться трепетом».

Обеспечив, таким образом, курс крайней реакции внутри страны, наполеонид вновь вернулся к мыслям о международной политике. С Англией продолжались некоторое время трения. Этому очень способствовала недалёковидность французского посла в Англии, Фиалена де Персиньи, одного из приближенных Наполеона III, который назначил его на этот пышный пост в благодарность за услуги, оказанные им Наполеону, начиная еще с неудачных путчей в Страсбурге и Булони. У Персиньи, как у посла, было два существенных недостатка: во-первых, он не обладал никакими, даже малейшими, дипломатическими способностями; во-вторых, на посту дипломата он держался не как представитель Франции, а как личный лакей наполеонида. Вместе с Вальевским, другой креатурой наполеонида, он сделал все, что от него зависело, для того чтобы испортить англо-французские отношения. Спокойное поведение Англии—после первых нападков на нее—еще больше разжигало невоздержанный темперамент обоих, меньше всего пригодный

для разрешения столь сложной дипломатической неурядицы, к которой привело покушение Орсини.

Дело едва не дошло до войны, когда, по поручению министра иностранных дел Валевского, де-Персиньи передал английскому премьеру Пальмерстону ноту, в которой, между прочим, говорилось: «Должно ли английское законодательство походить на благожелательное содействие убийцам и должно ли оно продолжать покрывать людей, которые своими действиями открыто ставят себя вне пределов общества и человечества? Французское правительство считает себя вправе рассчитывать на помощь английского правительства в смысле преобразования этих законов, если это окажется необходимым, а также надеется получить гарантию безопасности, которую мы имеем право ждать от союзника». Разумеется, и риторический вопрос, и ответ на него явились не чем иным, как актом прямого вмешательства во внутренние дела английского правительства. Так их и расценили в Англии. По крайней мере то «общественное мнение», которое до тех пор держалось выжидательной позиции, теперь вышло из берегов и требовало войны с Францией. Попытка занять примирительную позицию в отношении Франции стоила кабинету Пальмерстона отставки. Сменился еще ряд кабинетов, пока отношения между Англией и Францией не выравнялись. Наполеонид при этом оставался верным своей тактике. Широко распространяя слухи о своем англофильстве, он под сурдинку старался действовать в пику Англии, всячески пытаясь запугать ее. Его особенно злило то обстоятельство, что английское правительство внешне «покровительствовало» не только итальянским, но и французским эмигрантам. (Чего стоило это «покровительство» на самом деле, нетрудно узнать из некоторых документов, приводимых нами в приложениях.) Но внешне Англия, готовая под сурдинку в интересах собственного спокойствия сотрудничать с любой из европейских охранок,—в том числе и с французской,—должна же была соблюдать свой конституционно-«демократический» престиж. На этой почве происходили между «союзными» правительствами серьезные контрверзы. Наполеонид, например, очень обозлился на то, что английское правительство отказывалось применять репрессии по отношению к известному французскому эмигранту Бернару, который явился одним из главных организаторов покушения Орсини на его «священную» особу. Английское правительство не считало ниже своего достоинства производить обыски на квартире Бернара, подвергать его кратковременным арестам, но категорически отклонило всякие разговоры об его выдаче французским властям. Таких обид у Наполеона III скопилось много. Его, вчерашнего карбонария и защитника «европейских свобод», злило до бешенства то обстоятельство, что умеренный и, в сущности, несмотря на свое красноречие, безвредный Ледрю Роллэн имел возможность группировать вокруг себя французскую эмиграцию. В этом пункте тесно смыкались внешняя и внутренняя политика наполеонида.

Пьемонт, по сравнению с Англией, с международной точки зрения представлял собою «quantite negligeable», но и с ним сладить в этом отношении было нелегко. Кто взялся бы отрицать, что и эта страна была весьма крупным поставщиком террористов за последнее время? Но, вместе с тем, всем ясно было,—в том числе и Наполеону,—что мировоззрение Орсини было широко распространено среди пьемонтского населения, особенно же широко был распространен взгляд Орсини на Наполеона III, как на гнусного изменника делу итальянского освобождения. Кроме того, Пьемонт не мог не ненавидеть австрийскую тиранию или одобрять политику поддержки папского престола. А между тем именно на этот путь и стал за последнее время Наполеон III.

В то же время хитрый и осторожный Кавур, не всегда умевший сладить с королем Виктором-Эммануилом, держался по отношению к Франции двойственной политики. С одной стороны, он не имел ни малейшего желания «сердить» могущественного соседа. Он точно предвидел дни, когда пути Франции и Италии (пусть на время только!) сольются. Поэтому, получив сообщение о покушении 14 января, Кавур в первую минуту вздохнул и воскликнул: «Ах, если бы, по крайней мере, это не были итальянцы!» Мы знаем, что на этот раз итальянский политик не угадал. Это не только оказались итальянцы, но за них и самого Кавура притягивали к ответу. Что было делать? Кавур всячески хотел изгладить впечатление, произведенное в Париже покушением Орсини, или по крайней мере отклонить всякие подозрения от Пьемонта. Ни о каком акте преданности французской империи, который носил бы мало-мальски унижительный для Пьемонта характер, он не мог и подумать. Разве он и его король не приобрели свою популярность в Пьемонте тем, что оба выставляли себя «защитниками» свободы? Возможно, хитрый Кавур и нашел бы какой-либо компромиссный выход из положения, если бы требования Франции были... менее наглыми. Но в том-то и дело, что, подстегиваемый, с одной стороны, страхом ренегата перед местью его бывших единомышленников, с другой—авантюристским желанием всех запугать, Наполеон потребовал от пьемонтского правительства особого декрета, который удушил бы печать, высылку и тюрьмы для подозрительных и других скорпионов для всякого, кто мог бы напомнить ему его собственное поведение в молодости. Авантюрист зашел слишком далеко. Колебания Кавура кончились тем, что он отказался выполнить ультиматум Наполеона III. Назревали крупные осложнения между «латинскими сестрами», но на этот раз все кончилось благополучно благодаря изворотливой и осторожной политике Кавура и самого Виктора-Эммануила.

Не надо забывать, что начал Наполеон с очень высокой ноты. «Моя армия,—говорил он неофициальному пьемонтскому посланцу,—готова обрушиться на гнездо убийц (Пьемонт)». Переговоры, всякие проволочки, взаимные хитрости—все это дало свои результаты лишь в марте. В конце февраля, когда наладился процесс Орсини, тучи на дипломатическом горизонте далеко не рассеялись. Небо было одинаково мрачно по ту сторону Ламанша и по ту сторону Альп. Во Франции царила самая

безудержная реакция. Сумасшедшим сочли бы всякого, кто посмел бы уверять, что Наполеон III когда-нибудь станет еще интересоваться «итальянским вопросом» и захочет помочь своим заклятым врагам, итальянским патриотам, достичь их заветной цели. Но игра, затеянная Наполеоном вокруг покушения 14 января, еще не была закончена. Предстояло разыграть еще одну карту: инсценировать комедию великодушия в отношении Орсини.

Очутившись лицом к лицу со своим бывшим единомышленником, отставной карбонарий не удовлетворился тем, что самым кровожадным образом отдал его голову палачу. Он поиграл с ним, как кот с мышью, наживая в то же время политический капитал за счет своего мнимого милосердия. Нет оснований сомневаться в том, что эта отвратительная комедия была разыграна Наполеоном III по предварительному соглашению с «доброй» императрицей Евгенией.

VII. КОМЕДИЯ СУДА

Процесс Феличе Орсини начался 25 февраля 1858 г. и продолжался всего два дня. «Блестящий» состав публики, наполнявшей зал, явно свидетельствовал о том огромном интересе, который процесс вызвал в высших сферах. В особенности это можно сказать о дипломатическом корпусе. Присутствие почти всех послов на процессе говорило о том, что за кулисами самого процесса разыгрываются серьезные дипломатические интриги. В прениях, однако, невозможно было бы найти ключ к этим интригам. Они не могли представлять собою большого интереса еще и потому, что все участники были арестованы, улики были налицо, инициатор покушения—Орсини—и не думал отрицать своей роли. Единственный пункт, на котором нельзя было не остановить внимания,— это заявление Орсини о том, что он сам никакой бомбы в императорскую карету не бросал. Это заявление не могло не вызвать сенсации. Все понимали, что Орсини не ждал для себя спасения от этой детали. Многие были склонны ему поверить именно потому, что это обстоятельство не могло изменить приговора для того, кто сам сознался в организации всего покушения. Орсини заявил, что свою бомбу он передал четвертому сообщнику (первые трое: Рудио, Гомец, Пьери), который ее бросил в карету и скрылся... Кто же был этот четвертый? Раньше чем ответить на этот вопрос, приведем эту часть судебных прений:

— А третья бомба?—спрашивает председатель суда,—ваша бомба, Орсини, которая взорвалась?

— Я передал ее одному итальянцу, которого встретил на улице Лепелетье.

— В каком месте ее?

— На углу улицы Россини.

— Случайно?

— Нет. Он меня ждал, как это было условлено.

— Вы, значит, уговорились с ним без ведома других участников?

— Да.

— Говорили вы кому-либо об этом итальянце?

— Никому.

И затем Орсини прибавил:

— Я мог бы назвать этого человека, ибо думаю, что сейчас он находится за пределами Франции и недоступен для следствия, но я не хочу давать каких-либо сведений о нем.

Больше он ничего не сказал об этом таинственном итальянце, и никто не догадался бы о том, кого имел в виду Орсини, если бы в книге Флери и Сонолэ «Общество Второй империи» (Societe du Second Empire) на стр.355 (I том) не имелось указания на то, что этот таинственный итальянец был... Франческо Криспи, будущий государственный деятель Италии и лидер консерваторов! Можно утверждать лишь одно: будучи изгнан из Палермо после неудачного восстания, юный Криспи в январе 1858 года действительно находился в Париже. Больше в нашем распоряжении нет данных, которые позволяли бы присоединиться к этой версии или категорически отвергнуть ее, если не считать такого косвенного обстоятельства, как то, что молодой революционер Криспи был ярым галлофобом и таким остался во всю свою дальнейшую жизнь. Революционеры того времени—в особенности итальянские—поголовно ненавидели Францию, успешно соперничавшую с Россией в роли всеевропейского жандарма. Как бы то ни было, показание о Криспи несколько не изменило хода судебного следствия. Роли всех участников покушения 14 января выяснились достаточно ясно. Первостепенная роль принадлежала Орсини. Его прямыми помощниками были Пьери и Рудио. Сообщником, участие которого было менее необходимо, признан был Гомец. У Пьери и Рудио было несомненно революционное прошлое, и их участие в деле 14 января, конечно, не могло быть случайным. Несмотря на всяческую клевету, пущенную в ход против Пьери судебными властями, на суде было установлено его участие в ряде восстаний, его долгая жизнь в эмиграции и самоотверженная революционная деятельность. В то же самое время суд приложил немало усилий, чтобы доказать наличие ряда смягчающих обстоятельств в пользу Рудио. Это вызвано было, главным образом, аристократическим происхождением де-Рудио. Хотя Орсини происходил из не менее аристократической семьи графов Орсини, однако всей своей неутомимой деятельностью революционера, а также поведением на суде он доказал, что принадлежит к «заклятым врагам общества», с которым у него не могло быть никакого примирения. Участь Феличе Орсини была решена заранее. Суду и охране было выгодно представить дело так, что де Рудио был «свращен» с истинного пути преступной пропагандой Орсини, что пропаганда эта была облегчена бедностью Рудио и его заботами о семье, о ребенке. Было выгодно поддержать перед всем миром версию о том, что революционеры вербуют своих сторонником не силой убеждения, а подкупом. Если вся эта мелодраматическая инсценировка, затеянная судом вокруг личности де Рудио, позволяла предвидеть смягчение его участи, то в отношении Орсини тоже не могло быть никаких сомнений. Он должен был сложить свою голову на плахе, и дальнейшие прения

казались публике уже излишними, если бы в это время слово не было дано защитнику Орсини—Жюлю Фавру...

VIII. КАРЬЕРА ФАВРА

К тому времени, когда друзья Орсини выбрали в защитники ему Жюля Фавра, последнему было уже около 50 лет. За спиной он имел довольно большой политический стаж и славу выдающегося адвоката, красноречие которого шло рука об руку с редкой способностью к компромиссам. Его политический формуляр далеко не был белоснежным. Фавр принадлежал к тем типичным адвокатам, о которых поговорка гласит, что они «ради красного словца не пожалеют ни мать, ни отца». В особенности же они склонны к этому в тех случаях, когда эта тактика не противоречит их собственным интересам. Заслужив славу французского златоуста еще со времени своего выступления в качестве защитника по процессу о Лионском восстании 1831 г., Фавр, однако, не мог претендовать на звание «бессребренника». Главное его искусство заключалось в ловком комбинировании двух профессий: политика и адвоката. Если ему случалось поскользнуться в одной из этих областей, другое призвание должно было немедленно вознаградить его утрату. Таким образом, одна профессия дополняла другую. Потерпев неудачу в каком-либо политическом выступлении, он гордо уходил от этой профессии и через некоторое время, выступив против правительства, которое недостаточно бережно отнеслось к нему, как к адвокату, брал свой реванш. Его карьера к моменту выступления по делу Орсини представляла собою—если позволено будет это сравнение—изящный фрак, однако сильно попорченный жирными пятнами. Самое красноречие его было не лишено недостатков. Фавр любил выражаться выпендренно. Однако даже для французов, чрезвычайно падких до выпендренных выражений, доза их оказывалась слишком большой и утомительной. В этих случаях Фавра вывозила картинность положения. Да, это нужно признать: Фавр любил участвовать во всех картинных процессах. Прожженный адвокат, он, не говоря уже о классовом его происхождении, по самой натуре своей, созданной для компромиссов, не мог искренно сочувствовать каким-либо революционным выступлениям,—в особенности же революционным выступлениям пролетариата,—Лионскому восстанию также мало, как и баррикадам 1848 г.,—но он охотно выступал в таких процессах, ибо его адвокатскому красноречию нетрудно было в каждом из них найти ряд картинных положений, которые часто сами по себе обеспечивают громкий успех адвоката.

Этих картинных положений в процессе Орсини было немало. Достаточно было учесть шум, вызванный покушением 14 января во Франции и за границей, огромный интерес к личности Орсини, вызванный его сказочным побегом из Мантуи, его «Воспоминаниями» и публичными лекциями в Англии и других странах, фееричность обстановки покушения, «чудесное» избавление императорской четы от смерти,—всех этих внешних признаков дела было достаточно, чтобы заранее можно было предвидеть ряд патетических сцен, при которых его водянистое и

несколько подержанное красноречие адвокатского «божка» могло произвести должный эффект. И, если бы Фавр только по этим мотивам взял на себя защиту Орсини, он не ошибся бы и успех был бы ему обеспечен.

Но обстановка была еще интереснее для карьериста-адвоката. Дело Орсини для Фавра, помимо адвокатской выгоды, представляло немало и политических выгод. Мы видели с самого начала, что вокруг процесса завязалась крупная закулисная игра. Почему человек, голосовавший за избрание Людовика-Наполеона в депутаты, когда последний еще только замышлял стать императором, а затем разошедшийся с ним, не мог теперь, оказав ему существенную услугу, вновь упрочить свое сближение с ним?

В самом деле, процесс Орсини привел Фавра на вершину той славы, о которой только и мог мечтать адвокат.

Красной нитью через его защитительную речь проходило намерение, не отстаивая невиновности своего подзащитного, показать, что тот руководился идейными побуждениями, что в основе его действий лежала не столько ненависть к Наполеону III, сколько страстная любовь к Италии. А если это так, то между императором и тем, кто занес на него свою руку, нет непроходимой пропасти, а есть только недоразумение. Ибо кому неизвестна безграничная любовь самого императора к угнетенной Италии? В речи сквозило больше всего сожаление о том, что революционеры, пусть и руководимые лучшими побуждениями, не сумели учесть этого обстоятельства, не сумели заговорить с императором на настоящем языке. Разве эта версия не была выгоднее для Наполеона III, чем для Орсини?

Чтобы сделать ее как можно правдоподобнее, ловкий адвокат прибегнул на суде к двум средствам. Прежде всего он не переставал спекулировать возможным помилованием Орсини. Он не обещал, не утверждал, он только намекал на это возможное милосердие императора, которое было тем естественное, что императора объединяет с Орсини общая любовь к Италии. Разве нет этого намека и в прошении о помиловании, поданном после приговора женой Орсини, но, несомненно, составленном и отредактированным знаменитым адвокатом? Разве эта атмосфера кротости и всепрощения, взаимного понимания и солидарности, которую пытался создать Жюль Фавр там, где на самом деле ничего, кроме беспощадной, звериной ненависти к подсудимым, еще усиленной страхом, не было, не окружала имя Наполеона III благоприятным для него общественным мнением? И затем это был успех, достигаемый без всяких издержек и жертв. Повторяем, Фавр не ручался за помилование,—почему же думать, что эти намеки на помилование не могли быть предварительно согласованы между ловким адвокатом и императором, как, впрочем, и многое другое в этом сложнейшем процессе, с виду таком незамысловатом? Мы имеем в виду тот неслыханный в истории политических процессов трюк, которым Жюль Фавр ошеломил не только парижскую, но и европейскую публику,—оглашение на суде письма Орсини к Наполеону III (см. приложения).

Но предоставим опять слово исторической хронике.

Речь Жюль Фавра на этот раз отличалась не только краснобайством,—в ней содержалось немало таких намеков, от которых покорило бы Наполеона; явно иронических намеков политического противника, если бы все это не искупалось общей линией речи. Так, говоря о том, что Орсини, организуя покушение, руководился только побуждениями искреннего патриота, к сожалению, увлекшегося своей идеей сверх меры, Фавр не без ехидства, облеченного в вежливую форму, добавил:

— Да, Орсини совершил преступление и ждет теперь наказания за свой поступок. Но, увы, он не первый, поднявший руку на императора. Однако я лишен возможности заниматься здесь историческим анализом причин, в силу которых в нашей стране так часто повторяются подобные акты.

Далее, переходя к тому, что подсудимый отдал всю свою жизнь делу освобождения Италии, Фавр использовал эту часть своей речи для другого намека:

— Он отдал всю эту жизнь на борьбу с иностранными угнетателями, захватившими его страну... Отец Орсини служил капитаном в итальянской армии, организованной Наполеоном I. Он шел с нашими легионами всюду, вплоть до русских снегов... Он сложил свое оружие только тогда, когда пал последний солдат наполеоновского дела, которое в то время сливалось с делом независимости. А в 1831 г. Феличе Орсини, в окружении знаменитых сообщников, выступил против папской власти.

В судебном зале не было ни одного человека, который не понял бы, что под «знаменитыми» сообщниками ловкий адвокат имел в виду Людовика-Наполеона и его покойного брата. Наконец, после ряда аналогичных тирад и намеков, Жюль Фавр неожиданно обратился к судьям со следующим заявлением:

— Вот он стоит перед вами, господа, готовый к смерти... Но, охваченный желанием еще раз употребить свою кровь для дела итальянской независимости, он изложил это желание в своем последнем завещании, в документе, который он из своей камеры направил императору. Вы еще раз проследите основную идею жизни Орсини по документу, который я вам оглашу, получив на это разрешение того, кому он был адресован.

Нетрудно себе представить, какое волнение охватило публику, сидевшую в зале, когда Жюль Фавр начал медленно читать то письмо к Наполеону III от 11 февраля, которое помещено в приложениях.

Публика, затаив дыхание, слушала содержание письма и в то же время отлично сознавала, что она присутствует на необычном спектакле, за кулисами которого разыгрывается какая-то сложная и таинственная комбинация. Не дав публике опомниться от впечатления, произведенного письмом Орсини, стоявшего на краю могилы и в то же время перед их глазами, Фавр так закончил свою речь:

— Я кончил, господа; моя задача выполнена. Не было для нас надобности в заклинаниях генерального прокурора, для того чтобы

выполнить достойно и спокойно наш долг. Но бог, который будет судить всех нас, бог, перед лицом которого все великие мира сего, лишенные их обычного кортежа льстецов и любимцев, предстают такими, какими они есть на самом деле,—бог, который один только может измерить значение наших прегрешений, силы, увлекающие нас, и искупление, которым мы должны оплатить эти заблуждения,—бог произнесет свой приговор после вашего, и, быть может, он не откажет в своем прощении там, где люди его считают невозможным...

Жюль Фавр кончил среди всеобщего волнения свою речь, а публика все еще пребывала во власти того неожиданного впечатления, которое на всех произвел его театральный трюк. Публика чувствовала, что здесь не все ладно, и только впоследствии многие из присутствующих, сравнив не совсем блестящий французский диалект, на котором отвечал судьям Орсини, с изящным стилем его письма, поняли, что письмо к императору было если не составлено, то, во всяком случае, тщательно отредактировано адвокатом. Здесь надо отметить, что по делу Орсини осталось весьма скудное количество материалов в парижских архивах. Очень много документов сгорело, и было бы наивно надеяться на то, что можно будет найти черновик писем Орсини к императору,—в особенности второго письма. Зато, если сравнить текст письма, оглашенный на суде, и защитительную речь Фавра, то и теперь, спустя 75 лет, нас поразит редкое стилистическое родство между обоими ^{*****}.

По окончании прений председатель обратился, по обыкновению, к подсудимым с вопросом, не имеют ли они прибавить чего-либо к судоговорению.

— Нет,—единогласно ответили трое подсудимых, кроме Рудио, который просил снисхождения у судей.

Суд удалился и после двухчасового совещания вынес обвинительный приговор, со смягчающими обстоятельствами для Гомеца.

***** По поводу происхождения этого письма Орсини к Наполеону существует целая литература. Главные версии: Орсини написал письмо сам, под влиянием Пьетри, префекта парижской полиции, подосланного к нему императором, причем итальянский текст письма переведен—в соответствующей редакции—Фавром. Есть и такая версия: письмо написано Фавром и дано на подпись Орсини. Достоинством сообщения Маритэна, французского публициста, собиравшего и издавшего архив Жюль Фавра. Он заявляет: «Письмо императору было написано Фавром и переведено на итальянский язык». К этому сообщению Маритэн добавлял, что «как оригинал, так и перевод находятся в моем распоряжении». Имеется и такая, заслуживающая внимания, версия, согласно которой самая идея письма и его содержание были внушены Орсини сенатором и префектом парижской полиции Пьетри. Ему якобы удалось доказать Орсини ошибочность покушения на того, кто «во всей Европе был единственным из могущественных лиц, интересовавшихся судьбами поработанной Италии». Все, без исключения, версии, даже принадлежащие историкам-бонапартистам, явно свидетельствуют о том, что Орсини не был единственным автором нашедшего письма. «Соавторы» же называются различные.

Для Орсини, Пьери и Рудио приговор означал смертную казнь, отягченную теми юридическими особенностями, которыми сопровождается казнь осужденного за отцеубийство.

В силу этого гнусного и лицемерного ритуала осужденные за покушение на императора должны были проследовать к эшафоту в рубахах, с головами, покрытыми черным крепом, и там, у подножья эшафота, стоя в позорном облачении, прослушать полностью приговор.

Гомец же был приговорен к бессрочным каторжным работам.

И тут-то начался последний, самый позорный акт судебной комедии, инсценированной самим императором. Через свою агентуру, во главе с Фавром и сенатором Пьетри, Наполеон распространил слухи о предстоящем помиловании Орсини. Сначала говорили о том, что на этом помиловании «настаивает» императрица. Этот случай напоминает в известной степени аналогичную историю, имевшую место в России 46 лет спустя, когда, после убийства Сергея Александровича Романова революционером Иваном Каляевым в русском обществе распространили слух о том, будто его жена настаивала на помиловании Каляева. Истории эти сходны и по их печальному финалу: Каляев так же был «помилован» русским царем, как Орсини—Наполеоном. Вспомним, что и Пьетри, учитывая общественное настроение, советовал императору помиловать Орсини. И без этого совета Наполеон III хорошо понимал, что помилование могло бы быть великолепным жестом, который хоть сколько-нибудь очистил бы репутацию бывшего карбонария. Но сильнее страха чувства нет. Используя надлежащим образом слухи об его мнимом «великодушии», Наполеон решил, что лучше всего расправиться с таким врагом, как Орсини, до конца. И всей комедии был положен конец через два дня. Через два дня после подачи их просьбы о помиловании жена и две дочери Орсини уже знали, что их отца нет больше в живых.

11 марта казнь Рудио была заменена бессрочной каторжной работой благодаря личному вмешательству императора. В тот же день кассационная жалоба всех осужденных была высшими судебными инстанциями отклонена. Это был день, когда Орсини якобы обратился со своим вторым и последним письмом к Наполеону (см. приложения). 13 марта 1858 г. смертный приговор был приведен в исполнение по приказу того, чья снисходительность, по словам графа Морни, «ограничила разве только с добротой его сердца».

IX. СМЕРТЬ ОРСИНИ и ее ОТГОЛОСКИ

Свою жизнь, оборвавшуюся так рано, Орсини прожил один. У него были привязанности, он знал любовь женщины, любовь к детям, преданность друзей, но он был так загипнотизирован идеей независимости Италии, она настолько проникала каждое его чувство и каждый его поступок, что в минуты наибольшего духовного напряжения его существа он должен был чувствовать себя одиноким. Таким он был и в тюрьме Ля-Рокетт. Он держался на отлете от других сообщников, которые все еще не покончили в своих мыслях расчетов с жизнью.

Орсини чувствовал себя уже по ту сторону «добра и зла». Мысль об освобожденной Италии не покидала его и в эти дни,—напротив, она владела его сознанием целиком, но она превратилась уже в мечту для него, осуществление которой ему не придется увидеть.

Орсини презирал смерть и тех, кто ее боялся. Он оставался совершенно спокойным в ожидании палача. Своим поведением он напоминал Гракхов и Брутов, биографии которых он читал в «Римской истории», отпущенной ему из тюремной библиотеки. Жизнеописания этих людей в свое время успокаивали и вдохновляли на мужественную смерть нестерпимого врага итальянского дворянства, знаменитого Кола ди Риенци, членов Конвента и других героев, ожидавших смерти в тюремных казематах.

13 марта, на рассвете, в камеру Орсини вошли начальник тюрьмы и тюремный священник Гугон.

— Хорошо,—спокойно сказал он им,—я готов.

Пьери требовал разных мелочей. Орсини, по предложению пришедших, согласился выпить рюмочку рома. Взяв рюмку в руку, он вежливо обратился к начальнику тюрьмы:

— За ваше счастье и здоровье!

После небольшой остановки у тюремной церкви обоих осужденных «приготовили», согласно ритуалу, к смерти. Орсини и Пьери попрощались. Пьери тоже вел себя мужественно, но все же кое-какое волнение с его стороны давало себя знать.

— Спокойнее, спокойнее,—нежно говорил ему Орсини.

Оба приговоренных приблизились к гильотине, облаченные в длинные белые рубахи, с головами, покрытыми крепом. Пьери что-то шептал; слышно было, как в последнюю минуту он запел гимн жирондистов, бывший в большом ходу у патриотов разных стран: «Умереть за отечество...» Нож гильотины оборвал песню.

Орсини не произнес ни слова. Когда чтение приговора было закончено, он воскликнул по-итальянски:

— Да здравствует Италия! Да здравствует Франция!

И отдал себя в руки палачей.

Все, даже наиболее злобные враги Орсини, признают, что смерть его была «великолепной». Один из них, к тому же поклонник Наполеона III, пишет: «Орсини заплатил свой долг. Трудно заплатить его более мужественно».

Феличе Орсини не стало. Хитрый, жестокий и трусливый наполеонид, спекулировавший при жизни Орсини своим мнимым великодушием, решил использовать в своих политических расчетах и его смерть. В день утверждения смертного приговора над Орсини он опубликовал его второе письмо (см. приложения). Апокрифичность этого письма теперь не вызывает уже больших сомнений. Можно даже и не брать под сомнение тех сентиментальных тирад, заключающихся в письме, в которых Орсини якобы высказывает надежду на то, что злейший враг угнетенной Италии и заклятый враг всяких политических свобод, вымогавший угрозами у Пьемонта репрессии против итальянских

революционеров, «проникнут истинно итальянскими чувствами». Но абсолютно неправдоподобно звучат те места, в которых Орсини якобы раскаивается в совершенном им террористическом акте и, что еще важнее, призывает революционную итальянскую молодежь не следовать его примеру. Сказать это—значило для Феличе Орсини ошельмовать всю свою жизнь, перечеркнуть большую часть того, что им было сделано для освобождения Италии,—и не только им, но и его товарищами.

Зачем бы это ему понадобилось? Разве он ждал или хотел помилования?

И, затем, у него было столько возможностей «раскаться» до момента утверждения приговора, например на суде! Если Орсини действительно хотел, чтобы эти покаянные слова нашли большую огласку и дошли до его соотечественников, он скорее добился бы этого заявлением на суде, чем письмом, доставленным из тюремной камеры келейным путем—и... кому? Императору Наполеону III, наиболее в нем заинтересованному.

Кому, как не ему, этой постоянной мишени для покушений, нужен был «совет» юным итальянским революционерам больше не прибегать к террористическим актам?

Дьявольский замысел императорско-полицейской клики и сводился к тому, чтобы использовать в целях своей контрпропаганды имя Феличе Орсини, окруженное ореолом мученичества. Если бы юные земляки поверили в подлинность письма и не захотели следовать апокрифическому совету Орсини, они с отвращением отвернулись бы от его имени и мученический ореол Орсини перестал бы существовать для них. В обоих случаях императорско-полицейская клика выиграла бы.

Нет сомнений, что в этой гнусной комбинации принимал деятельное участие Фавр, впоследствии гордившийся часами, которые ему подарил Орсини на память об его защите. Во втором письме еще более, чем в первом, заметны следы не только его стиля, но и «идеологии». Конечно, при скудости сохранившихся архивов и отдаленности от нас всей этой эпопеи, нелегко установить, какими путями была изготовлена вся эта апокрифическая переписка. Но можно не сомневаться в том, что фабрикацией «фальшивок» руководил сам император. Если Орсини доверял Фавру «редактирование» фальшивок, то нет сомнений в том, что «редакция» согласовывалась с императором до выхода «фальшивки» в свет. Орсини не имел никакой возможности, отправившись в «лучший» мир, протестовать против искажения его мыслей августейшим «редактором» в союзе с ловким адвокатом. Хроника того времени дает возможность догадываться о том, кто служил деятельным посредником в этой операции: все тот же с виду придурковатый сенатор Пьетри, начальник парижской полиции, усиленно навещавший Орсини в тюрьме Ля-Рокетт—после того, как он себя самого забронировал «гуманным» отзывом в пользу помилования Орсини.

Среди многих косвенных доказательств апокрифичности последних и в особенности последнего письма есть одно, мимо которого пройти нельзя. Кавур, с таким трудом отделавшийся от грозного ультиматума

французского двора, был потрясен, получив неожиданно из Тюильри официальное послание, сопровождавшее текст обоих писем, написанных Орсини в тюрьме,—с приглашением опубликовать их в «Официальной газете» Пьемонта. Содержание писем было настолько заострено против австрийской тирании, что осторожный Кавур боялся опубликовать их. Он немедленно же обратился через своего представителя в Париже к императору с вопросом—может ли он рассчитывать на помощь со стороны Франции, в случае если Австрия разгневется на эту дерзость. В ответ он получил еще более настойчивое предложение: письма напечатать. Положение Кавура было тем более двусмысленным, что он тоже получил письмо от Орсини из тюрьмы, но был слишком труслив, чтобы ему ответить. Это был один из тех случаев, когда осторожному государственному деятелю можно было раскаиваться в том, что он отказался от переписки с государственным преступником. Ибо всюду, куда ни обращался Кавур, он видел, как с каждым днем растет культ Орсини. Ему стало известно, что парижские «вольнодумцы», принадлежавшие к различным партиям, не стесняются открыто восхвалять имя Орсини, не говоря уже об оппозиции, глава которой—Эмиль Олливе—заносит в свой дневник в день казни Орсини следующие мысли: «Я не могу отделаться от мысли об Орсини, она преследует меня повсюду. Если бы бог помог мне сделать кое-что для Италии!» Не только буржуазные салоны, но и Тюильрийский дворец не был свободен от того, что в правых газетах того времени окрестили «орсиноманией». В Пьемонте дело обстояло не лучше. Студенты в Падуе и других городах устраивали нелегальные панихиды памяти Орсини. Его портреты переходили из рук в руки по всему полуострову. Всюду, от Турина до Палермо, об Орсини говорили, как о «новом Вильгельме Телле». Утверждали, что слово это было впервые пущено в ход маркизой д'Ацелио, женой умеренного сановного либерала и писателя.

Трезвый Кавур, однако, твердо продолжал свою линию. Выбрав удобное время, он провел даже в парламенте,—правда, в измененном виде,—законы против террористов и либералов, которых от него требовал Наполеон III. Он считался при этом только с тем значением, которое имела Франция, как сильнейшее государство тогдашней Европы, независимо от того, склоняются ли симпатии императора к Австрии, папскому престолу или угнетенной Италии. Ссориться с сильным соседом никогда, ни при каких обстоятельствах не входило в программу этого дипломата.

Но положительно для Кавура наступило время, когда приходилось всему удивляться. Император, заслушав донесение пьемонтского посланника о том, что желательные для него законы против террористов вотированы пьемонтским парламентом, сначала выразил свое живейшее удовлетворение, а затем, перебив его речь, спросил:

— А как подвигаются у вас работы по укреплению Казале и Александрии (два сильнейших укрепленных пункта Пьемонта, расположенные на пути возможного вторжения австрийцев)?

Кавуру, до которого эти слова императора дошли очень быстро, понял, что император замышляет войну с Австрией, результатом которой должно или могло быть освобождение Италии.

Вместе с другими суеверными итальянскими католиками, Кавур должен был подумать, что призрак казненного Орсини является по ночам к изголовью французского императора и душит его, вымогая скорейшее объявление этой войны

***** На самом деле, целым рядом авторитетных свидетельств подтверждается, что влияние казненного Орсини на позднейшую внешнюю политику Наполеона было далеко не аллегоричным. Много таких доказательств можно найти у Н.Г.Чернышевского, как известно крайне внимательно на протяжении ряда лет следившего за развитием событий в Италии. Из них мы приведем два:

«Покушение Орсини,—пишет Чернышевский в своем политическом обзоре, помещенном в февральской книге «Современника» за 1859 г., т.е. год спустя после акта Орсини,—вытекало единственно из вражды за холодность императора французов к судьбе Италии. Орсини говорил, что надобно императору французов сделаться защитником Италии, что только этим он может обезопасить жизнь. Далее мы увидим, какое сильное влияние имели на мысли Наполеона III те соображения, которые нашел он в бумагах Орсини или узнал из его изустных объяснений. Теперь заметим только, что с самого января прошедшего года представлялась ему непрерывная опасность от покушений, подобных орсиниевскому заговору. Естественно было предполагать, что между итальянскими патриотами находится много людей, думающих подражать Орсини».

Чернышевский, вслед за этим, приводит ряд покушений, состоявшихся на Наполеона, повидимому исходивших из кругов, к которым при жизни был близок Феличе Орсини.

Далее, рассказав, с каким нетерпением в Париже и за границей ожидали речи Наполеона III, которую он должен был произнести 7 февраля 1859 г. на открытии законодательной сессии (всех волновал вопрос, будет ли Франция вести войну с Австрией или проявит миролюбие), Чернышевский сообщает:

«За три дня до речи явилась брошюра «Napoleon III et l'Italie» со всеми признаками официального происхождения. Она была писана или—лучше сказать—только редижирована сановитейшим из придворных писателей, виконтом ла Героньером... Говорили, что сам император доставил ла Героньеру материалы для этого памфлета; что потом составленная из них записка была читана и сильно переделана императором... Сам «Moniteur» принял на себя труд подтвердить эти рассказы. Брошюра действительно должна была явиться выражением личного взгляда императора французов, предисловием и комментарием к его речи. Ее раскупили нарасхват, прочли с жадностью, искали смысла в каждом слове,—и не могли решить, какой же смысл должна иметь целая брошюра? В самом деле, очень трудно было понять ее. Через день, через два загадка разъяснилась.

«Еще во время допросов, сделанных графу Орсини, Наполеон III был изумлен силой и ясностью политических соображений его. «Я хотел вас убить потому, что ваше бездействие мешает освобождению Италии,— писал Орсини,—теперь прибавляю, что ваша политика противна вашим собственным выгодам. Вы упускаете из виду вот такие-то и такие-то факты. Обратите на них справедливое внимание, и вы увидите, что личная ваша польза требует освобождения Италии»...

«В бумагах Орсини нашлись подробные исторические очерки и мемуары о нынешнем состоянии разных государств и об их дипломатических отношениях,

События развивались не так уж быстро. Однако влияние акта Орсини чувствовалось на каждом шагу.

Недаром Марсель Буланже, о котором мы знаем, что он является заклятым врагом Орсини, писал о нем в своей книге: «История Орсини не заканчивается его смертью. Память о нем жила еще долгой, начиная со дня его казни, становилась все прекраснее. Мы присутствуем здесь при таком явлении народного ослепления, которое скорее всего должно стать предметом изучения лиц, занятых исследованием значения мифов, сказок и легенд в жизни народов. В течение нескольких лет, даже нескольких месяцев, убилица с улицы Лепелетье, уничтоживший человеческие жизни, превратился в святого героя...»

Как ни досадно господину Буланже, но имя Орсини действительно превратилось в символ освобождения Италии. И оно упоминалось при каждом событии, которое могло иметь отношение к этому освобождению.

Когда, в начале мая 1859 года, т.е. приблизительно через год после его казни, «освободительная» армия Наполеона III вошла в Турин, офицеры ее были возмущены тем культом памяти Орсини; который они застали в этом городе. Все полки книжных магазинов были завалены апологетическими биографиями Орсини, всюду с бою брались значки с его портретом, имя его восхвалялось детьми в школах и т.д. «Освободители» считали все эти эмблемы крайне оскорбительными для «великодушной» Франции и в особенности для ее главы, пославшего их «освободить» Италию.

И все же понадобилось дипломатическое давление, для того чтобы весь наличный состав туринской полиции того времени предпринял правильную охоту на все эти эмблемы и портреты. Они были искоренены, но очень ненадолго. Трусливый и непостоянный Наполеон III остался верен себе, когда согласился—среди победоносных операций французской армии—встретиться для переговоров с австрийским императором, результатом которых явился—в июле 1859 года—позорный Виллафранкский мир, который опять встал на пути Италии к освобождению.

На этот раз, когда «освободителю» пришлось проезжать обратно через Турин, в атмосфере всеобщего отчаяния и озлобления, которые

написанные в подтверждение той общей мысли, что Франция должна освободить Италию и что если бы Наполеон III сознавал потребности своего положения, он исполнил бы эту легкую обязанность. Еще тогда же, во время процесса Орсини, Наполеон III внимательно изучал эти записки. В конце прошлого года он снова потребовал к себе бумагу, оставшиеся после Орсини, и, когда вышла брошюра, служившая предшественницей тронной речи, люди, знакомые с содержанием орсиниевских бумаг, увидели, что брошюра составлена, главным образом, из них».

Помимо общего значения этого политического факта, свидетельством Чернышевского категорически подтверждается и наше предположение о том, что бумаги, оставшиеся после Орсини, побывали в руках императора и его своры; не приходится удивляться тому, что в архивах осталась одна труха. Что же еще сказать о «подлинности» его предсмертных писем к императору? Прим. ред.

овладели Пьемонтом, ему понадобилась уже специальная, усиленная охрана.

В этот момент опять встал из гроба казненный им Феличе Орсини. Вновь отовсюду появились портреты, значки, памфлеты, увековечивавшие память Орсини. Это была четвертая—символическая—встреча двух непримиримых врагов.

На этот раз никто не смел уже срывать эмблем и портретов. Напротив, если они почему-либо вывешивались не на видном месте или скашивались, граждане подходили и заботливо водворяли их на место...

КОММЕНТАРИИ

К с т р. 15. *Форли*—небольшое местечко Романьи, во времена Орсини входившей в состав Папской области.

К с т р. 19. Нужно иметь в виду, что о «*либералах*» здесь говорится в тогдашнем значении этого слова. По классификации 20—30-х гг. к либералам относились часто самые крайние элементы недовольных. К ним причислялись и проповедники вооруженных восстаний, террористических актов и т. д.

Пихтанингейн, Иосиф-Венцель, князь (1696—1772)—австрийский полководец. В 1745 г. был назначен главнокомандующим в Италии и в 1746 г. одержал победу над французами при г. Пьяченце.

К с т р. 22. *Луи-Филипп (1830—1848)*—сын герцога Орлеанского Людовика-Филиппа-Жозефа (Филиппа «Эгалита»). В молодости участвовал в боях за республику, был членом клуба якобинцев, затем эмигрировал, жил в САСШ и Швейцарии. В 1809 г. женился на дочери короля Сицилии Фердинанда—Марии-Амалии. После падения Наполеона I поспешил в Париж, где, однако, был встречен с явным недоверием Людовиком XVIII. После второй реставрации он получил обратно свои секвестрованные ранее поместья. Июльская революция, как известно, закончилась победой умеренных конституционалистов над республиканцами. По предложению главным образом генерала Лафайета и либерального банкира Лафитта, Луи-Филипп был

провозглашен «королем французов». Против него, естественно, восстали как ультраправые, так и республиканцы. Это была эпоха расцвета торговой и финансовой буржуазии,— эпоха, вошедшая в историю под лозунгом министра Луи-Филиппа, Гизо—«Обогащайтесь!» Людовик-Филипп объединил против себя всех неумирущих и все радикально мыслящие элементы других классов. Особенное недовольство в трудящихся массах вызывал цензовый принцип выборов. На Луи-Филиппа было совершено восемь покушений. Как бы в отместку, он усиливал репрессии. Цензура свирепствовала во-всю, тюрьмы были переполнены, действовал чрезвычайный суд. В то же время нажим республиканцев, демократов и мелкобуржуазных социалистов становился угрожающим. Напрасно Людовик-Филипп пытался отвлечь внимание масс и дать выход их недовольству в войне с Алжиром. Ему пришлось вернуться к суровым законам «старого режима», чтобы справиться со своими противниками. Но это не только не помогло ему, а, напротив, вызвало горячие схватки в палате. Наконец, 22 и 23 февраля 1848 г. парижские массы выступили против короля и Гизо. Гизо получил отставку от короля, но было уже слишком поздно. Король вынужден был отречься от престола. Под именем м-ра Смита он бежал в Нью-Гавен, где и умер в 1850 г.

К с т р 28. Пий IX—полное имя: Джованни Мариа Мاستаи Феретти. Занимал папский престол в самую бурную эпоху не только папства, но и итальянской истории XIX века. Этим и объясняется то обстоятельство, что он занимает такое место в «Воспоминаниях» Орсини. Родился в 1792 г. В 1825 г. Феретти возвращается в Рим из Чили, куда он сопровождал апостолического посла. В 1827 г. он был назначен архиепископом в Сполето, затем папа Григорий XVI перевел его в Йолу, в 1840 г. он был сделан кардиналом, а после смерти Григория XVI в 1846 г. был избран на его место. Он был признанным лидером реформистского крыла духовенства. Недаром, спустя 12 часов после его избрания, из Милана в Рим прибыл гонец, привезший с собой «вето», наложенное в Австрии на его избрание; но уже было поздно. В начальный период своего правления Пий IX проводил реформы на базе сближения

папской власти с итальянской буржуазией. Он вернул из заключения и ссылки многих политических деятелей, отменил ряд ограничений, существовавших для евреев, разрешил строить железные дороги, что в то время для папской власти обозначало предел радикализма. В 1848 г. он выпустил свой «Основной статут», которым устанавливался новый метод папского правления при помощи двухпалатного парламента: состав первой палаты назначается папой, второй—на основе цензовой—населением. На первых порах Пий IX пользовался большой популярностью; сам Мадзини, по слухам, одобрял некоторые из его реформ. Антирелигиозно настроенный Карлейль заявлял, что «старая химера омоложена!» Но уже приблизилась буря 1848 г. Отказ Пия IX выступить против австрийцев окончательно лишил его былой популярности. 15 ноября 1848 г. его премьер России (см. ниже) был убит среди бела дня, а два дня спустя угрожающе настроенная толпа собралась в Квиринальском саду. 24-го Пий IX бежал в Гаэту. В Риме была провозглашена республика. Пий IX обратился к ряду правительств с просьбой об интервенции в защиту его интересов. В апреле 1849 г. французская карательная экспедиция была послана в Чивитавеккию, а 2 июля генерал Удино взял Рим, после тридцатидневной осады. Папское правительство было восстановлено, но сам Пий IX вернулся только в апреле 1850 г. Начиная с момента революции, система его правления стала выражением крайней реакции. Ему принадлежит знаменитый декрет о «непогрешимости» папы. С 1849 г. светская власть папы держалась только на французских штыках. Поэтому, как только началась война в 1870 г. с Германией и французское правительство было вынуждено эти штыки убрать, солдаты Виктора-Эммануила нарушили «неприкосновенность» границ папских владений и, почти не встретив сопротивления, заняли Квиринал и положили конец светской власти папы. Плебисцит 2 октября 1871 г. дал 40 805 голосов за объединение с Италией и только 46—против. Остаток своей жизни Пий IX провел на положении пленника в Ватикане, с невыносимой досадой наблюдая, как «его» недавняя столица становится колыбелью объединенной Италии и король восседает на троне в Квиринале.

Гельфы и гибеллины — названия двух крупнейших партий, борьбой которых окрашена история Италии с XI по XIV век;

К с т р. 41. *Экзархат*—от слова «экзарх». Когда Нарсес, наместник Юстиниана и командующий войсками, в 1554 г. отвоевал Италию у готов, Юстиниан наградил его этим титулом. Резиденцией всех экзархов была Равенна. Территория «экзарха» постепенно сокращалась и в конце концов свелась к одной Равенне с ее окрестностями.

Фуа Гастон де, граф, герцог Немурский (1489—1512)—племянник Людовика XII. В 1512 г. командовал французской армией в итальянском походе и за свою отвагу прозван «молнией Италии». Гастон одержал блестящую победу при Равенне (1512), но, при преследовании испанской пехоты, был убит.

Галлупи Паскуале (1770—1846)—философ, кантонец. Галлупи призывал итальянцев освободиться от засилия французов и в области философии. Вел основательную борьбу против французского философа Кондильяка. Известны его: «Философский очерк критики познания», «Элементы философии», «Философия воли», «Письма об истории философии» и др.

К с т р. 47. *Гвиччардини Франческо*—итальянский государственный деятель и историк, родился во Флоренции в 1483 г. Уже в молодости сильно увлекался юриспруденцией. К 23 годам был избран профессором права во Флоренции. Гвиччардини был папским легатом в Модене, Парме, Романье, Болонье и т. д. При Козьме Медичи, избранию которого он содействовал, он оказался обиженным слишком ничтожным назначением и, вернувшись на родину, занялся литературной работой, преимущественно исторического характера. Самое крупное произведение Гвиччардини—«История Италии», была издана в десяти томах в 1819 г. Гвиччардини умер в 1540 г. В 1857—1867 гг. во Флоренции были изданы другие десять томов произведений Гвиччардини, содержащие его «Политические воспоминания», в сущности представляющие собою собрание афоризмов из области политической философии, и «Флорентинскую историю». На поколение, к которому принадлежал Орсини, произведения Гвиччардини имели большое

влияние. О характере политических взглядов Г. см. вводящую статью к «Сочинениям» Г. в изд. *Academia*.

Ботта Карло Джузеппе Гутьельмо—итальянский поэт и историк, родился в Пьемонте в 1766 г., изучал медицину в Турине, затем служил врачом во французской армии. В 1799 г. был назначен членом временного правительства в Пьемонте. После присоединения Пьемонта к Франции переехал в Париж, где был назначен членом законодательного корпуса. После реставрации назначен ректором академии в Нанси и Руане. В 1830 г. ему было разрешено вернуться на родину; умер он в Париже в 1837 г. Его ранние произведения были посвящены Корфу, Далмации и американской революции. Его выдающимися трудами считаются «История народов Италии» 1825 г. и «История Италии с 1490 по 1814 г.», являющиеся продолжением «Истории» Гвиччардини.

Макиавелли Николо́ ди Бернардо — выдающийся писатель, государственный деятель, правовед и дипломат конца XV и первой четверти XVI века, флорентинец по происхождению, родился в 1469 г. Его молодость прошла среди непрерывающихся политических бурь, вызванных вторжением французов во главе с Карлом VIII. Его вступление в политическую жизнь совпало с падением и казнью великого его соотечественника—Савонаролы. Огромные способности Макиавелли проявил в дипломатических делах, блестяще исполнив ряд поручений в этой области в период 1500—1511 гг. По восстановлении Медичи, Макиавелли в 1513 г. был обвинен в заговоре, арестован и подвергнут пытке на допросах. Хотя он был амнистирован Львом X, однако должен был на несколько лет отказаться от публичной жизни и посвятил себя литературе. Затем, при Льве X, его звезда начала опять восходить, ему опять стали поручать важнейшие дипломатические задачи, с которыми он блестяще справлялся. Во время нашествия Карла V Макиавелли много сделал для поднятия патриотического сознания в своих согражданах. После вторичного изгнания Медичи и объявления республики Макиавелли стали подозревать в поддержке Медичи и стремлении к их реставрации. Преследования ускорили его смерть (1527 г.). Вслед за

его смертью нападки на него усилились, причем этому особенно содействовали иезуиты. Его имя и произведения заслужили эпитет «дьявольски». Полное собрание его произведений могло выйти в свет только спустя 250 лет после его смерти (в 1782 г.). Они заняли десять томов. Оставляя в стороне ряд его юношеских произведений, исследований классической литературы, выдающуюся по интересу и многочисленную переписку, наконец, опыты в области художественной литературы, как, например, подражание «Золотому ослу» Апулея, знаменитую комедию «Мандрагора» и т. д., необходимо отметить, как наиболее значительные его «Семь книг искусства войны», вызывавшие восторженные отзывы военных специалистов и позднейшего времени, и, наконец, доставившее ему мировую славу сочинение, первоначально озаглавленное «О княжествах», а затем известное под названием «Князь» («Государь»). Это своеобразное руководство для правителей проникнуто основной мыслью, что нет тех средств,—законных или незаконных,—которые правитель не имел бы права употреблять в постоянной войне с вероломством и хитростью своих подданных. Это правило государственного управления проводится Макиавелли в его произведении с такой настойчивостью и последовательностью, что в свое время нашлись такие исследователи, которые пытались доказать, что книга «Князь» («Государь») представляет собою не положительное учение, а тонко замаскированную сатиру, которая якобы ставила своей целью высмеять идею самовластья, доведенную до логического абсурда. Но эта защита была опровергнута простым исследованием всех остальных произведений Макиавелли, идеи которых не только не противоречат, а, напротив, полностью совпадают с идеями, изложенными в этой знаменитой книге. Подробнее см. в вводной статье к «Сочинениям» Макиавелли, изд. Academia.

К ст р. 48. Тьер Луи-Адольф—французский государственный деятель и историк, родился в Марсели в 1797 г. Один из наиболее свирепых усмирителей Парижской коммуны, Тьер в молодости кокетничал «левыми» убеждениями; его исторические работы, по собранному в них фактическому материалу, представляли в

свое время значительный интерес для изучения эпохи Великой французской революции и Наполеона I; освещены события в этих работах с точки зрения либеральной буржуазии.

Филанджиери Гаэтано (1752—1788)—юрист, экономист и философ. Особенной известностью—и далеко за пределами Италии—пользуется его труд «Наука законодательства». Вообще же Филанджиери работал над вопросом об идее государства в итальянской философии XVIII века.

Пагано Франческо-Мариа-Марио (1748—1800)—философ, юрист, деятель итальянского освободительного движения. Находился под сильным влиянием идей Французской революции. В 1796 г. был арестован, в 1798 г. бежал сначала в Рим, затем в Милан; Бурбоны, вернувшиеся в Италию в 1799 г., приговорили его к смерти. В 1800 г. с большим мужеством умер на эшафоте. Пагано оставил обширное литературное наследство. Наиболее ценным его произведением считаются «Политические очерки, или Очерки о происхождении, прогрессе и упадке общества», написанные под влиянием философских идей Вико. В тюрьме написал книгу «Эстетические рассуждения», оставил ряд трудов по уголовному праву, истории литературы и др.

Ломонако Франческо (1772—1810)—итальянский историограф, публицист и деятель освободительного движения. Пылкий республиканец, он был арестован в самом начале XIX столетия и должен был разделить трагическую участь Пагано (см.), Руссо, Полomba и др. Но в список приговоренных к смерти вкралась ошибка: вместо Ломонако там значилась фамилия «Ламаника». Только после долгих уговоров осужденных товарищей, участь которых Ломонако хотел разделить, он согласился воспользоваться этой счастливой случайностью и отделался ссылкой. Жил затем в эмиграции, вел беспокойное, полное всяких мытарств существование. На тридцать девятом году, из-за тяжелых личных переживаний, кончил самоубийством. Приходится удивляться тому, что, в результате столь беспокойной жизни, Ломонако оставил богатое литературное наследство: девять томов разнообразных про-

изведений. Из них наиболее известны: «О военной добродетели», «Жизнь замечательных итальянцев», «Знаменитые вожди Италии».

К с т р. 49. *Молодая Италия*—тайное общество, основанное Маццини в тридцатых годах прошлого столетия. Мысль об организации этого общества была окончательно разработана Маццини в 1831 г., когда он сидел в тюрьме в ожидании суда. С точки зрения теоретической «Молодая Италия» должна была явиться воплощением его республиканских воззрений. В общих инструкциях, разосланных членам «Молодой Италии», Маццини говорит: «Молодая Италия» придерживается республиканского направления потому, что каждая нация должна представлять собою свободную и равную общину братьев; потому что истинный суверенитет принадлежит нации; потому что привилегии стремятся подорвать равенство граждан и, таким образом, являются опасными для свободы страны; потому что монархия включает в свои ряды аристократический элемент, который является источником неравенства и коррупции; потому что монархия, которая в настоящее время не может больше опираться на погасшую веру в божественное право, стала слишком слабой формой для сохранения единства и власти; потому что нет в Италии монархических элементов; потому что по традиции Италия является насквозь республиканской; потому что монархия будет толкать Италию на уступки иностранным правительствам и подавлять народные элементы внутри страны; потому что все недавние итальянские движения были по существу республиканскими; потому что республиканская идея, проникающая все европейские революционные движения, добивается симпатии и поддержки со стороны итальянского народа». Выработанная Маццини программа «Молодой Италии» была не очень сложна. *Республика и единство*—таковы два главных пункта этой программы. Средством для осуществления этой программы, по имени Маццини, могло быть только восстание. Однако к этому восстанию общество должно быть подготовлено основательной пропагандой. С момента основания общества его руководители и ушли с головой в эту пропаганду. Величайший энтузиазм и полнейшая готовность к само-

пожертвованию—таковы наиболее характерные черты, проявленные участниками этой организации, несмотря на жесточайшие репрессии, с которыми на них обрушивались правительственные власти.

— «Никогда,—пишет Маццини,—я не видел такого содружества юношей, настолько преданных своему делу, способных к сильнейшей взаимной привязанности и готовых ежеминутно отдать свою голову общему делу, как те, которые все время работали со мной. Я, Ламберти, Узилио, Люстрини, Руффини и еще пятьдесят других были по происхождению моденцами. Не имея никаких подчиненных, никакого аппарата, мы были погружены в работу не только в течение целого дня, но и большей части ночи. Мы писали статьи, письма, принимали приезжих, агитировали среди итальянских моряков, собирали, упаковывали свои листки, памфлеты и т. д., легко переходя от интеллектуальной работы к самой тяжелой физической».

В конце 1831 г. этой группой лиц был выпущен журнал, носивший тоже название «Молодой Италии», в котором был напечатан манифест новой партии, написанный самим Маццини. Главный тезис манифеста: «Революции должны делаться народом и для народа. Таково наше слово. Оно резюмирует всю нашу доктрину. Это наша наука, религия, зов нашего сердца». «Кроме этого манифеста, Маццини был написан ряд других произведений, имевших своей главной целью не только осветить программу «Молодой Италии», но и наладить ее связь с другими европейскими революционными организациями; таково, например, «Обращение «Молодой Италии» к германскому народу и французским либералам. Вскоре организации пришлось испытать на себе всю тяжесть белого террора. Власти не останавливались в преследовании арестованных членов «Молодой Италии» ни перед какими подлогами, провокациями, пытками и казнями. Самый близкий друг Маццини,—Джакопо Руффини,—вскрыл себе вены в тюрьме. Маццини тоже был приговорен к смерти, однако успел убежать во Францию (Марсель). Так закончились первые попытки «Молодой Италии». Маццини понял—в результате этого разгрома—необходимость более планомерной организационной подготовки итальянской революции. Неу-

дачи «Молодой Италии» в то же время способствовали усилению умеренного крыла итальянского освободительного движения, возглавлявшегося Джоберти, Вальбо, д'Аиелино и пр. реакционно настроенными националистами, память которых благоговейно чтит и теперешняя фашистская партия, в которую партия итальянских националистов вошла целиком. После гибели «Молодой Италии» Маццини участвовал в организации «Молодой Швейцарии», «Молодой Германии» и других аналогичных организациях.

К стр. 50. *Эспартеро* Бальдомеро—испанский герцог (1792—1879), игравший крупную роль в испанской политике. Дважды был премьером и регентом королевства.

Братья *Бандиера* Атилиий и Эмилиий—мученики итальянского освободительного движения, окруженные ореолом в глазах всех поколений, борющихся за освобождение Италии. Они оба состояли членами «Молодой Италии», основанной Маццини. 17 июня 1844 г. они, вместе с кучкой своих товарищей, совершили высадку в Калабрии. Но так как английское правительство, хвастая на весь мир своим «гостеприимством» в отношении революционных эмигрантов из других стран, в то же время тщательно занималось перлюстрацией их переписки, оно вскрыло письмо братьев Бандиера к Маццини, в котором излагался план их десанта. Неаполитанское правительство было предупреждено о нем и сумело принять свои меры. Высадившиеся были встречены засадой и расстреляны в упор.

К стр. 61. *Калиостро* ди Аллесандро (1743—1795)—итальянский авантюрист второй половины XVIII века.

К стр. 62. *Чирильо* Доменико (1734—1799)—видный итальянский ученый и историк, был профессором медицины и естественной истории в Неаполе, народным представителем и председателем законодательной комиссии в Партенопейской республике. Был арестован пришедшим на смену реакционному правительством и приговорен к смерти. Отказавшись от помилования, мужественно взшел на эшафот. Оставил ряд крупных работ по ботанике и другим естественным наукам.

К стр. 66. *Паоло* (paolo)—медная итальянская монета, около 50 центезими.

К стр. 73. *Александр VI* (Борджиа) (1431—1503)—один из наиболее реакционных и жестоких пап. Он родился в Испании в 1431 г. и вместо своей настоящей фамилии по отцовской линии стал называться по знатной и древней фамилии матери—Борджиа. Роза Ваноцца де Катане—так звалась его жена, известная необычайной красотой, от которой он имел пятеро детей, в том числе знаменитого Цезаря Борджиа, превзошедшего в преступлениях своего отца. В 1492 г. Александр Борджиа был избран папой (он не погнулся никакими насилиями и интригами, чтобы «выборы» кончились в его пользу). При нем была введена свирепейшая цензура книг. Савонарола—популярнейший и красноречивейший флорентийский монах, агитировавший за устранение Александра VI с папского престола, был осужден как «еретик» и сожжен на костре. Александр VI умер в 1503 г. Рассказывают, что, приготовив для некоторых из своих гостей кубки с отравленным вином, он по ошибке сам выпил из одного. Если этот рассказ и похож больше на вымысел, он зато ярко показывает, сколько ненависти Борджиа вызвал в народе, придумавшем для него такую смерть.

К стр. 74. *Витербо*—гор. Римской провинции (в то время—Римского государства) в Италии, находится в шестидесяти пяти километрах от Рима. Пользуется славой «города красивых женщин и фонтанов». Несмотря на свой небольшой удельный вес, Витербо связал свое имя с рядом крупных политических событий. Одно время в Витербо скрывались те римские папы, для которых пребывание в Риме становилось по политическим причинам невозможным. В истории освободительного движения Италии гораздо более известно, чем то местное движение 1837 г., о котором упоминает Орсини,—восстание, происшедшее в Витербо во время французской оккупации города в 1798 г.

К стр. 80. *Григорий XVI*—унаследовал папский престол в 1831 г., после двухлетнего правления Пия VIII, умер в 1846 г.

К стр. 96. *Ацелио* Массимо Тапарелли, маркиз—известен как публицист, романист, художник и государственный деятель. Он родился в 1789 г., в Турине,

где отец его занимал высокий военный пост. Уехав 15 лет в Рим, он долгое время занимал разные административные должности, пока не получил от отца разрешение всецело посвятить себя живописи, и через год уже приобрел известность в этой области. В 1830 г. он переехал в Милан, где подружился с знаменитейшим итальянским писателем Алессандро Манцони и женился на его дочери. Как писатель, Ацелио стал известен по своим романам «Этторе Фиерамоско» (1831) и «Николе де Лопи» (1841). Оба романа в значительной степени содействовали росту национального самосознания тогдашних итальянцев. Вскоре Ацелио целиком отдается политике. По своему направлению он не только не сочувствовал крайним элементам, но открыто выступал против всякой нелегальной деятельности патриотов. В своих публицистических произведениях того времени он призывал к умеренности, критиковал попытки произвести восстание и возлагал свои надежды на итальянских принцев, как на «освободителей» Италии. В них же он крайне резко нападал на папский престол. Но после избрания на этот престол Пия IX, он поехал в Рим, и те реформы, с которыми выступил Пий IX, многими современниками приписывались влиянию Ацелио. Когда Карл-Альберт после восстания в Ломбардии пересек Тичино, Ацелио оставил Рим вместе с папскими войсками. В бою при Виченце, где он командовал легионом, Ацелио получил несколько ран. Едва оправившись, возобновил свою литературно-публицистическую деятельность, направленную против республиканцев. При открытии сардинского парламента был избран депутатом. После неудачной битвы при Новаре молодой король Виктор-Эммануил II назначил его премьером. Он занимал еще ряд видных постов, одно время был чрезвычайным военным комиссаром римских государств. Ацелио был очень плодовитый писатель; наибольшей известностью пользуется его политическая переписка и автобиографическая работа—«Мои воспоминания»,—изданная после его смерти (1866 г.).

К с т р. 97. *Эбердин*, лорд, и *Джемс Грэм*, сэр—члены английского кабинета, прославившиеся своей провокационной политикой в отношении иностранцев-эмигрантов, проживавших в Англии.

К с т р. 100. *Карл VIII*—французский король, сын Людовика XI, родился в 1470 г., правил с 1483 г. и умер в 1498 г. Знаменит только тем, что под давлением наиболее авантюристических элементов тогдашнего рыцарства совершил грабительский поход в Италию.

К с т р. 107. *Брунетти* Анджеоло, прозвище «*Чичерваккио*» (1800—1849)—один из известнейших итальянских патриотов; вышел из народных масс, по профессии ломовой извозчик. Одно время был сторонником Пия IX (см.). Это не помешало тому, что на него пало подозрение в организации убийства Пеллегрини Росси (см.). Во время Римской республики прославился энергичной и храброй защитой города. После падения республики, 3 июля 1849 г., вместе с другими сторонниками Гарибальди, отправился за ним в Умбрию, Сан-Марино, Романью и т. д. 10 августа отряд Брунетти, состоящий из восьми человек (в их числе был тринадцатилетний сын его, Лоренцо), был захвачен австрийцами. Все участники отряда, включая и мальчика Лоренцо, были в тот же день расстреляны. Впоследствии останки их были перенесены в Рим. В 1907 г. Брунетти и его сыну был поставлен памятник в Риме.

Секуляризация—переход церковного имущества в руки светского государства. Это—одно из главных достижений реформации, со времени которой и начала практиковаться секуляризация, которая в одних государствах распространялась только на земельные угодья церквей, а в других и на церковные здания и все другие виды церковного имущества.

К с т р. 108. *Маццини* Джузеппе—крупнейший деятель итальянского освободительного движения и вместе с тем один из выдающихся международных революционных деятелей в Европе прошлого столетия. Маццини родился в Генуе 22 июня 1805 г. С раннего детства проявлял большие способности к наукам. Ему едва исполнилось 13 лет, когда он поступил в университет, и не было еще 15, когда он занялся адвокатской практикой. В апреле 1821 г. ему пришлось видеть плачевное бедство участников неудавшегося восстания в Пьемонте, и с тех пор мысль о бедствиях этих беженцев не покидала его. Вскоре она претворилась в страстное стремление к освобождению родины. К тому времени

он выступил против удушающего влияния классической школы в литературе, написал несколько работ, но затем решил пожертвовать своими литературными занятиями ради непосредственной политической деятельности. В 1829 г. он вступил в организацию карбонари, хотя не вполне доверял целям, методам и самому характеру этой организации. Впервые Маццини был арестован в июле 1830 г. сардинской полицией и заключен в савонскую крепость. В тюрьме он получил возможность окончательно сформировать те свои идеи, которые затем стали для него руководящими в течение всей его жизни. Вскоре после освобождения из тюрьмы он организовал «Молодую Италию». Основное, что Маццини отстаивал и в своих политических писаниях и в уставе «Молодой Италии», сводилось к тому, что Италия прежде всего должна освободиться от иностранного гнета, причем освобожденная Италия мыслилась ему только в республиканской форме. Когда же Италия будет освобождена, она не должна остановиться на этом, а, напротив, взять на себя инициативу освобождения всей остальной Европы.

Философские взгляды Маццини того времени сводились к тому, что мир должен управляться моральным законом прогресса и, таким образом, будущая революция является чисто этической необходимостью. Этика Маццини была неотделима от религии. Недаром он пишет впоследствии на знамени римской республики слова: «Бог и Народ». Вся жизнь Маццини окрашена элементами религии, идеалистического понимания своего долга, самоотречения. Он никогда не знал другого удела, кроме нищеты, лишений, изгнания и личного одиночества. «Аскет в революции», «фанатик мятежа» — таковы характеристики, которые чаще всего попадают в многочисленных биографиях Маццини.

В 1831 г., когда Карл-Альберт занял пьемонтский престол, Маццини, несмотря на свои республиканские убеждения, обратился к нему с призывом возглавить борьбу Италии за освобождение и предоставить народу требуемые им свободы. Ответом на призыв явился приговор об изгнании. Он был продиктован королем влиянием Меттерниха. Маццини поселился в Марселе. После этого он в течение 20 с лишним лет вел жизнь

изгнанника. Но из этого изгнания Маццини не переставал оказывать самое деятельное влияние на рост революционного движения в Европе. Его писания того времени отличаются не столько силой логической аргументации, сколько сильным темпераментом, часто увлекавшим за собой его читателей. Другое искусство, которым владел Маццини, это — конспирация. Он соединял открытый, мужественный, благородный характер с той осторожностью, расчетливостью и стойкостью, которых требовала постоянная жизнь в подполье. В 1834 г. он организует вторжение в Савойю, но попытка терпит полнейший крах вследствие предательства одного участника, которого Маццини назначил руководителем восстания. Следующие два года Маццини проводит в Швейцарии. Отсюда он ведет неутомимую организационную работу в Италии, поднимая своих земляков на восстание против тирании и в то же время сея республиканские идеи почти во всех европейских странах. В тот самый год, когда его предприятие в Савойе кончилось полным фиаско, Маццини организует в Берне «Пакт братства», обнимающий собою «Молодую Италию», «Молодую Германию» и «Молодую Польшу». Никаких общих практических предприятий участники пакта в то время, разумеется, организовать не могли; скорее, этим пактом провозглашалась платоническая общность их стремлений. В 1836 г. его изгоняют из Швейцарии, и он находит себе убежище в Лондоне. В 1844 г. очень нахулено выступление Маццини против британского правительства того времени, которое он обвинил в перлюстрации его переписки и сообщения ее содержания итальянским властям. Вся дальнейшая история освободительного движения в Италии на ряде печальных примеров (гибель братьев Бандиера — см. Комментарии, — обыски в квартирах Орсини и Пьерри после их смерти — см. Приложение) показывает, что обвинения Маццини были более чем обоснованы.

В 1848 г., когда в Ломбардии вспыхнуло восстание, Маццини решил принять в нем непосредственное участие. Сардинский король стремился привлечь его на свою сторону обещанием премьерского портфеля в новом Пьемонтско-Ломбардском государстве, но Маццини меньше

всего стремился к удовлетворению личного честолюбия и не захотел способствовать увеличению владений савойской династии за счет объединения Италии. В этом одно из его важнейших разногласий с Гарибальди. После капитуляции Милана он пытался вместе с Гарибальди продолжать самостоятельно войну в Альпах, но, когда убедился в том, что надо оставить всякие надежды на улучшение положения в Ломбардии, отправился в Тоскану. Ливорно встречает его с необычайным энтузиазмом 8 февраля 1849 г., как раз за сутки до провозглашения республики в Риме, и избирает его своим депутатом в республиканское собрание папского города 29 марта Маццини, Саффи и Арменини назначаются членами римского триумvirата (см.) с неограниченными диктаторскими полномочиями. По настоянию Маццини они избирают своим девизом: «Бог и Народ». Но уже 25 апреля французы появляются у стен вечного города с целью восстановить папскую власть. Республика прекращает существование, триумвиры слагают с себя полномочия, и Маццини опять возвращается в Лондон. Но это не значило, что он ликвидировал свою деятельность в Италии. Попытки восстаний в Мантуе (1852 г.), Милане (1853 г.), Генуе (1857 г.) и Ливорно (1857 г.) непосредственно были подготовлены Маццини. В то же время он вместе с Кошутом и Ледрю-Ролленом организует эмигрантский «Европейский комитет». Одновременно он организует в Англии «Общество друзей Италии», оказавшее значительные услуги итальянскому освободительному движению. В 1859 г. Маццини открыто выступает против союза, заключенного Пьемонтom с Наполеоном. Уступка Савойи и Ниццы Франции не только блестяще оправдывает его выступления, но наполняет сердца его, Гарибальди и других итальянских патриотов неслыханным огорчением и возмущением. Всем влиянием и ресурсами он приходит на помощь Гарибальди в экспедиции, организованной последним с целью освобождения Сицилии и Неаполя. Когда же Пьемонт не только нагло использовал плоды отваги Гарибальди, но только преследовал его сторонников, но и сам Гарибальди был ранен и взят в плен при Аспромонте, Маццини окончательно порвал связи с либеральными монархистами. Король в третий раз приговаривает Маццини

к смертной казни. В 1866—1867 гг. Мессина избирает Маццини, в виде протеста против преследований его, депутатом в итальянский парламент. Она повторяет этот жест четыре раза кряду. Маццини живет в то время в Швейцарии. В 1869 г. его изгоняют из Швейцарии, а в 1870 г. итальянские власти арестуют его на море, когда он направлялся в Сицилию. Его заключают в Гаэтскую крепость. Однако народное негодование не позволяет правительству держать его в тюрьме дольше двух месяцев. Маццини освобождают, и он решает поселиться в Лугано, но 10 марта 1872 г. умирает в Пизе, где был прописан по чужому паспорту—англичанина Броуна. Так кончилась жизнь человека, оказавшего громадное влияние не только на освободительное движение в Италии, но и на революционное движение во многих европейских странах. Историки революционного движения и биографы Гарибальди и Маццини часто любят проводить параллель между обоими выдающимися деятелями Италии. Но надо признать, что между ними сходства меньше, чем различия. Гарибальди был революционером в узко национальном смысле. Он не только не причинял никакого беспокойства реакционным европейским правительствам XIX столетия, но, напротив, не раз использовался ими ради различных дипломатических комбинаций. Этими дипломатическими разногласиями, разделявшими Англию, Францию, Австрию и другие страны той эпохи, и объясняется тот пышный прием, которым встретила Гарибальди официальная Англия и который был осмеян Марксом в его переписке с Энгельсом. Министры, почтительно жавшие руку старому ветерану, однако не делали этого с чисто платонической целью. Они рассчитывали использовать Гарибальди как орудие своей политики на Средиземном море и на континенте. Маццини тоже не гнушался в известных случаях вступать в переговоры с итальянскими и чужеземными властями, в особенности, если он полагал, что от данного соглашения могут выиграть интересы европейской революции, которая, надо сказать, представлялась ему в достаточно неопределенной форме. И все же трудно предположить, чтобы такая встреча могла когда-либо ожидать Маццини со стороны официальных кругов. Европейские пра-

вители рассматривали всегда Маццини как человека «с другого берега» и неутомимого революционера. Вот как характеризует его, например, знаменитый Меттерних в своих мемуарах:

«Мне пришлось бороться с величайшим из солдат, мне удалось привести к соглашению императоров и королей, царя, султана, монархии и республики, я двадцать раз запутывал и распутывал нити придворных интриг, но никогда и никто в мире не доставлял мне больше хлопот, чем итальянский разбойник, худой, бледный, весь в лохмотьях, но красноречивый, как буря, пламенный, как апостол, хитрый, как вор, развязный, как комедиант, неутомимый, как влюбленный, имя которого было Джузеппе Маццини».

Нельзя не отметить и разницы в общем интеллектуальном уровне двух выдающихся вождей итальянского освободительного движения. Произведения, оставленные Гарибальди, в лучшем случае, могут интересовать только историка Италии его эпохи. Маццини же оставил после себя большое и разнообразное литературное наследие. Его «Изданные и неизданные произведения» составляют 16 томов: восемь из них успел приготовить для печати еще сам Маццини, остальные восемь были изданы Ауэрелио Саффи, его товарищем по римскому триумvirату. Они вышли частью и на английском языке. Самое крупное произведение Маццини—«Обязанности человека»—отображают его этико-идеалистическую концепцию революции. Несмотря на бурные условия своего существования, Маццини ухитрялся уделять много времени изучению иностранных литератур: отсюда—ряд его критических статей о Гете, Байроне, Карлейле и др. Сейчас в Италии труды его издаются в виде многотомного (вышло уже более 50-ти томов) академического издания. Наконец, нельзя обойти молчанием довольно значительного их расхождения в области социально-политического мирозерцания. Это не исключает того несомненного факта, что в конечном итоге Маццини, так же как и Гарибальди, во всей своей деятельности объективно отстаивал интересы нарождавшейся итальянской буржуазии.

К с т р. 114. Soldati di finanza—солдаты таможенной стражи.

К с т р. 120. Росси Пеллегрини, граф—умеренный итальянский либерал, эмигрировавший сначала в Швейцарию, а затем во Францию, где примкнул к сторонникам Июльской монархии. В сентябре 1848 г. был вызван в Рим Пием IХ и был назначен премьером папского правительства. В результате проводимой им крайне реакционной политики был убит 15 ноября 1848 г. Это событие и послужило причиной бегства Пия IХ, а затем провозглашения Римской республики.

К с т р. 125. Римский триумvirат—был образован после битвы при Новаре правительством Римской республики. Римская республика была провозглашена Маццини 9 февраля 1849 г., после того как папа бежал из Рима. В течение двух месяцев административными делами Рима ведало избранное временное правительство. Созванное Учредительное собрание еще раз подтвердило образование Римской республики и вместе с тем полное уничтожение светской власти папы. 18 марта, по предложению Маццини, был образован особый «комитет войны». Было постановлено образовать армию в размере сорока пяти тысяч, из которых десять тысяч отправить на помощь Пьемонту. После того как пьемонтская монархия, по выражению Маццини, пошла на «позорный и преступный компромисс», Рим решил назначить триумvirат, в состав которого вошли: Саффи, Армелини и Маццини. Однако триумvirату пришлось править не очень долго. Вскоре Римская республика была уничтожена. 25 апреля французские войска высадились в Чивитавеккии с целью восстановить в Риме власть папы. По словам Маццини, «целью Людовика-Наполеона было приучить своих солдат стрелять по республиканскому флагу». 7 мая того же года французское правительство поручило своему посланнику Лессепсу заключить соглашение с Римской республикой. В конце мая такое соглашение было подписано, причем французская армия обязалась защищать Рим в случае иноземного вторжения. Но французский генерал Удино отказался признать это соглашение, его оккупационная армия, с которой он подступил к Риму, осадила город и затем вошла в него. Все усилия Маццини оказать сопротивление ни к чему не привели. Римская респуб-

лика пала, и «наместник Христа» вернулся в столицу Италии под охраной французских штыков. Так кончилось кратковременное существование триумvirата. Маццини ничего не оставалось более, как бежать сначала в Швейцарию, а затем в Лондон.

К ст. р. 142. *Гарибальди Джузеппе* (1807—1882)— выдающийся деятель итальянского освободительного движения, родился в Ницце; предки его были генуэзцами. Отец Гарибальди был бедным рыбаком. Тем не менее, он напрягал все свои усилия, чтобы дать хорошее образование сыну. Кажется, его лучшей мечтой было сделать из сына священника, так как он был религиозен. Но сам Джузеппе с детства мечтал о другом: он хотел стать моряком. В 1828 году Джузеппе поступил на пароход и вскоре был назначен помощником капитана на бриге «Кортезе». Первоначальное развитие Гарибальди приобрел в своих многочисленных путешествиях. Особенно большое впечатление произвела на него поездка в Рим. Он уехал оттуда весь во власти демократических идей того времени. Огромнейшее значение имела для него встреча с Маццини в Марсели. Гарибальди поступает в организованную Маццини «Молодую Италию» и в 1834 г. приговаривается к смертной казни за участие в попытке мятежа, организованного маццинистами. Однако ему удалось освободиться от этой кары, и, отдавшись некоторое время вербовке волонтеров для той же организации, Гарибальди бежит в Марсель, а оттуда в Южную Америку, где предлагает свои услуги властям провинции Рио-Гранде, которая в то время подняла знамя восстания против бразильского императора. Здесь Гарибальди отличился, как партизан, но был взят в плен противной стороной. За попытку бежать из плена был подвешен на несколько часов за запястья. Перепробовав в Южной Америке самые разнообразные профессии (пастух-гуртовщик, преподаватель математики, корабельный маклер и пр.), он предложил свои услуги населению Монтевидео, которое в то время вело борьбу с тираном Буэнос-Айреса—Розасом. В этой войне Гарибальди приобрел двойную славу—в качестве победителя врага на суше и на море. Отличился он также как хороший организатор вообще и, в частности, организацией особого

«итальянского легиона». Подробно об этих подвигах в войне с Розасом рассказывает сам Гарибальди в своей автобиографии. «Красная рубашка» Гарибальди уже пользовалась большой славой, когда папа Пий IX (в 1847 г.) занял престол св. Петра. Гарибальди, к тому времени закончивший военные действия в Монтевидео, поспешил предложить свои слуги папскому войску, но получил довольно двусмысленный ответ. Несколько лучше, хотя тоже с опаской, к нему отнесся Карл-Альберт Сардинский, осаждавший в то время австрийцев в крепости Мантуе. После разгрома сардинской армии Гарибальди во главе отряда волонтеров показал чудеса храбрости в нескольких стычках с австрийцами на швейцарской границе, затем пустился со своим отрядом в странствие по Италии и достиг Равенны. В 1849 г. он связывает свою судьбу с революционным правительством, выступившим против Пия IX, аннулировавшего свои либеральные реформы и в конце концов вынужденного бежать из города. Гарибальди действовал вместе с маццинистами, объявившими республику в Риме в феврале того же года, и в апреле ему удалось прогнать войска французского экспедиционного корпуса под командой генерала Удино от ворот св. Панкрация, а в мае разбить неаполитанские войска при Палестрине и Веллетри. Тем временем Удино принудил Маццини к перемирию и, получив значительные подкрепления, приступил к осаде Рима. Гарибальди, неустанно преследуемый австрийцами, отступил к побережью Адриатического моря, и здесь от источника и непосильных лишений погибла его верная подруга Анита, которую Гарибальди зарыл в прибрежных песках. По приказанию пьемонтского правительства Гарибальд был арестован в Кьявари. Правительство потребовало от него, чтобы он немедленно покинул Италию. Эта мера вызвала горячее негодование в народе; тем не менее, Гарибальди пришлось подчиниться. Он уехал в Нью-Йорк, где в течение восемнадцати месяцев сначала проработал в роли кустика, изготовлявшего свечи, а затем опять стал плавать на различных коммерческих судах и в качестве капитана одного из таких судов возвратился в Европу, появился в Ньюкэстле, где отклонил народное чествование. Вернувшись на родину, он поселился

на острове Капрере, где занимался сельским хозяйством, пока начавшаяся война за освобождение вновь не призвала его под свои знамена. В феврале 1859 г. хитрый Кавур, стремившийся использовать в интересах династии, которой он служил, огромную популярность Гарибальди в народных массах Италии, пригласил его в Турин. Сам Гарибальди, несмотря на свой республиканизм, всегда готовый работать с монархическим правительством, если этого требовали, по его мнению, патриотические цели, предложил свой меч Виктору-Эммануилу. Хотя сардинские генералы чинили ему на каждом шагу помехи и неприятности, Гарибальди оказал огромные услуги союзникам, в особенности в битве при Варезе. После подписания мирного договора в Виллафранке Гарибальди, подавив негодование, которое вызвало в нем невыгодное содержание договора, с разрешения Виктора-Эммануила отправился в центральную Италию, где способствовал присоединению к Сардинии различных территорий, но не получил от короля разрешения двинуться на Рим. Присоединение его родного города Ниццы к Франции переполнило чашу терпения Гарибальди, и он, отказавшись демонстративно от генеральского звания, выступил в Туринской палате с резкой речью против Кавура, обвиняя его в передаче Ниццы французам. В это время сторонники Маджичи начали усиленную агитацию против тирании Бурбонов в Неаполе. Несмотря на все препятствия, чинившиеся ему Кавуром, Гарибальди принял деятельное участие в организации военной экспедиции против войск Бурбонов. Никто не верил в то, что этот поход покроет Гарибальди и его «тысячу» неувыдаемой славой, а между тем предприятие Гарибальди закончилось именно так. Тут надо отметить, что английский кабинет принудил Францию к соблюдению строгого нейтралитета, и Бурбонам ждать помощи было неоткуда. 11 мая Гарибальди разбивает сильнеешего противника в бою у Марсалы. Этот и следующие поединки поселили полнейшее моральное и материальное разложение в армии Бурбонов. Спустя три месяца, Сицилия была окончательно освобождена. Не давая противнику опомниться, Гарибальди переправляется через пролив (29 августа) и совершает свою знаменитую «военную прогулку» по

направлению к Неаполю, которым он овладевает 7 сентября, встреченный овациями со стороны армии короля Франциска II. По поводу сказочного похода Гарибальди Энгельс пишет Марксу 5 октября 1860 г.: «Итак, папаша Гарибальди опять расколотил неаполитанцев и взял две тысячи пленных». После неудачного для Бурбонов столкновения при Волтурно они сосредоточивают все свое войско в крепости Гаэта. Тем временем, путем специального плебисцита Виктор-Эммануил избирается королем «обеих Сицилий». Гарибальди, отказываясь от всякой награды, передает ему свою диктаторскую власть и поселяется на Капрере. Это вызвало сильное недовольство со стороны республиканцев. Вообще описываемый период принес Гарибальди ряд серьезных огорчений. Ему попрежнему не позволяли идти на Рим и осуществить свою заветную мечту—разрушение папского государства, но еще больше его огорчило и оскорбило нежелание итальянских властей зачислить его волонтеров на равных правах в регулярную армию. Естественно, власти опасались того «вольного духа», который волонтеры могли внести с собой в регулярную армию. Гарибальди видел в этом новую интригу лукавого Кавура и в резкой форме выступал против него. В центре его помыслов оставался Рим. Кроме того, он мечтал о том, что вспыхнувший в Венгрии мятеж заставит австрийцев снять свои войска из Венецианских других укрепленных мест. Затевая новую экспедицию против австрийцев, он становится жертвой провокации со стороны итальянских правительственных войск. Столкновение с этими войсками у Гарибальди происходит при Аспромонте: после того как он отдал своим войскам приказ «не стрелять», правительственные войска атакуют его волонтеров. При этом Гарибальди получает тяжелое ранение в ногу и попадает в плен. В течение двух месяцев он находится в качестве военнопленного в военном порту Спецции, где лечит свою рану. После этого он получает разрешение вернуться на Капреру. Вскоре он отправляется в Англию. Официальный предлог—побудить британское правительство заступиться за датчан. В Англию его встречают с необычайным энтузиазмом и, как принято было тогда выражаться, «с королевскими почестями». Но, не добившись

цели своего путешествия, Гарибальди внезапно обрывает его и возвращается на родину, как оказалось впоследствии, по требованию английского кабинета. (Интереснейшие подробности этой его поездки в Англию, а также об его примирении с Маццини, с которым его разделяли существенные политические и тактические разногласия,—см. у Герцена в «Былом и думах»). К. Маркс в письме к Энгельсу от 19 апреля 1864 г. и Энгельс в письме к Марксу от 29 апреля того же года резко критикуют эту поездку. В войне 1866 г. Гарибальди опять командовал своими «красными рубашками». Не считаясь со всеми своими предыдущими неудачными попытками, Гарибальди в 1867 г. совершает еще одну попытку захватить Рим. 22 сентября итальянское правительство, у которого руки были связаны соглашением с Францией от 1864 г. арестует Гарибальди. Он бежит с Капреры в простой лодке и во главе своих волонтеров наносит поражение папским войскам 25 октября при Монтеротондо. Но 3 ноября при Ментане он терпит поражение от французов. Правительство опять разрешает ему поселиться на Капрере, где он отдается литературным трудам.

В 1870 г. Гарибальди, одно время склонный к германофильству, легко объяснявшемуся его неистребимой ненавистью к Наполеону III, решает притти на помощь французской республике. Гамбетта встретил его без особого энтузиазма, однако поручил ему командование волонтерами в Вогезах. Остаток своей жизни Гарибальди провел на Капрере. Он умер в 1882 г., и смерть его нашла живой отклик далеко за пределами Италии. Она воскресила наиболее красочные из его подвигов, действительно отмеченные необычайной отвагой. Относительно его идеалов надо сказать, что они не отличались особой четкостью никогда. Маркс и Энгельс, пристально следя за каждым шагом Гарибальди,—ибо они хорошо учитывали, какие последствия для всего революционного европейского движения могло иметь освобождение и объединение Италии,—всегда отдавая должное его отваге и защищая его от всяких наветов, вместе с тем часто и резко критиковали «голый практицизм» Гарибальди.

Ряд его политических ошибок они объясняли тем, что Гарибальди не был вооружен определенной теорией. Они считали, что отсутствие стройного социально-политического мировоззрения весьма характерно для мелкобуржуазного патриота, каким он по существу и являлся. В самом деле, республиканизм, перемешивался в его воззрениях с преданностью савойской династии. Это часто разделяло его с маццинистами и порождало между ними крупные разногласия. Его социальный идеал отмечен печатью крайнего и наивнейшего утопизма. В чем у него не было никаких «уклонов»,—это в его неугаваемом и неутомимом стремлении к объединению Италии и, пожалуй, в такой же его ненависти к светской власти папы. Что касается религиозных воззрений, то с годами его атеизму стал приходиться на смену какой-то наивный пантеизм.

С особенной яркостью неустойчивость его политических взглядов сказалась в ряде манифестов и прокламаций, писавшихся им на Капрере в последние годы его жизни. И здесь последовательностью отличалось только то, что он посвятил ирредентистской пропаганде, вопросам освобождения и объединения Италии. Этим и объясняется то обстоятельство, что итальянские фашисты, начавшие свою пропаганду под знаменем национализма и ирредентизма, имели возможность провозглашать Гарибальди своим пророком. Остается добавить, что среди новейших биографов Гарибальди есть немало таких, которые, исходя из последних достижений военной науки, пытаются умалить значение военных талантов и успехов Гарибальди (см. напр., статью А. В. Луначарского в «Большой советской энциклопедии», том XIV, уверяющего, что Гарибальди никогда не везло в столкновениях с австрийцами). Это неправильно. Нельзя отвлекаться ни от той эпохи, ни от условий, в которых Гарибальди приходилось сражаться. Иначе нельзя было бы объяснить того огромного влияния, которым он пользовался на своих легионеров, поистине творивших чудеса храбрости. Несмотря на всю поверхностность и непоследовательность его социально-политических взглядов, Гарибальди совершенно нетленным от истории объединения Италии, как и Маццини, Орсини и другие ученики обоих этих выдающихся

вождей национально-освободительного итальянского движения.

К стр. 144. *Санфедисты*—реакционнейшая итальянская религиозно-политическая организация, основанная с целью противодействия карбонариям (см. стр. 535). Основные принципы организации заимствованы из произведения реакционного швейцарского публициста Карла Людвиг Галлера—«Реставрация политической науки». Произведение Галлера—в шести томах—переведено на итальянский язык (с французского) в 1826 г., напечатано в «Католической библиотеке», выходящей в Неаполе, и посвящено Франциску I. Произведение Галлера пропагандирует принципы крайней реакции: единственная законная форма правления, по его мнению,—абсолютная монархия. Единственная религия—католическая. Монархия основана на божественном праве. Для торжества трона и алтаря все меры законны. Восхваляется инквизиция. Признается, что рабство—божественного происхождения. Хозяин имеет абсолютное право распоряжаться жизнью раба. Главой санфедистов был Каноза, министр Франциска IV в Модене. Санфедисты объявили священную войну всяким видам «свободы и разума». При вступлении в секту санфедистов (или, как они себя называли—«Католическое апостольское общество») каждый кандидат должен был давать следующую присягу:

«В присутствии всемогущего бога, отца и сына и св. духа, святой и непорочной девы Марии и т. д. и тебя, уважаемого отца, клянусь в том, что скорее дам себе отсечь правую руку или перерезать горло, умереть от голода и самых страшных мучений и прошу всемогущего бога обречь меня на вечные муки в аду, если я предам или обману кого-либо из уважаемых отцов и братьев Католического апостольского общества, к которому я присоединяюсь в данный момент, или в том случае, если я не буду подчиняться строжайшим образом его законам или не помогу моим братьям в нужде. Клянусь держаться твердо в защите святого дела, которому я отдаюсь, не шадить ни одного человека из принадлежащих к гнусной шайке либералов, не считаясь с его происхождением, родством или богатством. Не буду шадить ни детей, ни стариков. И буду

проливать до последней капли кровь гнусных либералов без различия пола и звания. Наконец, клянусь в моей неистребимой ненависти ко всем врагам нашей святой, единственной и истинной римско-католической религии».

К стр. 161. *Ледрю-Роллэн* Александр-Огюст—родился в окрестностях Парижа в 1807 г. Получил юридическое образование и с 1830 г. в качестве адвоката специализировался на защите республиканских и вообще прогрессивных политических деятелей. В 1841 г. был избран депутатом и занял место на крайней левой. В 1846 г. опубликовал призыв к рабочим («Appel aux Travailleurs»), в котором старался доказать, что всеобщее голосование является единственной панацеей для рабочего класса от всех его бедствий. Он был одним из неутомимейших организаторов народных собраний, предшествовавших революции 1848 года. После революции был назначен членом временного правительства, занимая в нем пост министра внутренних дел. В мае 1848 г. был назначен членом пятерки, которой Учредительное собрание передало всю власть. Как вождь партии демократической буржуазии, он старательно отмежевывался как от умеренных буржуазных республиканцев, так и от депутатов, ближе стоявших к пролетариату. После неудачной попытки восстания в 1849 году бежал в Англию и здесь примкнул к международной мелкобуржуазной революционной эмиграции, средоточием которой был тогда Лондон. Он был здесь близко связан с Кошутом, Маццини, Ругге, отчасти Герценом. Ледрю-Роллэн в глазах реакционных правительств того времени слыл лидером «Европейского комитета», который, по мнению этих правительств, руководил всем революционным движением и организовывал все террористические акты на континенте. Он был амнистирован в 1870 г. Вернувшись во Францию, был дважды (в 1871 и 1874 гг.) избираем депутатом парламента. Умер в 1874 г.

К стр. 162. *Гервег* Георг (1817—1875)—германский поэт. Его лирические стихотворения и песни были очень популярны, многие из них «анонимно» вошли в народную поэзию Германии. Политическое его мировоззрение было довольно расплывчато, но во время революции

1848 г. он выступал в качестве республиканца. Гервег был тесно связан с международной демократической эмиграцией того времени, был близок и с русской эмиграцией—Бакуниным, Герценом и др. Гервег сыграл большую, но малопривлекательную роль в семейной жизни Герцена (см. подробно об этом в «Былом и думах», т. II).

К стр. 163. *Гервег* Эмма (1817—1904)—жена Георга Гервега, была дочерью богатого берлинского банкира Зигмунда; к мужу своему относилась с благоговением, разделяя с ним все невзгоды жизни и помогая ему во всех областях его деятельности. Как и он, Эмма Гервег была связана с оппозиционной и революционной демократической эмиграцией своего времени, в том числе с Герценом, Орсиной и т. д. Из записок Орсины мы видим, какую исключительную помощь она ему оказала. Некоторые западно-европейские буржуазные историки склонны распространять слух о том, что Эмму Гервег и Орсина связывала не только платоническая дружба, причем уверяют, что Эмма Гервег пошла на это в отместку мужу, изменившему ей столь шумевшим способом. Так, например, Р. Лабри в книге «Александр Герцен» пишет: «Если бы это было и так (связь Орсины и Эммы Гервег), то разве это не было бы основано на справедливости? Разве Георг Гервег не разрушил семейного очага знаменитого русского писателя Герцена, похитив у него привязанность Наталии Герцен?» Читатель видит из «Записок» Орсины, что автор их категорически отрицает такой характер их отношений. Также категорически отрицает такой характер их отношений сын Эммы и Георга Гервегов—Марсель Гервег, выпустивший в 1929 г. в Париже книгу «*Les printemps des Dieux*», содержащую переписку его матери и отца с графиней Марией д'Агу. (псевдоним графини—«Даниель Стерн»). В одном из писем она сообщает Гервегам, что во время ее пребывания в Италии—после казни Орсины—ее всюду чествовали, как «освободительницу» Орсины (из Мантуйской крепости). Она с трудом доказывала всем, что освободительницей была только Эмма Гервег. По другим сведениям, в освобождении, кроме Гервег, участвовала еще таинственная иностранка, О'Меара.

Позднейшие источники категорически подтверждают, что организацией бегства руководил из Лондона сам Маццини, несмотря на свои тогдашние расхождения с Орсиной.

К стр. 174. *Кальви* Пьетро-Фортуато (1817—1855)—пользующийся широкой известностью деятель итальянского освободительного движения, воспетый Карллуччи. Во время венецианского восстания получил задание защищать Кадоре. Силы его были неизмеримо слабее неприятельских. Тем не менее, организовав пять небольших летучих отрядов, оказал героическое сопротивление неприятельским войскам. В качестве командира альпийских стрелков принимал деятельное участие в защите Венеции и знаменитом прорыве из города. После падения республики Кальви сначала эмигрировал в Швейцарию, а затем тайно пробрался с группой товарищей (по большей части бывших офицеров 1848—1849 гг.) в Кадоре, где должен был, по заданию Маццини, поднять восстание. Этому восстанию обещал помочь Кошут со своими венгерцами. Но Кальви был предан, арестован и вместе с товарищами заключен в Мантуйскую крепость, где в то время находился Феличе Орсина, вскоре совершивший свой знаменитый побег оттуда. Напрасно изводили Кальви вопросы и подвергали всяческим пыткам следственные власти, добываясь от него выдачи его товарищей. Кальви остался непоколебим. В июле 1855 г. с неслыханным мужеством и спокойствием он взошел на эшафот. В настоящее время в разных концах Италии можно встретить памятники, поставленные ему, как величайшему национальному герою.

К стр. 178. *Кошут* Луи (Людвиг)—выдающийся венгерский политик, представитель интересов и стремлений национально-освободительного движения венгерской буржуазии. Учился в протестантской школе, затем кончил юридический факультет и некоторое время занимался практикой. Политическую карьеру свою Кошут начинает в 1832 г. в качестве депутата в пресбургском парламенте, а также в качестве издателя нелегального рукописного журнала. Издание другого литографированного листка приводит Кошута в 1837 г. в тюрьму. Будучи освобожден в 1840 г., Кошут начи-

нает издавать газету в более современном значении этого слова—«Пести Гирлап». В 1847 г. он посылает депутатам в парламент и становится лидером оппозиции. Кошут требовал освобождения крестьян, уничтожения привилегий, свободы печати и т. д. После французской революции 1848 года открыто потребовал самоуправления для Венгрии и конституции для других австрийских земель. Его агитационные выступления не только подготовили венгерскую революцию, но и способствовали венскому восстанию 1848 года. После отставки кабинета в сентябре 1848 г. Кошут очутился во главе комитета национальной обороны и с необычайной энергией стал готовиться к военным действиям. В ответ на имперский декрет, уничтожавший венгерскую конституцию, он созвал в апреле 1849 г. национальное собрание в Дебречине, которое объявило, что Габсбурги потеряли право на престол. Он был назначен временным правителем Венгрии, но, видя, что, с одной стороны, западно-европейские державы открыто вмешиваются в дела Венгрии, а, с другой, Николай I бросил свои войска на усмирение народного мятежа, Кошут пытался толкнуть массы на более решительные действия. Но ряд его попыток не удался. Затем он отказывается от своих диктаторских прав в пользу Гергея. После поражения при Темешваре (август 1849 г.) он вынужден бежать в Турцию. Здесь Кошута объявляют пленником. Однако, хотя его выдачи требовали одновременно Россия и Австрия, Порта оказывает упорное сопротивление. В сентябре его, по настоянию Англии и САСШ, освобождают, но так как французское «республиканское» правительство отказывает Кошуту в праве проезда через свою территорию, он направляется на американском фрегате в Англию. Здесь его встречают с таким же энтузиазмом, как и Гарибальди. В декабре того же года Кошут едет в САСШ, где его встречает такой же восторженный прием. В 1852 г. он возвращается в Англию. Он живет здесь на положении эмигранта, пока Сардиния и Франция не начинают открыто готовиться к войне против Австрии. Он предлагает тогда Наполеону организовать венгерское восстание против Австрии при условии получения конкретных благ для Венгрии. Ему удалось обеспечить нейтралитет Англии на тот случай, если война распро-

странится на венгерскую территорию. Мир, подписанный в Виллафранке, разочаровывает, но не обескураживает его. Он делает еще две попытки (в 1860—1861 г. в союзе с Кавуром, в 1866 г. с помощью Виктора-Эммануила) поднять восстание среди венгров против Австрии, но оба раза безуспешно. Когда в 1867 году состоялось примирение с династией и был установлен «модус вивенди» между обеими частями австро-венгерской монархии, Кошуту не оставалось ничего иного, как уйти от политической деятельности. После этого он большей частью жил в Турине и, хотя неизменно продолжал критиковать политический и экономический блок между Австрией и Венгрией, но отказался от подпольной деятельности и подготовки восстаний. Тем не менее в 1867 г. он отказался принять амнистию и вернуться на родину. Он не находил возможным принять милость от династии, которую он в свое время сам прогнал с трона. В 1880—1882 гг. он издал три тома «Воспоминаний о моем изгнании», остальные томы вышли в 1890 г. Кошут умер в Турине, в 1894 г., и был похоронен с огромными почестями в Будапеште, куда он не хотел возвращаться при жизни.

Альфьери Витторио—итальянский поэт, родился в Асти (в 1749 г.). Провел очень бурную молодость (увлечение лошадьми, бессмысленные путешествия). Вернувшись в Турин, начал свою литературную деятельность, но, убедившись в недостаточности своего образования, невзирая на свой возраст, засел за учение. Огромное влияние имела на него встреча с женой претендента на английский престол, Чарльза Стюарта, которая, под именем графини Альбани, вышла за него замуж. Она заставила поэта еще больше работать над собой и своими произведениями. Революция 1789 года сначала привела Альфьери в восторг, но 1792 год напугал его. Он с графиней вместе бежал от революции сначала в Англию, а затем во Флоренцию. Здесь Альфьери и умер в 1803 г. Он оставил после себя большое литературное наследство: 21 трагедию, 6 комедий и т. д. Альфьери не был аполитичен: напротив, он стремился своими произведениями сделать итальянский народ «крепким, свободным и благородным», но все это достаточно умеренными средствами. Тем не

менее умеренными элементами он был произведен в национальные «герои»: во всяком случае прах его покоится в флорентийской церкви Санта-Кроче между гробницами Микель-Анджело и Макиавелли, и над его гробом возвышается великолепный памятник работы Кановы. Для поколения Феличе Орсини Альфиери, несомненно, принадлежал к числу тогдашних «властителей дум».

Медичи Джакомо (1819—1882)—один из виднейших сподвижников Гарибальди и крупнейший деятель итальянского освободительного движения: вместе с Гарибальди участвовал в ряде походов как внутри Италии, так и за ее рубежами. Сначала был ярким республиканцем и сторонником идей Маццини. Под влиянием ряда неудачных восстаний, по его мнению, вызванных «вспышкопускательской» тактикой Маццини, стал ренегатом республиканского крыла движения и открыто примкнул к монархистам. Впоследствии ренегатство его дошло до того, что, достигнув к семидесяти годам высоких чинов, стал активно преследовать все революционные элементы и даже арестовал в 1870 г. своего прежнего учителя и наставника—Маццини, пытавшегося поднять восстание на острове Сицилии.

Пульский Франц-Аврелий (род. в 1814г.)—известный венгерский патриот и ближайший сподвижник Кошута. Принимал участие в революции 1848 года, бежал в Париж и был приговорен к смертной казни заочно. Пульский сопровождал Кошута во время его путешествия в САСШ. Пульский—автор довольно большого числа книг, посвященных не только вопросам венгерского революционного движения. До конца шестидесятих годов проживал в эмиграции, а затем был амнистирован.

Ворцель Станислав (1799—1857)—польский революционер аристократического происхождения, впоследствии эмигрант. В 1833 г. выслан из Франции, как примыкавший к крайним республиканским кругам. Жил в Лондоне и Брюсселе, руководил польской демократической эмиграцией, был сторонником «гуманистического» социализма. Живя в Лондоне, близко сошелся с Герценом, которому помог организовать «Вольную русскую типографию». Герцен посвящает ему в «Былом и думах» много теплых страниц, проникнутых

глубоким уважением к его привлекательной личности и полной самоотверженности и лишениям жизни революционера.

Рудио де граф—один из рядовых участников итальянского освободительного движения. Еще очень молодым человеком, эмигрировал в Англию, где сильно бедствовал, существуя случайными уроками итальянского языка, которые он давал в английских семьях. Впоследствии соучастник Орсини в покушении 14 января 1858 г. Вместе с Орсини был приговорен к смертной казни и получил помилование уже по пути на эшафот. Из заключения Рудио удалось бежать. Долго жил в Америке. Поступил на службу в федеральную армию, достиг больших чинов. Умер в Лос-Анжелесе в 1913 г., в весьма преклонном возрасте: в момент процесса 1858 г. ему было двадцать пять лет (подробно—см. Приложения).

К с т р. 227. *Канова* Антонио—итальянский скульптор, родился в 1757 г., в молодости увлекался живописью, получил художественное образование благодаря покровительству различных меценатов. Первым его произведением в области скульптуры была статуя Аполлона. В 1782 г. он уже выступил с более совершенным произведением «Тезей и Минотавр». Канова не был до конца последовательным представителем классического стиля в скульптуре. От последнего его отделяло своеобразное мягкое изящество. Это видно в группе «Купидон и Психея» и даже в колоссальном памятнике Клименту XIII (собор. св. Петра). Наиболее важной и характерной для него работой является надгробье эрцгерцогини Христины (Августинская церковь в Вене). В 1802 г. Канова был назначен главным попечителем всех произведений римского искусства в Папской области, в том же году был вызван в Париж для изготовления модели колоссальной статуи Наполеона.

Пеллико Сильвио—итальянский писатель, родился в Салуцо (Пьемонт) в 1788 г. Прославился не столько своим литературным творчеством, сколько тем, что ему пришлось испытать и пережить в австрийских тюрьмах, где он отсидел долгие годы. Отец его, лирический поэт Онорато Пеллико совмещал литературную деятельность с прозаической профессией фабри-

канта шелковых изделий. Когда Сильвио находился со своей сестрой во Франции, до него дошли произведения патриотического писателя Фосколо и др. Это воспламенило его патриотический дух и заставило вернуться на родину, где он поселился в Милане. Здесь он стал преподавателем французского языка в всенной школе. Написанные им к этому времени трагедии «Лаодамия» и «Франческо да Римини» доставили ему известность. Он перевел «Манфреда» Байрона, с которым ему удалось познакомиться. Пеллико сблизился в то же время с выдающимися итальянскими патриотами, одно время принимал участие в газете «Примиритель», которая, несмотря на свое «соглашательское» название, была признана вредной и закрыта. В 1820 г. он был арестован по обвинению в карбонаризме и посажен сначала в Санта-Мargarитскую тюрьму, а затем переведен в знаменитую «свинцовую» тюрьму в Венеции. После двухлетнего заключения его приговаривают к смерти, затем заменяют ее пятнадцатью годами заключения, для отбывания которого заключают в крепость Шпильберг, находящуюся вблизи Брюнна. Его освобождают из нее в августе 1830 г. За время своего заключения он написал еще две драмы. Затем он написал самое выдающееся произведение «Мои тюрьмы», в котором описывает все, что ему пришлось пережить в заключении. Книга была переведена на ряд европейских языков и наделала немало шума. Не обладая выдающимися литературными достоинствами, но написанная довольно обстоятельно и местами увлекательно, эта книга стала прототипом всех тюремных мемуаров, появившихся впоследствии. Книга Пеллико произвела большое впечатление за рубежом Италии; нетрудно себе представить, что еще большее впечатление она произвела на итальянскую молодежь, которая жаждала пострадать за освобождение родины. После книги «Мои тюрьмы» Пеллико написал еще немало трагедий и поэм, но все они гораздо менее известны, чем его мемуары, не утратившие своей актуальности и до сих пор. Произведения Пеллико носят на себе отпечаток религиозности автора. Однако агитационное влияние на революционную молодежь его мемуаров было очень велико: они приучали ее к стойкости в заключении. Сильвио Пеллико умер в 1854 г.

К с т р. 254. *Икар* — сын Дедала, герой греческой мифологии. Легенда рассказывает, что Дедал, происшедший из самых знатных кругов Афин, считался первым мастером скульптурного и архитектурного искусства. Бежав на остров Крит, он прославился тем, что построил для короля Миноса знаменитый лабиринт. Он впал в немилость у Миноса, который, несмотря на все подвиги Дедала, заключил его в тюрьму, откуда ему удалось бежать. Дедал изготовил крылья из воска для себя и своего сына Икара, и оба попытались перелететь на них через море. Икар поднялся слишком высоко к солнцу, вследствие чего его крылья растаяли и он упал в море. В память этого побережье Эгейского моря, вблизи которого он упал, названо Икарским.

К с т р. 293. *Вашингтон* Джордж (1732—1799) — борец за независимость Североамериканских соединенных штатов, первый президент САСШ, избранный на этот пост в 1789 г. Во времена Орсини Вашингтона считали во многих странах пионером и глашатаем республиканских идей.

К с т р. 298. *Оллсон* (он же *Аллсон*) Томас — английский радикал (1795—1880). Поддерживал близкие отношения с революционной эмиграцией в Лондоне. Не скрывал своих симпатий к революционно-освободительному движению в Италии, Венгрии и т. д. Когда после покушения 14 января 1858 г. Орсини был арестован по паспорту Оллсон, французская полиция первоначально полагала, что Оллсон — мифическая личность. Очень скоро ей пришлось, однако, убедиться в том, что это реальное лицо. Маркс в своем письме к Энгельсу от 27 мая 1862 г., упоминая об Оллсоне, говорит, что он и был тем лицом, которое финансировало это покушение (см. Приложение).

К с т р. 388. *Непотизм* — от латинского слова (племянник); так назывался обычай передачи выгодных должностей родственникам и вообще близким людям. Обычай этот весьма культивировался римскими папами. Непотизм послужил в руках реформистов одним из сильнейших аргументов против католичества.

Симония — один из обычаев католической церкви, заключавшийся в продаже за деньги церковных дол-

жностей. Особое распространение получил в средние века, одновременно с продажей индульгенций.

К стр. 390. *Карбонари* (буквально—«угольщики») — название некоторых тайных обществ, процветавших в Италии и во Франции в начале XIX столетия. Основная цель этих обществ—свержение тогдашних деспотических и реакционных правительств. Первоначально они зародились в Италии в правление Бонапартов. В своей «Истории Италии» Ботта рассказывает, что в правление Мюрата неаполитанские республиканцы, одинаково ненавидевшие и французов и короля Фердинанда, бежали в 1808 г. в дикие ушелья Аbruцких гор и здесь образовали тайное общество, назвавшись «карбонари». Название «карбонари» заимствовано от наиболее популярного в этой части Италии промысла—переработания угля. Эта излюбленная аналогия с «переработателями» древесного угля на каждом шагу встречается в конспиративной фразеологии карбонари. Так, одна из их лож называлась «Хижина угольщика», обычное собрание—«Лавкой угольщика», чрезвычайное собрание—«Рынок угольщика» и т. д. Но многое в этой фразеологии позаимствовано и у франкмасонов. Главным девизом организации являлось: «Местъ за ягненка, терзаемого волком». Само собой разумеется, были у них разные степени, мистические обряды посвящения и т. д. Следует, однако, отметить, что все попытки строгой централизации общества не удавались. Карбонари сыграли значительную роль в итальянской истории. Принц Мюрат бесчестно преследовал их. Он казнил их вождя Капо Бьянко. Однако они были достаточно сильны для того, чтобы помочь свергнуть власть французов в южной Италии. Реставрация Бурбонов в 1815 г. только усилила недовольство в стране и привела к расцвету карбонаризма. Священники, офицеры, женщины—все включилось в движение. К карбонари принадлежали Карл-Альберт (впоследствии сардинский король), Сильвио Пеллико, Маццини, лорд Байрон. Спорным вопросом в литературе остается пребывание Наполеона III (в молодости) в рядах карбонари. Р. Каддео, автор книги «Покушение Орбини»,—в общем, не заслуживающий доверия,—утверждает, что молодой принц, будучи весьма близок к главарям карбонари, сам не при-

надлежал ни к карбонари, ни к какому-либо другому тайному обществу. К двадцатым годам прошлого столетия их численность оценивалась различно: от трехсот до семисот тысяч; но бесспорно, что движение включало в себя всю патристически настроенную итальянскую интеллигенцию. Однако их силы были ослаблены неудачными восстаниями 1820 и 1821 гг.,—силы австрийской реакции были слишком велики. Реставрация Бурбонов вызвала к жизни во Франции аналогичные организации; приблизительно в 1820 г. эти общества слились с итальянскими карбонари. Так как в Италии преследования против них усиливались, то вскоре штаб-квартирой карбонаризма стал Париж. Мало того: во Франции движение приобрело более организованный характер. Во главе общества стоял Лафайет; число офицеров, студентов, включившихся в него, росло с каждым днем. Посвященные в карбонари называли себя «добрыми кузенами», непосвященных они называли «язычниками». Всекие писанные документы и переписка строжайше запрещались членам общества, а измена, по уставу, наказывалась смертью. Следуя своим итальянским братьям, французские карбонари в 1821 г. приняли ряд восстаний в отдельных французских городах, окончившихся неудачно, но не разгромивших движения. Влияние карбонари сказалось и в июльской революции 1830 г. После этого события многие руководители французских карбонари примкнули к новому режиму, и постепенно общество распалось. Вместо него возникло другое общество, известное под именем «Шарбонери (угольная торговля) демократик». Целью новой организации было установление республиканского строя на основах коммунизма Бабефа. Но эта форма карбонаризма просуществовала недолго. Можно считать, что карбонаризм, как движение, был ликвидирован окончательно в 1848 г. Отдельные участники его влились в буржуазно-республиканские ряды или в ряды более революционных партий.

К стр. 421. *Индульгенция* — отпущение грехов, весьма широко практиковавшееся католической церковью после XI века. Для извлечения из карманов верующих денег в личную пользу и «на пользу церкви» римские папы хорошо приспособили учение, основной

тезис которого гласит, что число добрых дел, совершенных Христом, так велико, что его может хватить для искупления всех грехов, совершенных и совершаемых человечеством. Платными посредниками в этом богоугодном деле и выступали папы и их ближайšie слуги. С политической стороны индульгенции в средние века представляли собою полнейший иммунитет на случай совершения любых преступлений. С экономической—они послужили одним из важнейших факторов обогащения католической церкви. Но зато они же и явились одним из главнейших агитационных аргументов для реформистов в их борьбе с католицизмом.

К с т р. 430. *Меттерних* Клеменс-Венцель-Непомук-Лотар—австрийский дипломат, родился в 1773 г., в Кобленце, происходил из знатного рода, дипломатическую карьеру начал в 1794 г. в качестве австрийского посла в Гааге, участвовал в Раштатском конгрессе, затем был австрийским послом в Дрездене и Берлине. После подписания мира в Пресбурге был назначен послом при дворе Наполеона. Когда он представлялся последнему, Наполеон сказал Меттерниху: «Вы слишком молоды, чтобы представлять столь могущественную монархию». Меттерних парировал: «Ваше величество не были старше в Аустерлице». В 1807 г. Меттерних подписал мир в Фонтенебло, весьма выгодный для Австрии. В 1809 г. сменил графа Стадиона на посту министра иностранных дел. В августе 1813 г. содействовал объявлению войны Франции. К этому времени его дипломатические способности, с которыми он соединял необычайную хитрость и исключительно вежливые и изяшные манеры, развернулись во-всю. Он принимал деятельнейшее участие во всех международных интригах и пользовался громадным влиянием во всех европейских делах. В 1815 г. он вторично подписал с Францией мир от имени Австрии и являлся вдохновителем самых реакционных союзов. К этому времени Меттерниха, получившего все новые повышения и отличия в Австрии, уже нельзя рассматривать только как австрийского деятеля. Это один из наиболее выдающихся «жандармов» не только европейского, но и мирового масштаба: его имя становится символом крайней политической реакции, системы «крови и железа». Если Радецкий на военном поприще был ду-

шителем свободы итальянского народа, то Меттерних был в области государственного управления злейшим гением всех народов, находившихся в то время под пятой Австрии. Он стоял во главе полицейского «кальяса», борющегося самыми гнусными средствами против международного революционного движения. Всю свою ненависть к этому движению Меттерних проявил в особенности тогда, когда буря 1848 года донеслась до Австрии. Эта буря, свергнувшая ряд европейских тронов, не коснулась австрийского. Однако правительство пало, к великому гневу Меттерниха, продолжавшего до конца настаивать на сопротивлении. С 1851 по 1859 г. Меттерних уже не занимал никаких официальных должностей, хотя с ним часто еще советовались по важнейшим делам. Он умер, провожаемый всеобщей ненавистью трудящихся и радикальных элементов европейских стран, в 1859 г. В восьмидесятых годах его сыном издана «Автобиография» отца.

К с т р. 437. *Радецкий* Иоганн-Иозеф, граф—австрийский фельдмаршал, родившийся в 1766 г., «злой гений» итальянского освободительного движения. В молодости он участвовал в кампании против турок, а затем не пропускал ни одной войны с Францией. Он особенно отличился в сражениях при Требии, Нови, Ваграме и как начальник штаба Шварценберга в Лейпцигской битве. В 1831 году он был назначен командующим австрийскими силами, расположенными на ломбардо-венецианских территориях, и с тех пор стал злейшим бичом для всех освободительных попыток итальянского народа. Когда население Ломбардии в 1848 г. подняло восстание против австрийского правительства, Радецкому было уже 82 года. Сначала он потерпел неудачу, будучи прогнан со своими войсками из Милана, но затем, сконцентрировав свои силы в Вероне и Мантуе, разбил сардинско-пьемонтскую армию при Кустоце, а 6 августа вновь вступил в Милан. Три дня спустя было подписано перемирие, и сардинский король должен был оставить все свои позиции к востоку от Тичино. По возобновлении военных действий в марте 1849 г. австрийский фельдмаршал меньше чем за две недели переправился через Тичино и почти уничтожил пьемонтскую армию при Новаре. В августе он

принудил к сдаче Венецию. После этого Радецкий был назначен генерал-губернатором ломбардско-венцианских территорий и правил ими поистине «кровью и железом». Он оставил по себе в итальянцах приблизительно такую же мрачную память, какую Муравьев-Вешатель в Польше. Население угнетенных провинций с необычайным облегчением и радостью узнало об его смерти в 1858 г., последовавшей в Милане.

БИБЛИОГРАФИЯ

а) Произведения Феличе Орсини.

F. Orsini.—Memorie politiche dedicate alla gioventù italiana («Политические воспоминания, посвященные итальянской молодежи»), Torino, 1857 (окт.). Вышли в английском переводе:

F. Orsini.—Memoirs and adventures of Orsini, written by himself («Воспоминания и приключения Орсини, написанные им самим»), Edinburgh, 1857 (май). Установлено, что английский текст «Воспоминаний» вышел раньше итальянского.

2-е издание «Воспоминаний» на итальянском языке было выпущено в 1858 г.

Lettere edite ed inedite di Felice Orsini («Изданные и неизданные письма Феличе Орсини»), Torino, 1861.

Austrian Dungeons in Italy, by Orsini («Орсини.—Австрийские тюрьмы в Италии»), 1857.

Orsini F.—La geografia militare della Penisola Italiana («Военная география итальянского полуострова» Ф. Орсини,—место и год издания не обозначены).

б) Книги и статьи о Феличе Орсини.

D a n d r a u t.—Procès Orsini, contenant par entier les débats judiciaires devant la Cour des Assises de

la Seène et la Cour de Cassation, le récit de l'exécution, etc. («Процесс Орсини, содержащий полностью судебные дебаты, описание казни и пр.»), Турин, 1858.

Vita e Memorie di Felice Orsini, precedute dalla storia del attentato del 14 gennaio 1858 e seguite dagli interrogatori e documenti del processo «Жизнь и воспоминания Ф. Орсини, с приложением истории покушения 14 января 1858, протоколов допросов и пр.», Флоренция, 1863—1864.

Luzio.—Felice Orsini. Psaggio biografico («Феличе Орсини. Биографический очерк»), Милан, 1914.

Massei.—L'Italia e la politica di Napoleone III durante e dopo la guerra dell'Indipendenza («Италия и политика Наполеона III во время и после войны за независимость»), Ливорно, 1863.

La Cecilia.—Memorie storico-politiche dal 1820 al 1876 («Историко-политические воспоминания с 1820 по 1876 гг.»), Рим, 1876—1877.

Chiola.—Lettere edite ed inedite di Camillo Savour, («Изданные и неизданные письма Кавура»), Турин, 1883—1887, 6 томов.

Ollivier.—L'empire libéral («Либеральная империя»), Париж, 1905—1909, 16 томов.

Somandini.—Cospirazioni di Romagna e Bologna («Заговоры в Романской и Болонской областях»), Болонья, 1899.

Mazzini.—Scritti editi ed inediti («Изданные и неизданные произведения»). Национальное издание в Имоле и другие издания.

Il Memoriale inedito di un complice di Orsini (A. Gomez).— («Неизданные воспоминания одного из соучастников Орсини.—А. Гомец»),—в туринской газете «Стамна», 24, 27, 30 августа и 13 сентября 1908 г.

Luzio.—Napoleone III e l'Italia nel 1859 («Наполеон III и Италия в 1859 г.»), том II, Милан, 1910.

Paléologue.—Savour («Кавур»), Париж, 1926.

Chisalberti.—Felice Orsini e la Repubblica Romana.—In «Studi e documenti su Goffredo Mameli e la Repubblica Romana», serie I («Феличе Орсини и Римская республика»), Имолла, 1927.

Avetta.—Un capitolo della vitade Felice Orsini.—In «Atti della R. Academia di Torino» («Глава

из жизни Феличе Орсини»).—По «Материалам Королевской академии в Турине», 1927.

Herwegh M.—Au printemps des Dieux.—Correspondance inédite de la comtesse Marie d'Agouet du poète Georges Herwegh («Весна богов».—Неизданная переписка графини Марии д'Агу с поэтом Георгом Гервегом), Париж, 1929.

Herwegh M.—Amour de carbonaro («Любовь карбонари»), Париж, 1931.

Casagrandi.—Felice Orsini nella sua fuga dall'ergastolo di Mantova.—In «Rassegna storica del Risorgimento Italiano» («Феличе Орсини и его побег из Мантуйской крепости») Рим, 1931.

Rinaldo Caddo.—L'attentato di Orsini («Покушение Орсини»), Верона, 1932.

е) Книги и статьи о Феличе Орсини на русском языке:

А. И. Герцен.—Былое и думы, Гиз. (См. по Указателю имен).

Н. Г. Чернышевский в политических обзорах «Современника» за 1858—1859 гг.

Н. П. Сгарев. Посвятил казни Орсини стих. «С того берега», впервые напечатанное в № 14 «Колокола» от 1 мая 1858 г.

ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ. ВОСПОМИНАНИЯ

с приложением впервые публикуемых архивных документов
Москва – Ленинград: ACADEMIA 1934

Приложения (в этом файле):

1. ДОКУМЕНТЫ, ПРИЛОЖЕННЫЕ ОРСИНИ К ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯМ»

2. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕЛУ

О ПОКУШЕНИИ ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ НА НАПОЛЕОНА III в 1858 г.

ВСЕ СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ:

От издательства

Феличе Орсини. Воспоминания. Главы I- XVI

Г.Сандомирский. Покушение 14 января и смерть Орсини

Личность Орсини

«Патриот и кондотьер»

«Карбонарий» в золоченой карете

14 января

Третья встреча

Большая игра маленького наполеонида

Комедия суда

Карьера Фавра

Смерть Орсини и ее отголоски

Комментарии

Библиография

Ссылка для скачивания текста и иллюстрации -
в записи нашего сообщества:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm>

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

ДОКУМЕНТ I

Кардинал Ламбрускини папскому легату в Болонье

Этот циркуляр написан в виде письма легату Ваничелли. Кардинал сообщает легату о том, что он собрал конгрегацию кардиналов, чтобы сделать постановление относительно мер, которые необходимо принять касательно положения дел в Римине. Это послание дает возможность судить о хаосе, готовом возникнуть в государстве. Тема письма чисто политическая, и из него мы можем видеть, что обязанность верховной полиции возложена на государственного секретаря в Риме. Однако представляется несколько странным, что другие циркуляры к различным провинциальным чиновникам исходят из департамента государственного секретаря. Вовсе не упоминается монсеньор-легат по военным делам. Из этого ясно, что передвижения войск всецело предоставлены кардиналу, который занимает пост главы провинции. Отсюда нетрудно себе представить, какие беспорядок и путаница должны возникнуть из такой системы. Я предоставляю судить об этом здравому смыслу моих читателей. Мои слова полностью подтверждаются документами, содержащимися в этой книге и имеющими отношение, главным образом, к политическим и церковным делам Папской области в 1843, 1844 и 1845 годах.

Из этого документа мы можем заключить, что правительство всецело доверяет швейцарским войскам и чентуриони: первые представляют солдат, сражающихся за правительством, которое оплачивает их наиболее щедро; вторые представляют милицию, состоящую из подонков общества, которые служат только ради денег и грабежа.

Высокопреосвященный, преподобный и глубокоуважаемый, вчерашняя почта доставила мне печальное известие, что город Римини попал в руки мятежников. Поэтому я, не теряя времени, созвал конгрегацию кардиналов для обсуждения этого важного вопроса. Все единодушно высказали мнение, что Римини надлежит окружить *швейцарскими* войсками, которые находятся теперь в четырех легатствах, и что там снова надлежит восстановить порядок с помощью военной силы и вернуть город к повиновению святому престолу. Его святейшество изволил дать свое полное одобрение.

Ваше высокопреосвященство по получении сего соблаговолите принять меры совместно с высокопреосвященными *легатами прилегающих провинций*, дабы достаточное количество *швейцарских войск* с артиллерией было отправлено в Римини для выполнения вышеупомянутой задачи. Ваше высокопреосвященство наделяетесь полномочием призвать на действительную службу то число добровольцев, которое признаете соответствующим необходимости, а также прибегнуть к любому другому способу создания военной силы и отдавать все распоряжения, соответствующие важности дела.

Его святейшество уверен, что в этом важном деле ваше высокопреосвященство дадите очевидные доказательства энергии и проницательности, действуя в целях не только предупреждения возобновления подобных событий в других местах, но также подавления их там, где они, в несчастье, имели место.

Ваши испытанные высокие качества духа и ума избавляют меня от необходимости внушать вам, сколь необходимым является тесное единение с прочими легатами для достижения одной единственной цели.

В надежде в скором времени услышать о счастливом результате ваших действий снова посылаю вам уверения

в глубоком моем уважении и, в смиренной целуя вашу руку, остаюсь

вашего высокопреосвященства
всепокорнейший, всепреданнейший, верный слуга
Л. кардинал *Ламбускини*.

Рим, 27 сентября 1845 г.

2423.

Посылаю это письмо с специальным курьером во Флоренцию, дабы ваше высокопреосвященство получили его вернейшим и скорейшим образом. Тем же способом, который представляется единственно возможным, ваше высокопреосвященство, а равно и их высокопреосвященства прочие легаты получают с нынешним курьером послание *секретаря внутренних дел**, в силу которого их высокопреосвященства уполномочиваются временно отрешать, а если нужно, смещать в их легатствах тех политических должностных лиц, — екклячя и губернаторов, — которые не пользуются их доверием, заменяя их другими способными лицами, преданными правительству; сообщаю об этом вашему высокопреосвященству для руководства.

ДОКУМЕНТ II

Монсиньор Капначини, заместитель государственного секретаря, римскому губернатору

Автор письма уведомляет губернатора, что, согласно сведениям, полученным министерством, по всей Италии подготавливается общее восстание и что, хотя правители провинций тоже уведомлены о приближающейся буре — причем им указаны двенадцать личностей, подлежащих надзору полиции, — губернатору предлагается направить все свое внимание на предстоящий кризис. Результатом является двойной шпионаж со стороны полиции и легатов. Документ показывает также, что каждое маленькое итальянское государство обладает различными видами полиции: государственной поли-

* Звание, равносильное министру внутренних дел.

Прим. перев.

цией, полицией, имеющей отношение к другим итальянским государствам, и полицией, сносящейся с Австрией. Каждая действует особо и не зависит от прочих; результаты своего шпионажа они сообщают министрам, в непосредственном ведении которых находятся. Там, где для взаимной пользы правительств желательно сноситься друг с другом о предполагаемых мероприятиях, премьер-министры или государственные секретари сообщают сведения, полученные через их дипломатических представителей.

Один этот факт сделает для читателя понятным, что полицейская система по всей Италии походит на огромную сеть с чрезвычайно мелкими петлями сквозь которые нелегко проскочить.

(Весьма секретно)

Высшая полиция—№ 6226—Рим.

Государственный секретарь.

15 января 1837 г.

С некоторого времени революционная пропаганда в Англии, Франции и Испании проявляет необычайную активность с целью нарушить спокойствие в Италии. Революционеры настойчиво стремятся в первой половине марта поднять одновременно революционное движение в Пьемонте и в королевстве обеих Сицилий, хотя ничего еще не готово; они собираются также предпринять нападение с моря в окрестностях Ливорно. Эта экспедиция должна находиться под руководством революционеров Барселоны, вследствие чего, как кажется, основным ядром их сил должен быть батальон, который собираются набирать, вероятно, в Корсике, так как в настоящий момент бонапартистская партия, еще имеющая некоторое значение на этом острове, объединена с партией республиканской.

До настоящего времени владения святого престола не являются непосредственной целью нападения, однако мы рассчитываем на действие, которое окажут одновременные движения в Сардинском и Сицилийском королевствах, а также десант эмигрантов в Тоскане.

Судя по имеющимся у нас сведениям, специальный комитет, которому поручено ведение всех этих интриг к ущербу для спокойствия Италии, состоит в сношениях с

*Лорети из Фолиньо,
Мальньери из Болоньи,
Сервьери из Римини,
Росси из Форли,
Пиротти,
Чикалини из Мачераты,
Канделари и
Рикотти из Анконы,
Сальватори из Пезаро,
Лопеца из Фано,
Мартиньони и
Джентиле из Рима.*

Между тем как каждый из правителей провинций извещается о подозрительной переписке подведомственного ему округа, римскому губернатору рекомендуется распространять свою бдительность на вышеперечисленных лиц, в особенности же на уроженцев Рима.

За высокопреосвященнейшего государственного секретаря

заместитель Ф. Капаччини.

ДОКУМЕНТ III

Переписка между кардиналом-легатом Болоньи и кардиналом Ламбускини по делу о надзоре за неким уроженцем Рима, Пьетро Галли. Интересна как проявление хитрости и сыского духа кардиналов.

№ 3847—5.

(Весьма секретно)

Его высокопреосвященству и преподобию и т. д.

Было бы невозможно с большим рвением выполнить мои желания относительно Галли, чем то сделано вашим высокопреосвященством в вашей осторожной депеше от сего 15-го числа, за № 566.

Хотя при обыске, произведенном в его доме, вы не нашли ничего, относящегося к политическим делам, все же обыск не совсем бесполезен, поскольку оказалось, что Галли имел у себя запрещенное оружие. Хотя вышеупомянутая мера была принята под предлогом поиска контрабанды, с устранением из нее какой бы

то ни было политической окраски, все же не представляется удобным начать против него процесс по всей форме. С другой стороны, так как он представляет собой весьма дурную личность, уже известную вашему высокопреосвященству, почему его пребывание в этом городе является опасным, я по этой причине, равно как и по причине его преступления, усматриваю достаточные мотивы для его высылки с обязательством для него жить в *Риме*, где его более надежно можно подвергнуть строгому политическому надзору.

В соответствии с моими намерениями является желательным, чтобы Галли был вызван в полицию, где ему должен быть предписан выезд в известный срок, какой будет угодно определить вашему высокопреосвященству, причем ваше высокопреосвященство соблаговолите уведомить меня о таком, дабы *главное* полицейское управление могло быть извещено *об этом своевременно*.

Прошу принять уверения в глубоком моем уважении, с каковым я смиренно целую вашу руку.

Вашего высокопреосвященства
покорнейший, преданный и верный слуга
Л. кардинал *Ламбрускини*.

Рим, 20 июня 1843 г.

№ 40560—5.

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи, его высокопреосвященству и преподобию и т. д.

Ваше высокопреосвященство выказали ваше обычное старание касательно сделанных вам в моем частном послании от 20 июля с. г. за № 38487 сообщений о римском уроженце Пьетро Галли, которому вы предписали отправиться в столицу, куда он в настоящее время прибыл.

Монсеньор губернатор Рима, генеральный директор полиции, которого Галли просил о разрешении вернуться домой, объяснил мне, что, так как торговое дело Галли и его семья находятся в вашем городе, то было бы, пожалуй, лучше для него вернуться туда в настоящее время, когда общественное спокойствие восстановлено; к тому же там он может быть более действительным

образом подвергнут *строгому надзору*, тогда как, с другой стороны, в Риме ему пришлось бы вести праздную жизнь, не имея средств к существованию. Как бы ни были вески приведенные соображения, ввиду того, что в конфиденциальном письме вашего высокопреосвященства от 15 июля с. г. за № 566 он охарактеризован в столь мрачных красках, я был бы весьма рад, если бы ваше высокопреосвященство, взвесив все обстоятельства, высказали мне ваши соображения по этому делу.

Пользуясь случаем выразить уверения и т. д.

Вашего высокопреосвященства

всепокорнейший, преданный и верный слуга

Л. кардинал *Ламбрускини*.

Рим, 16 ноября 1843 г.

Синьору кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ IV

Кардинал Ламбрускини легату Болоньи с советом бдительного и точного надзора над либералами и с сообщением доклада консула в Марсели о направлении, взятом генералом Примом

58595—3—5.

(Весьма секретно)

Его высокопреосвященству, преподобию и т. д.

Высокопреосвященный легат Урбино сообщил мне *подлинное письмо*, которое ваше преосвященство соблаговолили вложить для меня в ваше весьма сдержанное послание от 6-го сего месяца за № 2689. Однако переданное мне вами сообщение задержать некоторые из известий, содержащихся в этой же бумаге, *хотя они и преувеличены*, способствовало ослаблению впечатления; которое оно произвело на меня. 3 января с. г. за № 2609 ваше высокопреосвященство уверили меня в благоприятном настроении *нынешних студентов*, и меня радует, что я слышу теперь подтверждение этого с вашей стороны. Сверх того, *напский консул* в Марсели сообщил мне, что вы предвидели направление на Монпелье, взятое Примом, и существовавшее мнение о его возвращении в Испанию. Можно сказать с уверенностью, что, если это его намерение подтвердится, то злонамеренные лица потеряют деятельного и предприимчивого вожда,

к которому они питают столь большое доверие. Несмотря на это, искусный и пристальный надзор является наилучшей гарантией против этих безумных планов.

Затем, приняв в соображение большие неудобства, согласно вашему утверждению возникающие в связи с доставкой и перевозкой военного снаряжения, я предложил военному ведомству незамедлительно принять вызываемые необходимостью меры и наказать тех, кто окажутся виновными,—выполняя таким образом свой долг в столь важном деле.

ДОКУМЕНТ V

Кардинал Ламбускини легату Болоньи

Рассматривая дело о разрешении адвокату Сильвани возвратиться в Болонью, мы находим, что Сильвани говорит достаточно смиренным языком. Выражения, употребляемые Ламбускини, показывают неохоту пойти на уступки в политических делах. Сильвани около двадцати трех лет находился в изгнании и не принадлежал к тому разряду либералов, которым итальянские правительства охотно дают названия *смутьянов*, *отъявленных революционеров* и т. д. Его идеи были довольно умеренные. Тем не менее, мы видим, какую строгость правительство считало желательной в отношении его. Письмо кардинала Ламбускини представляет систему иезуитизма, редко находившую себе столь ясное выражение, и читатель с интересом прочтет места, которые я подчеркнул, как заслуживающие большого внимания:

32463—4.

Его высокопреосвященству и т. д.

Его святейшество, наш государь, которому я доложил мудрый совет, данный вашим высокопреосвященством в послании от 27 июня с. г. за № 215, касательно просьбы вдовы Сильвани разрешить ее сыну Антонию, адвокату, возвратиться на короткое время в город, в своем высоком милосердии соизволил удовлетворить просьбу, принимая во внимание более чем восьмидесятилетний возраст просительницы.

Однако пребывание Сильвани в Болонье ограничено только двумя месяцами, по истечении которых вышезванный обязан безотлагательно возвратиться за границу, равно как *во время пребывания в вашем городе* он подлежит строгому надзору полиции; ваше высокопреосвященство соблаговолите возложить на политическое управление ответственность за соблюдение прилагаемых при сем условий.

Что касается предписания, чтобы Сильвани безотлучно оставался в своем загородном доме, на что ваше высокопреосвященство изволили указать, то я позволю себе заметить, что в таком случае надзор за ним едва ли можно будет выполнять столь же хорошо, как в городе, и, помимо этого, мне кажется, что милость не будет вполне соответствовать цели, имевшейся в виду при даровании ему разрешения, а именно—утешить его престарелую мать, от которой в таком случае Сильвани пришлось бы жить отдельно в своем доме, так как она не может, не подвергая себя значительной опасности, переехать в означенный дом, чтобы насладиться обществом своего сына. Однако в этом деле я всецело полагаюсь на великую мудрость вашего высокопреосвященства, которая подскажет вам выбор пути, наиболее соответствующего обстоятельствам.

Имею честь снова уверить вас и т. д.

Всепокорнейший и т. д.

Л. кардинал Ламбускини.

Рим, 2 июля 1842 г.

ДОКУМЕНТ VI

В бумаге, относящейся к судебному процессу некоего Микеле Аккурси, были найдены инструкции государственного секретаря, кардинала Бернетти (1831 г.) касательно ареста Аккурси, а также других лиц. Эти документы представляют значительный интерес и ясно показывают твердое намерение правительства вымышлять политические преступления там, где их в действительности не было. В прилагаемых ниже инструкциях мы обращаем внимание читателя на слова, набранные курсивом:

Микеле Аккурси

(а) Распорядиться насчет конфискации всех бумаг какого бы то ни было характера.

Н. Франческини, приказчик книгопродавца Скаламбрини.

(б) *Хотя бы ничего не нашлось в книжной лавке, все же распорядиться изъятием нескольких книг — как якобы запрещенных.*

Юдифь Нелли, вдова, художница.

Арест и личный обыск, а также обыск на дому (а).

Арест и личный обыск, а также обыск на дому; равным образом обыск в книжной лавке его хозяина против Палаццо Торлониа (б).

Обыск на дому. В случае если ничего не будет найдено, она должна быть подвергнута немедленному допросу в собственном ее доме по следующим пунктам:

Ведет ли она переписку в Папской области или за пределами ее и с кем?

Имеет ли она обыкновение получать направленные ей письма для передачи другим лицам и, в случае — да, каким именно и по какой причине?

Имеет ли она каких-либо родственников или знакомых в Перуджии и Сполето и кого именно?

Имеет ли она обыкновение ходить на почту или посылать за своими письмами, или же письма присылаются к ней на дом с надлежащим адресом?

Знает ли она адвоката Джузеппе Кометти; имела ли она в отдаленном или близком прошлом или ожидает ли она направленные ему письма для передачи другим лицам и кому именно?

Искусство судебного следователя выполнит остальное сообразно требованию обстоятельств. Если ничего важного не будет обнаружено, ее можно обязать явиться лично. В противном случае она подлежит аресту и препровождению в замок.

Пьетро Стербини

Отдан приказ об его аресте, где бы он ни был найден. Независимо от этого, обыск в его доме в Риме.

Адвокат Кометти из Луго

Отдан приказ об его аресте, где бы он ни был найден. Такой же обыск в его доме в Риме.

ДОКУМЕНТ VII

Директор полиции кавалер Курци кардиналу Спинола, легату Болоньи, с сообщением результатов надзора за неким Лукарелли, прибывшим из Болоньи его высокопреосвященству и преподобию кардиналу Спинола, легату Болоньи

№ 30.

Болонья, 10 марта 1843 г.

Ваше высокопреосвященство и т. д., с 15 января с. г. инженер Лукарелли, прибывший из

Светлейшему и преподобному монсеньору Саккони, посеренному в делах святого престола, во Флоренции.

Болонья, 11 октября 1845 г.

Губбио и Пезаро, проживал в Болонье, имея разрешение властей организовать лотереи. Нижеподписавшийся, директор полиции, не замедлил подвергнуть его надзору с целью удостовериться в его поведении во время его пребывания в Болонье, и от лица, пользующегося доверием вышеназванного Лукарелли, он получил сведения, что последнего видели в обществе подозрительных лиц, политически скомпрометированных, некоторым из которых Лукарелли высказывал либеральные взгляды. После того как бдительность по отношению к нему была удвоена, я получаю ныне сообщение, что по причине умения гладко говорить, проявляемого вышеназванным Лукарелли, в среде либеральной партии на него смотрят, как на шпиона и доверенное лицо правительства, вследствие чего он упал во мнениях названной партии. Не располагая сведениями о том, действительно ли вышеозначенный Лукарелли имеет какое-либо секретное поручение от высшего правительства, нижеподписавшийся считает своим долгом не ослабить надлежащего за ним надзора и покорнейше просит ваше высокопреосвященство иметь в виду, что в течение двух месяцев своего пребывания в Болонье Лукарелли имел достаточно времени для выполнения касающегося лотереи поручения, если таковое, действительно, было возложено на него.

Дж. кав. Курци, директор полиции.

ДОКУМЕНТ VIII

Кардинал Ваничелли, легат Болоньи, монсеньору Сиккони, во Флоренции, и губернатору Кастильоне

Этот документ говорит о надзоре, установленном за неким г. Кокканом, профессором минералогии, который занимался исследованием горных областей Порретты. Этот документ доказывает мое утверждение, что *никакой итальянец или иностранец не свободен от строгого надзора полиции с той минуты, когда он является в какой-либо итальянский город.*

До моего сведения дошло, что некий г. Коккан, профессор минералогии и геологии королевского университета в Аахене, в сопровождении некоего Асканио Нанни из Прато, несколько дней тому назад находился в здешних горах Порретты, в губернаторстве Кастильоне, побуждаемый, согласно его словам, желанием искать залежей ценных камней и раковин. Лица, достойные доверия, уверяют меня, что в течение короткого времени, когда вышеназванный профессор был занят в упомянутой поездке, он высказывал лицам, с которыми он в разных местах знакомился, обширные сведения во всех отраслях науки, причем его беседам был свойствен несколько шарлатанский характер. Что бы он ни видел, все служило для него темой для дурных отзывов о папском правительстве, даже когда он вступал в политический разговор и объявлял преждевременными попытки мятежников освободить Италию, а также объяснял, когда и как это будет доказано в будущем.

Он не проявлял никакого стеснения в беседах о религиозных делах, о большей или меньшей власти епископов и о погрешимости папы.

Письмо заканчивается просьбой, обращенной к монсеньору Саккони, папскому министру во Флоренции, навести справки о том, кто таков в действительности этот минералог и каково его прошлое. К письму приложено другое письмо, написанное кардиналом Ваничелли губернатору Кастильоне на ту же тему, в каком-то письме мы находим следующие строки:

«Я весьма желал бы знать о поездке, совершенной этим субъектом (soggetto), о том, какой он имеет паспорт и каковы его средства; с кем он всего более разговаривал и какие именно вел разговоры, когда не касался научных тем, ибо я имею весьма основательные подозрения, что он дурно отзывался о папском правительстве и сеял в этих горах гибельные учения и ложные принципы».

ДОКУМЕНТ IX

Кардинал Ламбускини кардиналу-легату Болоньи.

Этот документ выявляет один важный факт, а именно: когда римское правительство выдает паспорт, на нем ставятся известные *условные знаки*, отмечающие, что его владелец возбуждает или не возбуждает подозрения.

41424—5.

Высокопреосвященный, преподобный и почитаемый, я нахожу весьма соответствующей обстоятельствам мудрость, проявленную вашим высокопреосвященством в соображениях, содержащихся в вашем частном письме от 21-го числа прошлого месяца за № 1210, касательно просьбы римского уроженца, Пьетро Галли, о возвращении в ваш город. Из вашего письма я усматриваю, что ваше высокопреосвященство не имеет возражений против удовлетворения его просьбы на заранее определенный срок; я разрешил выдать ему паспорт с *отметкой, указывающей на весьма подозрительную личность*, чтобы он мог возвратиться в ваш город и остаться там с разрешения вашего высокопреосвященства.

По этому поводу имею честь и проч.

Всепокорнейший и т. д.

Л. кардинал *Ламбускини*.

Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ X

Среди полицейских документов были открыты две таблицы, или формы, относящиеся к последним шести месяцам 1847 года, снабженные условными знаками, упомянутыми в предшествующем письме. Я привожу их здесь, ибо они не только служат подтверждением существования системы, упоминаемой кардиналом, но являются также доказательством, что дух поповской полиции после дарованной Пием IX амнистии и даже во время хваленных реформ продолжал оставаться тем же, какой вдохновлял правительство его предшественников:

Таблица условных знаков на три месяца — июль, август и сентябрь 1847 г.

Свободен от подозрений	Позорителен	Амнистирован
17 июня 1847 г.	17 июня 1847 г.	17 июня 1847 г.
Ничего.	Первая цифра числа месяца поставлена выше.	Выше поставлена вторая цифра в обозначении годов.

NB. Предыдущее подтверждается.

Таблица условных знаков на три месяца — октябрь, ноябрь и декабрь

Свободен от подозрений	Позорителен	В высшей степени подозрителен
2 окт. 1847.	2 окт. 1847.,	2 окт. 1847:
Одна точка после обозначения годов.	Две маленькие запятые после обозначения годов.	Двоеточие после обозначения годов.

Предшествующая NB подтверждается.

ДОКУМЕНТ XI

Кавалер Пизони, папский консул в Генуе, кардиналу-легату Болоньи

Документ сообщает адресату мельчайшие подробности действий некоторых *подозрительных* личностей.

(Весьма секретно)

ПАПСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ
КОНСУЛЬСТВО
В ГЕРЦОГСТВЕ ГЕНУЕ.
№ 247.

Его высокопреосвященству и т. д.

Некий Пьетро Сандер из Анконы, по профессии официант, лично явился 27 сентября с. г. в папское консульство в Марсели с просьбой о получении визы на Геную и Рим, каковую консул, однако, отказался ему дать; между тем в последней визе его паспорта, поставленной в канцелярии нунция в Париже, я усматриваю *пометку о подозрительности*, а также то, что консул ограничил визу только Генуей и дал мне предостережение в смысле действий, которые я мог бы признать необходимыми для продолжения следования Сандера в Рим. Прибыв 28 сентября с. г., последний немедленно явился ко мне с просьбой разрешить ему ехать в Рим сухим путем. Его взгляды мне известны; однако я отказал ему и разрешил визу для путешествия морем на пароходе «Тосканец», который 4-го числа сего месяца отплыл отсюда в Чивитавеккию. Я уведомил обо всем не только *апостолическую делегацию в Чивитавеккию*, но также монсиньора губернатора Рима, причем просил их принять *предосторожности* и иметь *наблюдение*, какие они признают необходимыми. Я также сообщил им, что я уверен, что Сандер действует в качестве посланного наших эмигрантов. Я уверен также, что если, как представляется достаточно правдоподобным, на него возложено было некое поручение в Романье, таковое кончилось неудачей, что находится в точном соответствии с тем, что ваше высокопреосвященство поручили мне в частной дельше за № 907 прошлого месяца, на каковую мною

был дан вам ответ. Субъект, о котором идет речь, имел при себе паспорт, выданный государственным секретарем с датой 10 марта 1837 г., и он утверждает, что едет в Рим для свидания с своею матерью.

Впоследствии я сообщу вашему высокопреосвященству, имеются ли на каком-либо из *пароходов, заходящих* в средиземноморские порты, подданные папы, служащие в качестве официантов. Из изложенного выше может показаться, что они в состоянии служить посредниками между нашими подданными, проживающими в Папской области, и эмигрантами за границей, и именно по этой причине я буду держать под надзором таких официантов.

Как меня уверяют, Корсика является, повидимому, целью эмигрантов, и некоторые из них уже отправились из Марсели. Сообщая о двух этих делах вашему правительству, я пользуюсь случаем и т. д.

Ваш покорнейший и т. д.

генеральный консул

кавалер *Пизони*.

ДОКУМЕНТ XII

Система шпионажа

Пока существуют правительства, которые, вместо того чтобы быть правителями народа, под предлогом права божиею милостью, считают себя его господами; пока основой их власти является не удовлетворение истинных духовных и физических потребностей народа и равное и справедливое распределение человеческих прав; пока общество разбито на классы, интересы которых диаметрально противоположны друг другу, — мы всегда должны быть готовы к тому, чтобы стать свидетелями явной или тайной борьбы против сильнейшего. Отсюда происходит то, что вооруженный деспотизм используется более сильным против более слабого, и он повсюду щедро сеет подозрение. Таким образом, семьи, друзья, граждане одного и того же города становятся завистливыми и подозрительными в отношении друг к другу и часто кончают тем, что вооружаются для взаимного истребления.

Система шпионажа является разительным доказательством слабости и развращенности правительства, и она одинаково применялась как древними, так и новыми деспотиями; но никогда она не применялась в такой сильной степени, как в нашу эпоху хваленого прогресса. На европейском континенте не существует государства, в котором к ней не прибегали бы в самых ужасающих формах, доказывая, таким образом, моральную слабость европейских правительств.

Если такие империи, как Австрия, Россия и Франция, если континентальные монархии пользуются, наряду с армиями, шпионажем в качестве второго средства управления, то неудивительно, что он в качестве одного из изящных искусств является предметом изучения папского правительства, внушающего отвращение своим собственным подданным; правительства, которому развращенность и несправедливость свойственны, пожалуй, в большей степени, чем последним судам эпохи поздней римской империи; правительства, у которого непотизм⁴⁷ является правилом, а не исключением, симония представляет составную часть системы, а государство унижено интригами кардиналов и духовных лиц. Находящиеся в наших руках документы полностью раскрывают римскую систему шпионажа. Когда шпионами являются итальянцы, да падет на их головы позор! Но разве в каждой нации не отыщется *низкий, недостойный человек, готовый продать гений, дружбу, все святое тому, кто заплатит наибольшую цену?* Я с гордостью могу сказать, что, вглядываясь беспристрастным, испытующим взором в итальянское общество, мы находим в нем меньше шпионов, чем среди некоторых континентальных наций. Доказательством служит то, что Италия является единственной страной Европы, где заговоры против тирании составляются и созревают, несмотря на суровость правительства и крупные награды, предлагаемые всякому, кто откроет такой заговор; несмотря также на австрийский закон, который наказывает пятью годами каторги всякого, кто, узнав о заговоре, не донесет властям.

Рассмотрев публикуемые ниже документы, мы не найдем ничего унижающего национальный и мораль-

ный характер итальянцев; позор должен пасть всецело на папское правительство, которое всегда старается развратить народ, на свое несчастье подчиненный его ненавистной власти.

Перехожу теперь к некоторым документам.

Документ а

Камеринская полиция, обращаясь к монсиньору Маттеи, архиепископу этого города, просит его держать под строгим надзором шестьдесят девять лиц, список которых прилагается в письме. Однако среди наших документов списка не имеется.

В нижеследующем письме мы увидим, что надзор за шестьдесятю девятью лицами поручается папским обязанностям архиепископа. Однако что иное могут означать эти слова «папские обязанности», как не «исповедь, посредством которой католическому духовенству удается проникнуть в самое сердце семей и, таким образом, узнать все их тайны»? Впрочем, это достаточно известно, чтобы надо было распространяться на этот счет. Я приведу документ, доказывающий, что исповедь является одним из средств, используемых полицией; его можно найти в «Истории новейших событий Италии», соч. Ф. А. Гальтерно, где под обозначением «документ XII» имеется письмо кардинала Кастильони, епископа Чезены, впоследствии папы Пия VIII, адресованное кардиналу Сан-Северино, легату Форли, в каком письме он говорит: «Все эти известия я могу сообщить вашему высокопреосвященству для руководства, но должен предупредить, что знаю их не *посредством исповеди и не посредством простого сообщения*. Я не могу открыть способ их сообщения, не вызвав трагических последствий».

Последняя фраза дает основание предполагать, что шпионаж обычно производится посредством исповеди, причем зачастую друг друга обвиняют родственники, равно как и самые близкие друзья. Это доказывает, что способы, употребляемые для обнаружения взаимных тайн, были доведены духовенством до высшей степени безнравственности и испорченности.

Таково положение дела. Однако будет весьма полезно, если ваше высокопреосвященство сообщите мне какой-либо отчет о результатах установленного за ним надзора, каковой должен быть выполняем одновременно с соблюдением тайны и осторожности, дабы не обескуражить его в его предприятии, предполагая, что он действительно окажется столь искренним, как обещает, и не подвергнуть риску его личную безопасность со стороны мятежных лиц. Считаю излишним упоминать вашему высокопреосвященству на необходимость усвоения вами этих качеств, как должностных всецело руководить вами в данном деле, что не преминет достигнуть ваша хорошо известная ловкость и проницательность.

При сем имею честь повторить и т. д.

Вашего высокопреосвященства и т. д.

Л. кардинал Ламбрускини.

Рим, 18 марта 1843 г.

Документ г

Государственный секретарь кардиналу-легату Болоньи по поводу шпиона Лукарелли

(Весьма секретно)

Ваше высокопреосвященство и т. д., я должен благодарить вас за сообщения, которые вы благоволили прислать мне в вашем весьма конфиденциальном письме от 24-го числа последнего месяца касательно лица, о котором я говорил. Сведения, исходящие от вашей мудрости, значительно просветили меня; тем не менее мне было бы чрезвычайно приятно, если бы вы продолжали вести то же наблюдение над лицом, о котором я упоминал в моем послании 18 марта с. г. в связи с тем же предметом. Это будет еще более кстати в момент, когда, как мне сообщают, — правда, не из вполне надежного источника, — среди смутьянов происходит некоторое волнение.

Тем временем имею честь и т. д.

За его высокопреосвященство кардинала
государственного секретаря
ваш покорнейший и т. д.

Виченте Сантуччи,

заместитель.

Кардиналу-легату Болоньи.

№ 475.

(Весьма секретно)

Его высокопреосвященству, кардиналу Ламбрускини Рим.

Ваше высокопреосвященство, могу уверить ваше высокопреосвященство, что я держу под своим наблюдением личность, которую вы благоволили указать мне в вашем уважаемом письме от 18 марта (весьма секретно). Лицо, о котором в нем идет речь, еще находится в Болонье и кочует по провинции под вымышленными предлогами. Это лицо вошло со мною в некоторого рода контакт и проявляет известное рвение, сообщая мне сведения, имеющие ничтожное значение. Совершенно так же это лицо добровольно действует по отношению к директору полиции. Таким путем он прикрывает и оправдывает свое поведение, посещая самых подозрительных лиц из общества и ведя общие разговоры, преследующие вредную тенденцию, как мне сообщают другие агенты.

Таким образом, я выполняю свой долг, информируя ваше высокопреосвященство и выполняя поручение, возложенное на меня вашим высокопреосвященством в упомянутом выше послании. Тем временем имею честь быть

кардинал-легат Болоньи

Уго Спинола.

На обороте: 475.

Документ д

Тайный агент Лукарелли губернатору Рима

Письмо говорит о том, что автор его не может долее оставаться в легатствах, так как он известен населению в качестве шпиона. Это письмо очень интересно. Автор называет романьольцев «канальями», не делая между ними никакого различия, ибо они настроены против папы и его правительства. Из его утверждений мы можем видеть, как глубоко укоренилась в этих провинциях ненависть против папского господства. Затем автор выражает несколько мыслей относительно способов искоренения этого зла и при этом выказывает себя

человеком, способным на любую низость ради удовлетворения своей мести и грубых наклонностей. Письмо знакомит нас также с теми личностями, которые проявляли наибольшее рвение в преследовании патриотов во время политических волнений 1843, 1844 и 1845 годов, среди которых мы встречаем имя жандармского полковника Каванни, ныне состоящего на действительной службе в сардинской полиции. Странно видеть, что либеральное правительство Пьемонта пользуется людьми, служившими при системе террора и инквизиции, против которой маркиз Массимо д'Ацельо так красноречиво говорил в своем сочинении, посвященном новейшим событиям в Папской области. Однако в нынешнее время мы часто бываем свидетелями таких странных противоречий! Возвращаясь к нашей теме, мы находим разоблачения, которые полностью опровергают пресловутую мягкость тосканского правительства. Шпион Лукарелли все время жалуется на мягкость приемов папского правительства, и из его признаний мы заключаем, что эта система представляет соединение безнравственности и беспорядка.

Высшая полиция, Рим—36290.

Выше высокопреподобное превосходительство, для меня было подлинным утешением получить возможность поцеловать руку вашего превосходительства и услышать столь ободряющие слова. А равно более чем когда-либо питаю в себе благоговейную любовь к моему государю. В течение двадцати двух лет, когда глубокая тайна скрывала меня от взоров дурных людей, я был в состоянии оказать чрезвычайно важные услуги правительству, но когда пустые, завистливые и лицемерные люди начали громко говорить о моих делах и предавать гласности мое рвение, они указали на меня мятежникам, как на жертву, заслуживающую смерти. Я перестал быть полезен и был принужден покинуть легатства. Ныне я нахожусь в Риме не для того, чтобы, подобно всем другим, просить награды, но для того, чтобы вести спокойную жизнь, чтобы извлечь некоторую пользу из размышлений среди книг, которые в свое время принесли столь прекрасные результаты папскому правительству, и таким образом доставить себе возможность воспитывать моих сыновей. Так

как я всем пожертвовал для моего государя, даже подвергал опасности мою жизнь, я не премину во всеулышливые обратиться к покровительству всех лиц, являющихся его представителями, и в особенности к покровительству вашего превосходительства, притом не к покровительству, ограничивающемуся одними словами, но к такому, которое позволит мне снова с честью вернуться в общество, и мое желание заключается в том, чтобы вы помогли мне достигнуть этой цели. Затем прочтите несколько строк, которые откроют вам глаза на состояние Романьи, и я уповаю на небо, что ваше превосходительство с присущим вам гением и энергией снова вернет этот некогда христианский народ к верности нашему государю.

Когда ваше превосходительство несколько лет тому назад находилось в легатствах, вы должны были заметить, что уже тогда началась моральная дезорганизация. Однако тогда еще не было общей смуты, которую мы наблюдаем в настоящее время. Нынешнее поколение, народившееся лет тридцать тому назад, можно считать погибшим; его гордыня должна быть укрощена, чтобы оно лишилось возможности творить худшее зло и со временем думать о воспитании будущего поколения. Нынешние романьольцы—это «каналы», которые носят цвета папы или либералов в зависимости от выгоды, какую они могут извлечь из этого, так что зло заключается не только в махинациях либералов, но в самой массе, которая до того насквозь деморализована, что,—будь то духовное лицо или светское, богач или бедняк, мужчина или женщина,—в ней нет ничего человеческого, кроме внешнего облика. Все богохульство против Иисуса Христа, святой девы и святейшего папы, прилагая к ним самые низкие эпитеты, и кажется, что они испытывают вечное утешение, попирая ногами эти священные имена. Духовенство неопишимо испорчено и даже не пытается исправиться. Я часто слышал, как духовные лица хвастались самыми отвратительными деяниями, высказывали самые кощунственные, еретические взгляды и самым ужасным образом говорили о политике; они укрывали мятежников, так же как укрывали деревенских приходских священников во время первых беспорядков в Болонье в 1843 году. Мне

Хорошо известно, каким позором отмечены имена некоторых духовных лиц, значащиеся в политических процессах, и если люди, которым вверено духовное воспитание народа, являют ему собою столь порочные примеры, то удивительно ли, что народ становится неверующим, заносчивым и склонным к грубому насилию? К распущенности духовинства присоединяется бич чиновничества, в большей своей части невежественного, вероломного и ненасытно алчного. Среди романьольцев я не видел ни одного, кто был бы доволен своим достатком, кто благословлял бы правящего государя, кто гордился бы тем, что служит своему государю, следуя честным и бескорыстным принципам. Преуспев в каком-либо удачном деле, эти люди тотчас же требуют награды. Получив ее, они не удовлетворяются и все время жалуются, ибо убеждены, что им заплатили недостаточно. За деньги продается все, что угодно; бедные кардиналы-легаты остаются слепы к продажности суда, несоблюдению законов, частной мести и всяческим ухищрениям. Этим несчастных должностных лиц, подлинную опору правительства, происходящих из других провинций, обвиняют в чрезмерном рвении, неосторожности и мнительности; их презирают, дискредитируют, лишают всякой надежды на повышение. Гнусные факты сорок третьего и сорок пятого годов доказывают это. Когда в сорок третьем году наш проникнутый наилучшими намерениями Курци на основании самой подробной информации, доставленной ему прежде всего мною, что можно видеть из процесса, — получив затем самолично многие подробности, молил его высокопреосвященство Спинолу разрешить ему арестовать Замбеккари с его ребятами и помешать их мятежу, толпа лицемеров приобрела такое влияние на этого достойного кардинала, что он со всем своим авторитетом заявил Курци: «Если вы посадите их в тюрьму, я освобожу их. Вам рассказывают басни. Нам хорошо известно, что всюду царит спокойствие!» Когда в июле или августе 1845 г. Кавана отправился в Фузиньяно арестовать садовника Кальканьини, он в энергичных выражениях письменно просил разрешить ему арестовать Бельтрами с его товарищами. Тогда Спалацци сказал мне: «Капитан — фанатик, сам не знающий, что он делает; он пытается

втеряться в милость к правительству; все спокойно, а ему только и мерещатся революции, вследствие чего мы приказали ему вернуться на свой пост». Кардинал Уголини был так уверен в невинности Бельтрами, что, когда последний явился к Феоли, он пригласил его к своему столу; это было всего лишь за несколько дней до начала восстания. И Феоли знал, в какой лодке плыл Бельтрами, ибо об этом ему сообщил Гиджи из Равенны; кроме того, Феоли имел наглость сказать это самому Бельтрами. Чего только я ни говорил, чтобы убедить Спалацци отделаться от некоего портного, Антонио Самби из Равенны, по приказанию Маццини посланного из Парижа обратно в Италию, и снова привлечь людей к причастию, как он поручил мне сделать. Спалацци же удовлетворялся тем, что сделал ему простое предостережение, ибо он имел рекомендацию от своего брата. Когда бедняги Фредди, Бедини, Цамбеллини просили, умоляли его воспрепятствовать восстанию в Римини, они сообщали самые подробные детали о махинациях либералов кардиналу-легату, который должен был бы быть с высокопреосвященным Джицци; однако мерзавец Ламбертини убедил его в бесполезности предупреждения такого скандала. Если, называя Ламбертини мерзавцем, я заслуживаю имени клеветника, то на этот счет ваше высокопреосвященство можете в самом конфиденциальном письме запросить мнение его высокопреосвященства Ваничелли, епископа Цамбы, губернаторов Массиоли, Агабити, Машелли и судьи Пизелли. Его надувательство и плутовство известны всем и каждому в Форли; все знают, что за деньги он не задумается продать ключи Св. Петра самому чорту. Я уведомил его, что в его провинции происходили коммунистические митинги, в особенности у хируга Доменико Амадори, который слышал от некоего содержателя гостиницы, по имени Бенданди, что был убит некий человек, отказавшийся совершить кражу в доказательство своей искренности, перед тем как дать установленную в обществе клятву. Он не обратил внимания на мое сообщение, словно я ничего и не говорил. Как часто говорил я ему о Черути, саперном инженере, с целью добиться его увольнения из его части, как хорошо известного сектанта, об Эмилио Цоли и многих других,

но он не желал меня понять. Будучи способен только вредить, он даже передал Чиро Санти о враждебных ему намерениях Пизелли. Бедняга Равайоли был убит, а он (быть может, из страха) не дал себе труда обнаружить виновников злодеяния, как будто бы его и не совершали. В настоящее время возмутительно видеть на своем посту этого зачинщика подлостей, который находится в такой тревоге, что его провожают домой и на службу полицейские агенты. Что могу я сказать также о скандальных делах равеннской комиссии, свидетелем которых я являюсь сам? Я хорошо знаю, как старался бедный Фредди поддерживать согласие среди судей, которые из гордости, зависти или беспечности каждодневно ссорились между собою подобно уличной сволочи, делая себя смешными в глазах всех; они сами не знали, что говорили или делали. Вот каким путем правительство теряет свой моральный авторитет, вот почему бандиты становятся столь смелы, вот почему люди благонамеренные отвергнуты, презрены и унижены, вот почему они иногда падают жертвами самых гнусных преследований. И действительно, разве не предпринимались всевозможные попытки вытеснить Курци с занимаемого им поста? Не будучи в состоянии обвинить его в плутовстве, они старались выставить его в смешном виде, называя его придворным, никчемным человеком. С целью погубить Фредди, они, будучи не в состоянии подвергнуть его обвинению ввиду его преданности, рвения, бескорыстия, свергнувших его в нужду, ибо он все свои средства потратил на шпионство или дела милосердия, обвинили его в расточительности, и его любовь к другу навлекла на него презрение. Несчастный Бови, который не позволил бы дурным людям ввести себя в обман, ибо он вел порученный ему процесс в величайшей тайне, заболел и погиб, не без ущерба для доброй славы правительства. Вам необходимо убедиться в том, что романьольцы, к какой бы партии они ни принадлежали, хотят, чтобы их оставили в покое, и для человека из другой провинции бывает опасно вмешиваться в их дела. Они хотят оставаться совершенно независимыми и желают вычеркнуть из своего лексикона слова «закон», «религия», «папа». А так как они хотят отделаться от ига церкви, они выдумывают самые нелепые

истории о папском управлении. К великому сожалению, приходится видеть, что они часто успевают в своем намерении, так как они одни способны возбудить такое преубеждение против нашего владыки: назвать имя папы в Тоскане, Ломбардии или Пьемонте—это тоже самое, что упомянуть смешное, если не презренное, имя. Не следует ли принять меры для прекращения всего этого? Не следовало ли бы с целью добиться излечения помешать этим нечестивым людям распространять свои развращающие учения, внедрять эти адские учения в умы нашей бедной молодежи? Великий герцог Тосканы, понявший, что эта чума проникла в его государство, увидевший эту отдаленную грозную тучу, отказался от своей системы мягкости и выслал из своего государства всех иностранцев, заброшенных туда политической бурей; тех из своих собственных подданных, которые были замешаны в политические дела, он приказал подвергнуть строгому тюремному заключению, где их уделом были хлеб, вода и палочные удары, сообразно проявленному ими рвению; при этом герцог не стал докучать себе ведением против них регулярных процессов. Когда их освобождают, то уже из одного стыда они не говорят о прошлом и боятся вступить в сношения с своими прежними товарищами. Против опасных болезней должно применять сильно действующие лекарства, ибо чрезмерная мягкость принимается за слабость и увеличивает силу зла. Легатства колоссально богаты, они могут выдержать расходы, необходимые для того, чтобы держать их в подчинении. Однако, хотя земля столь богата, эти суммы истощают страну, ибо деньги, обращающиеся среди народа, в значительной степени облегчили бы их жалкие условия существования. Поэтому необходимо взять на жалование могущественную иностранную силу, которая будет держать их в порядке. Пусть она будет послана для охраны правительственных чиновников и политических партий испытанной честности и призванной энергии. Пусть распределят священников и благочестивых монахов, которые снова будут проповедывать евангелие, и пусть они всецело посвятят себя воспитанию юношества, и там, где они будут считать себя в праве, пусть даже берут их из рук их родителей. Надлежит предпринять за счет

крупных округов большие постройки с дорогами и каналами, которые дадут занятие народу. Внимание последнего надо также привлекать увеселениями, преимущественно по праздникам, являющимся наиболее опасными в смысле всяких махинаций; а тех, которые хулят бога, деву и папу, невзирая на их возраст или пол, надлежит заключать в тюрьму, держать на хлебе и воде, подвергая их палочным ударам, притом всегда политическим способом, в строжайшей тайне. Этих людей надо рассматривать, как колонию варваров, нуждающуюся в новой школе цивилизации. Три или четыре года железной власти на манер австрийской системы навсегда избавят их даже от возможности думать о политических интригах.

Ваше превосходительство, простите мне это выражение моего рвения в том, что касается моего образа мыслей относительно правительства, для которого я охотно подверг опасности всю мою юность, почтите меня вашими приказаниями и вашим покровительством и позвольте мне поцеловать вашу святую руку. Сособою преданностью и смиреннем остаюсь вашего преподобного превосходительства

покорнейший и т. д.

Джузеппе Лукарелли,
инженер.

Документ е

Лукарелли римскому губернатору

Нижеследующее письмо представляет прекрасный урок для тех, кого соблазняет мысль сделаться шпионом. Те, кому служат эти шпионы, стараются извлечь из них возможно больше, и пока в них ощущается нужда, хозяева хорошо обращаются с ними, хорошо оплачивают их, но в действительности от души их презирают. Есть известные вещи, которые люди считают гнусностью, и ни время, ни место не могут снять испытываемое к ним презрение. Таковы шпионы, таковы их подстрекатели и хозяева. Правительства широко пользуются их услугами в моменты крайней политической нужды, они соблазняют и поощряют их всякого рода аргументами, но как только их цель достигнута, они без всяких

улыбаний совести предоставляют их всеобщему презрению.

Я буду считать себя достаточно вознагражденным за все хлопоты, которых мне стоило собрание этих документов, и за опасности, которым я, может быть, подвергаю себя, предавая гласности тайные язвы деспотических правительств и гнусное поведение отдельных личностей, если эти письма послужат к тому, что оберегут от преступления хотя бы одного человека, который оказался бы склонен к занятию отвратительным ремеслом шпиона.

У нас имеется много других собственноручных писем Лукарелли, однако мы не печатаем их, так как они представляют вообще интерес только для итальянцев.

Ваше превосходительство, вчера утром я горел желанием встретиться с вашим превосходительством и услышать от вас слова утешения по поводу множества моих огорчений, но внезапно я был охвачен таким вихрем страстей, что оказался не в состоянии вести какой бы то ни было разговор. Мне лишь хотелось уйти прочь с ваших глаз, ибо я чувствовал приближение смерти. У вашего превосходительства доброе сердце, и, если бы вы могли читать в моем и к тому же могли познать мое несчастное положение и страшную картину моего будущего, открывающуюся моим глазам, вы, может быть, взглянули бы на меня с состраданием.

Монсеньор, считайте меня не шпионом, но несчастным человеком, которого фанатическое рвение привело к гибели, тогда как я считал себя достойным алтаря славы. Все, что я сделал для правительства, выполнялось мною только в силу моей честности. Это является причиной того, что я никогда не просил и не принимал ни гроша в качестве награды. Все, что мне нужно, я зарабатывал моей профессией инженера и научными занятиями. Я всегда не жалея тратил деньги на путешествия, на приобретение достойных доверия агентов,—словом, на все, что я считал могущим принести пользу святому делу, которое я отстаивал. Фанатическая преданность этому делу принудила меня отказаться даже от удовольствия жить с моим отцом, женой и в высшей степени дос-

Кардинал Ламбускини кардиналу-легату Болоньи

Кардинал признает, что на доклады тайных агентов можно полагаться весьма мало, но тем не менее, как ясно видно из этой коллекции документов, он сохраняет этих агентов и поддерживает их авторитет обширной системой тайного шпионажа.

(Весьма важно)

52801—5.

Ваше высокопревосходительство и т. д., из докладов, полученных мною от высшей полиции, можно видеть, что либеральная партия в настоящее время ограничивается тем, что поощряет проекты насчет Италии вообще, подбадривает некоторых мятежников, живущих в Греции и Испании, и облегчает выполнение планов, не умалявая, однако, об опасностях, которым они подвергаются. На основании всего этого может казаться, что предположение о существовании соглашения между неаполитанскими и тосканскими либералами не было достаточно обосновано, как это сообщали мне ваше высокопреосвященство в ваших весьма секретных посланиях от 9-го и 11-го числа сего месяца за №№ 2314 и 2316.

Как бы мы ни полагались на доверенных агентов, я думаю, они весьма мало заслуживают этого; и, как все в этом согласны, невозможно сомневаться, что революционной партии недостает необходимого и главного элемента для ее замыслов, а именно—денег. Однако усердие, с которым действует ваше преосвященство, ваша роль в поддержании политической бдительности весьма похвальные и в высшей степени важны для сохранения общественного спокойствия. Благодарю вас за ваш незамедлительный ответ, сообщаящий мне полученные вами сведения об этом деле, и с глубочайшим уважением смиренно целую вашу руку.

Вашего преосвященства
покорнейший и т. д.

Л. кардинал Ламбускини.

Рим, 16 июля 1845 г.

Кардиналу-легату Болоньи.

тойной семьей, которая боготворила меня, и я утешался мыслью, что когда-нибудь смогу спокойно жить среди них и иметь достаточный доход от моих научных трудов, чтобы пользоваться им вместе с ними. Вместо этого я вижу себя свергнутым в бездну несчастья, обреченным оплакивать мое рвение, мою профессию, мой знакомства; капля гения, который бог дал мне, в один момент превратилась в ничто. Несмотря на мою лояльность, верность и усердие, я нахожусь теперь в немилости, между тем как потрясатели основ общества ликуют в своем нечестии и имеют вдобавок радость снова находиться в объятиях своих семей. Развращенное общество заклеимило меня бесчестием, и я принужден был искать убежища в Риме, чтобы избегнуть кинжала. Здесь я обречен влачить самое жалкое существование и в близком будущем предвидеть печальный конец, если меня не спасет милосердная рука вашего превосходительства.

Я надеялся, что мне послужат якорем спасения те политические произведения, которые находятся в ваших руках, но времена ныне изменились, хотя люди остались прежними! Я был почти убежден, что отошедший в вечность папа, в вознаграждение принесенных мною жертв, разрешит мне дать два или три экземпляра их каждому приходу, и таким образом я смогу иметь достаточно для удовлетворения моих частных потребностей. Но могу ли я иметь подобную же надежду ныне? Дадите ли ваше превосходительство мне совет опубликовать их с известными изменениями и по их опубликовании окажете ли мне милостивое содействие в том, чтобы правящий ныне первосвященник соизволил принять их и вознаградить меня за них?

Да почувствует ваше превосходительство сострадание, да окажет поддержку несчастнейшему человеку, который с особенным чувством и смирением целует вашу руку, уверяя

Ваше превосходительство и т. д.

Джузеппе Лукарелли,
инженер.

Рим, 2 июля 1846 г.

Кардинал Г. М. Сомалья монсиньору губернатору Рима

Письмо уведомляет, что государственный секретарь принужден арестовать некоего «Виллу», ибо, согласно сведениям, полученным от его приходского священника, названный Вилла считается членом общества карбонари.

Это доказывает, что свобода личности в Папской области зависит от простой воли священника, который, таким образом, может распоряжаться судьбой любого лица, признанного им вредным. Этим способом можно легко удовлетворить частную месть, и мы сами часто были невольными свидетелями бедствий, испытываемых невинными людьми, которые возбудили против себя неудовольствие или подозрение со стороны священника. Весьма нередко приходится видеть, что отца или брата арестуют в кругу его семьи под предлогом участия в политике, между тем как в действительности они совершенно невиновны. Эти аресты часто случаются потому, что жертва считает честь своей жены или дочери более священной, нежели благосклонность приходского священника.

№ 23736.

От канцелярии государственного секретаря

2 июня 1823 г.

Так как Рафаэль Вилла из Меты вступил в брак со своей односельчанкой, Реститутой Кьярелли, девицей, которая, повидимому, была похищена силой, и так как названный Вилла, по сообщению его приходского священника, является яростным карбонари и находится под надзором неаполитанского правительства, правительство его святейшества не может поступить иначе, как приказать арестовать его и заключить в тюрьму за похищение, хотя с тех пор он и вступил в законный брак, а также за принадлежность к секте карбонари.

Г. М. Кардинал *делла Сомалья*.

Монсиньору губернатору Рима.

*Государственный секретарь кардинал Ламбускини
кардиналу-легату Болоньи*

В этом письме кардинал советует произвести политический домашний обыск у некоего Пьетро Галли, под предлогом поисков контрабанды, ибо Галли—купец. В нем выявляется вся хитрость и предусмотрительность ловкого сыщика. Попы всегда останутся попами, притворство является их первым качеством, частью воспитания, и они не могут оделаться от него, как леопард не может сбросить своей шкуры. Я не говорю о многих благородных исключениях из этого правила, но о священниках вообще, естественная мораль которых должна подчиняться ложному воспитанию римской церкви. С того момента, когда они надевают черную рясу, они проникаются правилами, ведущими к лицемерию и противным человеческому прогрессу и свободе, рассматриваемым с личной и интеллектуальной точки зрения.

Что же касается тех священников, которые вмешиваются в политические дела, их ловкость и лицемерие образуют целую систему.

Их первой мыслью является папское правительство, для поддержки которого они без колебаний самым скандальным образом нарушают божественное право.

(Весьма секретно)

Ваше высокопреосвященство и т. д., я имею сведения, что в вашем городе проживает Пьетро Галли и что в политическом отношении он представляет самого опасного субъекта и одного из самых активных участников сектантских заговоров.

Было бы неуместно, но, наоборот, весьма полезно, если бы его дом был подвергнут обыску под предлогом поисков какой-либо контрабанды. Его профессия купца дает приличный предлог для такой меры. Однако я хотел бы, чтобы это дело с соблюдением полной тайны было поручено кавалеру Курци, вашему директору полиции, причем ему надлежит дать совет позаботиться об его успешном выполнении и избежании всякой его политической окраски.

В случае если обыск даст полезные результаты, должно принять те меры, какие могут быть признаны соответствующими делу, с целью парализовать вредное влияние, которое вышеозначенный Галли, как я принужден думать, оказывает на общество.

Предоставляя дело всецело вашему мудрому усмотрению, пользуюсь случаем и т. д.

Вашего высокопреосвященства весьма покорный и т. д.

Л. кардинал *Ламбускини*.

Рим, 11 июля 1843 г.

Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ XVI

Кардинал Уголини, легат Феррары, кардиналу-легату Болоньи

Уголини сообщает, что, прикрываясь специальным термином «контрабанда», он приказал произвести политический обыск в доме Антонио Пираццоли.

Это письмо является дополнительным доказательством сказанного мною несколько выше.

Ваше высокопреосвященство и т. д., непосредственно по получении уважаемого письма вашего высокопреосвященства от 7-го числа сего месяца за № 1 я предписал губернатору Луго произвести тщательный домашний обыск, под предлогом поиска контрабанды, в доме Антонио Пираццоли, причем, если окажется возможным, захватить книгу и убедиться в том, что она принадлежит одному политическому эмигранту, хотя владельцем ее считается Пираццоли. Я только что узнал, что мероприятие было выполнено согласно приказа, однако безрезультатно.

Тем временем остаюсь и т. д.

Вашего высокопреосвященства и т. д.

покорнейший и т. д.

Д. кардинал *Уголини*.

Феррара, 17 января 1844 г.

Его высокопреосвященству кардиналу-легату Болоньи.

Документ рисует нынешнее положение еврейской национальности, живущей в городе Ферраре в наилучших условиях по соседству с большой площадью, рисует их пороки, поведение, злоупотребления и эксцессы всякого рода, ежедневно происходящие в названном городе.

Александр Мильяри, из Феррары, был одним из самых ревностных тайных агентов правительства Льва XII. Он состоял в непосредственной переписке с папой, главными кардиналами и государственными чиновниками. Мы имеем многочисленные документы, бросающие свет на эти отношения, однако мы даем здесь полностью только один доклад Мильяри, относящийся к тому времени, когда он не имел официальных полномочий тайно действовать от имени правительства. После того как он был принят в качестве правительственного агента, он принимал участие в самых слепых и яростных преследованиях либералов со стороны правительства Льва XII. В правление этого папы, представлявшее эпоху крайней реакции, большая часть богатых семей государства эмигрировала за границу.

Я не даю комментариев к нижеследующему докладу; я предоставляю его, как он есть, проникательности беспристрастного читателя. Получается впечатление, что этот документ принадлежит эпохе, когда доминиканские монахи зажигали костры инквизиции, а между тем его автор сообщает происшествия, случившиеся в Папской области всего тридцать лет тому назад.

г. Как хорошо известно христианскому миру, этот народ, евреи, был допущен в Папскую область в качестве торговцев старьем; однако неосторожная терпимость первых правителей внушила евреям смелость пуститься в разного рода операции и расширить свои действия настолько, что шаг за шагом они сделали ныне самой могущественной и господствующей силой не только над христианами, но и над самим правительством. И вот очевидные доказательства!

Они властвуют повсюду, ибо, имея внешних отличительных признаков, они одеваются подобно любому

гражданину-католику и проникают в кофейни, собрания, театры, клубы, вмешиваются в частные разговоры и т. д., равно как присутствуют в церквях, на религиозных обрядах и в любом другом месте, где им заблагорассудится.

2. В настоящее время вышеупомянутые евреи являются самыми богатыми собственниками, ибо при их хитрости, лукавстве, хищениях и вымогательствах они лишили большую часть имущих их собственности, благодаря чему сосредоточили в своих руках более трети всей собственности в государстве Феррары. Благодаря этому богатству они имеют к своим услугам не только лошадей, кабриолеты, поргшезы, кареты и ливрейных лакеев, но также конюшни, каретные сараи и дома на лучших площадях и улицах города Феррары.

По поводу этих последних слов мне укажут на невозможность того, чтобы они жили в разных частях города Феррары, ибо они принуждены ограничиваться жильем в гетто*; однако пишущий эти строки утверждает, что лишь по видимости существует правило, что они должны ограничиваться жильем в гетто. Они продолжают владеть теми же домами, в которых живут, и являются туда днем и ночью, когда захотят, и очень часто ради посещения театра они остаются вне гетто, также с ведома полиции и привратника их гетто, что может быть доказано, если правительство этого пожелает.

3. Эти люди владеют в названном городе множеством других домов, которые они используют в качестве магазинов для пеньки, масла, леса и дерева, зерна, старого железа, вина, в качестве боев и т. д.; они торгуют всевозможными видами товаров и занимаются также другими делами, а равно комиссионерством и экспедиторством, так что отбивают у деятельных христиан все отрасли промышленности. Ввиду того что некоторые из этих принадлежащих им помещений находятся в отдаленных местах города, бывает и так (и это факт), что они скрывают там краденые товары, а также контрабанду, и правительству и судебным властям трудно обнаружить их или действовать против них.

* Квартал в большинстве итальянских, германских и других городов, где обязаны были жить евреи. *Ред.*

4. Большая часть их слуг—христиане, в особенности служанки, и при малейшей провинности евреи раздражаются против них самыми нечестивыми и черными хулами, ругательствами и проклятиями. Более того: было обнаружено, что иногда они вступают в преступные связи со своей прислугой без различия пола.

Ввиду того что служанки в большинстве остаются ночевать в домах вышеуказанных евреев в течение пяти и шести месяцев в году, они усваивают их обычаи и молитвы и забывают христианские молитвы. Возвращаясь к своим семьям в горах, они не помнят ничего и учат других людей еврейским обычаям; и очень редко они возвращаются к своим семьям, сохранив себя столь же чистыми физически, какими их покинули, но часто некоторые из них каким-нибудь евреем; более того: в течение всего времени своей службы у евреев они не соблюдают ни христианских праздников, ни бдений, ни постов; равным образом они не посещают ни обедни, ни благословений, ни проповедей, ни каких-либо вообще религиозных обрядов.

Эти евреи так возгордились, что по своему произволу притесняют любого католика, будь то мужчина или женщина, богат или бедняк, член монашеского ордена, должностное лицо и т. д. Причина этого заключается в том, что посредством взяток они добиваются снисходительного отношения правительства, причем в такой мере, что при отправлении гражданского и церковного судопроизводства проявляют удивительную смелость, и это ведет к тому, что им удается одержать верх не только над своими противниками, но и над самими властями.

5. Ввиду того что, как я уже сказал, они не носят никаких отличительных знаков, они посещают религиозные обряды, коштунствуют над евреями, в особенности когда присутствуют в своих школах, на беседах или на собраниях.

6. В общем, эти люди сделаны из самого нечестивого материала и являются не только злейшими врагами католической веры, но и весьма вредными для католиков вообще, всячески и со всех точек зрения.

А так как нет никого, кто наблюдал бы за ними так как те, долгом которых это является, подкуплены их золотом,—они, как мы сказали, идут куда угодно, делая все, что им заблагорассудится. У нас есть доказательства их смелости, наглости, злости и распущенных обычаев, поскольку они с полным бесстыдством совершают любое преступление, в любое время и в любом месте, и часто бьют христиан и ранят их при свете дня, совершая на них нападения, как недавно случилось в доме некоего Джованни Барби, письмоводителя бывшего сенатора Контайни, когда один еврей с оружием в руках напал врасплох на его семью и убил бы его жену, если бы она не спаслась бегством. Этот еврей был арестован, заключен в тюрьму и осужден, но затем дело замияли. Судьи признали его сумасшедшим, а причиной этому были деньги, истраченные на подкуп правосудия.

7. Эти евреи слишком дружат с женщинами-христианками, одинокими или замужними, и, гуляя по городу в субботу,—их праздник,—встречая женщину, которая им нравится, они пристают к ней. Если она не обращает внимания на их шутки и приставанья, они оскорбляют ее, а если она проявляет благосклонность, они назначают время и место для свидания и ведут в вышеупомянутые дома, которые они имеют к своим услугам, или в лавки вне гетто, и там происходит. . . . притом иногда в течение целых недель. В самом деле, они не брезгают ничем, а иногда действуют в компании с христианами, которыми пользуются под рукой в том или другом преступлении.

8. Удивительное дело: никто из них не состоит в списке политических сектантов, однако они не упускают случаев поддерживать заговоры и субсидируют деньгами секту карбонари, снабжают ее сведениями и другими вещами.

Это будет служить предостережением правительству, все это может быть тысячу раз доказано, и если у пишущего эти строки будут средства, одежда и оружие, он откроет гораздо больше, чем сообщено здесь.

А. М. из Феррары.

Рим, 30 октября 1826 г.

P. S. Вышеназванные евреи позволяют себе располагаться на торговых площадях перед лавками купцов

со всякого рода шелковым, бархатным, скобяным и прочим товаром и, таким образом, отнимают торговлю у вышеупомянутых владельцев лавок, и без того обремененных множеством налогов, наемной платой, жалованьем сидельцам и т. д.

ДОКУМЕНТ XVIII

Чтобы указать признаки, на основании которых высшая полиция судит о каком-либо лице, и способ, каким ведутся списки, мы публикуем здесь несколько заметок, составленных болонской полицией. Они содержатся в প্রশ্নурованной книге названной полиции, носящей следующее заглавие:

Заметки

о личностях, означенных, как политически подозрительные, в весьма секретных посланиях департамента государственного секретаря от 10 апреля 1844 г. за № 43317, 9 мая за № 43391 и 14 мая за № 44212, а также о результатах обследований и надзора за ними

Полковник карабинеров Риккарди характеризуется как ревностный развратитель молодежи. В актах военной комиссии 1843 и 1844 гг. имя этого субъекта не встречается, хотя в документах и списках полиции за 1831 г. можно найти о нем следующее замечание: «Он участвовал в мятеже 1831 г., в котором ночью, 4 февраля, вел мятежников; он был назначен ими комендантом города, каковой пост занимал во время первого восстания и последовавшей затем анархии. Под своим руководством и посредством своих агентов он подстрекал народ вооружиться и выступить за свободу, он был среди тех, которые не хотели согласиться, чтобы гражданская гвардия носила папскую кокарду. Когда он увидел, что мятежники не могут долее сопротивляться, он прибежал к системе умеренности и выступил против ярков злонамеренных, которые во время анархии хотели сорвать папские гербы».

Кальцони Валентино характеризуется как кровавый член общества.

Это имя вовсе не появляется в документах военных колоний 1843 и 1844 г., а также в имеющих какое-либо значение статьях или новых полицейских документах. Однако, на основании полученной тайной информации, он считается очень дурным малым.

5. Пиццолли Антонио характеризуется как храбрый человек, имеющий сильное влияние на молодежь.

6. Пиццолли Андреа, адвокат.

Эта заметка содержит важные разоблачения. Мы уже заметили раньше, что если человек обладает храбростью или влиянием на молодежь, полиция считает его опасным. Мы находим подтверждение другого факта, а именно, что полиция сажает своего тайного агента в одну тюрьму с заключенными, поручая ему под видом товарища по несчастью выведать от него сведения. Это показывает, до какого предела может идти безнравственность римского правительства. Хотя эта система часто являлась предметом разоблачения, большинству публики она казалась слишком гнусной, чтобы можно было допустить ее существование, но теперь она с очевидностью доказывается приводимым мною документом.

26. Пиццолли Андреа, адвокат.

Во-первых, в полицейских документах, относящихся к 1831 г., мы находим следующие касающиеся его замечания. Он действовал совместно с мятежниками, с студентами-греками, жившими в его доме в качестве пансионеров, а также с другими смутьянами, находившимися там же. Ночью, 4 февраля, он показал себя ярким анархистом, главным зачинщиком, достойным соузником профессора Косты. В течение сорока четырех дней он был назначенным профессором уголовного права, а во время анархии занимал пост капитана-докладчика военной комиссии.

Необходимо сослаться на напечатанный отчет, посвященный мятежным бандам 1843 г., на стр. 139 и следующие по порядку, где говорится о заключенном Джулио де Мариа, который фигурирует в качестве отправителя мятежным бандам революционных писем, описанных на стр. 16 и 17 и т. д. вышеупомянутого отчета. Сделав это, мы узнаем, что тайный агент, посаженный вме-

сте с де Мариа, сообщил, что этот последний, говоря с ним о выборе для себя какого-либо защитника, сказал: «Я хотел бы выбрать адвоката Пиццолли, но воздержусь от этого, чтобы не вызвать подозрений насчет некоторых писем, попавших в руки судебных властей!» Из документа мы узнаем, что де Мариа передал письма посылному, при котором они затем были найдены в месте, очень близком от дома Пиццолли; и, кроме того, именно сжатый стиль характерен для вышеупомянутых писем и соответствует очень известному стилю и манере адвоката Пиццолли. Простого сравнения достаточно, чтобы сделать это сходство очевидным.

Из секретных, конфиденциальных сообщений порядочных людей мы видим, что Пиццолли был один из пяти лиц, входивших в состав верховной хунты революционного заговора 1843 г., носившей название «Весьма высокой», но о ней не имеется ничего в процессе и т. д. и т. д.

ДОКУМЕНТ XIX

Каноник Бернардо Тирибасси, поверенный в делах римского двора, имеющий пребывание во Флоренции, конфиденциальным письмом за № 89, от 12 октября 1843 г., запрашивает сведений о графине Брольо, вдова Грабинской. Кардинал-легат Болоньи отвечает ему по этому поводу и т. д. Мы узнаем, что папская полиция наблюдает за отношениями тех, которые принимали участие в либеральных и национальных движениях на родине и за границей. Далее приводим извлечение.

№ 89. Согласно приказаниям, полученным от римской генеральной дирекции полиции, я обратил внимание этого политического ведомства на некую графиню Брольо из Болоньи, находящуюся замужем за Грабинским, заявлявшую, что она прибыла из Корфу и направляется в Тоскану, куда, кстати, она, повидимому, еще не прибыла. Желательно узнать, является ли названная дама женою маршала Грабинского, поляка, принимавшего участие в революции в Романье в 1831 году.

Направляя вашему высокопреосвященству просьбу благосклонно удовлетворить мое желание, с низким поклоном и т. д. остаюсь

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

Бернардо, каноник Тирибасси,

поверенный в делах святого престола.

Флоренция, 12 октября 1843 г.

№ 1086.

Болонья, 14 октября 1843 г.

*Монсеньору Тирибасси, поверенному в делах
во Флоренции*

Графиня Брольо, вдова Грабинского, была в Болонье около месяца. Она прибыла сюда непосредственно из Корфу и Анконы, в сопровождении некоего Мазини, которого она называла своим управляющим. Она прибыла сюда вследствие кончины своего мужа, генерала Грабинского, поляка, который принадлежал к числу мятежников в 1831 г., а после этого жил здесь на широкую ногу; она прибыла с целью уладить его дела с сыном.

Ее поведение не дало повода ни для каких замечаний, и она, повидимому, имеет основательные причины прожить здесь. Я думаю, что в отношении ее не было никаких затруднений, но были в отношении которого терпели при условии строгого надзора, до сих пор не давшего повода к каким-либо замечаниям.

Сообщая этот ответ на ваше достойное письмо от 12-го числа сего месяца, благодарю вас за все, что оно содержит, и т. д.

Кардинал *Уго Спинола*.

ДОКУМЕНТ XX

Кардинал-легат Болоньи кардиналу Ламбрускини

В письме говорится о донесениях некоего Антонио Танци из Пармы, повидимому тайного агента, касающихся общественного настроения в провинции и революционного движения.

Письмо представляет большой интерес.

В дальнейшем автор письма сообщает кардиналу, что маркиз Карло Бевилаква едет в Рим и что, повидимому, он не собирается принимать участия в политике, но так как он принадлежит к разряду *мыслящих* людей, за ним желательно вести осторожный надзор.

Возможно ли идти дальше в системе шпионажа, заподозревания и преследований? Талант, благородное происхождение, мужество, личное влияние, гражданские доблести не доставляют почета, а указываются как признаки политической виновности, ненависти к правительству и революционного духа. Это позволяет читателю сделать вывод о жалких условиях существовании несчастного народа под светской властью папы.

№ 2686.

(Чрезвычайно секретно)

Болонья, 4 марта 1846 г.

*Его высокопреосвященству, кардиналу Ламбрускини,
государственному секретарю в Риме*

Ваше высокопреосвященство и т. д., спешу подтвердить получение вашего уважаемого послания от 28 февраля с. г. за № 58229, вместе с приложенными к нему бумагами

Монсеньор поверенный в делах святого престола во Флоренции находился в сношениях со мною относительно известного Антонио Танци из Пармы, подробности о котором я ныне с интересом получаю от вашего высокопреосвященства. Названный Танци, как известил меня монсеньор поверенный в делах, прибыл в наш город несколько дней тому назад и выразил желание, чтобы я повидался с ним. Я говорил с Танци; однако, правду сказать, я не мог извлечь ничего более важного, сравнительно с тем, что содержится в уже упомянутых бумагах, главным образом относительно Тосканы, а также прочих частей Италии. По словам Танци, он стремится найти занятие в этом городе, но, будучи не в состоянии содействовать ему в этом, я предпочел оказать ему небольшую помощь, чтобы он мог продолжать свое путешествие. Он так и сделал, и я уведомил об этом вышеупомянутого поверенного в делах. Я могу прибавить лишь немного политических новостей в добавление к

другим, касающимся этой миссии, помимо того, что я имел честь сообщить вашему высокопреосвященству 2-го числа сего месяца в моем почтительном письме за №2684. Я могу разве только дать настоящее имя того умного человека, о котором я говорил и который сообщает мне, что лицо, скрывающееся, как думают, в Болонье, не Риботти, но хорошо известный испанец Прим. Если верить статье в «Journal des Débats» от 24 февраля с. г., говорящей о революционном движении в Италии, как ваше высокопреосвященство должны были заметить, то можно подумать, что он еще находится в Марсели. Необходимо хорошенько следить за ним, так как вашему высокопреосвященству известно, что, помимо волнений в Тоскане; другие беспорядки в последние дни кардинала произошли в Пьяченце, где полиция произвела кровопролитие, так как чернь требовала более дешевой продажи зернового хлеба. Переходя к другому письму, которое вы сообразовали прислать мне по вопросу о заговорах за границей, о складе оружия, считающегося принадлежащим графу Агукки, я могу вас уверить, что мы принимаем все возможные предосторожности, хотя я не считал бы разумным шагом решиться на домашний обыск, не имея верной надежды на благоприятный результат. Кроме того, высокое положение вышеназванного лица, являющегося одним из провинциальных администраторов, членом различных депутаций, затем здешнего сенатора, вызвало бы много шума. Ему не принадлежит дом Казалекино, как я сообщал, что теперь проверено мною месяц назад, когда такое же обвинение было высказано до этого против названного Агукки.

Должен сообщить вашему высокопреосвященству, что маркиз Карло Бевилакка сегодня выезжает отсюда в Рим. Он весьма образованный человек, состоит одним из членов болонского городского совета, а также членом многих депутаций. Судя по внешним признакам, он, повидимому, чужд политических интриг. Действительно, во время происшествий последнего года он находился в Германии вместе с графом Марескальки, много времени проводя в путешествиях, а также был в Риме. Тем не менее, так как некоторые думают, что он принадлежит к разряду так называемых *мыслящих*,

то я считаю своим долгом познакомить с этим ваше высокопреосвященство с тою целью, чтобы над ним можно было установить осторожный надзор, что в силу различных благоприятных обстоятельств гораздо лучше сделать в Риме, чем в Болонье, и таким образом можно будет получить положительную информацию обо всем его касающемся. Откладывая дальнейшие объяснения до другого случая, я заканчиваю мое почтительное письмо повторением, что, к нашему общему утешению, при каждом покушении (да не допустит его бог!) на безопасность Болоньи ее военные силы расположены так хорошо, что смогут сопротивляться любой безрассудной попытке.

Кардинал *Ваничелли*,

ДОКУМЕНТ XXI

Кардинал Ламбускини кардиналу-легату Болоньи

Слова «надлежащим образом использовать» информацию, касающуюся маркиза Бевилаквы, доказывают, что все клирики римской церкви, начиная от последнего священника и кончая высшими иерархами, от самого невежественного до самого ученого, проникнуты одинаковым духом недоверия, притворства и подозрительности.

58446—5.

(Весьма секретно)

Ваше высокопреосвященство и т. д., из вашего весьма секретного послания от 4 числа сего месяца за № 2686 я узнал сообщенные вами замечания о присланных мною бумагах с известиями. Со всех сторон доходят слухи о намерениях вызвать новые беспорядки в нашей провинции, и Пасха является назначенным для них сроком. Я просил бы вас поторопить полицию установить необходимое наблюдение, на основании которого, составив себе здравое суждение о нынешнем положении политических дел, можно принять необходимые предосторожности. Я надлежащим образом использовал доставленные мне известия касательно прибытия в Рим маркиза Карло Бевилаквы. Благодарю вас за то, что вы обра-

тили мое внимание на адрес, посланный Маццини швейцарской директории, упомянутый в вашем последующем весьма конфиденциальном послании от 7-го числа сего месяца за № 2695, каковой адрес я имею в копии на трех различных языках, сделанной на особом листе. Одобряя проявляемый вами интерес к тому, чтобы адрес не был перепечатан даже в публичных журналах, я с глубочайшим уважением целую Вашу руку.

Вашего высокопреосвященства и т. д.

Л. кардинал *Ламбрускини*.

Рим, 10 марта 1846 г.

ДОКУМЕНТ XXII

Кардинал-легат Болоньи губернатору Будрио

Письмо рекомендует адресату завязать дружеские отношения с неким доктором Крешимбени с целью попытаться сделать из него тайного агента правительства.

Из этого читатель увидит, что гнусные, растлевающие силы папского правительства, направленные на слежку за движениями и мыслями итальянских патриотов, не знают границ.

Таково правительство, ради которого в 1849 году был совершен крестовый поход против итальянцев, ради сохранения которого сажают в тюрьмы, мучают и расстреливают цвет нашей молодежи. Это правительство прикрывается словами «бог» и «порядок», тогда как в действительности оно является самым безнравственным, самым невежественным, самым фанатическим правительством в Европе.

Губернатору Будрио

№ 95866.

Болонья, 27 сентября 1843 г.

В вашем представленном мне докладе от 25 июня сего года вы указывали, что д-р Крешимбени, хирург из Сан-Мартино, был заподозрен в приверженности к либерализму, но так как его добрые правила стали известными, было бы легко извлечь из него пользу, если бы уда-

лось сблизиться с ним через какое-либо испытанное и влиятельное лицо.

Я просил бы вас поручить наблюдение за ним какому-либо известному вам тайному агенту, которого можно было бы употребить для такой попытки, и если бы вы могли найти такое лицо, которому вы доверяете, можно было бы осторожно произвести опыт, причем я просил бы вас осведомить меня.

Выражая вам благодарность за ваше сообщение, остаюсь и т. ч.

У. Спинола.

ДОКУМЕНТ XXIII

Шпионаж в университетах

Кардинал-легат Болоньи кардиналу Ламбрускини

Этот документ посвящен общественному настроению в провинции и надзору за студентами университета.

В этом письме мы находим следующее место, доказывающее мое утверждение:

Обратив в течение некоторого времени серьезное внимание на учащуюся молодежь в здешнем университете и добыв точный список имен и адресов названных студентов, я говорю истину, утверждая, что среди них не обнаружено ни одного обладающего либеральными тенденциями.

Чрез посредство «Journal des Débats» от 24 февраля сего года ваше высокопреосвященство были осведомлены насчет адреса генерала Примы. Ныне, на основании письма из Марсели от 1-го числа сего месяца, я уверен, что Прим, имея намерение держаться на соответствующем расстоянии, еще находится в Монпелье. Письмо говорит, что, наскучив этим местом, он собирается вернуться в Испанию, тем более что его собственное правительство сделало ему новые предложения с целью побудить его к возвращению туда.

Что касается военных сил, находящихся в этом городе, то, оставляя в стороне швейцарцев, на которых мы всегда можем положиться и которых можно считать

готовыми подавить всякое внутреннее движение, у меня нет положительных мотивов питать сомнения насчет местных войск.

У. Спинола.

ДОКУМЕНТ XXIV

Письмо римского губернатора государственному секретарю кардиналу Джизици

Препровождается несколько донесений тайного агента, специально посланного на научный конгресс в Генуе в 1846 году.

Привожу только письмо губернатора, опуская имеющиеся у меня другие письма, длинные и не представляющие интереса для английской публики. Имя тайного агента не названо, но у нас есть его автограф, и мы надеемся со временем его открыть.

Его высокопреосвященству кардиналу Джизици, государственному секретарю

№ 37374.

4 октября 1846 г.

Нижеподписавшийся, губернатор и главный директор полиции, имеет честь препроводить вашему высокопреосвященству прилагаемые при сем копии двух докладов*, полученные им от заслуживающего доверия лица, отправившегося в Генуе для присутствия на научном конгрессе, так как можно было ожидать, что обсуждавшиеся на нем вопросы окажутся достойны внимания властей.

Почтительно прикладываясь к священному пурпуру, имею честь с глубочайшим уважением снова выразить и т. д.

* Приложены копии двух секретных докладов о научном конгрессе в Генуе.

Привожу следующий факт, красноречиво характеризующий положение в образовательных учреждениях для молодых девиц в Папской области. Подобные сцены происходят ежедневно не только в малых семинариях, но и в самых значительных. Во главе школ стоят монахини, и образование, которое они внедряют, всегда проникнуто суеверием, воспитанницы жевыходят непригодными ни для какой другой жизни, кроме монастыря, откуда заботливо изгоняются благородные стремления и идеи патриотизма, как некие, можно сказать, преступления. Все правила, способные воспитать хорошую домохозяйку, умную мать, отзывчивую гражданку или честную и верную жену, никогда не преподаются в этих святых стенах, которые обычно связываются с именем Христа, но еще чаще с именем какого-либо неизвестного святого или монаха. Таким образом, цветущая пора жизни проходит, и девушка не учится ничему хорошему среди алтарей, монашеских покрывал, благословений попов (безнравственная жизнь которых разоблачалась столь часто), среди исповедей, индульгенций и четок. Если девушка проявляет склонность к этому роду существования, она наверное очарует монахинь и отца-духовника и заслужит похвалы глупых родителей, помещающих своих дочерей в такого рода заведения. В конце концов они становятся суеверны, лживы, лицемерны и слишком часто впадают в испорченность, семена которой забрасывают в их душу в ранней юности; а если они становятся женами порядочных людей, то, впитав уже в себя яд, они либо делают невыносимой жизнь своих мужей, либо становятся легкой добычей какого-нибудь гнусного кардинала или попа. Предполагая, что молодая девушка с врожденным итальянским пылом и жизнью в крови не поддается такой системе воспитания, к архиепископу направляется просьба послать своего агента, который должен бить нежную девушку тростью или хлыстом. Не буду распространяться на столь возмутительную тему, но приведу документ, о котором идет речь.

Провинциальная директория полиции № 239,
ответ на № 121.

Ваше преподобие и превосходительство, в святом приюте есть много взрослых девиц, весьма непослушных своим начальникам.

В последний день апреля, после обеда, один из учителей сделал замечание некоторым девицам за ношение при себе носовых платков, которые он нашел слишком роскошными, и хотя замечание было сделано очень мягко, они ответили на него в высшей степени дерзко.

Учитель был недоволен поведением учениц, но так как приказ архиепископа запрещал ему телесное наказание плетью или рукою для исправления их, он послал за одним из депутатов, и тогда явился каноник Паллотта. Когда он узнал причину, по которой был вызван учителем, он почел наилучшим для большего устрашения девиц послать за уполномоченным архиепископа. При появлении последнего девицы почувствовали некоторую тревогу, и несколько из них убежали в капеллу, другие в гардеробную. Когда начальник объяснил депутату, какие вещи происходили в благотворном приюте, последний признал полезным сделать им наставление о необходимости порядка и дисциплины в хорошей системе воспитания. Многие охотно повиновались приказам Паллотта, но настоящие виновницы были против него, боясь, что уполномоченный архиепископа явился, чтобы произвести экзекуцию на «ковзлах»*, как это делалось в других случаях.

Взбешенный отрицательным результатом своих стараний, каноник Паллотта послал за страшным уполномо-

* Желательно заметить себе это выражение, ибо «cavalletto» выполняется следующим образом: наказываемого привязывают к скамье и дают ему известное число палочных ударов; в самом деле, та же система наказаний существует в австрийской армии. Из этого документа может показаться, что архиепископ руководствуется мягкими и гуманными чувствами, однако остается фактом, что

ченным, чтобы принудить девиц выйти из их убежищ. Этот неосторожный шаг привел девиц в такое отчаяние, что они начали звать на помощь через одно из наружных окон, умоляя защитить их от побоев (как они сами выражались).

Несколько лиц было взволновано этими криками, однако безрезультатно, так как уполномоченный уже выполнил свое приказание и высек нескольких из них, а затем запер их в маленькую комнату.

Когда эти события стали известны в городе, они сделались предметом публичных и частных разговоров, причем, как я убеждаюсь из прилагаемого мною документа, циркулировало много историй с непристойными комментариями насчет вышеупомянутого депутата. Этого весьма достойный архиепископ, движимый сожалением по поводу проявленного в этом деле необдуманного поведения, повидимому решил довести о нем до сведения депутации, ибо опрометчивость и неразумное усердие противоречат системе мягкости, которая является самым действительным средством воспитания в этой благотворной школе.

Таковы события, о которых я должен сообщить вам; затем, выражая обычные неизменные чувства глубочайшего уважения, остаюсь

вашего преподобия и превосходительства
покорный и преданный слуга
директор *М. Джигорджи.*

ДОКУМЕНТ XXV a

Цензура

Политическая и духовная цензура повсюду в Италии чрезвычайно строга, но в Папской области она доходит до смешного. Это явствует из следующих доказательств.

«cavalletto» при известных обстоятельствах является узаконенным наказанием: в дело пускается плеть или палка уполномоченного архиепископа; гуманные чувства архиепископа, выказанные в этом случае, не нарушают факта применения этих варварских наказаний даже теперь. *Прим. автора.*

Перечень важнейших периодических изданий, выходящих в Европе

Характеристика	Франция	Англия	Германия
Благоприятно относящиеся к религии	<ol style="list-style-type: none"> 1. L'Univers Religieux. 2. La Quotidienne 3. La Mode 4. La France, l'ami de la Religion 5. La Gazette de France <p>Вообще все провинциальные издания, носящие название «газета», как, например, «Лангедокская газета»</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. The Freeman 2. Galway Patriot 3. The Dublin Evening Post 4. The Catholic Herald <p>Из американских — все газеты радикальной партии</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вюрцбургская газета 2. Ашаффенбургская газета 3. Мюнхенская политическая газета
Индифферентные	<ol style="list-style-type: none"> 1. Le Moniteur 2. Le Journal des Débats 3. La Gazette des Tribunaux 	<ol style="list-style-type: none"> 1. The Globe 2. The Observer 3. The Dublin Weekly Register 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Все австрийские газеты 2. Корреспондентские листки Гамбурга
	<ol style="list-style-type: none"> 4. La Révue de deux Mondes 5. Le Journal de Commerce 6. Le Journal de Paris <p>Вообще все торговые, министерские и официальные периодические издания</p>	<ol style="list-style-type: none"> 4. The Galignani's Messenger 5. The Courier <p>Вообще все министерские газеты</p>	
Подозрительные	<ol style="list-style-type: none"> 1. Le Temps 2. La Presse 3. Le Bon Sens 	<ol style="list-style-type: none"> 1. The Times 2. The Sun 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Всеобщая Аугсбургская газета
Враждебные религии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Le Semeur 2. Le Constitutionnel 3. Le Siècle 4. Le Courier 5. Le National 6. Le Globe <p>Вообще все республиканские, а также прогрессивные газеты</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. The Standard 2. The Weclcs True Sun 3. The Ward 4. The Evening Mail 5. The Albion 6. The Morning Chronicle 7. The Examiner <p>Вообще все протестантские и так наз. торийские газеты</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Берлинская газета 2. Лейпцигская газета 3. Ганноверская газета <p>Вообще все газеты протестантских стран</p>

Перечень иностранных газет, допущенных к чтению в кофейнях, гостиницах и других общественных местах

1. L'Univers Religieux
2. La Quotidienne
3. La France
4. La Mode
5. La Gazette des Tribunaux
6. Le Journal de Commerce

французские

и все провинциальные газеты, носящие название «газет», как, например, «Лангедокская» и т. д.

1. The Freeman
- *2. The Globe
- *3. The Courier
- *4. Galway Patriot
- *5. The Observer
- *2. The Dublin Weekly
- *7. The Dublin Evening Post
38. The Gallignani's Messenger
4. The Catholic Herald

английские

1. Вюрцбургская газета
2. Ашаффенбургская газета
3. Мюнхенская политическая газета и Гамбургская газета
4. Всеобщая аугсбургская газета.
- *6. Франкфуртская газета и Итальянские новости

немецкие

7 декабря отец Тейнер заявил, что из английских и немецких газет разрешаются только не отмеченные звездочкой

Почерк одинаков с письмами кардинала Ламбускини, и документы, без сомнения, исходят из департамента государственного секретаря. Мы прилагаем также список газет, допущенных в пределы государства. Имеется примечание, собственноручно написанное, вероятно, каким-либо кардиналом, однако мы не можем определенно назвать его автора. Оно весьма замечательно, и мы сообщаем его в подлинном виде с пометками в оригинале. Список показывает, какие газеты были разрешены и какие производились перемены, согласно инструкциям, полученным от некоего отца Тейнера, о котором мы вообще ничего не знаем.

Эти документы замечательны, и я уверен, что мои читатели не удержатся от улыбки, познакоившись с комментариями духовных лиц насчет европейских газет.

ДОКУМЕНТ XXV б

Кардинал Ламбускини кардиналу-легату Болоньи

В письме говорится о нескольких статьях «National» и «Gazetta italiana», задевающих честь папского правительства. Мы узнаем, что кардинал не только старается помешать их доступу в Папскую область, но посредством воздействия апостольского представителя во Флоренции старается воспрепятствовать их обращению также в Тоскане.

54965—5.

Ваше высокопреосвященство и т. д., сообщения, пришедшие мне в вашем конфиденциальном послании от 8 числа сего месяца за № 2463 касательно двух номеров: во-первых, «National» и, во-вторых, «Gazetta Italiana», на которые вы обращаете мое особое внимание, вполне соответствуют мудрости вашего высокопреосвященства. Я согласен с вами и мне известно зло, причиняемое распространением в публике этих статей. Несколькое времени тому назад я запретил доступ «Gazetta Italiana» в Папскую область, где ее распространение стало невозможно. Поэтому я надеюсь, что меры, принятые по вашему совету поверенным в делах святого престола

во Флоренции для прекращения известности и распространения этого издания в Тоскане, окажут соответствующее действие.

Имею честь выразить вашему преосвященству чувство моего глубокого уважения и смиреннейше поцеловать вашу руку.

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.
Л. кардинал *Ламбрускини*.

Рим, 14 октября 1845 г.
Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ XXVII

Циркуляр кавалера Ф. Курци, директора полиции провинции Болоньи, обещающий награду в триста римских крон (несколько более шестидесяти ф. ст.) тому, кто задержит одного из восьми лиц, имена которых прилагаются и которые считались главарями революционного движения на болонской территории в августе 1843 года.

Этот циркуляр является важным доказательством слабости деспотизма.

№ 1495.

Циркуляр

Директор полиции города и провинции Болоньи

27 августа 1843 г.

Правительство чрезвычайно заинтересовано в производстве ареста упоминаемых здесь лиц, виновных в тяжких преступлениях, и потому я прошу немедленно отдать надлежащий приказ, так, чтобы арест мог бы быть выполнен, если бы они были обнаружены в подведомственном вам округе.

А дабы сделать выполнение приказания более ревностным и энергичным, вы обещаете вознаграждение в триста крон всякому, кто предаст или побудит выдать в руки правосудия кого-либо из названных лиц.

Для выполнения этого дела вы дадите широчайшую огласку настоящему приказанию.

С выражением чувства глубочайшего уважения остаюсь ваш и т. д.

Полковник, директор полиции

Ф. кавалер *Курци*.

Фамилии и имена

1. Пьетрамеллара, Пьетро, маркиз.
 2. Танара, Себастиано, маркиз.
 3. Замбеккари, Ливио, граф.
 4. Бианколи, Оресте, граф.
 5. Муратори, Паскуале, доктор.
 6. Муратори, Саверно.
 7. Турри, Гаetano.
 8. Н. Джиованнини, по прозвищу «Романьюоло».
- Список сопровождается указаниями возраста, описанием наружности и т. д. каждого лица.

ДОКУМЕНТ XXVIII

Кардинал Ламбрускини, государственный секретарь, кардиналу Ваничелли, легату Болоньи

(Весьма секретно)

Ваше высокопреосвященство и т. д., святой отец получил смертный приговор военной комиссии от 11 марта сего года. Его святейшество не отменил приговора для Лудовико Монари, Джузеппе Веронези, Рафаэля Ланди, Джузеппе Рабби, Джузеппе Мингетти и Джузеппе Говони.

В знак своего высочайшего милосердия он соизволил заменить смертную казнь четырнадцати остальным осужденным, тоже приговоренным к заслуженному наказанию, пожизненной каторгой в строгом заключении. Что касается прочих распоряжений, содержащихся в том же постановлении суда, они должны быть целиком выполнены.

Ваша мысль напечатать приговоры получила утверждение, однако распорядитесь принять следующее выражение: «конфискация части и т. д.», между тем как ст. 85 уголовного кодекса выражается следующим образом: «Каждый осужденный преступник теряет всякое право на собственность, имеющуюся в его распоряжении в момент совершения преступления, каковая собственность остается в распоряжении правительства для покрытия понесенных издержек».

В целях точности, поскольку мы ныне обсуждаем этот предмет, ваше высокопреосвященство соблагово-

лите поставить вышеприведенные слова в напечатанном приговоре взамен выражения «конфискации и т. д.», употребленного в рукописном приговоре.

Касательно документа, о котором ваше высокопреосвященство просите в вашем весьма конфиденциальном послании от 23-го числа сего месяца, я приложу его при сем, если мне удастся во-время попасть в военное министерство откуда я надеюсь раздобыть его; в противном случае постараюсь прислать его при первой возможности.

Пользуюсь случаем выразить и т. д.

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

Л. кардинал *Ламбрускини*.

Рим, 27 апреля 1844 г.

ДОКУМЕНТ XXIX

*Апостолический нунций в Вене кардиналу-легату
Болоньи*

Автор письма по настоянию Меттерниха рекомендует политику лишения свободы каждой подозреваемой личности; а также предполагаемых вождей мятежников. Документ представляет исключительное значение.

(Секретно)

Ваше высокопреосвященство, преподобный князь. Я бесконечно благодарен вашему преподобному высокопреосвященству за весьма полезные сведения, которые вы соблагволили сообщить мне в вашем уважаемом конфиденциальном письме за № 1390, касательно слухов, циркулирующих о революционных интригах на нашем полуострове, и касательно подготовительных мер для успеха движения, которое они намереваются произвести в различных государствах Италии ближайшей весной. Не находя подписи вашего высокопреосвященства под письмом, что часто случается по недосмотру, я позволю себе вернуть его вам, дабы вы могли присоединить ваше имя и затем снова прислать его мне, ибо при столь важном документе необходимо, чтобы все было в порядке.

Императорское и королевское правительство сообщает, что оно обладает многими согласными донесениями, касающимися обширных средств, которые итальянские эмигранты при поддержке изгнанников и недовольных прочих наций под руководством комитета партии «Федералистов молодой Италии», ныне находящегося в сборе, вводят в действие в Испании, Алжире, на Мальте, Корфу, даже в Египте, и в особенности на Корсике, с целью доставить им вооруженные легионы и дать возможность через несколько недель двинуться к римским берегам и сделать попытку со всеми силами напасть на Рим, чтобы, таким образом, занять его врасплох и затем распространиться по великому герцогству Тосканы и королевству обеих Сицилий, причем они имеют уверенность, к несчастью хорошо обоснованную, обеспечить себе расположение и содействие солдат и симпатии в особенности в двух последних государствах. Хотя все это может показаться весьма неправдоподобным или преувеличенным, тем не менее является желательным принять меры для удвоения бдительности и энергии, дабы таким образом расстроить замыслы сектантов и помешать их попытке выполнить их безумные планы. С этой целью было бы полезно последовать совету князя Меттерниха и без колебаний заключить в тюрьму лиц, указанных или подозреваемых в качестве руководителей или подстрекателей угрожающих движений, — все это только в виде меры предосторожности, если не будет найдено материала для предания их регулярному суду. Спомощью таких средств, будучи лишена своих вождей, орда демагогов и авантюристов будет легко рассеяна; строгость является необходимым условием безопасности.

Что же до подозрений касательно уже произведенной мятежниками разведки в Ломбардо-Венецианских провинциях, в Тироле и даже среди императорских военных сил на суше и на море, то вышеозначенный князь уверяет, что эти подозрения недостаточно обоснованы, ибо он убежден в том, что над теми и другими ведется постоянное бдительное наблюдение, благодаря чему все было бы, наверное, обнаружено, и даже малейшие признаки мятежа были бы предусмотрены.

Тем временем всегда бодрствующий и ревностный глава императорского и королевского кабинета, не

теряя времени, заявил парижскому и лондонскому кабинетам, что если существующий в итальянских государствах порядок будет серьезно нарушен, Австрия вмешается без всяких колебаний, как того требуют ее долг и интерес, с целью подавления мятежных сил, какое бы неудовольствие или протест она ни встретила со стороны Франции и Англии. Равным образом она обяснила обеим этим державам, в какой степени они заинтересованы в сохранении общественного спокойствия в Италии. В частности, Франции она указала на необходимость рассеять собрание и козни революционеров в Корсике и Алжире, что, ввиду легкости выполнения, было бы в высшей степени выгодно для нее самой.

С глубочайшим почтением целую священный пурпур и подписываюсь

вашего преподобного высокопреосвященства
покорнейший, преданный и обязанный слуга
Л. архиепископ эфесский,
апостолический нунций.

Вена, 13 февраля 1844 г.

ДОКУМЕНТ ХХХ

Раньше чем взять на себя защиту Микеле Аккурси с товарищами, адвокат Импаच्याнти спешит осведомить об этом кардинала-государственного секретаря. В политических делах обвиняемый не может избрать для своей защиты адвоката. Если он (заклученный) выбирает кого-нибудь, кто берет на себя его защиту, он должен сначала получить согласие правительства. Более того, адвокат принужден принести присягу в соблюдении тайны от всех, ибо защита не публична, но окутана величайшей тайной. Что касается самого выбора, то правительство всегда дает предпочтение тем адвокатам, на преданность и послушание которых оно может положиться. Оно требует от них слепого повиновения и верности, и следствием этого часто бывает, что адвокат действует не как защитник, а как обвинитель заключенного.

Эти гнусности свойственны не только Папской области, но наблюдаются также во всех итальянских государствах, стоящих на стороне Австрии.

Как доказательство утверждения, касающегося адвоката Импаच्याнти, существуют его декларация и присяга, принесенная им перед судьей Нардони в Риме 8 июля 1931 года. За вписанием обычных формальностей следует его заявление, что он не будет разглашать обстоятельства дела, а также что-либо, касающееся судебного разбирательства, и т. д. Все это подкреплено присягой и подписано Джулио Импаच्याнти, адвокатом, и Антонио Нардони, судьей.

Существует также его письмо, повидимому адресованное президенту святой консульте и написанное в таких выражениях:

Ваше преподобное превосходительство, из нотариальной доверенности, каковую имею честь приложить при сем, ваше преподобное превосходительство усмотрите, что заключенные в замке Аккурси, Петроки и Эмилиани назначили меня своим защитником.

Моей обычной деликатности свойственно осведомляться о намерениях его высокопреосвященства, государственного секретаря, раньше чем принять на себя эту обязанность, не сказав ни одного слова о том, что сообщили мне вы. Вчера я был у его высокопреосвященства, и он разрешил мне уведомить ваше превосходительство, что я ныне и делаю, дабы вы сооблаговолили сделать распоряжение насчет ознакомления меня с процессом и выдачи извлечений. Снова имею честь уверить вас в моем глубоком уважении и приветствовать вас.

Вашего преподобного превосходительства преданнейший слуга

Джулио Импаच्याнти, адвокат.

30 июля 1831 г.

На обороте этого письма мы находим следующие слова, написанные другой рукой: «Его высокопреосвященство, государственный секретарь приказал, чтобы были выданы только извлечения из процесса трех заключенных, защиту которых он на себя берет».

В процессах 1843 и 1844 гг. применялась та же система выбора адвоката-защитника. Я не считаю необходимым цитировать еще другие документы, относящие-

ся к этому вопросу, ибо некоторые из них очень длинны, а приведенного достаточно для доказательства моего утверждения.

ДОКУМЕНТ XXXI

Кардинал-легат Болоньи кардиналу Ламбускини и ответ последнего

Оба письма относятся к приостановке выполнения смертных приговоров и ясно показывают положение папского правительства.

№ 618. 8 августа 1843 г.
Его высокопреосвященству Ламбускини в Риме.

При существующем здесь ныне положении вещей было бы неблагоприятно выполнить смертный приговор в виду толпы, ее волнения по этому поводу и приведения солдат в соприкосновение с народом.

Так как несколько процессов осужденных находится на пересмотре в Риме, я прошу ваше высокопреосвященство приостановить выполнение каждого решенного процесса, который может оказаться в руках святой консулты.

Имею честь...

38538—5.

(Секретно)

Ваше высокопреосвященство и т. д., соображения, которые ваше высокопреосвященство доверили мне в вашем конфиденциальном письме от 8-го числа сего месяца за № 618 касательно нежелательности выполнения смертного приговора при нынешнем положении вещей в вашей провинции, весьма достойны похвалы.

Не теряя времени, я отдаю приказание, чтобы решение по влекущим за собою смертную казнь процессам в трибунале святой консулты было приостановлено; прошу принять новое выражение моего глубокого уважения, с которым я смиреннейше целую вашу руку.

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

Л. кардинал *Ламбускини*.

Рим, 11 августа 1843 г.
Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ XXXII

Кардинал Ламбускини кардиналу-легату Болоньи

В письме сообщается, что иностранные правительства следят за движениями итальянских эмигрантов и официально утверждается, что лорд Эбердин и сэр Джемс Грэм обещали сделать то же самое в Англии. Документ имеет важнейшее значение, вскрывая факт, неизвестный английской публике, которая думает, что эмигранты пользуются в Англии тою же свободой, как и сами англичане, и что наши движения и действия не находятся под наблюдением полиции. В действительности положение как раз обратное; наши шаги находятся под надзором, или, по крайней мере, у нас есть доказательства, что так обстояло дело при министерстве лорда Эбердина.

Таким образом, мы принуждены думать, что некоторые британские министры не заботятся о национальной чести, что они стараются испортить мнение, которое патриоты всех стран всегда имели о свободе, какую пользуются в Англии, что они не колеблются вести интриги с подлым и развращенным двором, с безнравственным и деспотическим правительством, самое имя которого презирается во всей Европе, с властителем, который всегда старался поддерживать смуты в Ирландии.

Но будем надеяться, что, прочитав об этих фактах, англичане подумают о том, как можно доверить власть людям, которые попирают ногами все принципы морали и национальной чести и которые хотели бы отнять у несчастных патриотов то право убежища и покровительства, которое всегда было предметом самовосхваления и гордости свободнорожденных англичан.

Его высокопреосвященству кардиналу-легату Болоньи

43334—5.

(Весьма секретно)

Ваше высокопреосвященство и т. д. Ваше высокопреосвященство поспешили осведомить меня о разговорах в вашем городе, в особенности же вашим уважаемым письмом от 23-го числа сего месяца за № 947, касательно слухов, циркулирующих по поводу усердных розысков известного Мацини в Мальте. С целью дать

вам полное объяснение, спешу уведомить вас, что с первых дней текущего месяца министерский доклад информирует меня, что английская полиция ныне начинает действовать в отношении итальянских и польских эмигрантов,—что сэр Джемс Грэм, министр внутренних дел в Лондоне, из переხваченных там писем, адресованных известному Маццини, узнал, что некое анонимное лицо (как предполагают, Ричиотти) писало ему, что в легатствах все готово для начала революции, но что Франция мешает этому своей системой противодействия. Автор письма прибавляет, что, так как движения в Аликанте и Картагене потерпели неудачу, мятежники соберутся в Валенсии, чтобы установить новые планы.

Министр иностранных дел, лорд Эбердин, будучи уведомлен о таковом письме, обещал, что на будущее время движения и действия всех эмигрантов будут наблюдаться под наблюдением*. Равным образом я не могу не сообщить вашему высокопреосвященству, что министр иностранных дел в Париже, уведомленный о планах мятежников в Валенсии, уверил меня, что он намеревается войти в соглашение с папским правительством с целью воспрепятствовать всем собраниям, которые должны произойти в этом королевстве, и добиться изоляции эмигрантов и наблюдения над ними.

Я уверен, что эти известия будут вам приятны.

* Из этого письма явствует, что содержание перехваченного сэром Дж. Грэмом письма было сообщено министрам иностранных дворов, между прочим также кардиналу Ламбрускини. Невозможно согласовать этот факт со следующим торжественным заявлением лорда Эбердина, сделанным в Палате лордов 4 июля 1844 г., т. е. через три месяца после того, как было написано вышеупомянутое письмо: «*Маркиз Норманби спрашивает, были ли письма Маццини доведены до сведения представителей какой-либо иностранной державы. — Герцог Деллингтон: Мне об этом ничего неизвестно. — Граф Эбердин: Мне легче ответить на этот вопрос, и я могу уверить благородного лорда, что ни одного слова из переписки не было сообщено какому-либо лицу. — Гензорд, т. 76. Дебаты в Палате лордов.*

С удовлетворением узнав, что полное спокойствие царит в вашей провинции, выражаю обычные уверения моего глубокого почтения и, смиренно делая вашу руку, остаюсь

вашего высокопреосвященства
покорнейший, преданный и верный слуга
Л. кард. Ламбрускини.

Рим, 12 апреля 1844 г.

На обороте проставлен № 1736.

ДОКУМЕНТ XXXIII а

Кардинал-легат Болоньи папскому нунцию в Вене

Пересылается рукопись статьи для напечатания в «Augsburger Allgemeine Zeitung».

Сообщая, что «Аугсбургская газета» в своем 280-м номере опубликовала пространный рассказ о последних событиях в легатствах, содержащий много ошибок, автор письма в дальнейшем обращается к нунцию с просьбой получить от маршала Радецкого ответ на письмо, в котором было высказано желание, чтобы он предоставил в замке Феррары место для известных политических заключенных, недавно скомпрометированных в беспорядках, происходивших в легатствах.

Письмо помечено 22 октября 1843 г.

ДОКУМЕНТ XXXIII б

Кардинал-легат Болоньи маркизу Дж. Риччини, министру в Модене

Письмо содержит статью, написанную в опровержение мнений иностранных журналов, а также просьбу предложить ее вниманию герцога и устроить ее опубликование. Письма подобного же содержания были написаны кардиналом-легатом барону Орсини, министру в Лукке, а также соответствующим папским нунциям и консулам.

№ 113.

Болонья, 22 октября 1843 г.

Маркизу Риччини в Модене. «Аугсбургская газета» опубликовала длинную статью с рассказом о новейших событиях, происшедших в этих легатствах, к которому, однако, примешивается много искажений истины и преувеличений, имеющих тенденцию дискредитировать римское правительство. Эта и прочие аналогичные статьи подали мне мысль написать свою статью, которую я прилагаю в письме к вашему превосходительству, дабы вы могли предложить ее усмотрению его королевского высочества, вашего августейшего государя герцога. Я надеюсь увидеть ее в скором времени напечатанной в какой-либо газете, ибо является весьма желательным, ввиду нарушения истины, восстановить правительство в общественном мнении.

Пользуюсь благоприятным случаем уверить вас в моем уважении, в то же время выражая вам мое глубокое почтение.

ДОКУМЕНТ XXXIII в

Министр Благого Правительства Модены, маркиз Риччини, кардиналу-легату Болоньи

Подтверждает получение рукописей, касающихся последних событий в Романье, и сообщает, что министр распорядился немедленно напечатать их в «Моденской газете».

Модена, 27 октября 1843 г.

Министр Благого Правительства, государственный советник, губернатор города и провинции Модены его высокопреосвященству кардиналу-легату Болоньи.

Содержащаяся в рукописях статья, касающаяся последних событий в легатствах, препровожденная мне при вашем уважаемом послании от 22-го числа сего месяца за № 113 пр., не только была предложена вниманию е. к. в., моего августейшего государя и повелителя, выразившего свое удовлетворение, но также, с целью содействовать исполнению желания вашего высокопреосвященства, я распорядился напечатать ее в «Моденской газете», как вы убедитесь в этом из прилагаемого при сем экземпляра ее № 242.

С величайшим почтением и глубоким уважением имею честь быть вашего высокопреосвященства и т. д.

ДОКУМЕНТ XXXIII г.

Апостолический нунций в Вене кардиналу-легату Болоньи

Статья, составленная адвокатом Карло Монти в доме правительства, под руководством кардинала, была напечатана в «Augsburger Allgemeine Zeitung», № 322 от 18 ноября 1843 г., в качестве опровержения предшествующих статей, напечатанных в этой газете.

Высокопреосвященный и высокопреподобный князь, хотя я, не теряя времени, старался обеспечить опубликование в газете статьи о беспорядках в легатствах, каковую статью ваше высокопреосвященство и преподобие передали мне, она несколько запоздала и появилась только в приложении к газете 18 числа сего месяца.

Имея честь препроводить упомянутую статью вашему высокопреосвященству, считаю долгом сообщить вам, что было признано уместным опустить в ней те места, которые казались слишком явно направленными против издателя этой газеты, в противном случае он не согласился бы опубликовать ее. Оказалось также необходимым несколько сократить ее, оставив, однако, в неприкосновенности ее сущность, так что она достигает желаемого результата, как я уже это предвидел.

В добавлении к этой газете от 12 числа сего месяца появилась другая статья, преследующая ту же цель, помещенная монсieurом нунцием в Мюнхене. Я очень счастлив тем, что имел возможность оказать услугу вашему высокопреосвященству, и, выражая готовность принять от вас новые поручения, имею честь выразить вам мое глубокое уважение и, почтительно слагаясь перед свяшенным пурпуром, пребыть вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

архиепископ эфесский,

апостолический нунций.

Вена, 23 ноября 1843 г.

Его высокопреосвященству кардиналу Ваничелли Казони, кардиналу-легату Болоньи.

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Автор письма советует не помещать вышеупомянутой статьи в «Болонской газете», ибо может возникнуть подозрение, что она помещена правительством. Слова, напечатанные курсивом, в подлиннике написаны рукою кардинала Ламбрускини, который прибавил их в заключение письма.

40516—5.

Ваше высокопреосвященство и т. д., вскоре после прочтения оригинала статьи, которую ваше высокопреосвященство были столь добры мне прислать при секретном послании от 20 октября с. г. за № 1118, я получил «Венецианскую газету», выпущенную издателем Эмилиани с некоторыми изменениями. Эта газета, без сомнения, уже имеется у вас. Благодарю вас за ваше любезное сообщение, имею честь снова выразить вам мое глубокое уважение, с которым я смиренно целую вашу руку, *причем прибавляю, что в настоящее время было бы неблагоприятно публиковать присланную мне статью в этом журнале, ибо после ее публикации в Венеции могло бы возникнуть подозрение, что она послана нами.*

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

Л. кардинал *Ламбрускини.*

Рим, 2 ноября 1843 г.

Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ ХХХІІІ е

Кардинал Ламбрускини папскому легату в Болонье

Автор письма советует войти в переписку с папским нунцием в Париже с целью побудить его поместить статью в защиту швейцарских войск, в то же время советуя ему принять все предосторожности для недопущения предположения, что она исходит от папского правительства.

Ваше высокопреосвященство и т. д. Нет ничего удивительного, что иностранная печать полна клевет, и ваше высокопреосвященство должны вместе со мною считать их достойными только презрения, хотя генерал де Салис выразил желание, чтобы в «Болонской газете» была напечатана статья, которая опровергла бы другие газеты, в частности приложенный им номер «Journal des Débats», задевающий честь швейцарских войск. Принимая во внимание его официальное положение и желание его офицеров, я считаю соответствующим удовлетворить его тем или иным способом и напечатать аналогичное опровержение во французских или других иностранных газетах.

Для выполнения этого ваше высокопреосвященство могли бы непосредственно войти в сношения с апостолическим нунцием в Париже, предоставив ему заботу о помещении в печати такой статьи с опровержением, что считается желательным.

Однако, с свойственной вашему высокопреосвященству великой прудумительностью вы усмотрите *необходимость предостеречь его о том, что статья с опровержением ни в каком случае не должна показаться исходящей от папских властей.*

Отвечая таким образом на ваше конфиденциальное послание от 3-го числа сего месяца за № 1177, имею честь повторить выражение моего глубочайшего уважения, в заключение смиренно целую вашу руку.

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

Л. кардинал *Ламбрускини.*

Рим, 14 ноября 1843 г.

Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ ХХХІІІ ж

Кардинал Ламбрускини кардиналу-легату Болоньи

Автор письма выражает свое неудовольствие иностранной прессой за выражаемые ею мнения о папском правительстве и указывает на необходимость создать противовес ее действию посредством помеще-

ния статей, которые докажут фактическую *истину*. В этом мы видим доказательство того, что папское правительство желало оправдаться, хотя оно и было осуждено общественным мнением. Далее он (кардинал) говорит, что «Univers» и «Union Catholique» по разным поводам брали на себя это поручение. После этого официального признания вышеупомянутым газетам будет нелегко попрежнему называть себя *беспристрастными органами*, в то время как в действительности они поддерживают римский двор.

55222—6.

Ваше высокопреосвященство и т. д., среди потока газет, в настоящее время наводняющего все страны и широко сеющего омерзительные принципы, неудивительно, что по поводу инцидента в Римини римское правительство подвергается оклеветанию в тысяче различных видов. Несмотря на все предосторожности, принимаемые для того, чтобы помешать чтению журналов, признаваемых самими губительными, я считаю трудной, если не невозможной, задачей воспрепятствовать их распространению тайными способами. Взвешивая это обстоятельство, а также восхищаясь мудрыми советами, высказанными мне вами, я был бы рад и считал бы весьма полезным создать противовес действию названных журналов посредством помещения в этих самых журналах статей, которые пролили бы полный свет на положение дел, и таким образом рассеять эти клеветы, злобно изрыгаемые против действий римского правительства и против законов. Однако вы должны были видеть, что «Univers» и «Union Catholique» часто брали на себя эту задачу, в частности в №№ 5 и 7 текущего месяца. Но, несмотря на то; что эти и другие органы иногда становятся на нашу сторону, ваше высокопреосвященство должны сознавать необходимость опровергнуть известные статьи, и я всецело представляю вам эту задачу, будучи вполне убежден, что приличие и серьезность будут главными достоинствами такого рода статей. Поскольку мы заговорили об этом предмете, я считаю также нужным указать вашему высокопреосвященству, что такие статьи надлежит помещать в иностранных, а не в наших собственных

изданиях, а также иметь в виду необходимость скрывать какое бы то ни было наше участие в их публикации. Однако эти указания не помешают мне делать то же самое соответственно требованию обстоятельств.

Ответив на ваше конфиденциальное послание от 17-го числа сего месяца за № 2491, имею честь снова выразить чувства моего глубокого уважения и смиренно поцеловать вашу руку.

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.
Л. кардинал *Ламбрускини*.

Рим, 23 октября 1845 г.

Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ XXXIII з

Адвокат Монти доктору Лудовико Арце, управителю при легатстве Болоньи

Автор письма сообщает о составляемой им статье для опровержения манифеста инсургентов Римини. Это собственноручное письмо представляет исключительный интерес, обнаруживая необычайную хитрость в соединении с большим знанием политики.

Дорогой друг, я боюсь, что его высокопреосвященство думает, что я умер или подпал под власть лени и апатии. Я не осмелился посетить его, пока мое произведение не будет окончено. Однако это нелегкое дело—окончить его, принимая во внимание, что днем я так занят разными многочисленными работами в связи с уголовными процессами и политическими делами. Тем не менее я стараюсь обдумать и выполнить этот труд так, чтобы он удовлетворил всем требованиям, и написать его так, чтобы он читался с интересом любым лицом, ни у кого не задевая страсти и взглядов. Я считаю это лучшим способом привести в замешательство наших противников. Я постоянно имею в виду, что мне надо привести в порядок идеи, ничего не оставлять без внимания, выражаться как можно более сжато, употреблять полный достоинства стиль, осно-

ванный на принципах политической науки, далее—написать самую статью и, наконец, переписать рукопись одной и той же рукой. Всего этого достаточно, чтобы объяснить мое промедление и извинить человека, располагающего для работы только вечерним временем. Я прочитал еще неоконченную статью в «Моденской газете». Хотя эта статья посвящена той же теме, что и моя, она не повредит ни мне, ни самому предмету, который послужил для нее поводом. В некоторых пунктах мы смотрим на дело одинаково, однако моденская статья (насколько можно пока судить) обсуждает вопрос не с общей точки зрения, которую ставлю себе целью я, да и самую попытку нельзя назвать удачной, поскольку в статье есть внутренние противоречия. Мой труд почти окончен, и две трети статьи уже имеются в копиях. Через два дня я ее окончу совсем, и если бы вы могли пожертвовать мне полчаса времени, я был бы очень рад узнать ваше мнение о ней до ее отправки, ибо я еще не добыл дат для всех документов, цитированных в ней. Прибавлю в заключение, что я рассчитываю на ваше дружеское содействие в оправдании меня перед его высокопреосвященством за мое промедление, и я изложил положение дела на первой странице этого письма в надежде, что вы найдете доводы в мое оправдание. Прошу вас всегда полагаться на мою дружбу.

Ваш преданнейший слуга и друг

Карло Монти.

Канцелярия, 1 ноября 1845 г.

ДОКУМЕНТ XXXIV

Кардинал Ламбускини кардиналу-легату Болоньи

44411—5.

Ваше высокопреосвященство и т. д. После открытия попытки, сделанной политическим заключенным Евсебио Барбетти в целях возобновления сношений с заграничной, как сообщали мне ваше высокопреосвященство в вашем весьма секретном послании от 10 числа сего месяца за № 1938, я могу только одобрить сделанное вами

распоряжение отправить его либо в секретные камеры Пезаро, либо в крепость Сан-Лео. Из послания я усматриваю, что ваше высокопреосвященство добились сведения о неверном тюремщике, который способствовал злоумышлениям Барбетти. Я не сомневаюсь, что когда доказательства его преступления будут получены, провинившийся безотлагательно понесет заслуженную кару, могущую послужить примером для других, которым вверена строгая охрана заключенных.

С глубочайшим почтением смиреннейше целую вашу руку.

Вашего высокопреосвященства покорнейший и т. д.

Л. кардинал *Ламбускини*

Рим, 16 июля 1844 г.

Кардиналу-легату Болоньи.

ДОКУМЕНТ XXXV

Римская республика—Триумвират

Рим, 19 апреля 1849 г.

Гражданин! Вы отправитесь в Анкону, имея поручение произвести репрессии, каковое поручение можно выразить в немногих словах: «Вернуть Анкону республике». Убийство не есть республика. Анкона является ныне ареной организованных убийств. Необходимо применить репрессии и наказания. Необходимо прекратить состояние анархии в этом городе. Пред лицом Италии и всей Европы мы должны защитить благосостояние страны и честь республиканского флага. Быть может, вы встретите в Анконе двух из народных представителей, граждан Барнабеи и дель Онгаро. В таком случае вы посоветуетесь с ними и будете действовать в качестве третьего комиссара республики.

От нашего имени вы скажете им, какие инструкции вы получили от нас в промежутке времени, последовавшем за их отбытием из Рима, в отношении положения дел в Анконе и совершенных там недавно убийств, и вы вмените им в обязанность энергию в подавлении,

ДОКУМЕНТ XXXVI

Римская республика—Триумвират

№ 2790.

Рим, 19 апреля 1849 г.

Гражданин. Триумвират назначает вас чрезвычайным комиссаром для специальной миссии в Анкону и в соответствии с этим облакает вас всеми полномочиями, необходимыми для выполнения поручения, возложенного на вас, с передачей вам секретных инструкций.

Пользуюсь случаем выразить вам мое уважение, с каковым посылаю вам братский привет

за Триумвират

Джузеппе Маццини
А. Саффи.

Гражданину капитану Орсини,
народному представителю.

ДОКУМЕНТ XXXVII

Римская республика—Триумвират

Рим, 19 апреля 1849 г.

Гражданин, отправляя вас в Анкону в качестве чрезвычайного комиссара с специальной миссией, Триумвират намерен облечь вас всеми полномочиями, необходимыми для выполнения данных вам приказаний, так что врученная власть не должна встречать никаких помех, для чего вы по этому случаю объявляетесь единственным представителем правительства в вышеупомянутой провинции.

Вы воспользуетесь этими полномочиями только в случае, если найдете необходимым объявить о них, причем мы предоставляем вашему благоразумию решить, окажется ли и когда окажется, в этом надобность.

Также и по этому случаю прошу принять мой братский привет.

Джузеппе Маццини, триумвир,
А. Саффи, триумвир.

Гражданину капитану Орсини,
народному представителю.

большую, нежели была предписана в данных им инструкциях. Вы объясните им, что Рим не может допустить, чтобы, благодаря инертности или ложной умеренности, его считали соучастником убийств; в целях торжества нравственности будем защищаться от реакции, лучшим поводом для которой был бы именно недостаток безопасности, благодаря чему стало бы необходимым вмешательство иностранцев. Виновные должны быть наказаны. Вы скажете, что нами даны строжайшие приказания нашим должностным лицам в провинции Асколи и в других местах, направленные к сокрушающему уничтожению реакции. Но организованное убийство мы считаем худшим видом реакции, и республика погибнет, если вместо того, чтобы представлять страну, она ограничится представительством одной партии.

Подстрекатели и вдохновители убийств должны быть арестованы и наказаны согласно закону вместе с их подчиненными, которые, быть может, считают себя только обманутыми исполнителями приказаний. Милосердие может быть совместимо с законом.

Если бы даже правительство оказалось принуждено половиной армии направить против Анконы, оно полно решимости выполнить вышеупомянутое намерение.

Правительство рассчитывает на то, что оба комиссара объединятся с вами для выполнения этого поручения, но если этого не будет, оно прежде всего добьется осуществления своих намерений и затем откажется от власти; скажите об этом всем истинным патриотам!

Вы будете сноситься с губернатором относительно дальнейших инструкций. Он поймет необходимость оправдать свою прежнюю инертность удвоенной энергией и деятельностью.

Когда аресты будут произведены и наши приказания выполнены, вы вернетесь из Анконы в Рим.

В ваше распоряжение предоставляются карабинеры, национальная гвардия и все военные силы, находящиеся ныне в Анконе.

За Триумвират

Джузеппе Маццини
А. Саффи.

ВЭ Эти инструкции собственноручно написаны Маццини.

(Весьма секретно)

Гражданин комиссар, правительство получило из Анконы донесения о совершенных в последние дни убийствах Серванти и братьев Анжелуччи. Эти донесения называют сообщниками преступления членов полиции, и среди них упоминаются *** и ***.

Замешан в этом деле также**, а также имеются серьезные подозрения против других. Однако правительство не склонно этому верить.

Дальнейшие донесения сообщают, что все убийства, недавно имевшие место в Анконе, были совершены при попустительстве шести новых полицейских и известного***.

Не имея необходимых данных, Триумвират не может составить себе определенное убеждение в этом деле, однако он ясно понимает всю его важность, и, являясь правительством, проникнутым принципами нравственной чистоты и гуманности, он чувствует отвращение к жестокостям, которые, к несчастью, имели место. Однако он покажет себя неумолимым в наказании по всей строгости закона каждого, кто оружием или попустительством скомпрометировал себя в этих незаконных деяниях, и установит, соответствует ли истине то, что сообщено о них, дабы, таким образом, можно было принять меры для наказания виновных и восстановления авторитета законов, а также порядка и чести республики.

После этих объяснений правительство требует от вас самого тщательного внимания и попечения о том, чтобы Серванти и другие лица, раненные вместе с ним, находящиеся ныне в больнице, получили помощь и покровительство и таким образом подобные варварские покушения стали бы невозможны в будущем.

А. Саффи, триумвир.

Армеллини, триумвир.

Гражданину капитану Орсини,
народному представителю.

№ 3052

Рим, 23 апреля 1849 г.

Гражданин, уже после вашего отъезда мы узнали, что количество карабинеров в Анконе менее того, какое мы предполагали. С другой стороны, полученные нами сообщения требуют энергичных действий против виновных в зверствах лиц. Нами послан курьер в Асколи с приказанием, чтобы часть 2-го полка легких войск оказала вам поддержку. Она прибудет в возможно кратчайший срок. Когда прибудет этот отряд, приступайте к действиям. Попытки соглашений не приведут ни к чему. Помимо преступления, которым их виновники пятнают республиканский флаг, помимо раздающихся голосов, несправедливо обвиняющих правительство в попустительстве или преступной мягкости, мы получаем угрожающие телеграммы из-за границы, из Франции и Англии. Вы должны действовать с быстротой, и мы рассчитываем на ваше рвение.

Вы будете действовать в согласии с губернатором. Приступайте к арестам. Организуйте комитет на подобие военного совета, с защитником закона в качестве обвинителя и официальным защитником для обвиняемых, которые должны быть избраны из среды военных или граждан города.

Если окажется необходимым, объявите Анконе на осадном положении до тех пор, пока ваша воля не будет выполнена. Сохраните расположение к вашему

Джузеппе Маццини, триумвиру,
Капитану Орсини, комиссару
Триумвирата в Анконе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕЛУ О ПОКУШЕНИИ ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ НА НАПОЛЕОНА III в 1858 г.

Мы получили возможность использовать здесь копии нигде не опубликованных документов, хранящихся в архивах Франции и Австрии, благодаря содействию Г. Е. Моргулиса, за что приносим ему свою искреннюю признательность

г. Доклад прокурора Шэ д'Эстанжа министру юстиции о ходе следствия по делу Орсини и других

Национальный архив г. Парижа ВВ³⁰419

15 января 1858 г.*

Господин министр!

Я только что сделал устный доклад вашему превосходительству относительно результатов, добытых следствием. Оно началось вчера вечером и с тех пор продолжается непрерывно. Сведения, которые я имел честь передать вам, полученные в спешном порядке, неизбежно содержат какие-либо неточности. Я хочу попытаться здесь несколько привести их в порядок. (Подчеркнуто автором. Прим. ред.)

* Приводимый архивный документ написан карандашом и в таком виде дошел до нас. Следствие велось столь лихорадочными темпами, что некогда было заниматься перепиской набело прокурорских докладов. Это было на второй день после покушения, когда прокуроры обычно с «искренним» патриотическим негодованием соединяют не менее искреннее желание получить орден за «быстроту и распорядительность». Прим. ред.

В депеше, адресованной г. министру иностранных дел французским послом в Брюсселе, сообщалось о проезде через этот город некоего Пьери (в подлиннике фамилия эта несколько искажена, в дальнейших документах она приводится в разных транскрипциях. *Прим. ред.*), а также об его отъезде в Париж с целью подготовки выполнения самых скверных замыслов. Внимание полиции на этого субъекта было обращено, его разыскивали, но так и не смогли его во-время арестовать, когда совершенно неожиданно он был опознан одним полицейским агентом, по фамилии Гебер, вблизи Оперного театра, перед самым прибытием кареты его величества. Немедленно после этого без всякого шума и осложнений Пьери был арестован.

Спустя несколько мгновений после этого имело место покушение. В результате произведенного обыска у Пьери были обнаружены: нож-кинжал, заряженный револьвер и, наконец, военный снаряд, описывать который я считаю излишним. Пьери был переведен в полицейскую префектуру и там подвергся допросу в присутствии вашего превосходительства. Он заявил, что в Бирмингеме, где он жил, занимаясь преподаванием иностранных языков, один человек, которого он называет Оллсопом*, предложил ему испытать действие подобных снарядов в Италии, куда он собирался. Он добавил, что в день покушения у него было назначено свидание с Оллсопом на 4 часа дня. Они намеревались подвергнуть в одном монмартрском тире испытанию как эту машину, так и револьвер, которым он был снабжен. Прождав безрезультатно Оллсопа, он возвращался к себе и совершенно случайно проходил мимо Оперного театра, когда был там арестован.

Пока он вел свой рассказ, преисполненный нелепостей, полиция, используя некоторые показания, начала розыски Оллсопа. Он был арестован в постели,

* Оллсоп — фамилия английского радикала, снабдившего Орсини своим паспортом. Под этим именем Орсини и был арестован после покушения 14 января. Нет никаких сомнений в том, что Оллсоп и с материальной стороны содействовал осуществлению террористических замыслов Орсини. *Прим. ред.*

однако на голове у него были раны, закрытые перевязками. Его отвели в полицейскую префектуру и там допросили. На допросе он объявил себя англичанином, но говорил на этом языке так неудовлетворительно, что очень нетрудно было установить, что английский язык не является для него родным. Когда же префект заговорил с ним по-итальянски, он сразу же сознался в том, что он итальянец и что его настоящее имя — Орсини. Была устроена очная ставка между ним и Пьери, во-время которой Пьери сначала заявил, что он не знает его. Орсини при этом выразил изумление, после чего они признали друг друга, и стало ясно, что Орсини — один из видных руководителей, если не главарь всего заговора.

В течение первых же розысков, когда полиция осматривала дома, расположенные по соседству с Оперным театром, в одном кафе обнаружили человека, взволнованное состояние которого показалось подозрительным. Несмотря на легковесность этого признака, он был временно задержан. Лицо это оказалось неким Гомецом. Вот что было обнаружено предварительным следствием, а также собственными показаниями Гомеца, в отношении как его самого, так и тех лиц, сообщников которых он был:

Гомец знал в Англии Орсини и Пьери. Он даже видел несколько месяцев тому назад у Орсини модель бомб, еще незаконченную. Несколько дней тому назад он еще был в Бирмингеме, когда получил от Пьери, находившегося в Лондоне, письмо, в котором Пьери уведомлял его о том, что он нашел для него место у Орсини и что вследствие этого ему надо немедленно отправиться во Францию. Он назначил ему свидание на 7-е с. м., в четверг. Гомец, на самом деле, прибыл туда с паспортом на имя Суини и там нашел Пьери, который просил его подождать, потому что у него было дело в Брюсселе. При этом он обещал вернуться из Брюсселя в тот же вечер.

Действительно, Пьери уехал, и, по сведениям, дошедшим до полиции немедленно, у него были совещания с Шассье и Жоли.

Вернувшись в тот же вечер в Лилль, он немедленно уехал с Гомецом в Париж, куда они прибыли в пятницу

утром и отправились вместе ночевать в одну и ту же комнату в гостинице «Отель Франс и Шампань». В тот же день, 8-го, Пьери вступил в сношения с Орсини, и они отправились вместе к Девизму купить револьвер, который после события был найден вблизи Оперы, рядом с нетронутой бомбой.

Так как с этим револьвером произошли какие-то недоразумения, Гомец несколько раз возвращался к Девизму и энергично настаивал на получении оружия, которое, по его словам, ему крайне нужно.

Служащие Девизма прекрасно опознали Пьери, Орсини и Гомеца.

В понедельник утром Гомец, все под тем же именем Суини, в качестве слуги поступил к Орсини. Молодой человек, по имени да Сильва, прибывший в воскресенье вечером, занял в понедельник утром при посредстве Пьери вакантное место Гомеца.

Продолжая свой рассказ, Гомец заявил, что в день покушения около 8 часов вечера они собрались вчетвером на улице Монтабор, у Орсини, и оттуда отправились все вместе, причем Пьери и Орсини заявили, что они отправляются в Оперу убить императора.

Между тем полиция около 1 часа ночи посетила «Отель Франс и Шампань», где обнаружила полуодетого да Сильва, который был арестован.

Да Сильва, энергично допрошенный вчера во второй раз, кончил тем, что признал наиболее решающие факты. Он признал; что его имя не да Сильва, а граф де Рудио; родился он в Беллуно (Венецианское государство) 28 августа 1832 года. Он признал Орсини, признал Пьери, вместе с которым он жил. Впрочем, он заявляет, что не был знаком с их проектами.

Он показывает, что в день покушения он обедали около 5 часов дня вместе с Пьери в пассаже Сомон. Этот факт признает и Пьери. Уйдя оттуда, они возвратились в гостиницу. Там ему пришлось отлучиться по срочной надобности. Находясь в отсутствии несколько минут, он слышал, как какой-то человек, поднявшись по лестнице, вошел в их комнату. Когда же он вернулся в комнату, он увидел там Орсини, который собирался уйти с Пьери. По его словам, он проводил их на улицу, и Орсини вместе с Пьери сели в карету и отправились к

Орсини, где через некоторое время он и застал их. Оттуда около 8 часов они вчетвером, считая и Суини, отправились дальше, и он расстался с ними на углу бульвара и улицы Лепелетье. (Тут и имело место покушение на Наполеона III. *Прим. ред.*)

Таковы, господин хранитель печати, первоначальные сведения, собранные следственными властями. Невозможно было собрать их более решительно и быстро. Я страшно занят, и у меня едва хватает времени, чтобы выразить вам чувство моего уважения.

Подписано: Шэ д'Эстанж.

Суббота, вечер.

2. Попытка приписать дело Орсини «Центральному европейскому комитету»

В ту эпоху, к которой относится дело Орсини, пугалом реакционных европейских правительств были те лондонские революционные организации, которые состояли из эмигрантов разных стран и разнообразнейших политических устремлений. Полицейская версия склонялась к тому, что любой террористический акт не только вдохновлялся, но и с материальной стороны осуществлялся этим комитетом, представлявшим блок различных демократических эмиграций.

В 1852 г. этот комитет состоял из Мазцини (Италия), Кошута (Венгрия), Ледрю Роллена (Франция), Арнольда Руге (Германия), Братиано (Румыния) и Ворцеля (Польша).

Нижеприводимый документ и представляет попытку «примешать» этот комитет к покушению 14 января:

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ.

Департамент

уголовных дел и помилований.

1-е бюро № 1540 Р.

(Отправка 4 манифестов.)

Отправлено 20 января 1859 г.

Г-ну генеральному прокурору г. Парижа

Посылаю вам для приобщения к следственному материалу по делу о покушении 14 января копии 4 мани-

фестов, адресованных из Лондона Виктором Гюго, Маццини, Кошутом и Феликсом Пиа 8 и 10 января с. г. членам демагогической партии. Эти манифесты, прибывшие в Лион 14 января по линии Париж—Лион, были подброшены на станции Сен-Ранбор, весьма близко расположенной к городу.

Полиция до сих пор не смогла обнаружить подлинники, которые, кажется, были написаны в двух экземплярах.

20 января 1858 г.

(Подпись)

3. Второе донесение имперского прокурора о ходе следствия

Париж, 23 января 1858 г.

КАБИНЕТ ИМПЕРСКОГО ПРОКУРОРА

Рудио сделал важные разоблачения. Вот как выглядят факты в его сегодняшнем изложении. В Париж его отправил Бернар после того, как спросил его, намерен ли он работать вместе с Орсини. Прибыв в Париж, Рудио немедленно был посвящен во все тайны Орсини после того, как он дал ему слово не раскрывать секрета. Орсини ему заявил, что речь идет об убийстве императора, Орсини открыл ящик своего письменного стола и показал Рудио пять бомб, которые он, по его словам, изготовил сам. При этом присутствовал Пьер. 14-го вечером аресованные отправились вместе на улицу Монтанбор. Орсини передал одну бомбу Рудио и рекомендовал ему бросить ее в карету императора, как только взорвется первая бомба. Рудио прибавляет, что, когда наступил момент исполнения плана, у него нехватало на это решимости. (Почти непереводаимо с французского,—ближе к тексту: «ему изменило сердце»). *Прим. ред.*), и он поспешил удалиться от места преступления, направляясь к площади Согласия и унося с собой бомбу и револьвер, которым он был вооружен. На площади Согласия он подошел к мосту и бросил бомбу в Сэну. Что касается револьвера, последний оказался ему настолько красивым, что он решил

сохранить его и унес его в «Отель Франс и Шампань», где его и нашли в его ящике.

Я забыл еще упомянуть, что, по словам Рудио, револьверы были заряжены Пьером в тот момент, когда они собрались пойти к Оперному театру.

В связи с данными допроса я принял меры против Бернара*. Мандат об аресте, который будет написан, будет также соответственным образом нотифицирован, как этого требует статья 60 кодекса о судопроизводстве.

Хотя версия Рудио относительно употребления, которое он сделал из своей бомбы, в достаточной мере опровергается следствием и его собственными показаниями, поскольку Орсини имел всего пять бомб, из которых три взорвались, а две были схвачены, все же будут произведены поиски в указанном месте Сены...

P. S. Только что доктор Тардые доставил свой отчет о посещении всех жертв покушения. Вот итоги:

Убитых	2
Смертельно раненых.	9
Крайне тяжелые раны.	19
Тяжелые раны.	56
Легкие раны	55
<hr/>	
Всего	141

4. Англо-французский полицейский альянс в деле Орсини

В некоторых главах своих «Мемуаров» Орсини довольно лестно отзывался об английских «свободах». Местами он доходит до того, что называет Англию своей «второй родиной» и заверяет, что, если бы иссякла необходимость сражаться за независимость Италии, он по первому требованию готов пролить свою кровь за Англию. Больше всего его тронуло во время его

* Бернар—французский революционер, проживавший в Лондоне на положении эмигранта. Речь, повидимому, идет о дипломатическом требовании его выдачи английским правительством французскому суду. *Прим. ред.*

Политическому департаменту.

Спешно (подтвердить
получение)

Я принял г. Чарльза Ярдлэй и познакомил его с префектом полиции, а также с судебным следователем Трельяром. Рассмотрение захваченных документов началось вчера в здании суда под руководством г. Трельяра. Если это рассмотрение приведет к серьезным результатам, я сообщу о них.

31 января.

Сотрудничество по вопросу экспертизы бомб

В этом вопросе принимают деятельнейшее участие не обыкновенные полицейские, а наиболее высокопоставленные сановники обеих империй:

29 января 1858 г. Вавевский пишет министру юстиции:

Милостивый государь и дорогой коллега!

Английское правительство поручило одному из высших чинов британской полиции привезти в Париж и предоставить в ваше распоряжение все бумаги, которые были захвачены в квартире Пьери в Бирмингеме и в квартире Орсини в Лондоне. Я приглашаю этого агента явиться в ваше министерство, но, так как он не имеет права отдавать из своих рук порученные ему документы, вы, надеюсь, поручите чиновникам вашего департамента сговориться с ним о том, как ознакомиться с содержанием документов и, если можно, получить копии их. Может быть, вы найдете также полезным установить связь между ним и префектом полиции или соответствующими следственными властями.

Примите и пр.

(Вавевский)

В министерство юстиции.

Заметка на особой записке: «Чарльз Ярдлэй». (фамилия командированного английского чиновника).

*«Незаконные» документы рассматриваются
специальной комиссией*

В ответ на отношение министра иностранных дел Вавевского один из чинов министерства юстиции доносит:

Милостивый государь и дорогой коллега!
Правительство его королевского величества (британского) сообщило мне в чрезвычайно конфиденциальной форме, что оно надеется раскрыть происхождение и способы приготовления тех снарядов, которыми пользовались участники покушения 14 января. Чтобы легче достигнуть этого, оно желало бы получить возможность исследовать в Лондоне одну из захваченных бомб. Я буду вам весьма признателен, если вы мне поможете в кратчайший срок получить возможность удовлетворить эту просьбу...

Как видно, полицейское сотрудничество между обеими империями был поставлено идеально, ибо через несколько дней граф Персиньи (ближайший сотрудник Наполеона по неудавшемуся страсбургскому «путчу», впоследствии назначенный французским послом в Лондон) посылает министру иностранных дел следующее письмо:

Лондон, 2 февраля.

Господин граф!

Я получил с курьером Кристофом ящик, в котором содержится одна из бомб, захваченных после покуше-

ния 14 января. Я поспешил отнести ее лорду Кларендону, который показал мне другую такого же изготовления, но больших размеров, переданную бирмингемским фабрикантом агенту Сандерсу. Этот фабрикант рассказал все подробности, относящиеся к изготовлению этих страшных снарядов. Он полагал, что речь идет только об изучении и опытах с военными снарядами. Заказы были сделаны Орсини, а заплатил за них Оллсоп, причем платеж достигал суммы в 10 фунтов стерлингов. Теперь уже ясно, что Оллсоп—не только вымышленное существо, которое должно было помочь Орсини скрыть свою фамилию. Имя это принадлежит реальному существу—англичанину, сильно скомпрометированному в сем гнусном покушении.

(Персиньи)

Английское правительство, разумеется, отдавало себе отчет в том, что, с точки зрения английской конституции, оно не имело права на сотрудничество с французскими властями в расследовании обстоятельства покушения 14 января, а в особенности на производство обыска в квартирах Орсини и Пьери. Этим и объясняется то обстоятельство, что оно «не позволило» английской охране передавать французским властям подлинные документы, захваченные во время незаконно произведенных обысков, но зато дало возможность получить копии интересовавших их документов.

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.
Политический департамент.

Весьма конфиденциально

(Департаменту уголовных дел.

Написать в том же духе имперскому суду)

Париж, 3 февраля 1858 г.

Милостивый государь и дорогой коллега!

Господин английский посол получил поручение от лорда Кларендона сообщить мне, что, передавая вам документы, захваченные у Пьери и Орсини, правительство его величества отдавало себе отчет в том, что оно нарушает предписания английского закона. Поэтому

оно придает чрезвычайное значение тому, чтобы ни в ходе следствия, ни во время процесса и вообще из любого употребления, которое из них может сделать французское правительство, нельзя было бы констатировать этой передачи.

Поэтому я, не теряя ни секунды, сообщаю вам об этом пожелании и прошу вас во всем руководствоваться им.
(А. Валевский)

Его превосходительству
министру юстиции.

5. *Французская юстиция продолжает искать связей между Орсини и «Комитетом»*

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ.

Департамент
уголовных дел и помилований.
1-е бюро № 1540 P.

Отправлено 5 февраля 1858 г.

Генеральному прокурору г. Парижа

Мне необходимо ознакомиться с материалами судопроизводства, имевшего место в сенском трибунале: 1) в отношении Пианори, автора покушения 28 апреля 1855 г. на жизнь императора, которого судили в том же году, 2) в 1857 г. в отношении Тибальди, Бартоллотти, Грильи и др. за заговор против жизни императора, дело которых разбиралось судом Сены 7 августа и 3 сентября прошлого года.

Прошу вас дать указание, чтобы они немедленно были переданы в мое распоряжение.

5 февраля 1858 г. (Подпись министра)

Я вместе с тем хотел бы иметь точную копию постановления сенского суда, заочно осудившего Маццини, Ледрю Роллена и Кампанеллу.

6. *Письмо Жюля Фавра Наполеону III. Ходатайство жены Орсини*

В числе немногих документов, сохранившихся в Парижском национальном архиве по делу Орсини, имеется папка со следующей надписью: «Дело Орсини, Пьери

и де Рудио*, приговоренных 26 февраля 1858 к наказанию за отцеубийство**, как виновных в покушении на жизнь императора».

Второй заголовок на папке гласит: «Просьба о помиловании».

Однако при ближайшем ознакомлении с перечнем документов, содержащихся в папке, выясняется, что в ней имеются только просьбы о помиловании де Рудио и его адвоката Матье, такое же ходатайство Пьери и заявление жены Орсини, пересланное императору защитником Орсини, знаменитым адвокатом Жюлем Фавром, а также сопроводительное письмо Фавра, которое им было приложено к заявлению Ассунты Орсини. Сам же Орсини никаких заявлений и ходатайств о каком бы то ни было смягчении его участи не подавал. Это в корне противоречило бы его натуре... Ниже мы увидим, что даже в приписываемых ему письмах к Наполеону этот вопрос не поднимается.

Обратимся к содержанию папки.

7. Национальный архив В В 30 440

ИМПЕРСКИЙ СУД В ПАРИЖЕ.

Департамент Сены.

Парижский трибунал.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ.

Департамент

уголовных дел и помилований.

2-е бюро.

Генеральный секретариат.

Регистр 58—№1086.

Зарегистрировано 2 марта 1858.

Решение от 12 марта 1858.

10 марта 1858 г.

Ваше величество!

Имею честь повергнуть к вашим стопам прошение о помиловании, подписанное женой и двумя маленькими детьми несчастного Орсини.

* Об осужденном Гомеце в этой папке документов нет.

** Вторая империя ввела в действие закон, приравнивавший убийство императора и покушение на него к отцеубийству. *Прим. ред.*

Чтобы выполнить этот благочестивый долг, они прибыли сюда из Ниццы. И я, с моей стороны, если бы меня не приковала к постели жестокая болезнь, вызванная переживаниями во время этого печального процесса, просил бы ваше величество оказать мне честь уделить несколько минут, которые позволили бы мне присоединить к их просьбе и мою.

Лучше, чем кто-либо другой, я могу судить Орсини: его преступление велико, но его пылкая душа впала в заблуждение, будучи увлечена его страстной любовью к отечеству, и это лихорадочное стремление к освобождению Италии не может встретить равнодушного отношения со стороны вашего величества.

Эта благородная цель, к которой с такой настойчивостью стремился всегда Наполеон I, всегда соответствовала традициям и судьбам Франции.

Помиловать Орсини—значит дать всей Европе доказательство вашей твердой решимости поддержать эти принципы, это значит—ответить великодушным актом на все подлые замыслы, направленные против вашей личности, это значит еще—величайшим проявлением силы воли, которое когда-либо могло исходить от императора, подвергшегося нападению, вышибить оружие из рук убийц в будущем.

Ваше величество!

Интерес, с которым общественное мнение относится к личности Орсини,—интерес, распространению которого содействовало ваше величество, разрешив опубликовать его защитительную речь,—достаточно ясно говорит о том, что вряд ли когда-либо представлялся более благоприятный случай для проявления милосердия.

Мне известно, что ее императорское величество, жизнь которой подвергалась опасности наравне с вашей, склонялась в сторону жалости. Я прошу ваше величество, что бы ни произошло, разрешить питать к ней за это вечную признательность.

Имею честь, ваше величество, с глубоким уважением пребывать вашего величества смиреннейшим и покорнейшим слугой.

Жюль Фавр.

Ходатайство жены Орсини написано на итальянском языке.

Его величеству императору Наполеону III.

Ваше величество!

Прибыв из Италии сегодня утром, припадаю к стопам вашего императорского величества с двумя несчастными дочерьми Феличе Орсини, моего осужденного мужа. Да сжалится ваше величество над нами и прострет свою могущественную руку для спасения от позорной смерти отца двух несчастных малюток, которым в противном случае не суждено во всю свою жизнь ничего другого не знать о нем, кроме его жалкой кончины! Да сжалится великодушное сердце вашего величества над такой бездной несчастья и пошадит итальянскую кровь, которая была кровью и его предков!

Ради имени, которое так дорого сердцу вашего величества, ради имени наследного принца,—милосердия! милосердия!

*Ассунта Орсини.
Эрнестина Орсини.
Ида Орсини.*

8. Вокруг участи Феличе Орсини

Независимо от того факта, что сам Орсини не принимал никаких шагов к смягчению своей участи, вопрос о ней волновал высшие сферы империи. Сам Наполеон колебался между двумя возможностями: помиловать Орсини и разыграть роль великодушного монарха, как ему советовал в своем письме Жюль Фавр, ослабив тем самым позицию своих непримиримых врагов, или казнить его и тем самым навсегда порвать нити, которые с малых лет связывали его с освободительным итальянским движением, раз навсегда показав, что итальянским патриотам нечего рассчитывать на его помощь. Эта связь давно уже тяготила и компрометировала «венценосного» монарха, теперь стыдившегося своих юношеских увлечений. Разве Жюль Фавр и жена Орсини не намекали в своих обращениях к нему на эту связь его с угнетенной Италией? Кроме того, он знал, что покушение Орсини вызвало глубокую симпатию к себе не только в Италии, но и в самом Париже,—блужники Парижа

приветствовали в Феличе Орсини не только борца за освобождение Италии (в сущности, итальянские дела их интересовали сравнительно мало), а героя-тираноборца, успешный акт которого мог бы избавить их от реакционнейшего режима Второй империи. Он знал об этом из достоверных донесений ближайших подчиненных (см. ниже отношение парижского префекта Пьетри). Нужно ли было проявлением слабости показать, что империя, во главе с ним, трепещет перед блужниками предместий? Не нанесло ли бы помилование Орсини непоправимого урона его престижу?

Надо сказать, что альтернатива эта была трудной не только для самого Наполеона III, но и для его приближенных. Вокруг участи Орсини Наполеоном был организован своеобразный «плебисцит». И он сам и, по его поручению, министр юстиции запрашивали высших чиновников о том, к какому решению было бы целесообразнее, с точки зрения государственных интересов, склониться? «Чиновный» плебисцит привел к тому, что среди приближенных Наполеона по вопросу об окончательной участи Орсини образовалось два «течения»: одно—за «великодушие» по деловым соображениям, другое—за «политику твердой руки». Победило, как мы знаем, последнее.

Приводим здесь два документа, отражающие оба эти «течения»: одно—прокурора Шэ д'Эстанжа, другое—парижского префекта сенатора Пьетри.

Отметим здесь, что запросы, посланные Наполеоном и его министром юстиции, датированы первыми числами марта. На этот запрос прокурор отвечает уже 6 марта, т. е. за несколько дней до подачи просьбы женой Орсини.

9. Ответ прокурора Шэ д'Эстанжа министру юстиции

ИМПЕРСКИЙ СУД
В ПАРИЖЕ
4875 С. С. Z.

Париж, 6 марта 1858 г.

Господин хранитель печати!

Своей депешей от 2-го с. м. ваше превосходительство сделали мне честь, запросив мое мнение о том, должен

ли приговор, вынесенный судом 26 февраля с. г., быть приведен полностью в исполнение или, напротив, следует предложить его величеству смягчить некоторые пункты. Ваше превосходительство при этом препроводили мне прошение о помиловании, поданное осужденным де Рудио.

Факты, вызвавшие судебное преследование, а также приговор достаточно хорошо известны, для того чтобы излагать их здесь. Поэтому мне достаточно будет здесь высказать свои соображения о каждом подсудимом в отдельности, которые и привели меня к определенному суждению об этом деле.

Орсини, проведший всю свою жизнь в конспирациях и подготовках всякого рода покушений, несомненно является организатором заговора, предшествовавшего покушению 14 января с. г. Именно он приготовил все средства его выполнения. Он доставил из Брюсселя в Лондон модели бомб. Он, при помощи научных усовершенствований и в согласии с Бернаром, приспособил к действию эти страшные снаряды. Он сговорился с одним химиком о том, как добыть гремучую ртуть, которыми их должны были зарядить.

За месяц до этого он отправился в Париж, чтобы изучить на месте привычки императора, а также наиболее верные и разумные способы достигнуть его. Наконец, именно он 14 января с. г. отдал последние распоряжения своим сообщникам и указал каждому из них, какой пост он должен занять. Он, если позволено будет так выразиться, является душой заговора и, несомненно, более виновен, чем кто-либо другой.

К тому же, преступление, которое им было так всесторонне обдуманно, является самым крупным из всех, какие только человек может совершить, имея в виду как самую цель, которую он ставил перед собою, так и те средства, при помощи которых он стремился к ее осуществлению.

Целью его было убить императора и зажечь пожар во всей Европе! Кто же осмелится утверждать, что мы имеем здесь дело с преступлением, достойным по самому характеру своему особого снисхождения, и что убийство становится менее отвратительным, если оно направлено против императора? Это такие дикие

принципы, которых не следует поощрять даже в случае слабости. Напротив, исходя из основ любого уголовного права, нужно придерживаться того взгляда, что преступление должно быть наказуемо тем строже, чем больше опасность оно подвергает обществу. Необходимо придерживаться этого правила охраны общественного спокойствия, недавно подтвержденного законом 10 июня 1853 г., которым покушение на особу императора приравнивается целиком и полностью к отцеубийству. Таким образом, если судить о цели, которую наметил себе Орсини, было бы весьма печально допустить, что он достоин снисхождения.

Что же касается примененных им средств, они во всех отношениях лишь отягощают его вину. Стремясь поразить императора, он не задумался над тем, чтобы обрушить свое оружие смерти и горя на толпу. Таким образом, вместо того чтобы предаваться рассуждениям о том, какие дальнейшие последствия могло иметь его покушение, мы могли бы ограничиться подведением уже известных нам итогов: не следует забывать, что Орсини ранил 156 человек и убил восемь! Вопрос, таким образом, сводится к тому, чтобы определить, должны ли эти итоги вызвать к себе особую милость и заслуживают ли судьи порицания за излишнюю строгость, проявленную ими в отношении Орсини.

Ломимо этих часто юридических соображений, ваше превосходительство, надеюсь, позволит мне проанализировать, к каким политическим последствиям могло бы привести какое бы то ни было смягчение приговора?

Орсини хотел поразить императора. Но в силу особой высшей милости только император и императрица не были задеты покушением. Наибольшие жертвы понесло их окружение—армия, администрация, народ. Что скажет общественное мнение, если император при таких обстоятельствах пожелает воспользоваться своей верховной прерогативой? Что скажут армия, администрация, народ? Что скажут многочисленные раненные? Что скажут семьи, облаченные в траур?

Пьянори, напавший непосредственно на особу императора, но не проливший ни капли крови, справедливо заплатил своей головой за неудавшуюся попытку. Не-

ужели же Орсини, весь покрытый пролитой им кровью, должен, напротив, оказаться достойным помилования?

Каким образом столь жестоко пострадавшее население могло бы объяснить себе такое преимущество?

С другой стороны, так как Орсини был, как это сказано мной выше, душой и автором этого великого преступления, было бы невозможно, в случае смягчения его участи, отказать в том же людям, которые были только его сообщниками. Пьеры,— правда, независимо от своей воли, но хотя бы по воле провидения не принявший участия в покушении,—Рудио, вовлеченный в преступление своей нищетой, можно ли их наказать более сурово, чем того, который, навербовав их в качестве сообщников, довел до конца свой преступный замысел?

Я не колеблюсь заявить, что такое преимущество невозможно и что снисхождение к вождю обязательно должно распространиться и на его солдат. Какое же впечатление могло бы произвестись как в самой Франции, так и во всей Европе такое безграничное милосердие?

Пьеры—бандит и притом худшей марки. 22 лет он уже был осужден за кражу, и приговор отличает его склонность к грабежам. Он женится и затем, подвергнув жену скверному обращению, оставляет ее и своих детей. Имея возможность честно зарабатывать на жизнь своим трудом, он, напротив, становится героем беспорядков и восстаний. Он предводительствует на баррикадах во Франции, он командир итальянских повстанцев, он всюду становится носителем принципов насилия и низости. Даже его манера выражаться на суде свидетельствует о его наклонностях. Каждое его слово вызывает негодование и презрение по отношению к нему. Распространить на него милость, после того как он принял такое деятельное и непрекращающееся участие в подготовке великого преступления,—значило бы нанести оскорбление одновременно и делу правосудия, и общественному мнению.

Что касается де Рудио, то следует признать, что его положение не так неблагоприятно. Родившись в знатной и некогда известной семье, теперь впадшей в разорение, он провел свою жизнь крайне беспорядочно и кончил тем, что впал в ужасающую бедность. Именно в таком состоянии он столкнулся с Бернаром, Орсини и Пьеры.

Он не только принял сделанные ему вначале предложения, но, так как, по его мнению, дела шли слишком медленно, он сам сообщил в письменной форме, что готов на все. Таким образом, он вступил в заговор вполне сознательно и по доброй воле. Он сделал это, предварительно ознакомившись со всеми деталями дела и отдав себе полностью отчет в его важности. Нет сомнения, что преступления Орсини и Пьеры отодвигают виновность Рудио на второй план. Однако было бы опасным для общества проявить снисходительность к этим второстепенным, наемным участникам. Без них многие преступления не могли бы быть осуществлены. Нужно всячески воспрепятствовать их замыслам. И так как они действуют, не будучи ослеплены страстями, нужно от преступлений удерживать их страхом наказания.

Преступления такого рода могут искореняться только одним единственным родом наказания.

То наказание, которое, будучи применено к ним, оставляет им какую-то надежду, может в их глазах превратиться в триумф, неспособный приостановить их действий.

Я знаю, господин хранитель печати, что некоторым лицам Орсини внушил к себе жалость; я мог бы, пожалуй, сказать—некоторый интерес. Люди приходили в суд с той же целью, с какой ходят в театр: чтобы почерпать там сильные ощущения. В подобных случаях часто наступает момент, когда забывают о преступлении, об его ужасном характере, об его последствиях, о необходимости сурового наказания. Эти люди готовы были освободить самого Орсини от его же жеста, когда он на суде говорил о своей готовности пожертвовать жизнью. Но время и размышления очень быстро стирают такого рода впечатления. Без сомнения, Орсини—авантюрист, не лишенный мужества. В особенности он—актер, не лишенный искусства, но, как только проходит первый момент изумления, нетрудно разгадать, что в нем много ловкости и хитрости.

Он заинтересовывает в своей участи рассказом о своей жизни, но очень многие из описываемых им событий принадлежат к области вымысла.

Он говорит, что ненавидит ложь. Но на каждом шагу он пускается в рассказы, лживость которых он сам бывает принужден признать.

Ни за что в мире он не хотел бы отягчить участь своих сообщников. Однако, сколько раз он делал это своими намеками, а то и официальными заявлениями!

Он горд своим мужеством, но он благоразумно прячется за толпу (? *Ред.*), чтобы совершить самое отвратительное и подлое преступление.

Он заявляет, что всегда приносил свою жизнь в жертву и не хочет спасти ее просьбой о помиловании.

Пусть так! Но он пишет к императору под предлогом дачи ему советов и, для того чтобы сделать свое преступление менее отвратительным, изобретает нелепую басню о том, что он не бросал бомбы.

Жалость к герою преступления может родиться только на один момент, будучи вызвана изумлением. И вскоре, слава небу, общественное возмущение приходит на смену безрассудному движению.

Поэтому я думаю, господин хранитель печати, что следует предоставить правосудию свободное течение.

Примите, господин хранитель печати, выражение моего уважения.

Государственный советник,
имперский генеральный прокурор

Шэ д'Эстанж.

10. *Ответ префекта Пьетри министру юстиции на его запрос об Орсини*

КАБИНЕТ
ПРЕФЕКТА ПОЛИЦИИ.

Париж, 11 марта 1858 г.*

Господин хранитель печати!

Вы оказали мне честь своей депешей от 6-го с. м., в которой запрашиваете меня о результатах моих личных наблюдений за поведением осужденных Орсини, Пьери и Рудио, о состоянии общественного мнения в отношении их, об обстоятельствах, которые заставляют склоняться к тому, чтобы предоставить свободное течение законному

* Как раз в этот день Орсини якобы написал свое второе и последнее письмо Наполеону III (*см. ниже*).

правосудию, а также о таких, которые сделали бы полезным в данном случае милосердие императора.

Поведение осужденных прилично и не отличается ни бахвальством, ни проявлением слабости. Они не выражают сзлобления и понимают, насколько справедлив вынесенный приговор. Они сожалеют о своем преступлении, и даже Пьери с момента своего осуждения, кажется, начал лучше понимать последствия, вытекающие из создавшегося положения.

Орсини, повидимому, не собирается обращаться с просьбами о помиловании, но он не колеблясь оплакивает совершенное им преступление, и в письме, недавно написанном им, я нахожу следующий отрывок:

«Вы прочли в «Судебной газете» слова, произнесенные мною во время разбирательства дела. Я открыто осудил самую природу моих действий, заявив, что я не признаю убийства, возведенного в систему, и что итальянцы должны стремиться к освобождению не путем убийств, а путем добродетели. Этим самым я осуждаю тех, кто попытался бы подражать мне».

Что касается общественного мнения в отношении точного выполнения вынесенного судом приговора, то здесь наблюдаются поразительные разноречия. Никто не забыл того ужаса и возмущения, которое вспыхнуло при первом же известии о покушении. Они выразились тогда же в удивительном и трогательном проявлении общественного чувства. Это глубокое негодование, это справедливое отвращение не прошли до сих пор, и никто не думает умалять вину участников покушения 14 января. Но особенно во Франции самые живые впечатления изглаживаются быстро, и, по мере того как мы удаляемся от даты покушения, мы видим, как успокоение приходит на смену вполне законному чувству гнева.

В кругах буржуазии, где люди привыкли к более холодным рассуждениям, продолжают думать, что столь крупное преступление заслуживает страшного искипления, но среди рабочих, — и я имею в виду тех, которые любят императора, — склонны думать, что милосердие может быть допустимо, — мысль, которую, разумеется, отвергли бы в первые дни после покушения.

Наконец, трудно было бы отрицать, что манера, с которой защитник Орсини сумел подойти к своей роли

и провести самую защиту своего клиента, вызвала,— правильно или неправильно, это другой вопрос,— к последнему известный интерес, о котором можно сожалеть, но который тем не менее остается весьма реальным. Но так как Орсини является душой заговора, применение к нему милости неизбежно повлекло бы распространение ее на его сообщников, которых он, по собственному признанию, сам набербоval и вооружил.

Резюмирую: смерть трех выдающихся преступников, несомненно, явилась бы законным искуплением их преступления, но не следует все-таки строить себе иллюзий в отношении последствий, которые применение этого страшного наказания могло бы иметь с точки зрения безопасности императора и государства.

К несчастью, считается непреложно установленным, что никогда суровость наказаний не приостанавливала новых преступлений. Покушение Фиески было только прелюдией к серии других покушений, омрачивших правление Людовика-Филиппа. Покушение Пьянори, взорвавшего на эшафот в 1855 г., не приостановило ни безумной попытки Беллемаре, ни неудавшегося заговора Тибальди, ни ужасного покушения 14 января.

Примите и пр.
(Префект *Пьетри*).

В тот самый день, когда Пьетри писал этот отзыв, подсказанный устами опытного полицейского служка, в достаточной мере напуганного не только самим покушением 14 января, но и тем огромным сочувствием, которое вызвано было в среде парижского пролетариата актом Орсини и последовавшими за ними демонстрациями, когда Орсини якобы писал свое последнее письмо Наполеону, участь его была уже окончательно решена. Это видно из следующего архивного документа:

11. ИМПЕРСКИЙ СУД В ПАРИЖЕ.

Париж, 11 марта 1858 г.

№...

Господин хранитель печати!

Кассационные жалобы Орсини и других отклонены. Ни один мотив не был признан достойным внимания. Господин Дюшен сообщил, что он уже отправляет по-

становление суда и что оно приблизительно через час будет у вашего превосходительства.

Сообщая вам о сем, я прошу вас, господин хранитель печати, благоволить уведомить меня о том, должна ли казнь быть совершена завтра. Я уже сейчас приступил ко всем необходимым приготовлениям. Я уже распорядился по телеграфу о прибытии в Париж исполнителей казни (т. е. попросу палачей. *Ред.*) из Каены и Руана. Через час я смогу приступить к выполнению приказаний, которые ваше превосходительство найдете нужными мне дать.

Примите, господин хранитель печати,
и т. д.

Прокурор (подпись).

На документе имеется следующая резолюция:

«Отдайте распоряжение о том, чтобы подождали приказа, который будет дан завтра, не позднее 2 часов дня».

Из этой резолюции видно, что борьба за участь Орсини в высших сферах Парижа продолжалась до самого момента его смерти. Колебания закончились тем, что приговор в отношении Рудю был в последнюю минуту заменен пожизненным заключением, в отношении же Орсини и Пьера утверждён.

13 марта 1858 г. оба взошли на эшафот и были гильотинированы (подробно см. ст. «Покушение 14 января»).

12. Как покушение Орсини было встречено трудящимися Франции

Наряду с «верноподданническими» заявлениями высших чиновников и буржуазии, лицемерно негодовавших против покушения на жизнь Наполеона, презираемого на самом деле всеми классами общества, в парижских архивах можно найти немало количество документов, свидетельствующих о том, что покушение 14 января вызвало среди радикальных и пролетарских элементов французского народа бурю восторга и сочувствия.

Приводим ниже некоторые из этих документов:

13. Преследование за восхваление акта
14 января 1858 г.

Париж, 30 января 1858 г.

Господин хранитель печати!

Среди проявлений всеобщего возмущения, вызванного всюду известием о покушении 14 января, единственный факт оппозиции имел место в г. Френэз (Мантский округа), и я считаю долгом довести об этом факте до сведения вашего превосходительства.

Муниципальный совет этой коммуны, собравшись на совещание, вынес постановление, в котором без всяких обиняков заявляется, что нет никаких оснований восторговать адрес императору...

Господин префект, со своей стороны, распорядился немедленно распустить муниципалитет и назначить вместо него административную комиссию.

(Подпись).

14. Отрывок из другого сообщения

...22 февраля Дешэн (Бенуа) был приговорен к пяти годам тюремного заключения, десяти тысячам франков штрафа, пяти годам полицейского надзора и пяти годам лишения прав за публичное оскорбление, нанесенное им особе императора.

25 января 1858 г. он позволил себе заявить: «Если бы император был здесь, я всадил бы в него пулю из ружья, как это сделали с парижским архиепископом...»

15. Приказ об аресте Этьена Парше

Парше—земледелец, проживающий в Прежилльбере.

Он обвиняется жандармерией в произнесении 10 сентября с. г. речи, в которой он выражал сожаление по поводу неудачи покушения 14 января.. Этот же субъект произносил подобные речи и в январе 1858 года, сейчас же после покушения. Равным образом он скомпрометирован в декабрьском восстании 1851 года и известен крайними убеждениями...

23 января 1858 г.

Имперский генеральный прокурор сообщает:

19-го с. м. чернорабочий, именующий себя Стрипом, позволил себе совершить призыв к мятежу в следующей форме: Стрип кричал, что «богачи—каналыи», что он их... что он плюет на кюре, что, если бы произошла смена правительства, им задали бы по-свойски, что он хотел бы, чтобы гильотина вернулась и не оставалась бы больше без работы, что если бы не кончилось неудачей дело Наполеона I, то гильотина действовала бы и выпустила из них незрячее количество крови...

Привнесший эти слова был арестован.

(Генеральный имперский прокурор
барон *дэ* Жеран).

Здесь следует отметить, что приведенные сообщения—только ничтожная доля дел, возникших в связи с актом Орсини по обвинению в восхвалении покушения, «оскорблении» величества и т. п. Достаточно отметить, что только по округам Меца и Тулузы таких дел возбуждено 438.

17. Австро-французский полицейский альянс

17 января 1858 г. (т. е. через три дня после покушения) коммерческий (? *Ред.*) агент французского правительства в Милане Ш. Дефлэ пишет советнику миланской полиции следующее письмо:

Нижеподписавшийся имеет честь доложить вам, что в полученной им вчера вечером телеграмме ему предложено сообщить французскому правительству все сведения, которые могли бы облегчить ход следствия, о происхождении и других данных, касающихся Феличе Орсини родом из Мельдолы (Римское государство), арестованного за покушение на его императорское величество, короля французев.

Уже прошлой ночью и сегодня утром г. вице-директор полиции был так любезен, что с величайшей готовностью и трогательной преданностью сообщил ряд сведений, которые, будучи переданы по телеграфу в Па-

риж, несомненно принесут большую пользу следственным властям. Но так как при ведении столь важного дела необходимо добиться максимального освещения, нижеподписавшийся просит сообщить ему в письменной форме все касающееся подсудимого Орсини, чтобы он был в состоянии немедленно известить об этом свое правительство.

Нижеподписавшийся просит принять выражение его горячих чувств и т. д.

Милан, 17 января 1853 г.

В ответ на эту почтеннейшую просьбу через два дня австрийский министр иностранных дел уже делился со своими французскими коллегами нижеследующими данными, полученными им от своих подчиненных и касающимися жизни и деятельности Орсини в период между бегством его из Мантуйской крепости и покушением 14 января:

18. №№ 168 и 169

В. М.

Не приходится сомневаться в идентичности арестованного за покушение на императора французов виднейшего эмиссара Маццини с Феличе Орсини из Имола, который, начиная с самой ранней юности, принимал участие в итальянском революционном движении и в особенности играл крупную роль в событиях, имеющих место после революции 1848—49 гг., под именем Тито Чельси. В 1854 г. он, имея паспорт, выданный швейцарскими властями на имя Георга Гернага д'Энгста, с явно антигосударственными целями прибыл в Вену, а в начале января 1855 г. был арестован в Германштадте и передан для производства над ним следствия специальному трибуналу в Мантуе, но вследствие его побега 30 марта 1855 г. из тамошней тюрьмы оно не могло быть доведено до конца. Так как императорскому французскому правительству для установления личности Феличе Орсини желательно получить более подробную информацию о нем, я имею честь представить ряд дат о нем и об его деятельности, почерпнутых частью из официальных источников, частью из его собственных показаний.

Приложение к №№ 168 и 169

Сведения, касающиеся Феличе Орсини из графа Карло Рудио
(Прот. А. Деп. VI)

Стр. 75. В письме Кальви священнику Бароцци (датировано августом 1853 г.) в ответ на вопрос последнего имелась приписка о том, что он (Кальви) ждет Карло Рудио, который должен был отправиться в Лондон. В сентябре 1853 г. Рудио прибыл к Бароцци в Сарньяно, чтобы, по поручению Кальви, убедиться в том, что подготовка к восстанию сделана, после чего направился через Сгонцано в Швейцарию.

Стр. 82. Следствие относительно Кальви и его сообщников показало, что первый находился в прямой связи с Маццини и Кошутом, что «Центр действий» назначил его чрезвычайным комиссаром и что он был снабжен соответствующими инструкциями и мандатами Кошута для привлечения на сторону восстания солдат-венгров.

Стр. 94 и 96. По показанию дезертира Маттиаса Герчика, который в июне 1852 г. убежал в Швейцарию, а в апреле 1854 г. в качестве уполномоченного маццининской партии ездил из Женевы в Брешию и там был арестован,—некий, как он называет его, Тито Чельси, который как раз в конце марта приехал в Женеву из Лондона по поручению Маццини и передал ему необходимые для этого путешествия бумаги и деньги.

Стр. 117. (Сокращенно.) Директор миланской полиции доносит, что все прежние покушения на жизнь Наполеона были организованы «мацциниевской» партией и руководящим революционным комитетом Пьемонта. Посредником по передаче директив Маццини был доктор Пьюльти ди Бианко в Турине. Он передавал их главе революционного комитета, которым в то время был де-Джорджи (по профессии нотный наборщик). Этот комитет обязался предоставить руководителям пьемонтского комитета трех человек, снабдив их нужными для совершения покушения деньгами и паспортами. Кандидатами для совершения убийства Наполеона—гласит полицейский донос—были: токарь по дереву Черри, винокур Луиджи Прела, сардинец Джузеппе Вальдани (умерший во время следствия), Джероламо Брави из Милана и др.

Стр. 179. (Сокращенно.) Осенью 1854 г. Феличе Орсини (он же Тито Чельси) доставил миланскому комитету инструкции от Маццини, в которых предлагалось образовать общество убийц (под названием «Союз смерти»), которое должно было начать восстание с убийства штаб-офицеров гарнизона и высших чиновников. На собраниях союза, по сведениям доносителей, выдвигались, уже после отъезда Орсини, планы убийства не только французского, но и австрийского (подчеркнуто нами) императора, но чаще все же говорилось об убийстве Наполеона. Больше всего об этом говорилось с упомянутым выше доктором Пьольти, но при этом было известно, что осуществление самого убийства взял на себя Маццини. Тем не менее многие члены этого союза занялись вербовкой исполнителей названного убийства. Согласились на это предприятия только Черри и Вальдани. Доктор Пьольти взял на себя обязательство снабдить их всем необходимым в Турине, а также доставить им третьего сообщника. Под предлогом торговых дел Пьольти вызвал своих кандидатов письменно в Турин, и Вальдани занялся уже добыванием нужных для этого дела паспортов, когда 13 января 1855 г. были арестованы все главаря революционного комитета.

Стр. 181. (Сокращенно.) Сообщается, что в числе лиц, вызвавшихся ехать в Париж для совершения покушения, были Аппиани-Галлина и Локателли.

Стр. 182. (Сокращенно.) Сообщается, что комитет, или «Союз смерти», находился под непосредственным влиянием Маццини, который требовал от него предоставления в его распоряжение двух человек, способных «по первому кивку» отправиться в Париж, во главе с третьим лицом, которое будет дано им, Маццини. Третье лицо он рассчитывал найти в Генуе.

Тут же сообщается показание арестованного Редэли (Карло) о том, что один из главарей заговора в Милане неоднократно доказывал ему необходимость убить Наполеона и указывал пригодных для этой цели людей. Черри показывает, что Бедескини не раз предлагал ему поехать в Париж вместе с Барви и Вальдани, чтобы там вступить в сношения с Кувеньяком (? Ред.), Ледрю Роллэнгом и другими революционными лидерами (стр. 365, прот. 1) и убить императора. С этой целью его несколько раз

снабжали информацией, на путешествие дали сначала двадцать франков, а затем в день ареста он получил еще двенадцать цванцигеров.

Стр. 195. По показанию де Джорджи видно, что в сентябре и октября 1854 г. жена Пиструцци сообщила ему о посылке агента Чельси, которого Маццини и Пьольти послали только для того, чтобы придать больше веса их планам. Дальше говорится о переговорах, которые вел Чельси (Орсини) по этому поводу.

19. Краткая биография Орсини, составленная полицейскими «историками»

(Отрывок из доклада начальника австрийской полиции в Милане, присланного в ответ на запрос, сделанный из Вены немедленно после покушения 14 янв. 1858 г.).

Феличе Орсини—сын Андрео и покойной Франчески Риччи. Он родился в Мельволе, в провинции Форли, Папской области. От роду ему 37 лет, он—католик, женат на Ассунте Лауреджи, отец двух детей, доктор прав.

...Орсини был арестован в Сен-Морисе, под чужим именем—Тито Чельси. Ему удалось совершить смелый побег через окно. Это событие имело место в последних числах августа 1854 года.

...На многократных совещаниях с главарями миланского комитета, организованных Орсини, было решено создать Союз убийц, который должен был носить имя «Легиона смерти». Все держались того убеждения, что революционное движение в Ломбардии должно было последовать за подобными же движениями в других итальянских государствах и что первыми должны были скатиться коронованные головы.

Это мнение ясно выражено в инструкциях, посланных главе комитета, Паоло ди Джорджи, написанных собственноручно Орсини. Эти инструкции впоследствии попали в руки полиции и затем были переданы судебным властям.

Инструкции Орсини принесли свои плоды: после его отъезда комитет вступил в сношения с Маццини и затем занялся следующим предложением Маццини: найти трех агентов, которые должны были обязаться

уехать за границу и там совершить покушение на жизнь его величества императора Людовика-Наполеона.

Уже тогда французское императорское правительство было поставлено в известность об этих безумных проектах покушений и об аресте упомянутых субъектов (Вальдани, Черри, Брави).

Вспомнив свою миссию в Милане, Орсини уехал в Вену и, —не надо забывать этого,—все с тем же паспортом на имя Гернага. Его пребывание в Австрии длилось шесть недель. Он безуспешно пытался вступить в русскую или австрийскую армию. Он уехал затем из Вены в Валахию с целью поступить в армию Омер-паши*. Однако он был арестован в Семигорье. Его доставили в Мантую, чтобы передать в распоряжение специального трибунала, в то время находившегося там. Его привлекли к следствию по обвинению в государственной измене. Тому же обвинению и следствию были подвергнуты еще несколько главарей и членов упомянутого комитета ди Джорджи.

Следствие уже подходило к концу, когда 30 марта 1856 г. Орсини бежал с неслышанной отвагой из крепости и отправился в Швецию. Он оставался там несколько недель, находясь в весьма интимных отношениях с Эммой Гервег (см. комментарий), женой известного писателя Гервега, жившего в Цюрихе. Несколько позже следы Орсини опять находят в Лондоне.

...В общем протокол официальных дебатов констатирует, что Орсини заявил, что революция во Франции необходимо должна предшествовать революции в Италии, причем он исходил из того, что каждый итальянец должен испытывать чувство ненависти в отношении его величества императора французов.

Вот все, что я могу сообщить вашему превосходительству в отношении названного субъекта.

Могу еще прибавить, что Орсини несколько раз бежал из тюрьмы, и потому его следует подвергнуть особенно тщательному надзору.

18 января 1858 г.
(Венский государственный архив, № 957 (В. М. 1858).

* Омер-паша—главнокомандующий турецкими войсками в 1853—1855 гг. *Прим. ред.*

20. Одураченные тюремщики о побеге и окружении Орсини

Мы имеем возможность привести ниже извлечения, сделанные из полицейского донесения о побеге Орсини, ныне хранящегося в архивах высшей венской полиции. Донесение получено из «Центральной Швейцарии», сделано, повидимому, одним из провокаторов, вращавшихся в кругах революционной итальянской эмиграции в Швейцарии, и датировано маем 1856 года.

Это было вскоре после нашумевшего побега Орсини из Мантуйского замка, и одураченные тюремщики, в первую очередь, поручили своему «осведомителю» собрать среди эмигрантских кругов сведения о том, какая версия побега Орсини считается более правдоподобной. Разумеется, враги Орсини были заинтересованы в том, чтобы уменьшить героический характер его побега, и распространяли слухи о том, что Орсини бежал не через распиленную решетку, а вышел через ворота тюрьмы, благодаря состоявшемуся сговору между тюремной стражей и друзьями Орсини. Полицейский чин, получивший доклад от провокатора, сообщает, с его слов, что Орсини и его друзья смеются над этой версией, но тем не менее провокатор склоняется именно к ней.

«Осведомитель, —докладывает чин, пересказывая своими словами его донос,—тоже склоняется к предположению, что побег был произведен через ворота, что побег через решетку инсценирован только из тех соображений, чтобы не скомпрометировать его соучастников. С этой же целью и произведена была распилка решетки.

«Осведомитель придерживается того мнения, что один из многочисленных друзей, приехавших в Мантую только для того, чтобы организовать освобождение Феличе Орсини, сумел найти нужные связи со стражей и что путем соответствующего соглашения он, пользуясь спущенной из окна Орсини ниткой, передал Орсини тончайшие английские пилки и клещи [очевидно, для перекусывания брусьев решетки. *Прим. ред.*].

«Этим же путем он сумел договориться о других подробностях побега. Нужно полагать, что приготовления

эти велись задолго. Во всяком случае установлено, что один из этих друзей поджидал его в ночь побега и увез его через швейцарскую границу.

«Осведомитель не смог узнать фамилии этих друзей, но слышал с достоверностью, что они—римляне. Орсини и его друзья намеревались еще перерезать телеграфную проволоку, но у них для этого не оказалось достаточно времени. Утверждают также, что в течение нескольких вечеров перед побегом вблизи тюрьмы можно было видеть карету, которая после побега там уже больше не находилась. Это кажется маловероятным; гораздо более вероятно, что бегство было совершено через Бергамские горы, граничащие с Швейцарией, где от экипажа было бы мало пользы. В защиту этого предположения говорит тот факт, что сообщники Орсини снабдили его швейцарским паспортом на имя Аурелио Маркезини, причем место для отметки перехода границы в этом паспорте осталось чистым до сих пор».

[Далее осведомитель сообщает, что при побеге Орсини повредил руку и ногу,—не станем приводить этого места: оно известно из «Воспоминаний».]

Полицейский чин продолжает:

«В дополнение к этим сообщениям осведомитель прибавляет, что нижеследующие политические эмигранты, проживающие в Цюрихе и его окрестностях, пользуются огромнейшим влиянием на политических собраниях, на которых они обсуждают свои планы:

Де Бони Филиппо—один из известнейших сторонников Маццини, председательствует на всех эмигрантских собраниях, на которых речь идет о революционных планах или оглашаются новости, имеющие отношение к этим планам,

*Беррери Зигмунд** и *Калиери* Дженнаро из Неаполя; первый из них эмигрировал еще в 1820 году.

Кампези Генрих*, известен под именем *Чельси* (? Ред.), и *Оппарти* Леоне, оба—римляне.

* Мы оставляем на совести провокатора-осведомителя эти немецкие имена, которыми он награждал эмигрантов-итальянцев. *Прим. ред.*

Пассарини (Апостат) из Брешии, богатый человек, и *Коломби*—из Милана. Находящийся ныне в бегах *Орсини*—самый влиятельный из всех эмигрантов и самый доверенный друг де Бони.

Герни (неразборчиво; может быть, *Черни*) Микеле из Модены.

Стуари Мелькиоре из Феррары.

Мерлини Карло из Эмполи.

Терралиа Джошуа—неизвестного происхождения, раньше жил в Люцерне.

Кампари Гульельмо, не эмигрант, родом из Локкарно, один из наиболее доверенных эмиссаров Маццини, поддерживающий связь между ним и эмигрантами.

Братья *Дучи* из Милана, они принадлежат к умеренному течению и хотят вернуться на родину.

Жюль Бреэ и *Шарль Делеван*—оба из числа недавно прибывших французов, только с недавнего времени находятся в Цюрихе, члены тайного общества «Марианна», первый, кажется, из Парижа, другой, по всей видимости, из Лиона.

О местопребывании Орсини я могу сообщить, что он находится на должности школьного учителя близ Цюриха (в Зонненбюле). Зонненбюль—маленький округ в шести милях от Люцерна и принадлежит к его кантону. Там имеются школы особого рода. Кантональная цюрихская школа находится в самом Цюрихе. Орсини к школе не имеет никакого отношения. Он только ради времяпровождения часто провожает туда де Бони, который преподает там нескольким учащимся итальянский язык. И в Цюрихе у Орсини нет постоянного местопребывания, обычно он живет в Альбисбрунне, в большом курорте вблизи Цюриха, где находятся еще некоторые эмигранты, встречающиеся постоянно друг с другом. Я слышал, что Орсини получает много денег и писем из разных стран; в письмах его поздравляют с успешным побегом. Он теперь оракул эмиграции и чудо мира. (Проза шпики нами сохраняется во всей ее неприкосновенности. *Прим. ред.*) Замечательно, что во всех этих письмах указываются постоянно другие адреса, так что бывает затруднительно исследовать нити переписки.

Орсини усиленно занимается перепиской с друзьями, находящимися за пределами Швейцарии, но их адреса постоянно меняются.

Между Орсини и де Бони существует величайшая симпатия. Они «делают счастливыми» (непереводимое выражение. *Прим. ред.*) итальянских либералов, печатая в газетах необоснованные и пропитанные демагогией отчеты о процессе Орсини, снабжая их всеми подробностями и приемами политических процессов и судопроизводства в Австрии.

Два письма Феличе Орсини Наполеону III

Если верить официальным источникам, в этом случае вызывающим сугубое сомнение*, уже после своего ареста Феличе Орсини обратился к Наполеону с двумя письмами, причем первое из них было написано до суда над ним, второе—после приговора.

Первое письмо было доставлено императору через министра юстиции в сопровождении следующего официального документа:

21. КАБИНЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА

Париж, 11 февраля 1858.

Господин хранитель печати!

Имею честь препроводить вашему превосходительству в этом пакете одно письмо, адресованное его величеству обвиняемым Орсини.

Примите и пр.
(Подпись.)

Письмо Орсини гласит:

22. Его императорскому величеству, императору французов

Показаний, которые мною сделаны против меня самого в том политическом процессе, который вызван был покушением 14 января, достаточно для того, что-

* См. статью «Покушение 14 января 1858 г. и смерть Орсини». *Прим. ред.*

бы послать меня на эшафот. Я приму смерть, не прося помилования, с одной стороны, потому, что я никогда не унижусь перед тем, кто убил нарождавшуюся свободу моей несчастной родины, а с другой—потому, что в том положении, в котором я нахожусь, смерть будет для меня благодеянием.

Перед закатом моего существования я все же хочу еще раз попытаться притти на помощь Италии, идея независимости которой до сих пор всегда побуждала меня презирать все опасности и идти на всякие жертвы. Она была всегда предметом моих стремлений, и именно ради нее я хочу обратиться с этими последними моими словами к вашему величеству.

Италия требует, чтобы Франция не выступала против нее, она требует, чтобы Франция не позволяла Германии поддерживать Австрию в борьбе, которая скоро, может быть, завяжется. Вот это и могли бы сделать ваше величество, если бы этого захотели. Таким образом, от вашей воли зависит благополучие или несчастье моего отечества, жизнь или смерть нации, которой Европа в большой мере обязана своей цивилизацией.

Такова просьба, которую я из моей темницы осмеливаюсь адресовать вашему величеству, все же питаю надежду, что мой слабый голос будет услышан. Я заклинаю ваше величество вернуть Италии независимость, которую ее сыны утратили в 1849 году по вине французов.

Пусть припомнит ваше величество, что итальянцы, в числе которых был и мой отец, с радостью пролили свою кровь за Наполеона Великого; они делали это всюду, куда бы он их ни повел. Пусть вспомнит ваше величество, что они были ему верны вплоть до самого его падения. Пусть ваше величество подумает о том, что до тех пор, пока Италия не будет свободной, спокойствие Европы и вашего величества будут весьма призрачными. Пусть ваше величество не отвергнет последней воли патриота, уже стоящего на ступеньках эшафота, пусть освободит мою родину, и благословения 25 миллионов граждан будут следовать за ним и за его потомством.

Подписано: *Феличе Орсини.*

Это письмо, с разрешения Наполеона III, было оглашено защитником Орсини, Жюлем Фавром, на процессе (см. статью «Покушение 14 января 1858 г.»).

Второе письмо было якобы написано Орсини перед самой казнью:

23. *Его величеству Наполеону III, императору французов*

Ваше величество!

То, что ваше величество разрешили опубликовать мое письмо от 11 февраля, показывает весьма ясно, не говоря уже о вашем великодушии, насколько добрые пожелания, высказанные в пользу моей родины, находят отклик в вашем сердце; для меня, умирающего, является немалым утешением—видеть, как ваше величество проникнуты истинно итальянскими чувствами.

Через несколько часов я уже не буду существовать раньше чем испустить последний вздох, я хочу, чтобы знали, — и я заявляю об этом с прямою и мужеством, которых до сих пор за мной никто не отрицал, — что убийство, под каким бы предлогом оно ни совершалось, не принадлежит к числу моих принципов, хотя, под влиянием рокового заблуждения, я пошел на организацию покушения от 14 января. Нет, политическое убийство никогда не было моей системой, и я боролся, даже с риском для моей жизни, против него, как письменно, так и устно—в то время, когда правительственная миссия (По всей вероятности, намек на тот период, когда Орсини был эмиссаром римского триумvirата. *Прим. ред.*) мне позволила это делать.

Пусть мои соотечественники, вместо того чтобы рассчитывать на этот принцип, напротив отбросят его далеко от себя. Пусть они узнают из уст патриота, уже приговорившегося к смерти, что освобождение должно быть добыто путем самоотречения, путем длительного объединения усилий и жертв, так же как практикой постоянной гражданской добродетели: все это — качества, которые уже зреют среди наиболее молодых и деятельных моих соотечественников, — качества, которые только и смогут сделать Италию свободной и достойной той славы, которую она унаследует от своих предков.

Я умираю, и я хочу сделать это с достоинством и спокойствием, но я не хочу, вместе с тем, чтобы пятно какой-либо низости очернило память обо мне.

Что касается жертв 14 января, я им презпоношу мою кровь, как возмездие, и прошу итальянцев в тот день, когда они станут свободными, вознаградить всех тех, кто пострадал от моей ошибки.

Да позволит мне ваше величество в заключение просить о помиловании—не меня, конечно, а двух моих соотечественников, осужденных со мною.

С глубочайшим уважением и пр.

Феличе Орсини.

Турьма Ля-Рокетт, 11 марта 1858 г.

24. *Завещание Орсини**

(Составлено в тюрьме Ля-Рокетт)

Париж, 10 марта 1858 г.

Накануне моей кончины я записываю собственноручно следующие распоряжения. Я хочу чтобы они были выполнены в точности и возытели силу как акты моей свободной и независимой воли.

1. Я хочу, чтобы г. Энрико Чернуски (из Милана), проживающий в Париже, получил (1) деньги, взятые при моем аресте, и чтобы деньги эти были переданы (2) г. генеральному прокурору Сены для покрытия той доли судебных издержек, которая падает на меня.

* Настоящий документ приводится нами из книги *F. Venosta, Felice Orsini, notizie storiche, Milano 1862*. Автор книги в предисловии объясняет ее назначение. Хотя «Воспоминания» Орсини к тому времени уже были изданы, однако он находит, что и по цене и по изложению они недоступны широкому народному массам, «а между тем именно народ должен знать людей, которые действовали и страдали, борясь за освобождение итальянского народа, чтобы другие научились подражать образцам энергии и любви к отечеству». Огромная популярность Орсини в Италии может быть доказана тем, что в течение четырех лет после его казни разошлось четыре издания книги Веноста, представляющей общедоступное изложение мемуаров Орсини.

2. Хочу, чтобы оставшейся (за вычетом упомянутых издержек) суммой он распорядился следующим образом:

а) Пусть купит золотые часы с золотой цепью и передаст от меня на память г. адвокату Жюлю Фавру, который меня защищал. Эти вещи должны быть куплены не менее чем за 800 (восемьсот) франков. Пусть распорядится, чтобы на часах было выравнено: «Феличе Орсини г. Жюлю Фавру на память».

б) Хочу, чтобы труп мой был положен в ящик из обыкновенного дерева и отправлен в Лондон (Англия), потому что я хочу быть похороненным на том же кладбище, где находятся останки итальянского патриота Уго Фосколо, и быть помещенным недалеко от него. Г-н Чернуски оплатит все необходимые расходы из упомянутой суммы.

в) Я хочу, чтобы деньги, которые останутся после всех этих расходов, были посланы моему дяде, Орсо Орсини, или моему брату, Леониду Орсини (оба проживают в Имоле, Римское государство, Италия). Эти лица должны будут распорядиться означенными деньгами только в пользу моих девочек, Эрнестины и Иды Орсини, живущих в Ницце, Сардинское государство, Италия.

3. Разрешаю И. Д. П. Ходжу, из Глэстонбюри (близ Bath, Sommersetshire, Англия) взять к себе мою старшую дочь Эрнестину, родившуюся в Ницце, Сардинское государство, Италия, 9/IV 1852 г. и проживающую в том же городе.

4. Разрешаю г. Петеру Стюарту (Ливерпуль, Англия) взять к себе мою вторую дочь Иду, родившуюся в Ницце 12/III 1853 г. и живущую со старшей дочерью в том же городе.

5. Всем сердцем своим поручаю моим близким друзьям, Ходжу из Глэстонбюри и Петеру Стюарту из Ливерпуля, моих названных выше дочерей с тем, чтобы воспитание, которое они получат, в действительности соответствовало началам чести, истинной добродетели, мудрости и любви к отечеству.

6. Хочу, чтобы все мои носильные вещи, находящиеся у г. де Лассаль, директора тюрьмы Рокетт, были пересланы мисс Элизе Ченэй, проживающей в Лондоне

[следует подробный адрес]. Мисс Элиза распорядится ими по своей личной воле, так же как и другими предметами, оставленными у нее до моего ареста и во время моего заключения. Все, что я сделал для нее,—лишь бледный и скромный знак моей благодарности за ее величайшую доброту и верность, которые она проявляла в отношении меня при любых обстоятельствах. Рекомендую моим английским друзьям эту честную и добродетельную девушку.

7. Наконец, я хочу, чтобы г. Энрико Чернуски был назначен исполнителем указанных распоряжений в Париже. Что касается поручений, которые должны быть выполнены в Англии, я хочу, чтобы он мог рассчитывать на сотрудничество г. Винченцо Кальдези из Фанцы (Римское государство, Италия), живущего в Лондоне.

(1) При содействии г. де Лассаль, директора Рокетт, если его должность ему это позволяет. (2) Вместе с другими вещами. Все написано моей собственной рукой.

Феличе Орсини.

Оба прибавления одобряю.

Феличе Орсини.

Примечания к завещанию Орсини

Из упоминаемых в тексте завещания лиц необходимо остановиться на следующих:

Фосколо Уго (настоящее имя — Никколо) родился в 1776 г. на венецианском корабле, умер в 1827 г. в окрестностях Лондона. Учился в Падуанском университете. Восемнадцати лет вступил с трагедией, написанной вразрез со старыми литературными традициями. Его первое крупное произведение — знаменитые «Письма Джакомо Ортиса». Фосколо жил в конце XVIII века, столь богатого крупнейшими событиями для судеб Италии. Кроме того, будучи офицером милиции, он имел возможность наблюдать их ближе, чем другие. Бурные переживания, вызванные этими событиями, и изложены им в «Письмах Ортиса». Его другое произведение, имевшее огромный успех, — «Гробницы» (1807). Фосколо — автор произведения на военную тему: «Операции Монтеккуоли», доставившего ему имя крупного ученого. Заняв кафедру красноречия в Павии, он прочел здесь знаменитый курс «О назначении и проис-

хождении литературы». Наделала в свое время много шума его трагедия «Аяччио», вызвавшая ожесточенные преследования цензуры за антинаполеоновские тенденции. Foscolo отомстил цензуре блестящей сатирой. Задыхаясь в тогдашней политической атмосфере Италии, эмигрировал в Лондон. Здесь трудно перечислить все его прославленные работы о Петрарке, Данте, Бокаччо, Гомере и др. Тело умершего в изгнании эмигранта-патриота было в 1871 г. перевезено во Флоренцию и погребено в Санта-Кроче.

Чернуски Энрико (1821—1896) — политический деятель и экономист, родился в Милане, умер в Ментоне. Вместе с Каттанео принимал деятельное участие в ряде революционных восстаний, затем — член временного ломбардского правительства. Был предан военному суду, бежал, эмигрировал во Францию. Во Франции приобрел огромное состояние как промышленник и директор Парижского банка. Был сторонником биметаллизма, написал: «Механика обмена», «Против банкового билета», «Миссия кооперативных обществ», «Золото и серебро», «Великие металлургические державы». В 1871 г. отправился в Японию. Здесь собрал огромные коллекции произведений японского и китайского искусства. Все это, а также свой дворец в Париже, подарил городу Парижу, где в 1898 г. был открыт музей его имени.

25. После казни Орсини

(Свидетельство современницы)

Мы извлекаем этот интереснейший документ из переписки известной писательницы, современницы покушения 1858 г., Даниель Стерн, к Эмме Гервег (см. комментарии.) Первое письмо Стерн датировано мартом 1858 г. и было написано непосредственно после казни Орсини. (Вся переписка опубликована сыном Эммы Гервег, Марселем Гервег, в 1929 г.)

Париж, понедельник (март 1858).

...Казнь Орсини поразила многих. Здесь распространялись слухи об его помиловании. 10 000 солдат

охраняли подступы к тюрьме и отгоняли толпу. Он умер с удивительным благородством и простотой. Своим поведением он успел привлечь к себе сердца многих из присутствовавших на процессе. Бонапартисты опасаются, что появится много мстителей за него...

Париж, апрель 1858 г.

...Вам следовало бы написать биографию того, кто сумел умереть с таким героизмом и без всякой позы, или, по крайней мере, рассказать нам об его жизни, к которой вы стояли так близко. Все жадно хотят знать обо всем, что его касается. Недаром австрийское правительство закрывает глаза на многочисленные демонстрации, вызванные культом Орсини в Италии. Здесь ожидается получение медалей, выбитых в честь его и его защитника (Фавра) в Турине. Наконец, мне не приходилось никогда наблюдать такого всеобщего (словно поговору) восхищения человеком, акт которого не может быть оправдан ни христианской, ни общечеловеческой моралью. И даже больше того: этот акт не увенчался успехом, который часто многое оправдывает. Все уверены, что его защитник будет избран огромным большинством на предстоящих законодательных выборах...

Жена и дети (Орсини) прибыли сюда во время, но их обманули. Им дали понять, что, если они не будут поднимать шума (подчеркнуто в оригинале), можно будет рассчитывать на помилование. На самом деле им дали знать о казни только спустя несколько часов после ее совершения. *Весьма значительная* (подчеркнуто в оригинале) общественная подписка дает им не только возможность вернуться в Италию, но и обеспечивает будущность детей. Марио (де Кандиа), певец, сразу дал 1000 франков, — вы можете судить об остальных. Я вам уже писала, что 10 000 солдат мешали народу приблизиться к тюрьме, но многим удалось взобраться на деревья, и, как только казнь совершилась, они дали знак об этом толпе, и народ, переполнявший все соседние улицы, обнажил головы в благоговейном молчании. Мне передавали, хотя потом и отрицали, что австрийскому послу было отведено особое место, у самого подножья эшафота...

Имя Орсини—даже после его казни—еще долго держало в страхе французские власти во главе с Наполеоном. Их особенно беспокоил брат казненного Феличе Орсини—Чезаре. Это—тот самый Чезаре Орсини, которого Карл Маркс в рекомендательном письме к Энгельсу называет «братом бессмертного мученика».

24. Впервые имя Чезаре Орсини упоминается в полицейских анналах в Париже в 1858 г., полгода спустя после казни его брата:

«Сообщают,—так значитя в рапорте полицейского комиссариата г. Парижа,—что брат Орсини на-днях уехал из Э. в Париж, где он остановился на улице Ришелье, в доме № 22. Он переоделся в платье священника и сдал свой багаж на чужое имя».

25. Второй рапорт относится к 1867 г. Девять лет спустя парижские власти продолжали трепетать перед именем «бессмертного мученика»—по выражению К. Маркса:

26. Национальный архив В В¹⁸ 16666—7712

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦИИ И КУЛЬТОВ.

Департамент
уголовных дел.
[Следуют № и пр.]

Генеральный прокурор г. Шамбери сообщает об аресте на французской территории и осуждении к шести суткам тюремного заключения Чезаре Орсини, младшего, брата убийцы Орсини, за нарушение состоявшегося в 1863 г. постановления об его изгнании.

Административные власти о сем уведомлены. Полагаю, что эту информацию следует принять во внимание.

Из приложенного к рапорту другого сообщения видно, что французская полиция истолковывала приезд Чезаре Орсини, как намерение повторить покушение на особу императора.